

РЫЦАРЬ СНОВ
АНДРЕА НОРТОН

НОРТОН

АНДРЕА

РЫЦАРЬ
СНОВ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Рыцарь снов
Мохнатая магия

романы

Издательство
«Сигма-Пресс»
г. Москва

1995г.

ББК 84.7 США
Н49

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.

Перепечатка отдельных романов и всего издания
в целом без разрешения запрещена.

Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.

Нортон Андре

Н49 Рыцарь снов. Романы/Пер. с англ.— М.: Изд-во
«Сигма-пресс», 1995.—384 с. Вып. 26.

Может ли разум во сне перенестись в другое тело,
в иной мир? В романе «Рыцарь снов» молодой
американец во сне невольно переносится в тело
принца полуфеодалного мира, где идет жестокая
династическая борьба. Во втором романе данного
тома мальчик во сне переживает ряд приключений в
теле разумного бобра, живущего среди разумных же
животных в далеком прошлом нашей планеты.

Н $\frac{4701000000}{\text{ОД4(03)} - 95}$ Без объявления

ISBN 5 — 85949 — 037 — 6

KNAVE OF DREAMS

© 1975 by Andre Norton

FUR MAGIC

© 1965 by Andre Norton

© Издательство «Сигма-пресс», 1995 г.

© Пер. с англ. «Рыцарь снов» Д. Арсеньева, 1994 г.

© Пер. с англ. «Мохнатая магия» Д. Арсеньева, 1994 г.

РЫЦАРЬ СНОВ

Глава 1

Комната была так велика, что в углах её собирались тени; освещение исходило из единственного шара, установленного посреди длинного стола. Поэтому закутанную в плащ женщину, сидевшую на троне под балдахином во главе стола, разглядеть можно было с трудом. Хотя в комнате было тепло, женщина ещё плотнее запахнулась в меховой плащ, словно ей стало холодно.

Зато четверо мужчин в возрасте от юношеского до средних лет, сидевших в гораздо менее внушительных креслах, было хорошо видно. Все молчали, словно каждый не хотел — или боялся — поделиться мыслями с остальными.

Справа от женщины чёрно-белое одеяние Верховного Шамана указывало на присутствие с этом обществе Осите-са, представителя Незримой (хотя и весьма ощутимой) Силы. За ним расположился личный советник Урсвик, он был чуть помоложе шамана. Эти двое олицетворяли зрелость и консервативную осторожность, уравнивавшая молодость и нетерпеливость тех, кто сидел напротив них.

Одежда принца Бертала поблескивала, когда он нетерпеливо ёрзал на месте; на его груди сверкали драгоценностями геральдические символы. Его сосед носил менее внушительный костюм, украшенный только гербом двора. Но на лице у него застыло высокомерное выражение, свидетельствующее, что это не простой слуга, но один из тех, кто присутствует здесь как равный. Это был сам Мелколф, искатель новых путей мысли, экспериментатор, недавно обнаруживший силы, которые заставляют с ним считаться.

Все слегка повернулись в сторону трона с балдахином, словно ожидая слов сидевшей на нём. Возможно, это подействовало на женщину, потому что она чуть наклонилась и посмотрела на собравшихся.

Теперь свет упал на лицо правительницы. Она была

стара, смуглая кожа плотно обтягивала скулы и нос. Но властные глаза беспрестанно напоминали присутствующим, что её воля превыше всего, хотят они этого или нет.

— Ты уверен? — императрица обратилась непосредственно к Мелколфу.

— Доказательство было предъявлено, ваше царственное великолепие, — ответил тот с полной уверенностью.

Бертал снова поёрзал в кресле. Рука Оситеса, морщинистая, с ясно выделяющимися венами, лежала на столе; он начал постукивать пальцем, при этом свет лампы заиграл в красных и зелёных камнях перстня. Шаман словно отмерял количество произнесённых слов или прошедшее время.

Урвик, обычно придерживающийся консервативного курса, на этот раз поддержал утверждение Мелколфа, хотя слова его прозвучали так, словно он делал это не вполне добровольно.

— Прошло уже три обмена, ваше царственное великолепие. Все три успешные.

Снова наступило молчание. Его нарушил Оситес:

— Это неправильное, зловещее дело...

Глаза императрицы устремились к нему.

— Зло бывает малое и большое. Ты сам, преподобный, провозгласил пророчество, что произойдёт с этой землёй, если дела пойдут обычным путём. Мой сын лежит на смертном одре. Он ещё дышит, и только пока он дышит, у нас остаётся время, чтобы постараться предотвратить или изменить тьму, которую влекут на нас Очалл и его раб Каскар.

Ты же не осмелишься отрицать, что задуманное ими зло, — продолжала она, — чрезвычайное, огромное зло, способное поглотить всё, чего добились мой супруг Хунольд и мой сын Пиран? Иногда у нас не бывает выбора между добром и злом, а только между малым злом и большим. Именно таков наш выбор в этот час.

Оситес отвёл глаза от её яростного взгляда. Палец его двинулся по столу, чертя знаки, которые никто, кроме него самого, не мог понять.

— Твои слова справедливы, царственное великолепие. Но зло всегда остаётся злом, — Оситес, шаман, умолк, словно отстранился от того, что им предстояло решить.

— Ты уверен, что нашёл нужного человека? — на этот раз заговорил Урсвик, обращаясь к Мелколфу.

Мелколф пожал плечами.

— Спроси его преподобие шамана. Это его знание обыскивало миры ради нас.

— Да, — шаман не поднимал взгляда от своего движущегося пальца. — Найден полный двойник Каскара. Сон совершенно ясен, всё записано.

— Видите? — спросил Мелколф. — Всё готово. Нужно только действовать. И согласно последним докладам, действовать быстро. Его верховное могущество быстро теряет силы. А в его комнате постоянно находится человек Очалла. Как только принц перестанет дышать, Каскар будет объявлен правителем. И неужели вы думаете, что после этого хоть один из нас сможет почувствовать себя в безопасности даже на час?

Бертал провёл языком по губам. Неуверенно взглянул на императрицу Квендриду, сидевшую в пещере своего трона. Пальцы его сомкнулись на рукояти церемониального меча.

— Несмотря на всю свою дерзость, — возразила старая императрица, — Очалл открыто не выступит против меня. Но есть и тайные пути, да. Я не сомневаюсь, что он намерен со своей обычной эффективностью устранить всех противников. И так как Каскар полностью в его власти, преград его замыслам не предвидится. Увидеть, как всё, ради чего боролись мы с мужем, ради чего старался Пиран, увидеть, как всё это погибнет из-за этого... этого человека!.. — она ударила кулаком по столу, голос её прозвучал глухо и напряжённо.

— Если смерть одного человека, о котором мы знаем только лишь, что он где-то существует, может спасти нашу землю, по мне это достойное деяние! — взгляд её остановился на шамане, словно требуя от него ответа. Но тот молчал.

— Хорошо. Быть по сему. Сделать как можно скорее. Но ещё один человек должен знать об этом...

Все удивлённо посмотрели на неё.

— Герцогиня Текла. Она уже на пути сюда, где её ждёт церемония обручения — с Каскаром. Мы хорошо знаем, что делает она это вынужденно и под угрозой. Однако она любит свою страну и не хочет увидеть её под пятой Очалла, поэтому она идёт. Нам тоже нужен Олироун, но мы не разграбим его, как это сделал бы Очалл. Теклу любят в её стране. Её народ восстанет, даже если бы это означало разорение страны.

Мои лазутчики передали мне много сообщений. В Олироуне уже беспокойно. Распространяются слухи, что Текла выходит замуж по принуждению. И поэтому мы должны убедить её, что ей не обязательно выходить за Каскара...

— Царственное великолепие, — осмелился заговорить Урsvик, советник, когда его госпожа умолкла, чтобы перевести дыхание, — разумно ли это? Следует ли ей знать? Когда всё будет проделано до её прибытия?

Императрица кивнула.

— Она должна знать. Должна понять, что мы делаем это и ради блага её земли. Это сделает её впоследствии стоворчивей, когда мы предложим ей соединиться с Берталом. Если Каскар умрёт так, что она не поймёт причины, она может уехать в Олироун и заключить союз, который нам не будет выгоден. Но если она поймёт, что ей не придётся обручиться с Каскаром, в облегчении она может принять сторону Бертала. И твой долг, — теперь ястребиные глаза старой правительницы устремились на принца, — ухажи-

вать за ней со всем искусством, о котором я так наслышана...

Принц вспыхнул. Он открыл рот, словно собираясь ответить, но императрица продолжила:

— Ты, Оситес, приведёшь её сразу после прибытия в мои личные покои. Я дам ей понять, что мы сделали и почему. Никого другого я не могу просить рассказать об этом. Каскар... — она перевела дыхание и заговорила снова. — Каскар — сын моего сына по плоти, но не по духу и уму. Я верю в древние легенды об одержимых. Не знаю, как добился Очалл этой перемены в нём. Может быть, тебе стоит заняться этим, мастер, — взглянула она на Мелколфа. — Может, Очалл тоже владеет машинами, которые могут изменить душу человека? Или, Оситес, он может призвать себе на помощь Неограниченную Силу?

— Может быть, — негромко ответил шаман.

Квендрида взглянула на него, и впервые лицо её приобрело удивлённое выражение.

— Ты говоришь серьёзно, преподобный!

В голосе её прозвучало то же изумление.

— Да, царственное величие, этого можно достигнуть и мыслью. Есть способы мыслью подавить личность человека. Как Мелколф с помощью своей машины может поместить душу одного человека в тело другого в альтернативном мире. Очалл не из числа Просвещённых. Однако это не означает, что ему не известны способы подавления души нашего бедного принца. Он сделал Каскара копией самого себя.

Советник Урсвик наклонился вперёд.

— Но если это так, нельзя ли разорвать его заклинание? Почему ты не сказал этого раньше? Как Просвещённый, ты можешь...

— Ничего я не могу, — гневно прервал его Оситес. — Душа Каскара давно погибла. Вы думаете, — он поднял

голову, переводя взгляд от одного к другому, — я не пытался? Не знаю, какую силу призвал Очалл, но её невозможно сломить. Не думайте плохо о Каскаре: он всего лишь беспомощное орудие в руках целеустремлённого и злого человека. И теперь мы замыслиаем его смерть — и смерть ещё одного, совершенно невинного человека. И говорим, что это должно быть сделано ради блага Улада.

— Ты знаешь, что должно... — голос императрицы прозвучал почти умоляюще.

Оситес кивнул.

— Как ты говоришь, царственное великолепие, должно. Но от этого дело не становится менее злым и будет предъявлено нам, когда мы придём к Последним Вратам, — он поднял голову и закрыл глаза, плечи его обвисли под тяжёлыми складками бело-чёрной мантии. — Я представлю Неограниченной Силе все оправдательные доводы, какие смогу. Но деяние это тяжко...

Настала очередь Мелколфа повернуться в кресле. На его остром лице появилось еле заметное выражение отвращения, как будто Оситес несёт вздор, который младший выдерживает с трудом.

— Значит, нужно действовать немедленно? — спросил он.

Все посмотрели на императрицу. Немного погода та кивнула, хотя выражение лица у неё было тревожное и она смотрела на Оситеса как-то неуверенно. Раньше такой неуверенности никто не видел.

— Преподобный? — она произнесла титул вопросительно.

Оситес опустил руку, закрывавшую глаза.

— Царственное великолепие, координаты уже введены в машину. Сны подготовили избранного, связали его со временем нашего мира.

— Кто он там? — проявил некоторое любопытство

Бертал. — Правитель? Его там хватаются? Если у нас есть двойники в альтернативных мирах — а они должны быть, иначе наши эксперименты не получились бы, — живут ли они такой же жизнью, как мы? Есть ли там другой принц Бертал, другой преподобный, — он кивком указал на Оситеса, — другой советник?..

— Обстоятельства меняются в каждом мире, принц, — ответил Мелколф. — Думаю, в мире, куда мы посылаем Каскара, осталось очень мало принцев и императоров.

— Кто же ими правит? — спросил Бертал.

— Представители, избранные населением, я думаю. От нашего субъекта там мы получили лишь разрозненные сведения. Он был студентом, а сейчас ищет работу...

— И он двойник Каскара? — Бертал рассмеялся. — Не принц, а самый обычный человек, который должен трудиться своими руками, чтобы заработать на хлеб? Хотел бы я, чтобы Каскар узнал об этом! Хотел бы рассказать ему... — и он снова рассмеялся.

— Это не забавно! — голос Квендриды прозвучал холодно и резко, как удар бича. Принц снова покраснел. — Ты говоришь о человеке, которому предстоит умереть, и не нужно смеяться над его смертью. По словам Оситеса, тот, кто снами связан с Каскаром, гораздо достойней имперской короны, чем моя кровь. Я хотела бы спасти его, но это невозможно. Да, мастер, это должно быть сделано — и побыстрее, пока ещё жив мой сын, император Пيران. Мы не должны колебаться слишком долго.

— Это деяние... такое злое, — шаман глубоко вздохнул. — Но предзнаменования также злые. Это правда, у нас нет выбора, но сказать «да» — я не могу. Вы все согласны. Я внутренне тоже согласился, да простит меня Сила!

— Значит, все согласны? — императрица, спрашивая, не смотрела на Оситеса.

Мелколф и Бертал быстро и уверенно ответили «да», немного погодя к ним присоединился Урsvик.

— Да будет так, — заключила Квендрида. — Будь готов, мастер. И побыстрее. Как вы все знаете, у нас мало времени.

Трое мужчин встали, поклонились старой императрице и торопливо удалились в тень за пределами света от шара. Оситес остался на месте.

— Друг мой, — императрица протянула к нему руку, — поверь, я понимаю, что сейчас в твоём сердце. Благодаря Неограниченной Силе, которой ты служишь, найден этот человек, которого мы приносим в жертву, и ты сам установил, что он связан с судьбой Улада. Долг — жестокий хозяин. Я произнесла слова, которые не сказала бы, если бы нашёлся другой путь достичь того, что должно быть достигнуто. Я приговорила свою собственную кровь, своего недостойного внука, потому что он только личина, за которой правил бы злой и жестокий человек. Это нелегко... Но я должна это сделать, чтобы всё созданное в мире и доброте не было уничтожено.

Ты знаешь, в каком жалком состоянии пребывала наша земля, когда на трон сел мой супруг. Каждый лорд воевал с соседями, голод и смерть шли по стране рука об руку. Ни один мужчина, женщина или ребёнок не чувствовали себя в безопасности. Мой супруг призвал все силы, способные противостоять этому хаосу. Он призвал тебя и других Просвещённых, он вырастил Роши, в которых вы учите миру и осуществлению. Он укротил непокорных лордов, заботился о торговле городов, он превратил Улад в прекрасную улыбающуюся страну.

А после него Пиран продолжил дело отца с той же волей и самоотверженностью. Но болезнь, одолевшая моего сына, подорвала силы его тела и ума, она победила его. Тут появился этот дьявол Очалл. Он стал так силён, что добился ключа верховного советника, и никто не смеет противиться ему. А Каскар — Очалл захватил и Каскара,

как змея захватывает добычу, лишил его собственной воли.

Я пребывала в глубоком отчаянии, потому что знала — и твои предсказания подтвердили это, — что случится с Уладом, когда станет править Каскар. И тут Бертал и Урsvик привели ко мне Мелколфа, и я снова обрела надежду. Не на свой род — теперь он прервётся, но на землю, которую обязана охранять. Да, я живу долгом, а не сердцем, старый друг. И если это деяние действительно ляжет на душу огромной тяжестью, когда я приду к Последним Вратам, я могу оправдаться только всей своей жизнью.

Шаман поднял глаза, полные печали.

— Леди, — негромко проговорил он, — я стоял рядом с тобой, когда ты выходила замуж за нашего повелителя, я давал имя твоему сыну, который лежит сейчас, истощённый и беспомощный. Я хорошо знаю, что долг давит на твои плечи такой же тяжестью, как на мои — Сила. Мы давно сделали свой выбор и должны придерживаться его. Я не сомневаюсь, что это деяние спасёт Улад, который создал твой Дом. И буду умолять Силу, чтобы из зла возникло добро, потому что другого пути у нас нет...

— Другого пути нет, — медленно повторила она. — А теперь я должна пойти к Пирану и смотреть, как жизнь постепенно покидает его, молиться, чтобы он жил, несмотря на всю его боль и мучения, пока мы не обезопасим страну. И этот долг тоже тяжело лежит на мне.

Она сжала подлокотники трона, неловко приподняла тело, словно оно онемело и ей с трудом давались простейшие движения. Оситес тоже встал, но не пытался ей помочь: он хорошо знал её гордость, правительница не позволит признать слабость стареющего тела.

С усилием она выпрямилась, и теперь спина у нее была прямой, голова, в вышитом шарфе с бриллиантом величия, высоко поднята. Императрица прошла в затенённый конец

комнаты, двигаясь целеустремлённо и энергично, Оситес шёл рядом, но не касался её.

Ещё один сон! Рамсей Кимбл сел в постели среди спутанных измятых простыней, словно только что закончил схватку. Он вспотел, хотя ночной воздух был холоден; его чёрные волосы прилипли ко лбу. Осмотрелся, слегка удивившись знакомому окружению своей спальни. Он не в том, другом мире, который казался ему таким реальным. Рамсей включил лампу для чтения, потянулся за блокнотом и ручкой, которой заложил нужную страницу.

— Записывай, как только проснёшься, — посоветовал ему на прошлой неделе Грег. — Чем дольше ждёшь, тем больше подробностей забудутся.

Рамсей положил блокнот на колени и принялся писать.

«Большая комната, — неразборчиво писал он, — какие-то машины... никогда раньше таких не видел. Два человека... — он старательно припоминал подробности, — один молодой, в странной одежде, что-то вроде леотарда*, плотно обтягивающей, цвет... — Рамсей закрыл глаза и попытался сосредоточиться на воспоминании, которое уже начало ускользать. Да! — Цвет зелёный, тёмно-зелёный. Поверх этого трико что-то вроде тесного жилета... без рукавов... до середины бедра... но не настоящий жилет, потому что он не открыт спереди. На груди рисунок — похоже на жемчужины и золото... очень сложный».

Но от рисунка осталось только общее впечатление.

«Другой человек... постарше... костюм такой же... серый, а поверх что-то вроде жакета... тоже серого... никаких украшений, кроме красной полосы на правой стороне груди. У обоих смуглая кожа... но не чёрная... тёмные

* Обтягивающее трико акробата или танцовщика. (Прим. пер.).

волосы и глаза слишком... индейские? — он подчеркнул слово, в котором сомневался. — Человек в сером занят машинами, переходит от одной к другой. Ощущение возбуждения — оба очень напряжены, словно что-то должно произойти. Создалось впечатление, что это другая комната в том же здании, которое снилось мне раньше. Но старика здесь не было. Ощущались прежде всего их чувства... напряжение... как будто очень многое зависит от того, что они делают».

Закрывая блокнот, молодой человек не стал добавлять то, что ощутил в последний момент... Что он сам — очень важная часть предстоящего. Конечно, это естественно. Ведь в конце концов это е г о сон.

Рамсей потушил лампу, поправил подушку и лёг. От окна тянулась полоска лунного света. Рамсей смотрел на неё, не испытывая никакого желания спать.

Может, он сам подкармливает сны своим воображением, потому что Грег Хоувелл так ими заинтересовался. И теперь ему подсознательно хочется угодить Грегу, показать себя более важным, и потому приходят такие сны. Однако он был уверен, что это не обычные сны. Прежде всего они напоминали отрывки пьесы. Он видел немного здесь, немного там, хотя общий сюжет от него ускользал. Но эпизоды снов что-то связывало между собой, а люди, которых он видел во сне, их окружение — были реальны, как ни в каком другом сне раньше.

Конечно, Грег в основном пришёл в возбуждение из-за своего проекта и ещё потому, что Рамсей наполовину ирокез. Он долго рассуждал о том, что любой индеец должен был во сне увидеть своего духа-руководителя, прежде чем становился взрослым. Разумеется, в старину так оно и было. Но такие волшебные сны, насколько мог судить Рамсей по прочитанному, всегда были о животных или о каком-то предмете, который впоследствии мог слу-

жить тотемом человека. А это собрание странных сцен никак не объяснишь наследственной памятью.

Проект «Сон» в университете новый, и Грег по самые уши погрузился в него. Проект исследует возможность телепатии во сне: контрольный испытуемый смотрит картинку, а спящий должен уловить её. Но Рамсея это не интересовало. Он уже закончил курс, и пора искать работу. А ассигнований для расширения проекта пока не предвиделось...

Если бы он не рассказал Грегу, когда у него начались эти сны! Рамсей поморщился в лунном свете. Теперь же Грег пристал как банный лист: пиши отчёты, старайся вспомнить, что могло вызвать сон. Разумеется, ничего из увиденного по телевизору, ничего из прочитанного или встреченного не имеет отношения к этим снам. Грег очень тщательно расспрашивал его, и они оба убедились в этом. Но тогда почему ему снятся эти сны? И они, сны, с каждым разом становятся всё ярче. В последний раз ему показалось, что он может протянуть руку и коснуться плаща или жилета — одежды того человека в зелёном.

Рамсей испытывал странное возбуждение, словно волнение увиденных им во сне людей захватило и его. Уснуть не удастся, в этом он был уверен.

Он встал с кровати и подошёл к окну. Лунный свет пропал, луна тоже. Её затанули облака. Рамсей вздрогнул и оглянулся через плечо. У него появилось странное ощущение, что за ним наблюдают, и это ощущение постепенно усиливалось. И всё из-за его несчастного воображения! Решено! Он не будет больше проводить никаких экспериментов с Грегом.

В отдалении низко раскатился гром. Рамсей начал то-ропливо одеваться, он сам не понимал причину этой лихорадочной спешки. Он ни минуты не мог больше оставаться в этой комнате! Он посмотрел на часы. Час

ночи. Сегодня Грег ночью работает в лаборатории. Хорошо. Он сам отправится туда и скажет...

Затягивая пояс, Рамсей покачал головой. Неужели необходимо разговаривать с Грегом сейчас, в такой час ночи? Он, должно быть, спятил... эти сны... Да, но если он скажет Грегу, что всё кончено, может, удастся вернуться и уснуть? Завтра в десять утра у него встреча с менеджером по кадрам из заведения Робинсона. И он не собирается упустить такую возможность. Сказать Грегу, что он завершает сотрудничество, вернуться, принять аспирин и хорошо выспаться.

В коридоре он понял, что чуть ли не бежит, но ничего не смог поделать с охватившим его ощущением, что нужно торопиться. Рамсей знал только, что должен выйти из дома, отправиться в лабораторию. Он обнаружил, что сжимает в кулаке ключи от машины, хотя и не помнил, как взял их.

Снаружи было совсем темно от дождевых туч на небе. Рамсей сел в машину на стоянке и сразу на полной скорости рванул к университету. Но потом всё-таки заставил себя ехать медленней. Почему он так торопится? Почему...

Однако внутренняя тревога усиливалась, заставляла ехать быстрее, скоро она переросла в какой-то страх, от которого Рамсей оглядывался, словно ожидая, что кто-то устроился за ним в машине и приказывает ему торопиться.

Что с ним происходит? Он должен был увидеть Грегa, узнать у него, является ли такая реакция нормальной после его снов. Но... но это же вовсе не дорога в лабораторию! Ему следовало свернуть на Ларчмонт, а он проехал уже лишних два квартала. Теперь придётся повернуть на Аллоуэй, а потом ехать через парк к озеру.

Он не хотел туда ехать... что его заставляет?..

От страха пересохло во рту. Его руки застыли на руле, нога на педали — но он не хотел туда ехать! И не мог

заставить себя повернуть, уйти от принуждения, которое заставляло его нестись в темноту.

Началась буря, и очень сильная. Дождь впереди встал стеной, огни фар не пробивали сплошной поток воды. Разумнее было бы остановиться и переждать, но то, что овладело им, не давало остановиться. Он не видел больше освещённых окон и уличных фонарей. Должно быть, скоро парк, да и дорога пошла здесь в гору. В такой дождь её повороты очень опасны.

Но он по-прежнему не мог остановиться.

Фары слабо осветили белые перила слева, он как раз проезжал над речным обрывом...

И тут...

В слабом свете фар мелькнула чья-то фигура. Рамсей невольно закричал и свернул, чтобы не столкнуться с ней. Машина устремилась к ограде. Послышался удар. Рамсей снова ощутил жуткий страх, поняв, что машина летит вниз.

Глава 2

Запах — запах цветов. Вначале Рамсей ощутил только его. Он как будто медленно поднимался по подъёму холма в каком-то саду. Но запах был гораздо концентрированней, сильней, чем аромат любого сада.

Он попытался вспомнить больше и вновь испытал сильный страх, когда обрывки прошлого стали соединяться в единую картину. Крутой подъём дороги в темноте, поворот, когда он попытался избежать столкновения с человеком, которого тускло осветили его фары. Должно быть, он упал вниз.

Запах цветов — палата больницы?

Юноша осторожно прислушался к своему организму в поисках какого-нибудь источника боли, какого-то признака, что он попал в аварию. Ничего. Снова его охватил

страх — и сильный! Сломанный позвоночник? Полный паралич? Панический ужас не давал ему шевельнуть рукой или ногой.

Он лежал, парализованный собственными мрачными подозрениями, и тут к нему вернулся слух, как только что — обоняние. Совсем рядом прозвучал чей-то голос. Но Рамсей не понял ни слова. В потоке звуков чувствовался ритм, похожий на какое-то пение.

Рамсей медленно открыл глаза. Он лежал на спине, да. Но над ним не потолок больничной палаты; такого просто не может быть в палате. Со всех сторон вверх взметнулись арки, встречаясь в центре, и с этого центра свисал на цепи маятник в форме клетки сложной резной работы; в нём был заключён светящийся шар. И хоть свет его был не ярок, Рамсей мигнул и какое-то время продолжал мигать.

Он не мог различить цветной рисунок стен — краски или мозаика между арками, но такого богатства, такого изобилия оттенков ему не приходилось видеть. Пение продолжалось справа от него.

Рамсей повернул голову, отыскивая источник звука. Цветочный аромат подавлял. Вокруг себя Рамсей теперь видел массу цветов. Они покрывали всю постель, на которой он лежал, но... что?..

За массой цветов кто-то стоял на коленях. Рамсей разглядел только круглую голову и плечи: всю остальную фигуру прятало плотное покрывало, совершенно скрывая очертания. Только руки, маленькие смуглые руки, были подняты так, что ему удалось увидеть какой-то небольшой предмет в сжатых ладонях, сквозь пальцы пробивался его блеск.

Рамсей попытался понять слова, которые произносила закутанная фигура. Но не услышал ни одного знакомого. Только звуки. Что случилось?

Только теперь он вознамерился проверить подвижность своего тела.

Сначала правая рука... К огромной радости, он смог поднять её. Двигалась она странно, скованно, словно он долго пролежал в одной позе и рука затекла. Подняв руку, Рамсей выпустил что-то, что сжимали его непослушные пальцы, и этот предмет скользнул по его телу в цветы.

Закутанная фигура вздрогнула... замолчала... отпрянула в сторону... встала. Поднялась рука, откинув вуаль и приоткрыв лицо под ней.

Девушка — но он её никогда не видел. Однако в лице её сквозило что-то знакомое. Именно её он, конечно же, не видел, но видел похожих — по фигуре, цвету кожи. Видел во снах!

Он снова во сне. Может, на самом деле лежит без сознания в больнице и вернулся к подсознательным картинам, которые за прошедшие недели стали неестественно живыми.

Однако Рамсея оторвало от собственных мыслей выражение лица девушки. Она смотрела на него вначале с... вероятно, самое подходящее слово — страх. Но страх постепенно уходил, сменяясь другим чувством, которое Рамсей понять не смог, глаза девушки слегка сузились, губы сжались.

Гладкая кожа девушки чуть покраснела под общим коричневым оттенком. Она вполне может сойти за америндианку, только не хватает широких скул. Лицо у неё с тонкими чертами, овальное, нос с высокой переносицей, может, для подлинной красоты слегка выдающийся. Но самая замечательная особенность — её глаза. Рамсей смотрел прямо в них, и они казались всё больше и больше, и он наконец видел только их.

Что-то легко коснулось его щеки. Он понял, что девушка подняла руку и теперь ищет пальцами пульс у него на шее.

— Каскар? — одно слово, произнесённое вопросительно.

Но Рамсей и этого слова не понял. Такого яркого сна у него ещё не было. Может, он вызван каким-то наркотиком, которым снимают боль в теле. Лекарство может усилить яркость сна.

Он понял, что не может оторвать взгляда от глаз девушки. Должно быть, она каким-то образом пытается получить у него ответ, в котором отчаянно нуждается.

Потом он снова увидел, что девушка удивлённо нахмурилась. Он ей не ответил, и это, по-видимому, каким-то образом напомнило ей об опасности. Он понял это так ясно, будто она предупредила его вслух. Она взглянула направо, налево, потом снова на него. Палец, который проверял его пульс, теперь порхнул к её губам в жесте, который он легко понял.

Она плотно запахнулась в вуаль, но не стала прятать лицо и быстрым движением скрылась из поля его зрения. Так как она дала ему понять об опасности, он послушался и остался лежать неподвижно.

Но где он?

Резной потолок над головой, цветы... Их запах стал так силен, что Рамсея слегка затошнило... Он пытался понять, что всё это значит. Рамсей не помнил, чтобы в прошлых снах ощущал запахи. А прикосновение девушки к его щеке и горлу — он ещё испытывал его.

Где он? Что случилось?

Юноша отчаянно пытался вспомнить последние мгновения, прежде чем упал в тёмную пасть речной долины. Дождь, фигура, показавшаяся в свете фар. Это он помнил ясно. Однако не яснее, чем запах цветов вокруг. Но ведь это уже не может быть реальностью!

Проснись, твёрдо приказал он себе. Проснись — немедленно!

Если его сновидение вызвано наркотиком, подействует ли такая тактика? Кажется, нет. Он не просыпается. Цветы,

всё это место — всё остаётся по-прежнему. Вернётся ли девушка? Что она сказала? Рамсей попытался правильно воспроизвести то слово, но не вслух.

«Каскар», — это человек, состояние, место? Что такое Каскар?

И почему он лежит здесь?

Он поднял правую руку, так, чтобы увидеть её. Кожа выглядела гораздо темнее, чем обычно, и на большом пальце сидело широкое кольцо, золотое, сложной работы, с каменной геммой, словно должно служить печатью. Запястье тоже обвивала золотая лента, скрывавшаяся в рукаве цвета меди, — никогда в жизни не носил он такой цвет.

В предыдущих снах он видел других, но никогда — самого себя, своё тело или одежду. В тех снах он казался себе бестелесным духом, который наблюдает за действием, но сам в нём не участвует. А эта реальность руки с кольцом и лентой на запястье — ужасна.

Какое-то движение; он быстро поднял взгляд. Перед ним снова появилась девушка. Теперь она схватила его руку с повелительной решимостью, потянула на себя. Сообщение достаточно ясное. Она хочет, чтобы он встал и пошёл с нею.

Рамсей приподнялся. Оцепенение, которое он ощущал в руке, в пальцах, казалось, охватило всё тело. Одновременно он понял, что лежит не на мягкой постели, но на какой-то длинной, твёрдой, как камень, плите, которая покрыта лишь тонкой алой тканью. В голове и в ногах стояли высокие канделябры высотой с него самого: он убедился в этом, неуверенно встав на ноги и держась за край усыпанной цветами плиты. В каждом подсвечнике торчала свеча толщиной с его предплечье; от свечей курились тонкие струйки ароматного дыма.

Снова девушка потянула его за руку, потащила от пли-

ты — в тень, куда не достигает свет лампы над головой и свечей. Рамсей вздрогнул, увидев четверых мужчин, по одному в каждом углу помещения, в котором он лежал. Головы у них были склонены, руки сжимали рукояти мечей, которые, обнажённые, упирались в пол.

Рамсей послушно последовал за девушкой. Никто из мужчин даже не пошевелился. Проходя мимо одного из них, Рамсей увидел, что тот со странным напряжением смотрит только на лезвие своего меча. Но это не статуя, а живой человек. Рамсей видел, как поднимается и опускается его грудь при дыхании.

Их абсолютная неподвижность, то, что они не обратили никакого внимания на Рамсея и девушку, всё это не показалось ему странным. В конце концов, это ведь только сон. А во сне можно ожидать самого необычного. Его тревожило лишь, что он видит всё происходящее слишком чётко и в мельчайших подробностях. Ни один сон за прошлые месяцы не сравнится с этим.

Все четверо, как отметил Рамсей, носили такое же, как люди в лаборатории, плотно прилегающее трико и свободные куртки, доходящие до середины бедра. Трико у них были чёрного цвета, а верхняя одежда серая, с большим вышитым гербом на груди. Рамсей взглянул на собственное тело и обнаружил, что одет в такую же одежду, но других цветов.

Трико у него, плотно облегающее и эластичное, тоже цвета меди. Жилет — золотого, с красным гербом на груди. Множество мелких драгоценных камней нашиты сложным узором. На ногах мягкие гладкие сапоги, высотой до лодыжек, того же медного цвета.

Девушка снова прикрыла лицо вуалью, и теперь Рамсею видна была только её рука, которой она по-прежнему прочно держала его. Как и у него, у неё на большом пальце красовалось массивное кольцо с синим камнем с гравиров-

кой. Указательный палец украшало кольцо со странной маской рогатого существа из зóлота, с зелёными глазами; на мизинце сидело широкое кольцо с рисунком, который Рамсей не смог разглядеть. Во всём остальном девушка была подобна тени среди теней. Они быстро уходили от плиты, на которой он проснулся.

Миновав ряд колонн, почти не видимых в полутьме, они приблизились к стене, закрытой каменным барельефом с резными фигурами, которые тоже почти не были видны. Девушка быстро подошла к стене и коснулась пальцем глубокой резьбы. И, наверное, привела в движение какую-то пружину, потому что сразу после касания часть панели раскрылась, как самая обычная дверь. За стеной их ждала узкая лестница, сверху падали лучи такого же, как над ложем, шара.

Поднявшись, они оказались в коридоре, более полно освещённом этим шаром. Коридор заканчивался у двери, похожей на те, что Рамсей знал всю жизнь. Проводница распахнула створку, и они вошли в комнату, залитую ярким светом, не сравнимым с полутьмой, в которой он проснулся.

Любопытство преодолело беспокойство из-за этого навязанного наркотиком сна. Теперь Рамсей не боялся, ему хотелось узнать, что же будет дальше. Девушка выпустила его руку, оставив стоять в комнате, и Рамсей осмотрелся.

Кое-что в комнате показалось ему знакомым. Он видел это в своих ранних снах, в которых всегда присутствовал пожилой человек в длинной чёрно-белой мантии.

Стены поверх панелей покрывали длинные полосы вышивки. Изображения были явно фантастические, растительность странной формы и невероятных цветов, да и животных таких Рамсей в своём мире не знал. В огромном очаге полыхал огонь, даже на четверть не заполняя своей чёрной пещеры. Перед очагом расположились две

длинные скамьи, прикрытые жёсткой жёлто-белой тканью, на которой сверкали золотые блёстки.

Между вошедшими и очагом стоял длинный стол на резных ножках, на котором было расставлено множество предметов, включая бронзовые подсвечники, кубки, блюда с чем-то похожим на яблоки, только очень большими, и тому подобное.

Если не считать скамей, больше никаких сидений в комнате не было. Однако тут и там валялись груды больших квадратных подушек, обтянутых тканями разного цвета, которые почти сливались друг с другом. Свет исходил от четырёх висячих шаров в филигранных клетках.

Девушка подошла к ближней из длинных скамей, сняла вуаль, закрывавшую её с головы до ног, бросила на конец скамьи, и только тогда повернулась лицом к Рамсею.

Платье её было подобно его одежде, только верхняя куртка длиной до лодыжек. Разрезы по обе стороны позволяли видеть её стройные ноги, обтянутые более светлым, облегающим трико, до самых бёдер. Она выбрала глубокий сине-зелёный цвет одежды, почти как гемма на кольце её большого пальца, что поразительно контрастировало с пепельно-серым окрасом вуали, которую она сбросила.

На груди у нее красовалась вышивка серебром, правда, рисунок её был гораздо проще того, что на нём самом. Посреди головы кошки мерцали глаза из жёлтого камня размером с ноготь его большого пальца; они отражали лучи света и очень походили на глаза живого животного.

Густые, чёрные, коротко остриженные волосы девушки удерживала серебряная лента с ещё одним изображением кошачьей головы на лбу между глазами. Эксцентричный костюм, но девушке очень подходил. И в ней сразу чувствовалось величие, словно она привыкла всю жизнь отдавать приказы, ожидая в ответ безусловного повиновения.

Она по-прежнему смотрела на него внимательным оце-

нивающим взглядом, как когда он впервые её увидел. В это время послышался лёгкий скрежет. Не поворачивая головы, девушка что-то произнесла. В её звучном голосе, как показалось Рамсею, прозвучал вопрос.

Ответил ей более слабый голос. Девушка снова заговорила; справа от Рамсея открылась дверь, и вошла другая женщина. Одета она была почти так же, как и первая девушка, только проще и в тусклых ржаво-коричневых тонах. Её одежду тоже отмечал знак головы кошки, только меньшего размера и без камней в глазах. Короткие жёсткие волосы топорщились над полным широкоскулым лицом женщины, их сдерживала только лента цвета ржавчины.

Она закрыла за собой дверь и остановилась, не отводя взгляда от Рамсея. Широкий рот открылся в таком откровенном изумлении, какого Рамсею давно уже не приходилось видеть. Долго она просто стояла и смотрела. Потом быстро заговорила девушка, слова её сливались друг с другом, и Рамсей даже не мог отделить один странный звук от другого.

Когда девушка заговорила, взгляд женщины переместился с Рамсея на неё, потом назад. Первоначальное изумление по мере слов девушки рассеивалось. Девушка снова взглянула на Рамсея.

Медленно, явно стараясь, чтобы её поняли, она коснулась пальцем с кольцом головы кошки у себя на груди.

— Текла, — произнесла она. Должно быть, это её имя. Теперь она ждала его ответа. Неужели в этом сне он по-прежнему Рамсей Кимбл? Конечно, кем ещё он может быть, несмотря на одежду и странные обстоятельства их встречи.

Юноша в свою очередь указал на себя.

— Рамсей Кимбл, — ответил он.

Снова другая женщина пришла в смятение. Она яростно покачала головой и произнесла то же слово, что и девушка раньше:

— Каскар!

Словно пыталась доказать, что он не тот, кем себя назвал, а другой.

— Рамсей Кимбл! — повторил он, на этот раз громче и со всем ударением, какое мог сделать на этих двух словах.

Текла сделала жест, словно призывала женщину повесить ему. Потом указала на неё и объявила:

— Гришильда.

Рамсей был слегка удивлён, обнаружив, что чуть склонил голову в манере явно не из его мира и повторил:

— Гришильда.

Та, кого он так назвал, подошла ближе. Осмотрела его с ног до головы, потом с головы до ног — внимательно и неторопливо. Потом покачала головой и развела руки.

— Каскар!

Текла улыбнулась; впервые, сколько он её видел, лицо девушки утратило напряжённость. Словно поведение Гришильды позабавило её.

Но теперь сама Гришильда разразилась быстрой речью, похожей на поток вопросов; она говорила безостановочно, почти не переводя дыхания. Снова девушка сделала короткий повелительный жест — на этот раз подняла руку ладонью вперёд, словно требуя молчания. И произнесла единственную фразу. Гришильда быстро кивнула и заторопилась к двери, через которую вошла. Там она поставила на место замок, закрыв дверь изнутри.

Текла поманила Рамсея, показав на сидение рядом с собой у очага. Последовал первый урок языка. Девушка показывала на различные предметы в комнате и произносила слова, которые он повторял, как мог, хотя она часто поправляла произношение юноши. И чувствовалась в её поведении торопливость, как будто по какой-то причине они должны научиться разговаривать как можно быстрее. Рамсея заразила её тревога.

Какой долгий сон, бегло подумал он. И какая последовательность событий! Он сосредоточился и следовал за Теклой, как мог лучше.

Рамсей не знал, сколько они просидели так, повторяя слова. Он устал больше, чем сознавал, когда Гришильда прервала урок, поставив перед ними поднос с двумя полными до краёв кукками, небольшими квадратиками желтоватого хлеба и одним из больших яблок, разрезанным на дольки.

Напиток, как решил Рамсей, представлял собой какой-то небребродивший фруктовый сок. Хлеб оказался чуть сладкий — больше, чем привычный ему хлеб, но меньше печенья. Вкуснее всего были яблоки с плотной мякотью.

Они поели и напились. Текла широко развела руки и что-то сказала Гришильде, потом легко коснулась руки Рамсея.

— Спать... спать, — повторила она слово, которое раньше изобразила пантомимой, закрыв глаза и положив голову на ладонь.

Рамсей едва не рассмеялся. Спать? Он и так спит — и видит сон. Можно ли спать во сне? Очевидно, Текла считала, что можно. Но, конечно же, она тоже персонаж из его сна, она не реальна.

Юноша кивнул, чтобы показать, что понял. Она кивнула на Гришильду.

— Гришильда... вести... спать...

Одетая в ржаво-красное женщина энергично кивнула и поманила Рамсея. И повела не к двери, которую закрыла, но назад, в коридор, через который они пришли сюда из того места, где он «проснулся» (если можно проснуться в собственном сне). Рамсей подумал, не предстоит ли ему вернуться на покрытую цветами плиту, к четверым ничего не видящим наблюдателям.

Однако Гришильда свернула в коридоре налево, открыла

одним нажатием другую панель и привела его в маленькую комнатку, в которой он увидел кровать, похожую на кушетку, с единственным покрывалом, свёрнутым в ногах. Лишённая окон комнатка имела только узкий разрез в стене, через который, очевидно, проходил воздух, потому что в комнате не было душно.

В этот же разрез пробивался дневной свет; его хватило, чтобы, когда Гришильда молча вышла, Рамсей смог раздеться. Потом он лёг на кушетку и накрылся покрывалом.

Странно, но ему действительно хотелось спать. Однако он не поддавался сонливости. У него было о чём подумать. И так как его больше не отвлекал урок Теклы, воздвигнутый им барьер против сомнений начал быстро распадаться.

Он достаточно ознакомился с исследованиями Грега, слушал записи, видел сеансы телепатии во сне, чтобы понять, что эти его приключения во сне уникальны. Но поверить, принять этот сон за реальность — этого он никак не мог. Слишком многое невозможно было объяснить логично.

Рамсей начал восстанавливать мельчайшие подробности того, что увидел, когда открыл глаза. Плита, на которой он лежал, с высокими свечами и зачарованными стражниками — эта сцена буквально преследовала его. Он видел такие раньше. Не как сон, нет... В телевизоре, в кино? Но не в реальной жизни.

Рамсей начал методично искать ответ. Может, если он распознает хоть один эпизод, то сможет разгадать всё остальное. Где он видел такое раньше?

Картина... Должно быть, на картине. Хорошо. Что за картина? Когда и где? Он попытался представить себе книгу, переворачивал страницы, смотрел иллюстрации. Бесплезно. Не действует.

Может, не книга, а журнал. В памяти его возникли страницы большого формата, он начал их перелистывать. Точно!

Расмей сел на кушетке. Он вспомнил!

Это... это же гроб! В таких хоронят королей или членов королевской династии. Стражники с четырёх сторон, свечи. Немного отличается от картины, которую он вспомнил, но настолько похоже, что он преисполнился уверенности: его догадка верна.

Это означает, что он был мёртв!

Но он же не мёртв! Он сидит здесь. Да и в своём собственном мире Рамсей Кимбл никогда не лежал бы так, со стражниками, с этими свечами, со странной девушкой Теклой, пришедшей оплакивать его. Он мог оказаться в доме погребений, в гробу, но без всех этих украшений.

Тем не менее он не мог избавиться от мысли, что так обходятся с мертвецом. А этот Каскар — теперь он знал от Теклы, что Каскар — это имя... Каскаром звали человека, которого Текла ожидала увидеть в гробу. Мёртвый Каскар.

Он не Каскар! Он Рамсей Кимбл, абсолютно нормальный американец, который связался с нелепым исследовательским проектом и сейчас испытывает галлюцинации. Но раньше таких сцен он никогда не видел.словно вызванная наркотиком. Но если какой-то тип захотел напичкать его наркотиками, такое вполне могло бы показаться. Нет, он чувствовал, что дело не в наркотиках. И его не случайно положили на эту плиту для погребения...

Рамсей глубоко вздохнул и попытался остановить дрожь рук. Пора проснуться. И чем быстрее, тем лучше. Уходи, сон, уходи!

Глава 3

Но кошмар заключался в том, что Рамсей не мог проснуться!

Маленькая, тускло освещённая комната оставалась такой же реальной. Рамсей сильно уцепился за руку.

Больно — но он всё равно не проснулся. От страха пересохло во рту, перехватило дыхание. Он застрял в собственной галлюцинации!

— Не паникуй! — он произнёс это вслух, как будто сами звуки были способны успокоить его. Главное — не потерять голову, каким-то образом объяснить случившееся.

Но объяснить невозможное — невозможно!

Рамсей осмотрелся, оглядел прочные стены, узкий разрез, в который пробивался дневной свет. Встал и подтащил кушетку к стене под бойницей. Потом залез на ложе и попытался выглянуть. И увидел только другую стену на некотором расстоянии, ярко освещённую солнцем. Больше ничего не было видно, кроме полосы самого обычного голубого неба.

Рамсея охватило подозрение, и он попробовал открыть дверь. Но Гришильда не закрыла её. Он смог выглянуть в узкий коридор. В конце коридора начиналась узкая лестница, ведущая туда, где его нашла Текла. В другом направлении, почти на расстоянии вытянутой руки, располагалась дверь в комнату, где они с ней обучались. Однако у него появилось сильное ощущение, что бродить здесь сейчас опасно.

Но ведь нужно хоть что-то сделать! Если продолжать просто сидеть и думать, то он сойдёт с ума! Следует как-то узнать, где он и как сюда попал. Почему-то он всё больше уверялся в реальности окружающего. Это не сон. Произошло нечто, совершенно выходящее за пределы его понимания. Ему должны объяснить!

Рамсей торопливо шагнул к двери комнаты Теклы. Но не поднял руку к затвору. Текла определённо отослала его. И пока он не узнает больше, нужно придерживаться установленных ею правил. А чтобы знать больше, он должен научиться разговаривать.

Рамсей вернулся к кушетке и постарался расслабиться. Начал даже произносить слова, которым она его учила,

каждый раз призывая для объяснения мысленную картину. Он уже знал названия всех предметов мебели в своей комнате, знал обозначения простых действий, но, конечно же, нужно побольше расширить словарь. В конце концов, вопреки своей воле, он ощутил сильную усталость. Может, если уснуть, сон вернёт его в нормальный мир?

Это была его последняя мысль перед сном, но спал он без сновидений или просто не помнил их, когда проснулся от лёгкого прикосновения. Открыв глаза, он увидел склонившуюся к нему Гришильду.

— Идём... — она произнесла это слово, отчётливо шевеля губами, явно стараясь, чтобы он понял.

Всё ещё не вполне проснувшись, Рамсей сел. У женщины на руке висел богато украшенный жакет, который он снял перед сном. Она нетерпеливо смотрела на него.

Они вернулись в комнату, где девушка учила его словам, но Теклы здесь не оказалось. Старшая женщина не стала задерживаться, но поманила его во вторую комнату.

Здесь стены были отделаны сверкающими светло-зелёными плитами, в которых плясали серебристые искорки. В центре комнаты, в полу, — ванна, подобная небольшому бассейну. От воды поднимался хвойный запах.

На скамье рядом с ванной лежала груда полотенец. Всё это настолько походило на ваннные помещения его мира, что Рамсей сразу понял, куда попал.

— Мойся... — Гришильда махнула рукой в сторону ждущей ванны. Потом указала на свежую одежду на скамье по другую сторону от полотенец. — Одежда, — и жестами показала, как одеваются.

Но как выбраться из этого обтягивающего трико? Рамсей не видел никаких отверстий. Он слегка оттянул ткань от горла, но она тут же прильнула снова. А потом он услышал за собой смех.

К нему, широко улыбаясь, подошла Гришильда. Протя-

нула руку к его правому плечу, нажала, и на груди юноши ткань разошлась ровной щелью.

— Так... — сказала она и положила его пальцы навшитую в ткань пуговицу. Потом резко повернулась и вышла.

Рамсей снял трико, не заметив большого зеркала на стене. Но когда уловил в нём свои движения, то, раздевшись, подошёл к серебристому стеклу и остановился перед ним. И хотя догадывался, что не будет выглядеть самим собой, испытал настоящий шок.

Черты лица в основном остались прежние, не хватало только небольшого шрама на щеке, который он получил при встрече со щепкой в то лето, когда работал на лесозаготовках. Волосы были зачёсаны назад, а спереди и с боков коротко подстрижены. Волосы стягивала широкая золотая лента, усаженная красными камнями. И ещё... уши... в них болтались серьги с крупными красными камнями.

На лице ни следа бороды; вообще на теле почти не было волос. А на груди алел рисунок — татуировка красного цвета, подсказал палец, которым он потёр линии, — в виде свирепой птицы, может, орла или ястреба, с полуоткрытым клювом и опущенными крыльями.

Итак — это Каскар! Мёртвый Каскар. Но только он, Рамсей, совсем не мёртв.

Он снял ленту, отстегнул серьги. Но птицу смыть будет невозможно: она часть кожи. Что касается остального, то, по его мнению, выглядел он как обычно.

Но он хотел знать — должен был знать!

Рамсей опустил в воду. Увидел чашку с каким-то зелёным веществом — похоже на нефрит, но это оказался мягкий крем, издававший острый приятный запах. Он зачерпнул горсть, и вода запенилась. Мыло! Вооружившись им, Рамсей принялся роскошествовать в самой большой виденной им в жизни ванне.

Когда вода остыла, он вышел и насухо растёрся ожидавшими полотенцами. Потом осмотрел грудю одежды. Одежда по текстуре ткани и украшениям отличалась от той, что он снял, эта была гораздо проще.

Трико, которое он натянул на себя и застегнул с помощью кнопки-пуговицы на плече, было того же ржаво-красного цвета, что и одежда Гришильды. А жилет-куртка поверх трико — зелёный, без всякой вышивки или камней на груди. На правом плече топорщила усы небольшая кошачья голова. Куртка оказалась короче его прежней золотой по крайней мере на три дюйма.

Он не стал надевать золотую ленту и серьги. И стоял перед зеркалом, приглаживая волосы руками, поскольку не нашёл никакой щётки, когда вернулась Гришильда. На этот раз с ней пришла Текла.

Одета была девушка так же, как в прошлый раз, но вот выражение лица — далеко не такое спокойное. Она подошла прямо к нему и осмотрела с головы до ног, как будто в его внешности таилось что-то очень важное.

— Беда... — чётко выговорила она. — Ты... иди.. с Гришильдой... иди в Килсит. Ищут Каскара... найдут... — она яростно качнула головой, — убьют.

Она несколько раз повторила это слово, ударяя концом пальца его в грудь, как ножом.

— Очалл... сердитый... грозится... ты должен уйти.

И прежде чем Рамсей мог возразить или задать вопрос, она подтолкнула его к скамье. Подбежала Гришильда с раскрытой шкатулкой в руках. Она держала её наготове, а Текла разглядывала содержимое — набор тюбиков и бутылочек.

Наконец девушка выбрала один из тюбиков и раскрыла его. Изнутри выступил толстый, похожий на карандаш стержень. Текла твёрдо взяла Рамсея за подбородок, повернула лицом к свету и быстрыми мазками закрасила брови.

Содержимым другого тюбика смазала волосы и завершила работу, нанеся на лицо слой крема. Потом жестом указала на зеркало.

Больших изменений с помощью своей косметики она не сделала, но эффект вторично поразил Рамсея. Кожа его стала гораздо темнее, брови гуще, они почти смыкались над носом. Лоб стал ниже, и всё лицо — грубее и старше.

— Хорошо, хорошо! — подтвердила Гришильда, восхищаясь работой девушки.

Но Текла пожала плечами.

— Немного, — сказала она. — Но это всё, что можно сделать. Слушай! — она схватила Рамсея за рукав и оттащила от зеркала. — Ты должен идти — с Гришильдой. В Килсите будешь в безопасности... потом я приду. Ты учись говорить... Гришильда научит. Нельзя, чтобы захватил Очалл... или... — она заколебалась... — или другие. Мы планируем... ты действуешь. Ешь... Иди... — она махнула рукой.

Рамсей хотел возразить. Но её тревога была так очевидна, что юноша понял, что может доверять ей. Она сумела — не разрозненными словами, а эмоциями — показать, что говорит совершенно серьёзно. Ему тут опасно оставаться, и план побега — его единственная надежда.

Он торопливо поел, найдя еду на подносе в другой комнате. Пока он жевал и глотал, Текла расхаживала по комнате, говоря с Гришильдой. Вероятно, отдавала приказы, но говорила так быстро, что Рамсей понял только одно или два слова. Дважды Гришильда, по-видимому, попыталась возразить, но Текла останавливала её.

Наконец старшая женщина набросила на плечи плащ и подала Рамсею знак завернуться в другой. Потом указала на него и на небольшой сундучок, стоявший на полу. В крышку сундучка была продета верёвочная петля, и Рамсей понял, что должен нести его.

— Ты... — Текла снова обратилась к нему непосредственно, — человек Гришильды... слуга. Она едет в Килсит... там безопасность.

— Спасибо, — сказал Рамсей, — но почему...

— Почему я это делаю? — девушка быстро закончила за него вопрос. — Узнаешь позже. Учись... говорить... потом поговорим, я тебе сказала. Останешься здесь... Очалл... другие найдут... как Каскара... будешь мёртв.

То, что она верит в обоснованность своих страхов, было очевидно. А он не мог возразить так, чтобы она поняла. Лучше слушаться, по крайней мере первое время, пока он не узнает лучше их язык и не поймёт, что здесь происходит, где он и почему оказался в их мире.

Юноша уже повернулся, подхватив сундучок правой рукой, когда Текла схватила его за левую и крепко сжала обеими руками. Рамсей удивился ещё больше, чем когда увидел в зеркале произведённые ею изменения. Потому что как будто поток энергии устремился из её ладоней в его руку.

И дело было не только в физическом контакте. В сознании возникла необходимость торопиться и соблюдать осторожность, предупреждение об опасности, совет выполнять все указания Гришильды, чтобы не выдать себя и не подвергнуться необъяснимой, но совершенно реальной опасности.

— Хорошо, — сказал Рамсей в ответ на это мысленное предупреждение. — Я сделаю, как ты говоришь.

Кое-что он сказал на её языке, кое-что — на собственном.

Текла энергично кивнула и выпустила его руку, разорвав контакт, такой странный, никогда не испытанный им раньше. Рамсею хотелось, чтобы она продолжила, пусть ненадолго. Может, тогда он узнал бы больше... Но он понял, что нужно торопиться, и послушно прошёл вслед за

женщиной в дверь, которую Гришильда так тщательно закрыла при их первой встрече.

Они оказались в широком коридоре, устланном коврами, с панелями на стенах, со светящимися шарами, развешенными вдоль всего прохода через равные интервалы. Гришильда пошла быстро, сделав знак, чтобы он держался за ней на должном, как он предположил, расстоянии для слуги, роль которого он теперь играл.

Дважды им встречались люди в таких же куртках, как у него. Но костюмы под ними были жёлтого цвета с небольшими значками с изображением орла или ястреба, такого же, как у него на коже груди. Встречные поглядывали на Гришильдуду, но не заговаривали. И Рамсею показалось, что его они вообще не видят, как будто слуга не достоин даже любопытного взгляда.

Коридор кончился у широкой лестницы, а внизу начался новый коридор, ещё более широкий. В конце его у двери стояли на часах два стражника, в такой же одежде, как те, что у гроба. Один сделал шаг вперёд, собираясь о чём-то спросить. Но Гришильда властно подняла руку. В руке её сверкнула серебряная пластинка с изображением кошачьей головы с камнями вместо глаз. Стражник отступил, освобождая проход.

Второй открыл дверь, и Гришильда выплыла в неё, Рамсей — за ней. Они наконец выбрались наружу, в сгушавшиеся сумерки, хотя, по-видимому, по-прежнему находились в пределах здания. С трёх сторон возвышались пятиэтажные здания, с четвёртой — просто стена. Но в нескольких шагах от двери стоял экипаж, каких Рамсею не приходилось видеть. Что-то типа пассажирского купе на трёх ногах, подобных ходулям, оттуда спускалась лестница. Гришильда заторопилась к ней, и Рамсей в роли слуги догадался пойти быстрее и вовремя оказаться у лестницы, чтобы помочь подняться.

Внутри он увидел сидения, а Гришильда тем временем обвязывалась широким ремнём; Рамсей последовал её примеру. Только часть объёма странного средства передвижения была отведена пассажирам, и Рамсей заключил, что рядом должна быть ещё кабина для пилота или водителя.

Ему пришлось ухватиться за край сидения. Он с трудом глотнул, потому что экипаж рывком, от которого едва не перевернулся желудок, поднялся вверх. Гришильда не удивилась; в сущности она с тревогой наблюдала за ним, но спустя секунду-две улыбнулась.

Наклонившись вперёд немного, потому что её полную грудь удерживал ремень, она пояснила:

— Летим...

Но экипаж ничем не походил на самолёты его мира. Рамсей не видел лопастей, какие бывают у вертолёта, и насколько он помнил, у него не было и крыльев. Никакого разбега для обычного взлёта. Да и места для такого разбега во дворе не хватило бы.

Но они летели, и когда он прижался к окну справа от себя, то увидел внизу целую россыпь огней. Несомненно, они летели над большим городом.

Без часов Рамсей не мог судить о времени, но летели они недолго и опустились с такой же быстротой, с какой взлетели. Гришильда расстегнула ремень, двери раскрылись автоматически, лестница тоже опустилась сама. Рамсей спустился, поставил сундучок на землю, повернулся и помог Гришильде сойти.

Они смешались с толпой пассажиров, которые прилетали и улетали в таких же небольших флаерах. Поток людей вливался в большое здание, и Гришильда пошла в том же направлении. Рамсей шагал за ней, стараясь незаметно разглядывать окружающих. Одежда у всех была стандартная, единственная разница в длине куртки. Женские длиной до лодыжки и с разрезами по бокам. Мужские короче, как

у него самого (к тому же, как правило, проще и без украшений), или чуть подлиннее, как та, что была у Каскара. Более длинные украшали вышивки и различные богатые драгоценности. Обычно людей в длинных куртках сопровождали несколько в коротких. Заметны были серьги и ленты в волосах, хотя и не такие дорогие, как были у него. Иногда вместо металла попадалась лента из ткани с вышитым узором.

Когда они оказались в здании, Гришильда подождала, пока он не поровняется с ней.

— Идём сквозь, — прошептала она. В руке её опять появилась та же серебряная табличка, которую она показывала стражникам у двери. Она решительно проложила дорогу в толпе, и они оказались у ворот, забранных решёткой. За решёткой виднелся ряд капсул, соединённых вместе, как бусы. В каждой капсуле двери для входа пассажиров, внутри размещалось четыре человека.

Гришильда показала табличку человеку у ворот. Тот внимательно осмотрел её, потом протянул руку назад и потянул за цепочку. Через мгновение подбежал ещё один человек в такой же форме. Он в свою очередь рассмотрел пропуск Гришильды, если это был пропуск, потом поклонился, что-то негромко сказал и провёл их вдоль линии пулеобразных экипажей. Картинно открыл дверь одного из них, подождал, пока они войдут, и снова закрыл за ними.

Спутница Рамсея с облегчённым вздохом скинула плащ.

— Хорошо. Здесь безопасно. Одни... больше никого...

Женщина выбрала одно из четырёх слегка наклонных сидений, села и снова закрепила ремень. Потом указала на соседнее сидение. Но Гришильда не собиралась отдыхать в пути. Напротив, она тут же стала выполнять приказ Теклы и учить своего псевдослугу языку.

Гришильда обладала твёрдостью человека, знающего свой долг и намеренного неукоснительно его выполнять. Не

успела машина, в которой сидел Рамсей, задрожать, как он уже учился. И понял, что так будет продолжаться всю дорогу. Здесь не было окон, в которые можно было бы посмотреть на страну и отвлечься от урока. А женщина трудилась напряжённо.

Она не только продолжила показывать на предметы и называть их, но и достала из сундучка пачку страниц, свободно скреплённых в одном углу. Рамсей не мог сказать, служит ли это здесь книгой, но сосредоточился на учении почти с тем же пылом, с каким его учили. Если он научится говорить, возможно, поймёт природу этого странного... сна? Почему-то он уже не был уверен, что это сон. Хотя представить себе не мог, что же его здесь удерживает.

Рот давно пересох от повторения слов, но словарь его очень увеличился, когда Гришильда повернулась и нажала на кнопку в стене.

— Поедим, — сказала она ему, — и попьём. Это так утомительно — учить с самого начала.

Через несколько мгновений в стене открылись две щели, и из них выскользнули два закрытых подноса. Подносы опустились на выдвинувшуюся полку. Рамсей снял крышку со своего подноса и обнаружил в секциях квадрат желтоватого хлеба, что-то похожее на сушёные фрукты (чуть сморщенные груши и персики) и в самой большой секции какая-то похлёбка. Вдобавок тубик. Гришильда показала ему, как снимать крышку с тубика. Внутри плескалась тёмная жидкость.

Рамсей зачерпнул ложкой похлёбку. Станный вкус ему не очень понравился, но это еда, а он проголодался. Напиток был терпкий, похожий на фруктовый сок. Рамсей с удовольствием поел и напился, а Гришильда тем временем называла все блюда и заставляла его повторять за собой. Время от времени, как и во время урока, она качала головой, когда он неправильно произносил трудные звуки.

Хотя его акцент никак не мог удовлетворить учительницу, Рамсей старательно учился. Когда она говорила медленно, он понимал теперь более длинные и сложные предложения. Они закончили есть и сунули подносы назад в щели. Тут Рамсей взял на себя инициативу и задал вопрос.

— Куда мы едем?

— В Килсит, место, куда уезжает госпожа, когда хочет остаться одна, подальше от двора. Оно за границей, не в Уладе.

— А сейчас мы в Уладе?

— Да. А едем в Олироун, страну моей госпожи. Хотя у неё собираются отобрать наследные земли, — в голосе её прозвучала горечь.

— Кто собирается?

— Правители Улада. Они хотят, чтобы она обручилась с наследником Улада. Моей госпоже это не нравится. Но если бы она отказалась, Улад применил бы силу и просто-напросто захватил Олироун. А если она обручится, возможно, будет по-прежнему править и позаботится, чтобы её люди не стали слугами империи.

— А этот наследник, с которым она должна обручиться, кто он?

— Он... это был Каскар.

— Но... — Рамсей обдумал услышанное. — Каскар... мёртв.

— Я не знаю всех подробностей, — откровенно ответила Гришильда. — Могу сказать только то, что слышала от госпожи и видела собственными глазами. Когда мы не по своей воле явились в Лом, где правит император, моя госпожа пошла к старой императрице. Её царственное великолепие Квендрида сообщила госпоже какую-то тайну, и у той стало легче на сердце. Вернувшись, она сказала мне, что нам нечего бояться: она не должна немедленно выходить замуж за Каскара.

Вскоре стало известно, что он умер, скоропостижно, от какой-то болезни сердца. Его на время отнесли в Зал Отдохновения Императоров, прежде чем похоронить в склепе. Моя госпожа не Просвещённая, потому что не могла оставить свою страну и удалиться в Рошу, покинув дела мира. У неё есть долг перед Домом и своим народом. Но Путь Просвещённых всегда манил её, и ей дали кое-что из их знания.

И вот, узнав, что Каскар мёртв, она пошла помолиться, чтобы его не судили строго у Последних Врат, чтобы милосердие смягчило приговор, когда он предстанет там. И нашла... тебя...

— Я не Каскар.

— Так поклялась и моя госпожа. И так как она обладает Знанием, я ей верю. К тому же поднялся большой шум, когда гроб обнаружили пустым, а стражников — зачарованными... Но это... — она улыбнулась. — Это дело рук моей госпожи. Иначе она никак не могла увести тебя. Я твою тайну не знаю, а она знает. И говорит, что ты в опасности. Тебя ищет не только Очалл. Есть и другие, обладающие почти такой же властью. Они хотят, чтобы Каскар был мёртв, тогда как Очалл хочет видеть его живым.

— А кто такой Очалл?

Она долго молча смотрела на него, прежде чем ответить.

— Незнакомец, я не знаю, кто ты и откуда пришёл. Но госпожа заверила меня в тебе и сказала, что я должна отвечать на любые твои вопросы, если смогу. Однако мне трудно поверить, что ты ничего не знаешь об Очалле, Железной Воле, Каменном Сердце.

Он верховный советник Улада и с тех пор, как император заболел душой и телом, уже несколько лет обладает высшей властью в стране. Каскар был не правящим принцем, а игрушкой в его руках. Все знали, что когда император испустит последний вздох, страной, прикрываясь Каска-

ром как ширмой, будет править Очалл. А теперь Очалл считает, что, возможно, принц на самом деле не умер, но был одурманен наркотиками и его похитили те, кто не хочет видеть его на троне. Однако у верховного советника нет доказательств. А те, кто выигрывает от смерти Каскара... моя госпожа опасается, что они захотят доказать, что он умер, предъявить его тело народу.

— Но я не Каскар, — повторил Рамсей. — И как я сюда попал?

Гришильда покачала головой.

— Не знаю. Хотя, возможно, знает моя госпожа. Это, должно быть, часть той тайны, что доверила ей старая императрица. Когда госпожа приедет в Килсит, она сможет ответить на твои вопросы, которых я не понимаю. Это правда, что ты не Каскар. Теперь другой человек смотрит его глазами, говорит его языком. Это правда — и это удивительно. Но так как ты похож на Каскара, ты в опасности, пока дело не прояснится. Поэтому госпожа и отправляет тебя в Килсит. Там ты можешь подождать в безопасности.

Рамсей покачал головой. Это невероятно — никакой логики, какая-то галлюцинация. Но было совершенно очевидно, что Гришильда верит в свои слова. А он должен узнать от неё, что сможет, надеясь покончить с этой дикой ситуацией и вернуться к реальности.

Глава 4

Дрожь прекратилась, поезд (вероятно, так можно было назвать эти соединённые в цепь капсулы) как будто остановился. Гришильда сунула руку в разрез одежды и снова извлекла серебряную пластинку с головой кошки.

— Мы на границе, — сообщила она. — Это символ госпожи, он проведёт нас через границу. Но... — она

повернула голову и указала на сидение за собой, — так как ты играешь роль слуги, играй как следует, жди меня молча. Я первая компаньонка госпожи.

Рамсей понял её и быстро пересел на заднее сидение, отведённое для слуг. Он надеялся, что его не станут расспрашивать, иначе ломаная речь может выдать беглеца.

Дверь, через которую они вошли, скользнула в сторону. Заглянул человек в плотно облегающей шапке, скорее похожей на капюшон, со значком кошки. Гришильда ничего не сказала, только подняла пластинку. Тот мигнул, поклонился, и дверь снова закрылась.

— Хорошо! — спутница Рамсея перевела дыхание, словно долго сдерживала его. Может, она вовсе не была так уверена в себе, как старалась казаться. И Рамсей подождал, пока поезд не тронулся, прежде чем снова пересел на переднее сидение.

— Нам ещё далеко? — спросил он.

— Нет. Скоро Материнг, станция в Верхней провинции. Там нас будут ждать. Килсит раньше, до правления госпожи, был охотничьим домом. Но те, что из Роши, не убивают, они хранят жизнь. Поэтому в Килсите больше не охотятся, теперь там живут те, кто защищают жизнь леса Ворст, а не уменьшают его силы. А сейчас... — Гришильда поджала губы, и между глазами у неё появилась небольшая морщинка. — Слушай внимательно, человек, который не Каскар. В Килсите ты не сможешь играть роль слуги, потому что те, кто там живут, быстро поймут, что ты не из их числа. Поэтому моя леди подумала и изобрела для тебя другую роль. Но ты должен хорошо подготовиться, чтобы сыграть её правильно. Теперь ты Арлут и прибыл из Толкарна — это за морем.

В Толкарне живут по старым обычаям, и часто один Дом смертельно враждует с другим. Это дикая страна, и там легко льётся кровь. Ты, Арлут, родич моей госпожи, но уже

несколько поколений отделяют тебя от её Дома. И ты единственный живой наследник, твоя жизнь должна быть сохранена, иначе твой Дом погибнет и больше не будет мужчины, который смог бы встать перед очагом Дома в Высокие Дни. Тебя преследует кровная месть, и потому с разрешения госпожи ты скрываешься здесь. Понятно?

«Сон становится всё более диким и нелепым», — подумал Рамсей. Но сказанное Гришильдой понять было легко.

— Да. Я Арлут и скрываюсь здесь, потому что враги поклялись убить меня.

— Ты будешь жить в Килсите, — продолжала Гришильда, — а наши люди получают причину опасаться тех, кто может тебя искать. Любого пришельца сочтут твоим кровным недругом из Толкарна или наёмным убийцей. Поэтому если в Уладе заподозрят что-то и отправят за нами лазутчика, нам об этом немедленно станет известно. К тому же, это хороший предлог держаться незаметно и за закрытыми дверями — в Красных Королевских покоях, в них ведёт только одна дверь, так как у Гурон Красный в своё время и сам опасался убийц. А когда приедет госпожа, она расскажет нам всё, что узнала.

План казался аккуратным и логичным, если что-нибудь в этом захватившем его лабиринте может быть так названо. Он будет незаметно жить в Килсите, под охраной людей, которые посчитают, что за ним охотятся наёмные убийцы, и ждать хоть какого-то объяснения.

Какую тайну поведала старая императрица Текле? Как она смогла узнать то, что произошло с неким Рамсеем Кимблом? Он привык считать, что обладает живым воображением, но никакое решение проблемы не приходило в голову. Ничего не оставалось, как плыть по течению, пока он не уцепится за какой-нибудь новый факт.

Когда они вышли из пулеобразного вагона, уже наступило утро. Рамсей не увидел ничего, что подсказало бы ему

принцип движения поезда. Эти похожие на бусы капсулы двигались не по рельсам, а скользили по канавке в земле, которая занимала место привычных рельсов его мира.

Вблизи виднелись крыши города. У платформы, на которую они сошли, стоял небольшой фургон со впряжёнными... Рамсей присмотрелся внимательней. Не лошади, а большие вапити или лоси его собственного мира! Двое были впряжены по бокам третьего — коренника. На высоком сидении устроился человек с вожжами в руках; животные фыркали и мотали рогатыми головами, им не нравилась близость поезда. Но поезд уже начал отходить.

Рамсей поднял сундучок за верёвочную ручку и пошёл за Гришильдой, которая направилась к запряжённому лосями фургону. Он помог ей подняться на обитое кожей сидение, а сам сел напротив. Кучер, увидев, что они сели, дёрнул вожжи, и лоси быстро пошли.

Они не свернули к городу, а двинулись параллельно канавке поезда по немощёной дороге. Впереди справа Рамсей видел тёмную линию — там, несомненно, был лес; по сторонам дороги тянулись поля за изгородами, на них созревал урожай.

Линия поезда ушла в сторону. Теперь вид слева закрыли заросли кустарника, кое-где отдельные деревья возвещали близость леса. Лоси пошли ровной рысью, а у фургона, по видимому, совсем не было рессор. Пассажиров бросало взад и вперёд на сидениях, пришлось крепко схватиться за края скамьи и держаться, предупреждая толчки и прыжки.

Сама дорога становилась всё уже и уже и скоро превратилась просто в старую колею. Поля остались позади, и фургон теперь двигался по опушке леса.

Тут пришлось переваливаться через груды опавшей листвы, пахло растительностью. Рамсею показалось, что он различает запах сосны, и он был уверен, что видел клёны, дубы и берёзы. Вапити, везущие фургон, были крупнее и

тяжелее тех, что он видел в своём мире, но деревья и вообще растительность казались похожими. Всё это он не мог извлечь из своего воображения, как бы ни овладело им так называемое подсознание, производя этот сон.

Они ушли от солнца и погрузились в зеленоватую полумглу. Вначале Рамсей был рад, что стало не так жарко. Но потом ощутил какое-то угнетение, какой-то упадок духа, словно лес отвергал его. Кричали птицы, он видел, как они летают меж деревьев. Белка раздражённо трещала на ветке. Но чувствовалось здесь что-то ещё... что-то древнее, грозное...

Рамсей помотал головой, чтобы утихомирить своё воображение. С того времени как они покинули станцию, он не обменялся с Гришильдой ни одним словом. В сущности юноша почти перестал замечать её присутствие, борясь с усиливающейся тревогой.

Дорога свернула вправо, они ещё больше углубились в лес, и Рамсею всё меньше и меньше нравился зелёный сумрак. Он не часто жил в лесной глуши, только когда работал на лесозаготовках и несколько раз бывал в походах в ухоженных национальных парках. Но никогда он не чувствовал, что за ним наблюдают, следят...

Неожиданно он заметил монолит, столб из красного камня, торчащий среди зелени как копье. Он не мог быть капризом природы. Повернувшись, чтобы задать Гришильде вопрос, юноша увидел, как она подняла руку к груди и сжала в кулак, направив на камень указательный палец и мизинец. И произнесла несколько слов, которые он не расслышал.

— Что это?

Женщина нахмурилась сильнее.

— Один из Древних... там сзади... скрыто... одно из мест Силы. Мы туда не ходим. И не говорим об этом.

И она бросила на него предупреждающий взгляд.

Он послушно сдержал язык. Если он Арлут, ему следует придерживаться местных обычаев. И подумал, долго ли им ещё пробираться этими дикими путями. Рука у него болела от усилий удержаться на месте, он устал...

Но путешествие казалось бесконечным. Один или два раза фургон останавливался, давая возможность передохнуть животным. Но кучер ни разу не заговорил с пассажирами, и Гришильда тоже молчала. Да и сам Рамсей опасался говорить, плохое владение языком может выдать его кучеру.

Наконец в зелёной стене показался просвет. Вапити вырвались на освещённое солнцем пространство и заревели, радостно предвкушая конец пути.

Три четверти поляны занимало низкое здание и окружающие пристройки. Стены были сложены из того же красного камня, что и столб в лесу, но эта постройка представляла собой жилой дом с узкими, забранными решётками окнами и простой дверью на больших петлях и с запором. Черепичная крыша у карниза поросла зелёным мхом.

Фургон остановился перед дверью, которая открылась, прежде чем они успели выйти. На пороге стояла женщина с закатанными рукавами платья, а пояс подтягивал юбку, словно он приготовилась к какой-то работе. Тело у неё было плотное, короткое, лицо широкое, с приплюснутым носом, настолько не похожее на лицо Теклы, словно женщина принадлежит к другой расе, хотя кожа того же коричневого цвета. Чёрные, но не короткие, как у Теклы и Гришильды, волосы были заплетены в косу, а коса обёрнута вокруг головы и заколота несколькими медными булавками с головками из того же металла.

Женщина низко поклонилась Гришильде, потом неуверенно взглянула на Рамсея. Гришильда произнесла несколько фраз, которых Рамсей не понял, и женщина и ему отвесила почтительный поклон.

— Это Эмека, жена главного лесничего и хранителя дома. Она из Заговы и плохо владеет нашим языком. Я сказала ей, что ты дальний родственник госпожи. Позже я подробнее расскажу ей историю, которую придумала госпожа.

Они вошли в длинную комнату с зияющим провалом огромного очага против двери. Внутри царили тени, потому что узкие окна пропускали очень мало света. Пол был каменный, каменные же стены покрывали ковры грубой работы с рисунками и гербами, которых Рамсей не знал.

На широкой доске над камином стояли три маски из начищенной меди. Рамсей узнал довольно реалистичные изображения волка, оленя и дикого кабана. Изогнутые клыки кабана придавали маске злобный, угрожающий вид.

Массивная мебель выглядела так, словно стоит здесь столетия. Дерево потемнело от времени. У камина расположились две скамьи с высокими спинками, несколько стульев, длинный стол и вдоль стен тянулись сундуки и буфеты.

Немного погодя — Гришильда осталась внизу — Рамсея провели по лестнице с неровными ступенями наверх в комнату, где он нашёл такие же массивные, как и мебель внизу, кровать с резными столбиками, два шкафа, стол и несколько стульев. На занавесях застыли различные животные, столь же реалистичные, как и маски. В комнате пахло затхлостью, как будто ею давно не пользовались.

Эмека торопливо прошла мимо Рамсея, открыла оба зарешеченных окна, чтобы впустить воздух и немного света. Потом снова поклонилась и вышла. Рамсей осмотрелся и обнаружил за одним из занавесов примитивную ванную — вода постоянно текла через отверстие в стене, словно её качали из какого-то источника. Воду можно было набрать в небольшую ванну в полу, заткнув пробкой отверстие. Но мыться, решил Рамсей, нужно быстро, иначе вода заполнит ванну и затопит всю комнату.

Его больше интересовала кровать: пришлось признаться, что очень захотелось спать. Спать — и он всё ещё надеялся, что если уснёт достаточно крепко, то проснётся в своём родном мире. Он разделся и заполз в пещеру кровати. Свежие простыни слегка пахли цветами или травами. Рамсей со вздохом опустил голову на подушку.

На этот раз он не лежал без сна, пытаясь понять, что же произошло. И если ему и снилось что-нибудь, проснувшись, он не помнил.

Рамсея разбудил стук в дверь. В узкие окна по-прежнему светило солнце. Он сел и закутался в одеяло. На мгновение забылись все слова, которые Гришильда вколачивала в него во время путешествия. Он не мог вспомнить ни одного, даже самого простого выражения. Но потом взял себя в руки, выбрался из постели, подошёл к деревянной двери и поднял запор.

Снаружи стоял человек с большим медным кувшином в руках, из кувшина поднимался пар; через плечо у пришедшего свисала свежая одежда.

— Твой слуга, лорд... — человек в грубоватом приветствии кивнул головой.

Он был одет в коричневое, с обязательным изображением кошачьей головы, на этот раз на медном значке, приколотом у плеча. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке; возможно, никогда раньше не исполнял роль камердинера. Но налил горячей воды в ванну, и Рамсей, помня, что ванна может переполниться, быстро ополоснулся. Лесник вернулся в комнату и положил на кровать принесённую одежду. Как и его собственная, она состояла из облегающего коричневого трико и зелёной куртки, но была сшита из более тонкого материала. На медном значке поблескивала сверкающими камнями глаз кошачья голова.

— Леди Гришильда, лорд, — человек говорил медленно, как будто тоже подыскивал слова на чужом языке. — Она

просит вашего благородного присутствия. Получено сообщение...

Рамсей поблагодарил и быстро оделся. Человек оставил его в одиночестве в комнате, где лучи заходящего солнца уже не касались пола. Сообщение? Рамсей посчитал, что оно может прийти только от одного человека — от Теклы. И решил, что скоро у него появится возможность расспросить девушку, задать вопросы, которые звучат у него в сознании как будто уже несколько дней.

Он нашёл Гришильду внизу. Она сидела на стуле у стола, накрытого кремового цвета скатертью. На столе стояли тарелки, лежали ложки, вилка с двумя зубцами и нож, все с одинаковыми ручками.

Гришильда при его появлении встала и склонила голову, создавая впечатление, подумал Рамсей, что он выше её рангом. Но юноша ответил на её молчаливое приветствие поклоном, который скопировал у лесника.

— Леди...

Она улыбнулась.

— Ты очень любезен, мой лорд. Не пожелаешь ли сесть и поесть? Конечно, здесь не городской пир. Но еда вкусная.

Она указала на стул во главе стола. Рамсей занял место, и Эмека и молодая девушка, похожая на неё, торопливо принялись обслуживать его.

Как и пообещала Гришильда, еда оказалась вкусной и питательной. Половина какой-то птицы в соусе, тёмный хлеб, мёд в сотах, сладкий картофель, бобы — овощи запечённые, с каким-то необычным вкусом. Пища опять напомнила американцу об его собственном мире; именно это сходство, каким бы незначительным оно ни казалось, больше всего его тревожило.

— Ты получила послание, леди? — он не мог больше ждать.

Гришильда кивнула.

— Оно пришло птичьей почтой, так госпожа всегда шлёт сюда сообщения. Она уже на пути сюда, но сначала должна побывать в Иртише, своём доме, и потому задерживается. Лазутчики Улада следят за ней — это несомненно. Хотя подозревают ли... — Гришильда пожала плечами. — По одному подозрению они не посмеют её задержать. Поскольку Каскар мёртв, обручение не состоится и она имеет полное право вернуться в Олироун. Мы можем ожидать её через два дня, может, даже раньше.

Два дня — Рамсею показалось, что это очень долго. Час проходил за часом, и Рамсей понял, что нетерпение может сожрать человека. Гришильда предупредила, чтобы он не уходил никуда, даже не выходил из дома, чтобы его не заметили, хотя продолжала утверждать, что любого чужака лесники быстро обнаружат и доложат об его появлении.

В доме хозяйничала семья Эмеки, которая состояла из её мужа, старшей дочери, муж которой и играл роль неуклюжего слуги Рамсея, и двух младших детей: мальчика и девочки, которые время от времени украдкой поглядывали на гостей в окно или через дверь. Они явно побаивались Гришильды, а может, и Рамсея, который, по слухам, был родственником, пусть и далёким, правительницы этой страны.

Делать было почти нечего, оставалось только совершенствоваться в языке, и Гришильда терпеливо помогала Рамсею в этом. Он пытался расспрашивать её о положении в этой стране, и о том узле, которым связаны Каскар, Текла, а теперь и он сам.

Так он узнал, что Олироун — небольшое независимое государство. Несмотря на то, что Улад давно стремится захватить его, главным образом из-за богатых залежей полезных ископаемых, которые местными жителями разрабатываются очень экономно, Олироун сохранил

независимость. В основном благодаря могущественной и влиятельной группе религиозных предводителей, так называемых Просвещённых. Со слов Гришильды Рамсей понял, что они обладают какой-то способностью воздействовать на сознание, и простые люди почитают и боятся их. И если бы Улад попытался применить силу против своего маленького соседа, он тем самым расшевелил бы осиное гнездо среди собственных крестьян.

Однако в последние годы у императрицы-матери Улада появился советник из числа Просвещённых, по имени Оситес. И советники Олироуна испугались, что невидимое равновесие силы изменится, сторона Улада перевесит. К тому же Очалл начал преобразование армии, распустив солдат, пожелавших уйти, по домам. Вместо них он привлёк наёмников из-за границы, людей, воюющих не из верности, а только ради денег. И из какого-то источника Очалл черпал неограниченные средства для содержания армии.

Наёмники не испытывали страха перед Просвещёнными. Все знали, что Каскар — всего лишь марионетка, что после его восшествия на трон истинным правителем станет Очалл. Олироун оказался в серьёзной опасности. Настолько серьёзной, что Текла согласилась выйти замуж за слабого и несамостоятельного наследника.

— Она пошла в Рошу, — рассказывала Гришильда. — И там разговаривала со Слышащей. Слышащая сделала предсказание. Обнаружилась только одна дорога — брак Теклы с наследником Улада. Во всех остальных направлениях — гибель. Потому что Просвещённые не пользуются своей Силой, чтобы спасти какое-нибудь государство, не принимают одну сторону против другой. Если так поступать, говорят они, Сила покинет их. Они дают советы, но не поддерживают тех, кто обращается к ним. Каждый мужчина и каждая женщина должны решать за себя. Но, должно

быть, какое-то предупреждение моя дорогая госпожа получила: в Лом она отправилась в торжестве, а не в отчаянии.

— Но ты сказала, — заметил Рамсей, — что один из Просвещённых сейчас советник матери-императрицы. Если они не принимают ничью сторону...

— Это так. Он может только давать советы. Советовать, но не действовать на благо Улада. Однако какие советы он даёт, мы не знаем. Ведь Просвещённые смотрят на жизнь не так, как мы. Только им виден рисунок в путанице, которая нам кажется загадкой. И часто их совет может привести человека к беде. А они тем не менее утверждают, что в этой беде лежат семена будущего добра. Поэтому не каждый человек и не каждый правитель решается просить о предсказании. Моя госпожа сделала это, потому что боялась за судьбу Олироуна. Не знаю, что ей сказали, знаю только, что ей показали её выбор...

Гришильда оказалась права в своих догадках, когда её госпожа появится в Килсите. Но Текла прибыла не в фургоне, запряжённом вапити, а во флаере, который коснулся земли перед самым входом в дом и, как только она вышла, немедленно взлетел в воздух и сразу потерялся над лесом в лучах заходящего солнца.

Гришильда с приветственными возгласами побежала вперёд, схватила руку хозяйки, сначала поцеловала её, потом прижала к груди. Слезы хлынули из её глаз. И Рамсей понял, что несмотря на внешнее спокойствие, женщину все эти дни мучила тревога за девушку, которую она явно любит. Текла поцеловала её в щеку и свободной рукой потрепала по плечу. Но и её глаза блестели, словно от непролитых слёз. Потом она посмотрела туда, где стоял Рамсей, и подняла руку в приветствии.

Он поклонился, но не подошёл к ним. Хотя его и мучило нетерпение, инициатива должна принадлежать девушке. Сейчас не время было задавать вопросы.

Они обратились к вопросам и ответам только после ужина, когда Эмека и её старшая дочь очистили стол и семья лесника удалилась в свои помещения в тыльной части дома. Текла смотрела, как закрывается дверь за поклонившейся Эмекой, потом сразу повернулась к Рамсею.

— Наш лесной наряд идёт тебе, кузен, — заметила она.

— Но у нас мало времени. Я советовалась с Эдайс...

Он услышал, как шумно вздохнула Гришильда, Текла быстро глянула на неё.

— Да, я снова попросила предсказания, дорогой друг. И... — девушка подняла руки и опустила их на колени. — И оно осталось прежним, даже после смерти Каскара. Олироун и Улад должны сочетаться браком, чтобы мой народ получил в будущем безопасность. Это, разумеется, означает Бертала, двоюродного брата принца Каскара. Что ж, я мало слышала о нём плохого, но и хорошего тоже немного. Однако он по крайней мере не марионетка Очалла. Но достаточно о моём будущем — нам следует заняться твоим, — она снова прямо обратилась к Рамсею.

— Ты знаешь, как я оказался здесь? — сразу спросил он.

Юноша не ожидал утвердительного ответа, но она кивнула.

— Да. Я поклялась хранить это в тайне. Но теперь меня освободили от клятвы. Оситес и — не прямо — сама императрица. Они боятся тебя, смертельно боятся. Дело это очень странное, — Текла немного поколебалась. — Кажется, существуют области знания, которые незнакомы даже Просвещённым. В Ломе молодой специалист в таких делах сначала пробился к принцу Берталу, а потом к советнику Урsvику. Те отвели его к императрице.

Давно доказано, что существует много миров, находящихся рядом друг с другом, но разгороженных какой-то формой энергии. В этих мирах-двойниках живут наши

двойники, живут по-другому, потому что история этих миров иная. Это Просвещённым давно известно. Они знают также, что в отдельных местах стены между мирами становятся тоньше, их подтачивает какая-то другая неизвестная энергия. И человек, мужчина или женщина, может пройти сквозь стену, исчезнуть в своём мире и оказаться в другом.

Всё это знал и Мелколф, хотя он не Просвещённый, потому что работал не при помощи управления сознанием, а с помощью машин. Он годами создавал их. Ему хотелось свободно путешествовать из мира в мир. Однако у него были причины опасаться Очалла, и потому он предложил Берталу свой план. План был таков. Если отыскать в одном из этих миров двойника Каскара, то можно попробовать переслать личность принца в тело того незнакомца и тут же организовать его смерть. И тогда Каскар, привязанный к тому незнакомцу, тоже умрёт, очевидно, от остановки сердца, и на нём не будет ни следа насильственной смерти.

Трижды проводили они опыты на преступниках, осуждённых на смерть. Но им нужна была помощь Оситеса, потому что плану должен был предшествовать ряд снов...

— Снов! — прервал её Рамсей.

— Ты ведь видел сны, правда?

Он кивнул, но Текла продолжила, прежде чем он смог заговорить.

— Оситес предсказал... он подтвердил, что тебя можно завлечь в несчастный случай, и с тобой погибнет Каскар. Мелколф установил свою машину. Они считали, что поступают правильно — из-за Очалла и того, что произойдёт, когда трон займёт Каскар. Но получилось не так, как они планировали. Каскар умер, а ты вдруг оказался в его теле. Оситес говорит, что так произошло, потому что они вмешались в план твоей жизни, а этот план должен быть завершён.

Теперь тело Каскара исчезло, и Очалл ведёт себя как

сумасшедший. Он считает, что принца только опоили и где-то держат взаперти. У Мелколфа на это нет ответа. Однако теперь Бертал, Урsvик, Мелколф — все они лихо-радочно ищут тебя. И если найдут, постараются прикончить...

— Могу ли я вернуться в свой мир? — Рамсей отбросил её предупреждение. Невероятная, фантастическая история, и всё же он поверил в её правдивость. Он находится здесь и проснулся в теле мертвеца.

— Этого я не знаю, — честно ответила Текла.

— Но я должен вернуться! — Рамсей произнёс эти слова как клятву, данную самому себе, а не тем, кто его сейчас слышит.

Глава 5

Рамсей встал спиной к открытой пещере камина, внимательно глядя на Теклу.

— Может Мелколф запустить машину назад? — спросил он у девушки.

— Не знаю. Посылка снов — это дело Просвещённых. Я много раз видела это у наших людей. Сбывшиеся предсказания — тоже обычное дело. Но использовать машину... — она покачала головой. — Этот Мелколф пошёл новыми путями. Я знаю только, что использование его машины вместе с посылкой снов что-то изменило: Каскар умер, а ты жив. Хотя они стремились не к этому.

Оситес и императрица, — медленно продолжала она. — Они хотят, чтобы ты исчез, потому что теперь ты — угроза для их целей. Но они не поднимут на тебя руку, чтобы достичь своего желания. А вот относительно Бертала, Урsvика и Мелколфа этого я не могу пообещать. Они охотно убьют тебя, чтобы скрыть свою тайну. А Очалл — если ты попадёшь в его руки... — Текла вздрогнула. — Он превратит тебя в оружие, которым уничтожит всех противников.

— Они знают, что ты помогла мне уйти из Улада?

— Оситес должен догадаться; Очалл же определённо знает только то, что стражникам в ту ночь была внушена галлюцинация. Но он винит Оситеса. Но только владеющий Силой может выступить против Просвещённого. Мне ничего не говорили. И я ничего не скажу, когда исполню предначертание судьбы и обручусь с Берталом. Я слишком ценна для их планов...

Взгляд Теклы оставался ровным. Она говорила то, во что верит; Рамсей не сомневался в этом.

— Если бы я мог добраться до той машины... — снова начал он, говоря наполовину с собой, вслух высказывая сумбурные мысли.

— Не знаю, что бы ты смог сделать, — откровенно возразила Текла. — Тайну машины знает только Мелколф. Но вполне возможно, они, чтобы скрыть тайну, согласятся вернуть тебя в твой мир.

— Они намекали тебе на это?

Текла покачала головой.

— Я не смогла поговорить ни с кем из них. Но если ты вернёшься в Лом, то окажешься в пределах досягаемости Очалла. А в нём я не сомневаюсь. Каскар был его созданием, он полностью попал под его власть. Как сделал он принца своим орудием, так же сделает и тебя.

В Рамсес вспыхнул гнев. Какой бы дикой ни казалась её история, она похожа на правду. Сам факт, что Текла полностью в неё верит, убеждал в этом. То, что его хладнокровно использовали для осуществления интриги в каком-то другом мире, использовали жестоко, без его ведома и воли, превращало горячий гнев в ледяную решимость. Отныне Рамсей Кимбл не будет марионеткой, не будет действовать по капризу тех, кто осмеливается использовать незнакомцев в своих целях.

— Я хочу вернуться в Лом, — он не задавал вопрос.

Просто сообщил факт. — Я должен добраться до машины...

Текла встала.

— Я знала, что ты так ответишь. Но ты выбираешь самый опасный способ действий. Однако я не выскажусь против. Потому что хоть я и не Просвещённая, но у меня есть предчувствие, что такова твоя тропа. Но так как тропа эта опасна, мы должны идти по ней с осторожностью...

— Мы? — эхом повторил он. — Я больше не рассчитываю на твою помощь.

Вероятно, он должен быть благодарен ей за то, что она уже сделала, дала ему передышку, убежище, где он смог скрыться на время от двух решительных групп, ни одна из которых не желала ему добра. Но дальнейшие ограничения его действий только приведут его в раздражение. К несчастью, в этот момент он понятия не имел, какими будут его действия, ему нечего было противопоставить её планам, потому что она знает правду. И он испытывал лишь негодование, что придётся действовать не по собственному разумению.

Текла пожала плечами. Оживление исчезло с её лица.

— В таком случае шагай открыто навстречу смерти, незнакомец. Или к ещё худшей, чем смерть, участи, которую готовит тебе Очалл. Разве ты достаточно знаешь наш мир, чтобы найти в нём место и не выдать себя тысячью способов, больших и малых, первому же внимательному наблюдателю?

Всё в нём восставало против этой логики, но Рамсей не мог не признать, что она права. Он овладел языком — и то не очень хорошо, — только благодаря её приказу и старательности Гришильды. Но обычаи, даже мелкие привычки повседневной жизни... Она права: американец в любую минуту может совершить фатальную ошибку.

— Теперь ты понял? — должно быть, девушка прочла выражение его лица. — Только если понял и согласен на

моё руководство, можешь ты вернуться в Лом. Хотя и это очень неразумно. Гораздо разумнее на время остаться здесь, потом уехать за море, где у всех чужаков странные обычаи и потому ты не будешь бросаться в глаза среди местных жителей...

— Я не собираюсь оставаться здесь — даже в Ломе! Я вернулся в свой мир!

— Справедливо. Если это возможно. Ты будешь сопровождать меня в Лом как Арлут, под личиной, которую мы уже использовали. По старому обычаю человек, которому угрожает месть, — кровник, — ходит под маской. А у меня нет родственников мужчин, которые должны присутствовать при обручении. Никто из мужчин моей крови не может встать рядом со мной и быть моим защитником. Это древний обычай, всего лишь формальность. Я выбрала бы для церемонии одного из родственников Бертала. Но теперь у меня есть кузен из-за моря, и в этом нет необходимости. Ты неплохо овладел нашей речью, теперь нужно изучить наши обычаи, как вести себя в роли кровника, — чтобы тебя не заподозрили в Ломе.

Текла не могла задерживаться в охотничьем доме. Она переночевала и утром улетела на флаере, но ещё до конца дня другой флаер высадил у дверей мужчину. Пожилого человека, с сединой в чёрных волосах, со звездообразным шрамом в углу рта.

Он небрежно приветствовал Рамсея, внимательно оглядев тёмными глазами молодого человека, словно мог сделать вывод по одному этому взгляду.

— Юрк, — представился он. — Командир личной стражи её величества. Я тоже выходец из заморского Толкарна.

Юрк стал его инструктором. Рамсей так никогда и не узнал, доверила ли Текла командиру своей стражи всю правду. После первого момента встречи Юрк больше никогда не упоминал свою госпожу. Напротив, он полностью

сосредоточился на поставленной перед ним задаче — сделать из Рамсея как можно лучшую имитацию молодого толкарнского лорда.

Он рассказал Рамсею, что его родина за морем пребывает в таком же хаотическом феодальном состоянии, в каком находился Улад до прихода к власти старого императора и покорения своснравных и воинственных лордов. В Толкарне нет центральной власти, которая могла бы навести порядок; каждый Дом полностью управляет собственной территорией. Один Дом может вступить с другим в союз для защиты, или для совместного набега на соседа, или по какой-либо другой взаимовыгодной причине, но такие союзы редко держатся больше нескольких лет или, возможно, одного поколения.

Самым страшным обычаем всеобщего хаоса является традиция личной мести. Одна ветвь Дома может напасть на другую в надежде захватить власть над всем Домом. И когда вражда открыто провозглашена, всех, кого она затрагивает, можно открыто калечить и убивать. Однако если в Доме выживает один-единственный мужчина, он должен забыть честь и отыскать безопасное убежище. Тем временем в переговорах решается спор. Потому что полное уничтожение Дома, как ни странно, не соответствует высшим требованиям кодекса этих полуварваров, а они строго следуют своему кодексу.

Такой представитель Дома может скрыться и за морем. Это вполне обычное явление. Появляясь на людях, он всегда ходит в маске и без оружия, и такое состояние должно защитить его от любого нападения.

С помощью искусных, как он надеялся, расспросов Рамсей обнаружил, что и Толкарн, и Улад не всегда находились в таком смятенном состоянии. Некогда на планете существовала единая цивилизация с прочным центральным правительством. Но неожиданная и драматичная перемена

в основных предметах торговли — она была вызвана открытием нового, гораздо более полезного металла — и последующая династическая борьба привели к краху этой центральной власти.

На столетия оба континента погрузились в войны — вначале из-за запасов руды. Потом последовали ужасы какого-то атомного конфликта и тёмный век.

Улад вот уже в течение трёх поколений постепенно уходит от тёмного прошлого. Но сейчас успех в этой борьбе зависит от поражения Очалла, над которым по-прежнему довлеет феодальное сознание, и который видит только один способ захватить прочную власть — войну.

Толкарн же до сих пор не породил предводителя, который смог бы завоевать верность более чем одного или двух Домов. И поэтому страна остаётся охваченной множеством мелких войн. А так как война и торговля взаимно исключают друг друга, мало кто из купцов решается направиться к тем берегам. В сущности, в Уладе и Олироуне Толкарн превратился в легенду.

Но Юрк там когда-то жил и потому мог вспомнить старые обычаи и церемонии. В последующие дни и ночи он старательно учил им Рамсея.

У них оказалось совсем немного времени для таких занятий. Через десять дней после возвращения Теклы в свою столицу прилетел флаер со срочным сообщением, что находящиеся в охотничьем доме должны прибыть в Ир-тиш, где сейчас стоял двор герцогини.

Снова Рамсею пришлось переодеваться. Одежду лесника он отложил в сторону и надел тускло-красное трико и поверх него кожаную куртку такого же цвета. На груди — изображение сломанного меча в венке из дубовых листьев. Вдобавок от верхней губы до волос лицо его прикрывала маска, соединявшаяся с облегающей шапочкой, которая обтягивала голову, как лыжная.

На макушке покачивалось перо, окрашенное в такой же серебряный цвет, как и изображение на груди. Посмотрев на себя в зеркало, Рамсей решил, что в этой варварской фигуре никто не узнает Каскара. Во всяком случае, пока у него на лице маска, хотя носить её было неприятно и она сильно ограничивала поле зрения.

Они с Юрком и Гришильдой сели во флаер, пролетели над большим лесом, потом над возделанными полями и несколькими городками. В отличие от наземных пулеобразных вагонов, во флаере имелись окна и можно было смотреть на страну внизу — конечно, если флаер не поднимался очень высоко.

Сам Иртиш находился у подножия гор в глубине Олироуна. Именно в этих горах располагались главные шахты. И единственная дорога к шахтам, открытая круглый год, проходила через древний город Теклы, построенный скорее как крепость, чем просто как столица. Дворец и резиденция правительства больше всего напоминали замок с восемью сторонами, достаточно похожий на средневековые замки в мире Рамсея.

Флаер пролетел над домами города и опустился на крышу сторожевой башни, где их ждал небольшой отряд стражников. Стражники приветствовали Юрка и, казалось, не обратили никакого внимания на его спутника. Гришильда, взяв Рамсея за руку, отвела юношу в сторону, в дверь, за которой узкая лестница уходила вниз, в плохо освещённые внутренние помещения замка.

По мнению Рамсея, замок представлял собой настоящий лабиринт проходов, коридоров, дверей (почти всегда закрытых, так что невозможно было догадаться, что находится за ними), лестниц, ведущих вверх и вниз. Наконец все трое оказались в части замка, где стены больше не представляли собой голый камень без занавесей.

Тут появились мягкие ковры и настенные гобелены со

стилизованными, а не реалистическими рисунками. Но Рамсею не дали возможности их рассмотреть, потому что Гришильда чуть ли не бегом тащила его за собой.

Наконец она остановилась у одной двери и постучала. Дверь открыл человек в одежде слуги, такой же, какая была на Рамсее во время бегства из Лома. Человек поклонился, пропустил их и закрыл за ними дверь.

Здесь пол покрывал ковёр в цветах. Лаванда, золото, розы на фоне весенней зелени. Стенные панели тоже украшали цветы, всевозможные букеты, перевязанные серебряными лентами. Только с одной стороны стену прорезали высокие окна, в которые лился дневной свет.

У окна прямо напротив двери за столом сидела Текла, стол её загромождали множество жёлтых раскрашенных ящичков, все ящики были открыты и набиты отдельными листами бумаги, толще и более грубой, чем та, что привычна Рамсею.

Текла как раз прикладывала печатку на своём кольце к одному такому листу. Предварительно она обмакнула печатку в алую подушечку в форме головы кошки, обрамлённую серебром. При виде вошедших она оттолкнула грудку ожидавших решения бумаг и встала.

— Получено сообщение, — она не стала тратить время на приветствия, как будто ей нужно было немедленно сообщить им о каком-то драматичном происшествии. — Отыскиали, как утверждают, тело Каскара. Это организовано Мелколфом и Берталом. Снова готовится погребение принца. И меня призывают для исполнения моей роли. Вернуться в Олироун мне не позволят, я это знаю, пока я не обручусь с Берталом. Но пойдут ли дела так гладко, как они хотят, это мы ещё посмотрим.

Очалл удалился в Видин, официально, чтобы собрать подданных Каскара и привести их для прощания к его могиле. Видин, — объяснила она Рамсею, — находится в

личном владении наследника императора. Но Каскар проводил там очень мало времени. Он не интересовался обязанностями правителя, ему нравились только удовольствия и привилегии власти, вот этим он увлекался чрезмерно. Но я не могу поверить, чтобы Очалл покорно признал смерть Каскара и готов похоронить его.

Я получила личное письмо от императрицы Квендриды. Император в любое мгновение может отойти к Последним Вратам. Так как Очалл отсутствует, императором немедленно будет провозглашён Бертал, хотя Каскар и не погребён ещё. Лом полон слухами, противоречащими друг другу. В городе волнение, и императрица привела гвардию в состояние готовности. И просит меня явиться как можно скорее. Обручение с Берталом последует сразу после его провозглашения правителем.

Она говорила внешне равнодушно и спокойно, как будто всё это не имеет отношения к её будущему; скорее словно это уже в прошлом, окружено непреодолимыми стенами истории. Рамсей почувствовал нсожиданное желание возразить. Как Текла может воспринимать естественным такое будущее, как будто она вещь, а не личность с собственными желаниями, сомнениями, страстями? В его мире и в его время сохранились лишь пережитки монархической власти. Да и сами сохранившиеся правители гораздо свободнее, они не застывшие символы истории и долга, навсегда ограждённые от обычных людей. И Текла для него — не символ власти, она личность, исключительно привлекательная и умная девушка, которая помогла ему, хотя у неё не было для этого причин, помогла спастись от тех самых сил, с которыми сейчас собирается соединиться, совсем не думая о своих правах.

Но он не мог найти слов, чтобы оспорить её выбор. Само спокойствие её речи, принятие положения таким, каково оно есть, нанесли ему поражение ещё до того, как он смог заговорить.

— Гришильда, ты, как глава моих служанок, конечно, поедешь со мной в Лом. И ты, — она кивнула Рамсею, — потому что я сообщила императрице, что ты прибыл в Олироун. Ты — мой родственник через дочь моего прапрадеда, которая вышла замуж за наследника Дома Йонека. В настоящее время ты мой единственный кровный родич, и так как Улад желает придерживаться старинных церемоний, которые можно восстановить (так всегда поступают новые Дома), ты будешь присутствовать при моём обручении. Только не забывай, что ты кровник. Тебя не должны видеть без маски. И ты не должен брать в руки оружие. Но, несомненно, Юрк всё это объяснил тебе?

— Да...

Текла не стала ждать продолжения.

— Хорошо. Я тебе дам в слуги одного из своих стражников, знакомого с обычаями Толкарна. Его дядя — один из немногих купцов, которые всё ещё решаются туда плавать. Слуга расскажет о тебе и о твоём положении другим слугам. Но так как сам за морем не был, он вряд ли заметит твои мелкие промахи.

Но я могу сделать только то, что ты в составе моей свиты приедешь в Лом, во дворец. Там ты будешь предоставлен сам себе. Если сможешь оказать давление на Мелколфа — хорошо. Но советую тебе действовать не торопясь и очень осторожно.

— Госпожа, это же неразумно! — воскликнула Гришильда. — Ты ведь ручаешься за него при дворе в Ломе. А если всё откроется? Моя дорогая госпожа, это слишком опасно для тебя!

— Я делаю это по слову Эдайс, — негромко ответила Текла.

— О, эти Просвещённые! — Гришильда обеими руками сделала жест, будто что-то отталкивая. — Госпожа, я знаю, что ты слушаешь их и повинуюешься. Но ведь они откровен-

но говорят, что один человек их не заботит, только добро для всех. Они принесут в жертву даже тебя, если это соответствует их планам!

— Это верно, — согласилась Текла. — Но в данном случае Эдайс дала мне слово-обязательство, что я не страдаю, если поддерживаю того, кто займёт место Каскара.

— Слово-обязательство? — повторила Гришильда. — Слово-обязательство Просвещённой? Госпожа, редко кому приходилось слышать такое.

— Да. И я поступлю так, как она мне посоветовала. А что из этого выйдет, увидим. Перейдём к неотложным практическим делам. Мы улетим утром во флаере. Эту ночь, кузен, ты проведёшь в северной башне. Не стоит, чтобы тебя кто-то видел, кроме твоего нового слуги Кьярта. Таков обычай: ты не должен показываться людям.

Вскоре Рамсей стоял у окна, жалея, что не может снять маску, которая уже натёрла ему шею. Но он знал от Юрка, что этого нельзя делать, пока он не останется в одиночестве. За ним по комнате ходил человек, приставленный к нему Тесклой. Следует подумать, что он будет делать, когда они достигнут Лома. Но он так мало знает, что ожидает его там. Лучше просто подождать и посмотреть, какой шанс предоставит ему судьба.

Странно. Всё происходящее казалось рассудительному Рамсею Кимблу совершенно невероятным. И не переставало казаться. Тем не менее он уже принял как факт, что это произошло. Он живёт во сне или галлюцинации. Нет, скорее он попал в мир, параллельный его собственному, вначале привлечённый сюда снами, а потом пререместившись не в своё тело.

Текла верит, что машина Мелколфа могла совершить такой переход... Рамсей помнил слова Юрка, что когда-то в этом мире существовала цивилизация, более развитая, чем в его мире. Можно считать, что Мелколф обнаружил

принципы, когда-то использовавшиеся этими суперменами.

Оставалось установить, действует ли машина в обоих направлениях, можно ли заставить Мелколфа вернуть Рамсея. И так как группа, членом которой является учёный, не желает присутствия здесь Рамсея, она будет только рада отправить его назад. Этой группе выгодно, чтобы Каскар остался мёртвым. Трон готов занять Бертал. Рамсей для этих людей представляет сильную угрозу; возможно, он даже сможет слегка шантажировать их, действуя через старую императрицу или Оситеса. Нужно подождать и посмотреть.

На следующее утро ожидание завершилось тем, что он оказался во флаере, самом большом из виденных им. Текла и Гришильда ушли в отдельную кабину у носа машины. Рамсей сидел среди стражников Теклы, слева от него — Юрк. Они полетели на юго-запад, в сторону Улада. Рамсей даже не пытался разговаривать.

Он и не заметил, как они пересекли границу, пока не увидел, что их в воздухе окружили другие флаеры — почётный эскорт. Потом поели. Приближался вечер, когда показались огни Лома. Город широко раскинулся на равнине внизу.

Приземлились они внутри стен дворца Лома, тут их ждал почётный караул и два пожилых человека, один в чёрно-белой одежде, другой почти в такой же длинной жёлтой мантии. Оба они сразу направились к Текле.

Рамсей вздрогнул, увидев чёрно-белую мантию. Этого человека он дважды видел в своих снах. Им мог быть только Оситес, тот самый, что вовлёк его в эту переделку. Рамсею хотелось рассердиться при виде этого худого лица и седых волос. Но он испытывал не гнев, а скорее возбуждение, нетерпение человека, которому предстоит действовать. И ключом к этим действиям будет Оситес.

Глава 6

Рамсей снял плащ, расстегнул шапочку вместе с маской, под которой на лбу его выступил пот. Но маску снимать не стал, потому что Кьярт всё ещё возился в помещении, отведённом родственнику Теклы. К тому же... Рамсей подозрительно изучил одну стену, затем другую. Возможно, эта цивилизация ещё не дошла до «жучков» в комнате человека, которого подозревают обладающие властью. Но это не значит, что за ним не могут тайно наблюдать через какой-нибудь глазок. Этот дворец похож на средневековое сооружение и сразу заставляет вспомнить о тайных переходах, глазках и всех остальных помощниках дворцовых интриг.

Так что лучше будет не снимать маску, какой бы тесной она ни казалась. Если где-то за этими увешанными занавесями стенами скорчился шпион, он не должен доложить, что вернулся Каскар — и на этот раз вернулся живым.

Помещение ему отвели просто роскошное. В нём стоял длинный диван, покрытый толстой зелёной тканью, а на полу, на ковре такого же цвета валялось множество квадратных подушек, которые служат тут стульями. Там и тут были расставлены маленькие столики, а на них статуэтки, кубки, чаши. Рамсей решил, что это экспонаты выставки, а не обычная посуда, потому что все они явно были изготовлены из драгоценных металлов или полудрагоценных камней.

Длинные окна слева выходили не во внешний мир, а на узкий балкон над двором. Снизу доносились приказы. Там проходили учения какого-то отряда.

Где-то в этом обширном дворце спрятана лаборатория, которую он хорошо помнит по снам в своём мире и времени. После того как Кьярт разобрал багаж, привезённый из Олироуна, Рамсей отпустил его. Он хотел было попросить слугу держать уши открытыми и сообщать ему всё, что он услышит. Но рисковать не стал.

Юноша сел на диван, только сейчас начиная понимать, какие трудности ему предстоят. Конечно, он может попытаться сам познакомиться с Мелколфом, но Рамсей сомневался, что ему удастся это сделать, не вызывая подозрений. Он никогда не играл роль детектива и не имеет ни малейшего представления, с чего начать. Рамсей принялся вспоминать сны, которые вовлекли его в это дикое приключение. Может, где-то в его памяти скрывается ключ.

Первый сон. Он целиком был посвящён Оситесу. Старик в длинной чёрно-белой мантии сидел в кресле с высокой резной спинкой, голова его касалась этой спинки, так что подбородок был чуть приподнят; закрытые глаза, неподвижность и застылость фигуры свидетельствовали, как казалось Рамсею, о полной сосредоточенности. В этом сне Рамсей смотрел на Просвещённого словно сквозь какое-то окно. Их будто бы разделяло прозрачное стекло.

Но как он ни старался, мог вспомнить только Оситеса, кресло, ощущение глубокой погружённости в задумчивость, которое производил шаман. Рамсей не актёр в этом сне, он только посторонний наблюдатель.

Этот первый контакт, должно быть, означал, что Оситес, обыскивавший иные миры в поисках «двойника» Каскара, наконец обнаружил Рамсея. Тогда сам Рамсей никакого дурного предчувствия не испытал. Проснулся с ощущением любопытства. Именно любопытство заставило его рассказать о том сне Грегу. Просто потому что тот сон был яснее и отчётливее, чем любой другой, какой он мог вспомнить.

Рамсей увидел Оситеса в кресле — может, шаман тоже видел сон? Или заставлял себя искать за пределами своего мира? Что дальше?

Второй сон. Оситес присутствовал и в нём, но уже не пассивный, не дремлющий в своём кресле. Он стоял, открыв глаза, держа в руке круглый блестящий предмет, похожий на зеркало. Предмет отражал свет. Шаман осто-

рожно поднял его, покачал взад-вперёд, пока отражение не попало прямо в глаза Рамсею. На этот раз ощущения стены между ними не появилось; напротив, сам Рамсей, лишённый способности двигаться, каким-то образом оказался в незнакомом помещении вместе с Оситесом.

Помещение? Рамсей закрыл глаза, попытался припомнить — не шамана с его сверкающим зеркалом, а то, что находилось за ним.

Стены... да... на них занавеси... очень похожие на те, что теперь драпировали его комнату. Какой рисунок был на этих занавесях? Не животные и птицы, которых Рамсей мог увидеть, открыв глаза; скорее чёрные и белые линии, те же цвета, что в одежде шамана. Линии образовывали сложный геометрический рисунок. Но видел он их неясно, и потребовалось огромное усилие воли, чтобы вообще вспомнить их. Луч света, направленный ему в глаза, заставлял сосредоточиваться только на шамане.

Теперь третий...

Снова Оситес, но на этот раз не один. К нему присоединились ещё двое. Женщина, сидевшая в кресле с тяжёлым балдахинном. Её скрывали тени, и Рамсей с трудом различал её фигуру. По другую сторону от кресла стоял ещё один мужчина. Он был значительно моложе шамана, в сером костюме — трико и куртка одного цвета, на плече изображение орла-ястреба. Оситес показывал направление, а этот, Мелколф, привлёк науку с её силами.

Это предположение очень походило на истину. Хорошо. Рамсей посчитал, что теперь узнает врага в лицо.

Три сна. А четвёртый?..

Оситес сошёл со сцены, не было видно и женщины в завешенном тканью кресле. Рамсей видел только Мелколфа, учёного, ясно очерченного на фоне туманного окружения. Он вставлял ящик со стержнем в квадратную крышку какого-то большого аппарата, который доходил

ему до плеча. Рамсей перевёл дыхание... Должно быть, это и есть машина, о которой говорила Текла.

Он попытался сосредоточиться на машине, но видел механизм словно сквозь стену падающей воды. Одно мгновение она была ясно видна, а уже в следующее её скрывала мелкая рябь. Но он быстро понял, что ему предстоит иметь дело не с машиной. Нет, следовало внимательней осмотреть помещение. На что оно было похоже?

Стены... камень, никаких завес, как в предыдущих сновидениях. Правда, сам камень светлее. В помещении находились и другие установки, кроме куба, с которым работал Мелколф. К несчастью, во время сна всё внимание Рамсея было сосредоточено на учёном. Может, в момент контакта его просто отгораживали от всего остального?

Не совсем, потому что он вспомнил пятый сон перед последним, от которого он очнулся, чтобы послужить целям сообщников Мелколфа. В пятом сне он шёл по длинному коридору, вслед за человеком в чёрно-белой мантии, всё его внимание было приковано к голове шамана. Оситес приблизился к стене, где на панели блестела золотом голова орла-ястреба.

Шаман торопливо огляделся, словно хотел убедиться, что он один. Рамсея вдруг удивил этот сон. Он был явно не похож на остальные. Ни Оситес, ни Мелколф не предстали перед ним лицом к лицу, не использовали зеркала или ящик. Похоже, Оситес вообще не подозревал об его присутствии. Но как тогда установилась связь? Может, связавшись с ним однажды, шаман приоткрыл дверь, ведущую в обоих направлениях, и жертва превратилась в шпиона?

Во всяком случае, Рамсей увидел, как шаман поднял старую, в путанице вен, руку и коснулся конца распростёртого крыла птицы, как будто с силой нажимая. В ответ панель раскололась в центре. Оситес быстро прошёл в отверстие, прижимая к себе мантию.

Ему пришлось двигаться быстро, потому что панель тут же захлопнулась, как будто её механизм работал на тугой пружине. Здесь во сне наступила перемена, поменялся фон.

Рамсей снова увидел лабораторию, но теперь под другим углом. Оситес перед ним спускался по лестнице в просторное, если сравнить с согбенной фигурой шамана, помещение. Находившееся здесь оборудование резко контрастировало со средневековой внешностью дворца в Ломе. Рамсей не узнал ничего из увиденного, но его поразило впечатление, что это оборудование на столетия опережает всё, что он видел во снах и в реальности, во всём Уладе и во дворце.

Опережает на столетия? Или пришло из прошлых эпох, неожиданно подумал Рамсей. Рассказ Юрка — о высоко-развитой технологической цивилизации, которая сгинула в хаосе мировой войны. А если Мелколф, человек, которого в настоящее время можно считать получившим научную подготовку, просто нашёл оборудование прошлого или знания, которые помогли ему заново создать эти экспериментальные установки? Возможно, таков ответ.

Оситес наконец спустился на пол лаборатории, прошёл через неё. Неожиданно откуда-то появились Мелколф и Бертал, словно шаман позвал их.

Хотя визуально сны были очень отчётливыми, Рамсей, как и раньше, ничего в них не слышал. Увидев, как совещаются эти трое, он пожалел, что не обладает слухом. Но хотя слов он не слышал, общее возбуждение, необходимость в действиях хорошо ощутил. Оситес повернулся, остальные двое сопровождали его И тут...

Рамсей покачал головой, открыл глаза. В тот момент он и проснулся. После этого был ещё только один сон, тот, что привёл его сюда, после которого он ощутил непреодолимое желание выйти, поехать в горы, где и произошло крушение. Он помнил в том последнем сне Мелколфа и человека, в

котором теперь узнал принца Бертала, двоюродного брата беспомощного Каскара.

В пятом сне не было ничего, что он смог бы использовать для достижения своих целей. Только та панель с потайной дверью, ведущей в лабораторию. Но разрешат ли ему открыто разгуливать по милям коридоров дворца в поисках позолоченной птицы? К тому же их может быть много, так как орёл-ястреб — это герб правящей династии.

А если ночью? Но ведь в коридорах расставлены часовые. Сколько сможет он пройти? В каком направлении? Рамсей раздражённо расхаживал взад и вперед по комнате, теребя завязки своего капюшона. Хотелось сбросить его и маску, но он по-прежнему не решался.

Мелколф, Урсвик и Бертал — Текла предупредила его, что эти трое могут взять дело в свои руки и добиться, чтобы Каскар или тот, кто выглядит Каскаром, больше никогда не причинял им беспокойства. Оситес и старая императрица противятся таким решительным мерам. Рамсей сосредоточился на шамане.

По словам Гришильды, эти Просвещённые не думают об отдельных личностях. Они думают о будущем и стараются так манипулировать людьми и событиями, чтобы добиться желаемых результатов. Очевидно, Оситес считал, что устранение Каскара, которое помешает Очаллу править Уладом, очень важно.

Но поддержит ли Оситес поддельного Каскара в его желании вернуться назад, в реальность, которой он принадлежит? И даже если шаман отнесётся к нему дружелюбно, хватит ли у него влияния, чтобы заставить партию императрицы пойти на этот шаг?

Текла разместилась в так называемой Жёлтой башне. Рамсей через Кьярта легко узнал, где она расположена относительно его комнаты. Ведь он в конце концов единственный родственник Теклы. И как таковой, имеет все

основания искать её. Возможно, она поможет ему решить несколько головоломок. Не помешает увидеться с ней.

Рамсей решительно застегнул капюшон, осмотрел себя в зеркало, чтобы убедиться, что черты лица Каскара не видны. Ему показалось, что он производит весьма мрачное впечатление в своём красном костюме, в капюшоне и маске, скрывающей большую часть лица. В голове мелькнула картина — средневековый палач, одетый точно, как он, ждёт жертву.

Но одновременно Рамсей был убеждён, что даже враждебно настроенная бабушка Каскара не узнает его в этом облике, и потому всё-таки осмелился выйти. Несмотря на мрачную внешность, по обычаям этого мира он не был вооружён и потому не опасен. Общепринятый короткий меч не отягощал его пояс, стягивавший куртку.

Под маской Рамсей чуть улыбнулся. Каждому миру свои умения. Он внимательно слушал рассказы Юрка, когда ветеран описывал своё участие в кампаниях против разбойников в горах. Было очевидно, что ни в Уладе, ни в Олироуне карате никому не известно. Рамсей размял мышцы рук. По крайней мере у него есть своё тайное оружие. Он уже знал по своим опытам, проведённым в одиночестве в охотничьем доме, что знакомые приёмы перешли и в его новое тело. Он пока двигался чуть медленнее, чуть слабее обычного. Но и это пройдёт с тренировками.

Он вышел в коридор и целеустремлённо двинулся по нему. Но высматривал не только стражников, которые могут преградить ему путь, но и стенные панели. Почти все покрывали сложные рисунки из арабесок, но никакого намёка на птиц. Повернув в другой коридор, который, как он знал, ведёт прямо к Жёлтой башне, Рамсей заметил, что панели на стенах сменились неглубокими нишами, в каждой из которых стояла небольшая статуя какого-нибудь чудовища. Все животные разные и все выглядят фантастически. Рамсею показалось, что материалом для изваяний,

как и для статуэток в его комнате, послужили полудрагоценные камни, кварц и, может быть, яшма, но он так мало понимал в этих предметах, что не мог быть уверен.

Коридор обрывался не дверью, но аркой, покрытой позолотой по гладкой красновато-коричневой поверхности. Арка выводила на лестницу. Только здесь ему встретился первый стражник. Но Рамсей не останавливался, не замедлял хода, шёл, как человек, знающий, куда идёт, и не ожидающий встретить преграду.

Миновав часового и поднимаясь по лестнице, Рамсей облегчённо выдохнул. Стражник приветствовал его поднятой рукой; Рамсей после недолгого колебания ответил движением пальцев; Юрк научил его этому толкарнскому приветствию, которым обмениваются представители разных классов.

Но следовало сдержать торопливость. В этих коридорах он казался самому себе обнажённым и уязвимым. Нужно преодолеть это чувство, если он хочет найти панель с потайной дверью. К тому же теперь ему больше всего хотелось увидеть Теклу.

Перед её дверью стоял навывтяжку второй стражник. Рамсей понадеялся, что это почётный караул, а не преграда на пути родственника из-за моря. И его надежда подтвердилась, потому что стражник приветствовал его и сам постучал в дверь.

Открыла дверь Гришильда. Увидев Рамсея, она тоже приветствовала его и отстранилась, пропуская внутрь. Но лицо её приняло странное выражение; Рамсей не понял его, но решил, что лучше проявлять осторожность.

Перед тем самым длинным диваном, на котором Рамсей получил свой первый урок языка, стояла Текла. Лицом к ней — Бертал; великолепие его наряда казалось кричащим по сравнению со спокойной элегантностью Теклы и вкусом, который проявлялся во всей обстановке комнаты.

— А, родич! — улыбнулась Текла. Рамсей, наверное, был единственным человеком в Ломе, кого бы она сейчас пожелала видеть. — Какая удача, ты как раз вовремя, Арлут. Принц Бертал, это мой кровный родственник из Толкарна, глава Дома Ольятта. Арлут, это принц Бертал.

Юрк хорошо вышколил Рамсея. Ни один глава дома Толкарна не сочтёт имперского принца, пусть и самого наследника престола, выше себя — только равным. И Рамсей ответил приветствием, чуть более заметным, чем стражнику. Он точно исполнил предписания Юрка.

Бертал нахмурился. Текла, несмотря на серьёзное выражение лица, смеющимися глазами наблюдала за ними. Рамсей решил, что она забавляется реакцией принца на подобную небрежную фамильярность. Бертал с таким редко встречался.

— Приветствуем тебя, глава Дома, — голос Бертала прозвучал холодно. Рамсей заметил, что он уже пользуется императорским «мы», хотя отнюдь не провозглашён императором. — Это действительно большая удача, что ты прибыл в столь подходящий момент и сможешь послужить родственником-свидетелем при обручении леди герцогини Теклы.

— Долг родича стоять рядом с невестой в таком деле, — осторожно ответил Рамсей, стараясь не выдать себя акцентом или неумелым произношением слов.

— Именно так, — Бертал откровенно изучал его. — Леди сказала, что ты недавно из Толкарна.

— Да, — Рамсей пытался отвечать как можно короче.

— Тебе повезло, глава Дома, что ты нашёл корабль. Мало кто пускается в наши дни в западные моря.

Рамсей понял, что тот проверяет его.

— Мало. Но кое-кто всё же плавает за морской костью и золотом. Когда речь идёт о прибыли, купцы смелеют. Чем меньше кораблей, тем выше цены на рынках Олироуна.

— Это точно, — вмешалась Текла. — За такой груз у нас теперь много платят. Будь в Толкарне поспокойней, торговля между нашими странами, выгодная для обоих, оживилась бы. Может быть, и там когда-нибудь появится человек с мудростью и духом твоего благородного деда, и междуусобицы прекратятся. Но, Бертал, я благодарна тебе за столь приятный визит... — герцогиня взмахом руки указала на зелёную вазу с большим букетом речных лилий, которые издавали сладкий аромат. — Передай её царственному великолепию мои уверения, что я горда честью посетить её в четвёртом часу дня.

Она настолько явно выпроваживала его, что Бертал не мог оставаться, не проявляя грубости. Но, выходя, он бросил на Рамсея взгляд, который свидетельствовал, что принцу не хочется оставлять здесь чужеземца. Текла подождала, пока за принцем не закроется дверь. Из соседней комнаты сразу выскользнула Гришильда, подошла к двери и прижалась к ней ухом.

Рамсей не стал тратить времени.

— Хорошо ли ты знаешь этот дворец, леди? — спросил он.

— Не так хорошо, как в Иртише, но в общем он мне знаком. Когда я была маленькой, мама часто привозила меня сюда. Старая императрица — её двоюродная бабушка. А что?

— Не вспомнишь ли ты коридор, выложенный панелями с золотыми гербами императорского дома?

— Да, такой коридор ведёт в частные покои императрицы. Таких панелей десять, по пять с каждой стороны. А что ты ищешь?

— Место, где скрывается Мелколф. Я вспомнил этот путь по одному из снов, которыми меня заманили сюда.

Девушка прикусила костяшки пальцев, не отрывая от него взгляда. Но словно его не видела, а думала о чём-то своём.

— Хорошо, ты найдёшь это место. Что ты сделаешь, если Мелколф откажется использовать свою машину для твоего возвращения?

Рамсей пожал плечами.

— Откуда мне знать? Но, может, я кое-что узнаю, если доберусь туда. Леди, как ты думаешь, поддержит меня Оситес?

— Не знаю. Это зависит от политики Просвещённых относительно будущего Улада. Я знаю, что в моей стране пророчица Эдайс предсказала: твоё присутствие вызовет перемены. Если эти перемены противоречат планам Оситеса, он может поддержать тебя.

— А может он повлиять на Мелколфа?

— Если захочет. Истинный Просвещённый может использовать свой мозг как оружие, чтобы получить нужные результаты. Однако они редко поступают так. Причина должна быть очень важной. Не знаю, что означает твоё присутствие для Оситеса. И предупреждаю тебя: без поддержки Оситеса лучше не ищи Мелколфа.

Рамсей упрямо покачал головой.

— Я не собираюсь просто сидеть и ждать, — заявил он. — Только бы найти лабораторию. Я сам попробую договориться с Мелколфом. Это тайна, следовательно, он уязвим...

— Ты тоже, — быстро добавила Текла. — Неудобные люди, которые слишком много знают, могут исчезнуть. И часто исчезают. Конечно, не думаю, чтобы он стал действовать до моей помолвки. Они не решатся открыто расправиться с моим признанным родственником, чьё присутствие делает всю церемонию законной. Да, возможно, твоя смелость оправдана. Сейчас самое подходящее время для того, чтобы узнать, что можно сделать. Чем больше ты узнаешь, тем убедительнее сможешь воздействовать на Оситеса.

Казалось, она сама убеждала себя от первоначальных возражений перейти к неохотному согласию.

— Я дам тебе повод пойти туда. Гришильда, принеси мне шкатулку с дарами для её царственного великолепия.

— По обычаю, — продолжила Текла, обращаясь к Рамсею, — обручающаяся подносит дары старейшей родственнице в Доме. Так как ею является её царственное великолепие, я отправлю тебя с подарком. Неси открыто, и согласно обычаю тебя пропустят. Теперь возвращайся к своей комнате, минуй её и на развилке сверни в правый коридор. Иди прямо. Коридор проходит через весь дворец и идёт в помещения у Красной башни, где проживает её царственное великолепие. Там ты найдёшь то, что ищешь.

Текла протянула ему серебряную шкатулку, которую принесла Гришильда, и отмахнулась от благодарности американца. Но проводила его до выхода из комнаты и, прежде чем он вышел, положила ладонь ему на руку.

— Будь осторожен, родич Арлут, — негромко проговорила она. — Ты идёшь меж врагами, которых почти ничего не удерживает, и путь твой труден.

— Я знаю это. И спасибо тебе, леди, за добрые пожелания...

— Может, ты и доживёшь, чтобы поблагодарить меня. Подожди, пока не окажешься в безопасности, тогда и благодари. Только тогда твои слова будут иметь смысл.

И голос Теклы свидетельствовал, что она вовсе не уверена, что дождётся этого.

Рамсей легко нашёл дорогу. Шкатулку он, как и было приказано, открыто нёс в руках. И очень скоро с бьющимся сердцем оказался в коротком коридоре с панелями, который так хорошо помнил по своему сну. Он быстро прошёл по коридору и передал шкатулку фрейлине, которая ответила на его стук в дверь покоев императрицы. Она не пригласила его войти, и юноша, довольный, что избежал внимания той, кого опасался больше других, заторопился назад к панелям. Судя по сну, нужная ему панель — третья

с этого конца коридора и левая, если смотреть со стороны покоев императрицы. Он остановился перед панелью, огляделся, как во сне Оситес. Вроде бы никого не было видно. Рамсей некоторое время прислушивался, но уловил только звуки своего быстрого дыхания.

Он поднял руку и большим пальцем нажал на конец крыла, как это делал шаман. Долго ему казалось, что он ошибся или что путь закрыт. Затем с лёгким скрипом — в ушах Рамсея он прозвучал пушечным залпом — панель разошлась посредине.

Рамсей быстро нырнул в образовавшийся проход, прежде чем дверь снова захлопнулась.

Глава 7

Он оказался на небольшой платформе над рядом ступеней, но не в темноте. Через равные промежутки в стенах горели синим светом матовые квадраты. Такого света он нигде в этом дворце не видел. При этом свете руки самого Рамсея приобрели неприятный вид, тёмная кожа словно сморщилась и постарела.

Он долго не шевелился, стараясь расслышать, не нужно ли чего-либо опасаться, спускаясь по лестнице. Потому что он видел перед собой только десять ступенек, ведущих к площадке чуть ниже, но совсем ничего за ними.

И не только тишина окружила Рамсея. Его охватило ощущение, что он уходит из мира живых в чудом сохранившийся мир древности. Он вздрогнул — не от холода, но потому что здесь сами стены излучали чуждость, враждебность всему тому, что составляет его сущность. Да, даже в новом мире всё окружение было чужое, но по-человечески понятное. Здесь же он почувствовал себя так, словно вторгся в среду, в которой нет места человеку.

Рамсей попытался справиться со своей тревогой. Само

его появление в Уладе означает отказ от логики. Нельзя поддаваться воображению, это просто приведёт к суевериям. Он осторожно, по одной ступеньке за раз, начал спускаться, в то же время думая, что может привести в действие какую-то сигнализацию, которую сам не слышит. Однако приходилось рисковать.

Так он добрался до площадки, заглянул за поворот направо и увидел основание лестницы. Внизу было светлее. И свет лился не синий, как от квадратов на стенах, а от обычных светящихся шаров.

И определённо никого не было видно. Кто или что может здесь скрываться, юноша не рисковал даже предположить; пока же не доносилось ни звука.

Спускаясь, он разминал руки и думал: если на него нападут, ответят ли мышцы Каскара на импульсы разума Рамсея достаточно быстро, чтобы помочь ему. Если бы только у него было больше времени, чтобы до конца подчинить себе новое тело!

У конца лестницы он заглянул через открытую дверь в комнату, где по-прежнему стояла полная тишина. Ни следа обитателей... Первый же взгляд подсказал ему, что это лаборатория из его снов. Скользнув внутрь, Рамсей прижался спиной к стене, глядя на середину помещения, пытаясь не пропустить признаков нападения и в то же время разглядывая машины.

Даже в своё время и в своём мире он мало разбирался в технике. Как можно судить, сам ли Мелколф это сконструировал или получил в наследство от более развитой цивилизации из прошлого? Но каким-то образом над всем оборудованием здесь витал дух древности. Больше всего его внимание привлекал огромный металлический куб, в который во сне Мелколф вставлял ящик со стержнем. Быстро посмотрев направо и налево, Рамсей убедился, что он в помещении один. Выпрямившись из полусогнутой защит-

ной стойки у стены, он подошёл поближе к блестящему металлу.

Оказалось достаточно легко найти щель вверх, куда Мелколф вставлял свой инструмент. Стержень из жёсткой проволоки по-прежнему торчал в гнезде.

Рамсей положил на него руку, но потом отдёрнул. Нет, он должен больше узнать, прежде чем попытаться что-то сделать. Юноша обошёл куб. Верхняя грань на уровне его плеча, длина одной стороны — около шести футов. На той стороне, которая сейчас была обращена к нему, находилось только одно отверстие — щель, куда вставляется «искатель» или «селектор», как про себя назвал прибор Рамсей.

Следующая сторона была совершенно гладкая. Но когда он дошёл до стороны, противоположной искателю, то увидел ряд шкал, а под ними рычажки, на которые удобно ложится палец. Две шкалы, в дальнем конце, освещались изнутри, как будто доказывая, что аппарат в рабочем состоянии. Рамсей подумал, что произойдёт, если он вдруг нажмёт на все рычажки. Но он не дурак, чтобы сделать это.

Ну, хорошо. Насколько можно судить по всей собранной им информации, именно это устройство перенесло личность и воспоминания некоего Рамсея Кимбла в подходящее для него тело принца Каскара. Но ведь машина не должна была это сделать — во всяком случае, Мелколф не на это рассчитывал.

Предположим, учёный из Улада работал с машиной, которую он только что нашёл. Построена она была совершенно другим народом. Для чего потребовалась эта машина своим создателям? У Рамсея появилось ужасное подозрение. А что если эта машина предназначалась для медицинских целей? Если она переносила сознание из умирающего тела, в другое, молодое и здоровое. Но сейчас не имело смысла рассуждать о том, что может машина; он должен был сосредоточиться на том, что она сделала с ним как с недобровольной жертвой.

Он нашёл машину и удостоверился, что именно она послужила средством для обмена. Но это ничего хорошего ему не даст, если только он не научится управлять ею (а в этом он очень сомневался) или не заставит Мелколфа пустить процесс в обратном порядке.

Спёртый воздух лаборатории, странные неприятные запахи заставили Рамсея закашляться. Он повозился с пуговицей своего капюшона, снял его, снял и маску и потряс головой, наслаждаясь ощущением свободы. И продолжил обходить куб, обнаружив, что четвёртая сторона такая же гладкая, как вторая.

Интересно, управляет ли искатель его положением в этом мире? Предположим, он извлечёт его. Что тогда произойдёт?

— Стой на месте!

Рука Рамсея, протянутая было к искателю, застыла в воздухе. Он не слышал чьего-либо приближения, но проявил преступную небрежность. Загадка машины заставила его позабыть обо всём остальном. И он не сомневался, что тот, кто отдал ему приказ откуда-то позади, вооружён.

— Рабальт, возьми его!

Воздух змейй прочертила верёвка, упала на вытянутую руку Рамсея и затянулась болезненной петлёй. В ту же секунду последовал рывок за другой её конец, и Рамсей едва не упал на спину. Но успел повернуться и сохранить равновесие.

Человек, державший другой конец верёвки, был одет в костюм стражника. За ним стоял Мелколф. В руке учёный сжимал стеклянную трубку, заканчивавшуюся раструбом, пальцы Мелколфа обхватывали это расширение. То, что это оружие, и мощное, не вызывало у Рамсея никаких сомнений.

Охранник быстро перехватил верёвку за середину и бросил второй конец в Рамсея. Верёвка, словно живое

существо, обладающее инстинктом или разумом, точно опустилась на левое запястье Рамсея и обхватила так же прочно, как и правое.

До сих пор стражник больше следил за точностью броска, чем за пленником. Но теперь он посмотрел прямо в лицо Рамсею, и глаза его широко распахнулись.

— Принц! — воскликнул он.

— Нет! — возмущённо выпалил Мелколф. — Это иллюзия, созданная Очаллом, чтобы мы так подумали. Теперь он бессилен. Можешь идти, Рабалът. Я справлюсь с ним. Но сообщи побыстрее милорду советнику Урвику и принцу-наследнику, кого мы обнаружили здесь. Это дело чрезвычайной важности.

Он протянул руку, и стражник с видимой неохотой передал ему верёвку. Всё это время Мелколф не отводил от Рамсея своё оружие. Не глядя на пленника, Рабалът торопливо взбежал по лестнице. Он явно спешил выполнить приказ, или ему лаборатория казалась страшным местом. Мелколф ждал. Очевидно, хотел остаться без свидетелей. И только когда стражник исчез, он заговорил.

— Ты поступил мудро, не сопротивляясь, — он сделал лёгкое движение стеклянной трубкой, чтобы Рамсей обратил на неё внимание. — Это убивает человека быстрее лезвия или пули. Наше оружие по сравнению с оружием тех, кто жил до нас, кажется таким же нелепым, как камни и деревянные копья. Каскар мёртв. Он не восстанет снова из могилы.

Рамсей обрёл способность говорить.

— Ты можешь добиться этого другим путём. Отправь меня назад!

Мелколф слегка улыбнулся.

— Дело вот в чём. Я бы сделал это, если бы мог. Но я не могу.

Рамсей кивнул в сторону машины.

— Она работает только в одну сторону? Ты не можешь повернуть обратно?

— О, это-то сделать легко. Но дело в том, что Каскар мёртв и похоронен. Разве ты не понимаешь, глупый варвар? Каскар был в твоём теле, когда оно погибло, и теперь то тело погребено.

Рамсей растерянно смотрел на него. Почему такая простая мысль не пришла ему в голову? Глупость собственного примитивного плана возвращения лишила его дара речи. Но американец собрал всю свою силу воли и постарался не дать понять этому человеку, что поражён до глубины души.

— Если Каскар был в моём теле, то где был я? Произошло какое-то несовпадение во времени. Я пришёл в себя в гробу Каскара...

— Да, это нас удивило. Где ты находился в течение двух дней между тем временем, когда наш неуважаемый принц умер от неожиданного сердечного приступа, и твоим появлением в его теле? Интересная проблема. Но сейчас она не имеет особого значения. Главное заключается в том, что Каскар благополучно мёртв — в обоих мирах, и мы постараемся, чтобы так и оно оставалось. Никакого воскрешения к радости Очалла не будет, уверяю тебя. И твоё глупое возвращение в Лом ничего тебе не даст, кроме...

— Кроме моего убийства? — Рамсей каким-то образом находил слова, сохранял наружное спокойствие. Сейчас сила была на стороне Мелколфа: Рамсей не сомневался, что его с лёгкостью убьют здесь, и никто об этом никогда не узнает. А тело его просто пропадёт, чтобы не причинить неприятности убийцам.

— Убийство? Невозможно убить мертвеца, — Мелколф рассмеялся. — Будь у тебя хоть одна извилина в голове, ты, убежав, держался бы отсюда подальше. Твоё бегство организовала герцогиня, верно? Ну, она будет молчать, зная, что дело идёт о судьбе Олироуна. Ты же просто исчезнешь. В этом, — он кивнул на маску, которую снял Рамсей, —

кто-нибудь выйдет отсюда и на первом попавшемся корабле вернётся домой, в Толкарн. Ты очень упростил нашу задачу.

— Нет, это не так!

На лестнице стоял другой человек, длинная чёрно-белая мантия закрывала всё его тело. Мелколф бросил быстрый взгляд через плечо.

— Как ты... — начал было учёный, но тут же прикусил губу. Слова вырвались у него от удивления, и он тут же пожалел, что произнёс их.

— Как я узнал, Мелколф? Я шёл к её царственному великолепию и встретил по пути твоего посыльного. Пришлось немного поубеждать его, и он рассказал о происшедшем здесь. И дело совсем не так просто, Мелколф.

— Как это? — вызывающе спросил тот.

— Мы должны узнать больше. Почему тело Каскара привлекло этого человека? Происходило то же самое в твоих первых обменах?

— Нет...

— Тогда почему произошло в самом важном? За такими делами всегда кроется какой-то смысл. Мы следуем по избранной нами тропе, это наш свободный выбор. Но сами тропы создаём не мы. Ты меня понимаешь?

— Это пустые разговоры твоих Просвещённых. Он здесь потому, что сработала машина! — усмехнулся Мелколф.

— Но мне казалось, ты хорошо знаком с работой этой своей машины. Разве ты не рассказывал нам, какие чудеса узнал благодаря древним запретным знаниям?

— Кто их запретил? — вспыхнул Мелколф. — Слабоумные, боящиеся того, чего не могут понять?

— В прошлом люди хорошо понимали. Настолько, что выжили, когда весь мир сошёл с ума, — холодно возразил Оситес.

— Легенды...

— В любой легенде кроется сердцевина правды. Но не будем спорить об истории. Я не совсем понимаю судьбу этого человека. С ним нельзя обходиться легко!

— Я вообще не собираюсь с ним обходиться, — возразил Мелколф. — Воспользуюсь этим, — он указал на своё оружие, — и не с чем будет обходиться.

— Не с чем? Ты же не знаешь, какая сущность поселилась в теле Каскара? Ты можешь уничтожить плоть и кровь, кость и сухожилие, но останется неуничтожимая часть...

— Я тебе не верю, — упрямо повторил Мелколф. — Верю лишь в то, что вижу, чего могу коснуться, услышать...

— Если веришь тому, что можно увидеть, то перед нами настоящий Каскар, — указал Оситес. — Коснись его, услышь его. Он ведь создание твоей машины. Этого ты не станешь отрицать?

— Нет...

— Но прежний ли это Каскар... — настаивал Оситес.

Рамсей с растущим удивлением слушал этот спор. Чего пытается добиться шаман? Если Мелколф избавится от Рамсея в теле Каскара, тот всё равно будет продолжать посещать лабораторию в Ломе? Звучит так же невероятно, как всё остальное происшедшее с ним.

— Нет! Каскар мёртв! — Мелколф говорил с силой, как человек, намеренный до конца держаться за свои убеждения.

— Согласен. Каскар мёртв. Но этот человек... — Оситес указал на Рамсея, — это кто-то иной. И мы должны больше узнать о нём. Он нарушил некоторые законы существования, которые мы считали твёрдо установленными...

— Ты хочешь сказать, что он нужен Просвещённым? — спросил Мелколф.

— Об его существовании в Роще ещё не известно, — на мгновение на лице Оситеса появилось беспокойное выражение.

— И не должно быть известно.

— Кто такая Эдайс? — вмешался Рамсей в их дуэль. Он не собирался спокойно стоять, дожидаясь, пока они решат, стоит его убивать или нет. Убивать вторично, если считать тела.

Спорщики застыли, словно онемев. Мелколф просто смотрел, Оситес замигал. Несколько секунд спустя шаман ответил своим вопросом:

— Где ты слышал об Эдайс? — однако он не дал Рамсею возможности заговорить. Ответил сам: — Значит, герцогиня...

— При чём тут герцогиня? — спросил Мелколф. — Она привела его сюда. Зачем?

— Если бы она не была правительницей Олироуна, то поступила бы в Рошу. Испытания показали, что у неё необычайно высокий потенциал. Похоже, она совещалась с Просвещёнными и упомянула в разговоре с ним Эдайс.

— Ну, и так кто такая Эдайс? — на этот раз вопрос задал Мелколф.

— Она предсказательница. Интересно... — Оситес выглядел обеспокоенным. — Но я не получал от них никаких сообщений, никакого сигнала. Нет, — он указал на Рамсея. — Его нужно держать под рукой и в безопасности. Ты понял? Я должен ждать сообщения. И не думай, что Просвещённых можно устроить каким-нибудь трюком, — голос его стал глубже и мощнее. — Этот человек под нашей защитой...

Он протянул руку и большим пальцем с тяжёлым кольцом обвёл голову Рамсея.

— Ты не можешь. Такие вопросы должен решать Совет... — возразил Мелколф.

Оситес, повернувшись к Мелколфу, пристально посмотрел на него. Учёный нахмурился, но мрачно отвёл взгляд. Как будто признал своё поражение.

— Держи его в камере, в которой держал остальных, — продолжал Оситес холодным отчуждённым тоном. — Тебе скажут, куда доставить его и когда.

Не сказав больше ни слова, шаман повернулся и начал подниматься по лестнице. Мелколф смотрел ему в спину. На лице его появилось мрачное выражение, похожее на ненависть. Он повернулся и резко дёрнул за верёвку, связывавшую запястья Рамсея.

— Пошли, ты!

Рамсей подумал о том, не применить ли некоторые приёмы. Но учёный по-прежнему держал в руке стеклянную трубку, и это послужило превосходным аргументом против безрассудных попыток. Рамсей решил, что хвастовству Мелколфа о возможностях этого оружия лучше поверить. Возможно, учёный даже хотел, чтобы пленник попытался сделать что-то: можно будет сказать, что Мелколф действовал, защищаясь.

Мелколф обогнул какую-то круглую установку и оказался у открытой двери, которая вела в очень короткий коридор. Здесь друг перед другом располагались две камеры с прочными железными решётками. Учёный открыл дверь левой и жестом приказал Рамсею входить. Закрыв дверь за ним, он резко щёлкнул пальцами.

К удивлению Рамсея, петли у него на запястьях сами собой расслабились, упали на пол, и верёвка, как живая, проползла между прутьями решётки. Мелколф наклонился и подобрал шнур. Теперь он безжизненно свисал с руки учёного, как самая обычная верёвка. Мелколф свернул её и ушёл.

Рамсей принялся знакомиться со своей новой квартирой. Вдоль одной стены протянулась полка с каким-то грубым покрывалом. Вероятно, она должна служить постелью. Были также стул и дурно пахнущее ведро. Не очень-то уютно, и Рамсей не видел в будущем надежды на улучшение.

Он сел на стул, который оказался таким низким, что пришлось вытянуть ноги, иначе колени едва не упирались в подбородок. У Рамсея было о чём подумать. Он очень устал. И осознал это в неожиданном приступе лёгкой паники.

Ему удалось подавить панику, когда он стоял перед Мелколфом. И он остался жив, а сейчас важно было только это. К тому же выяснилось, что относительно его судьбы мнения резко разделились. И Оситес показал себя достаточно сильным, чтобы преодолеть сопротивление учёного.

Разговор между этими двумя... Рамсей принялся восстанавливать каждое слово, какое смог вспомнить. Они использовали машину раньше, и она действовала, как им нужно. Не было никаких неожиданных воскрешений мертвецов. Так почему же, как спросил Оситес, так не получилось и с ним?

Рамсею придётся смириться с утверждением Мелколфа, что Каскар погребён в теле Рамсея Кимбла и возврата нет. Он был удивлён своей спокойной реакцией: ему уже как будто всё равно. Может, чем дольше находится он в теле Каскара, тем больше сживается с этим миром? И поэтому мысль о невозможности возвращения не вызвала длительного шока?

Хорошо. Предположим, ему придётся навсегда остаться здесь. Какое будущее может его ожидать? Оситес намекнул, что он представляет немалый интерес для Просвещённых. Звучит не очень хорошо. Рамсей не собирался играть роль экспериментального животного, которое будут изучать, чтобы понять, что приводит его в действие, — вернее, что привело в действие тело Каскара. Рамсей мрачно улыбнулся этой своей мысли.

Мелколф хочет убить его, чтобы исправить ошибку своего эксперимента. Несомненно, воскрешение Рамсея уменьшило влияние Мелколфа среди его сообщников.

Есть ещё Очалл. Как ему понравится перспектива иметь

под рукой нового Каскара? Этот разговор о странной власти верховного советника над подлинным принцем — насколько он правдив? Был ли Каскар просто слабым человеком во власти сильного, которого все считают властным и злым? Или Очалл использовал гипноз, наркотики, что угодно, чтобы держать наследника Улада у себя во власти, чтобы он не мог действовать без разрешения Очалла?

Очаллу необходимо прикрытие Каскара, иначе он погибнет. Не стоит об этом забывать.

Текла... те, кто составил заговор, чтобы избавиться от Каскара, теперь знают, что она помогла ему совершить первый побег. Насколько обоснована её уверенность, что она сама неуязвима для нападения? Предположим, она выйдет замуж за Бертала, как предполагается? Насколько тогда она попадёт под власть правителей Улада? Рамсей не мог судить об обычаях этого мира, чтобы понять, какая опасность в будущем грозит герцогине.

Эдайс... упоминание этого имени явно озадачило Осите-са. Но Текла получила совет этой загадочной личности, и в ответе говорится, что он, Рамсей, сыграет определённую роль в будущем Олироуна. Именно поэтому герцогиня согласилась на его возвращение.

Собственные его действия вряд ли можно считать большим успехом. Хотя он и нашёл лабораторию и добрался до машины, сейчас он в руках тех, кого может считать своими врагами. Что бы ни думала Текла о Бертаде, старой императрице и её сообщниках по интриге, Рамсей всем им несколько не доверял.

Упомянув имя Эдайс при Осите-се, он получил всего лишь передышку — чтобы посмотреть в лицо собственной глупости. Никакого преимущества он не получил. Когда он не вернётся, Текла догадается или узнает, где он. Хватит ли у неё влияния, чтобы добиться его освобождения?

Почему-то эта мысль вызвала у Рамсея неловкость. С

того момента, как он запутался в этой сети, Текла помогала ему, выручила из одного затруднительного положения, затем из другого. Пора ему что-нибудь предпринять и самому — что-нибудь более конструктивное, чем попасть в первую же ловушку, которую для него приготовили.

Вот теперь он рассердился. Встал, подошёл к двери своей клетки. Но хотя ему и удалось просунуть за решётку руки, попытки нащупать замок завершились ничем, пальцы его лишь касались гладкого металла. Не нашлось даже замочной скважины, и он не имел ни малейшего представления, как Мелколф закрыл дверь.

Юноша присел, чтобы посмотреть, как закреплены прутья решётки в камне пола, и понял, что сломать решётку он не сможет. Конечно, если бы появился тюремщик, он мог бы попробовать сыграть роль непобедимого героя шпионских романов: крикнуть, что умирает, а когда откроют, чтобы проверить, просто пробиться наружу. Но Рамсей почему-то был уверен, что если кто-то и войдёт, рядом будет стоять Мелколф со своим стеклянным шприцем. А Рамсей уже принял твёрдое решение не рисковать своим вторым телом в спорах с хозяевами этого логова.

Оставалось просто сидеть и ждать, пока что-нибудь произойдёт. Рамсей никогда не обладал особым терпением, а сейчас ему особенно претило предоставлять противнику девять десятых преимуществ. Однако делать было нечего.

Если бы он смог сейчас увидеть какой-нибудь полезный сон... Такая неожиданная мысль чуть позабавила его. Но потом он начал обдумывать её более серьёзно. Рамсей снова сел на неудобный стул и принялся методично вспоминать всё, что рассказывал ему Грег об экспериментах с телепатией во сне. Берутся двое видящих сны и контрольный испытуемый. Рамсей никогда не обращал внимания на приборы, используемые в этом эксперименте, и решительно отказывался играть роль испытуемого. Контрольный

человек ждёт, пока прибор не покажет, что спящий настроен на приём (это определяется с помощью быстрых микродвижений глазных яблок; они свидетельствуют о том, что сон начался). Когда спящий готов к приёму, контрольный достаёт из груды картинок одну наугад. Концентрируется на ней, и спящий в большем количестве случаев, чем можно объяснить вероятностью, видит изображённое на картинке.

На таком уровне Рамсей сейчас действовать не может. Но юноша упорно продолжал обдумывать возможности снов. Оситес явно посылал сон из одного альтернативного мира в другой, чтобы привлечь самого Рамсея или управлять его снами. Может, это установило между ними какую-то связь и теперь Рамсей, в свою очередь, может привлечь к себе шамана? Но, конечно, не до такой степени, чтобы привести Оситеса сюда и заставить открыть дверь.

Мелколф... нет. Рамсей не верил, что сможет как-либо подействовать на учёного. Грег говорил, что на закрытый мозг это не действует. А Рамсей считал, что мозг Мелколфа прочно закрыт, что учёный верит в свою машину как главную причину смерти Каскара.

Однако Оситес — видящий сны. Остаётся выяснить, когда шаман спит...

Рамсей опустил голову на руки. Верить в то, что он чего-то достигнет снами, всё равно что просто встать и пройти сквозь эти решётки.

Глава 8

Рамсей сбросил грязное покрывало с полки на пол и лёг на жёсткие доски. Они показались ему похожими на ту твёрдую плиту, на которой он впервые пришёл в себя в этом мире. Он закрыл глаза, но не для сна, а чтобы сосредоточиться на шамане — каким он видел его вначале во сне, а позже наяву, когда тот встречал в Ломе Теклу.

Юноша легко увидел чёрно-белую мантию шамана. Однако Рамсей вскоре обнаружил, что восстановить мысленно черты лица гораздо труднее. Да, у него седые волосы, над лбом они гуще и длиннее, как будто их взъерошил ветер. Ниже — лоб, под ним — брови, тоже седые и густые.

Но когда Рамсей попытался вспомнить глаза под этими бровями, он едва не потерпел поражение. Тёмные, запавшие в череп — да. Но всё-таки чего-то не хватало, какого-то трудно уловимого выражения. Рамсей не мог его определить. Или это просто отсутствие всякого выражения? Чем-то лицо в его видении напоминало маску, в нём не горела искра подлинной жизни.

Никогда раньше не приходилось ему так сосредоточиваться. Борьба поглотила его сильнее, чем когда он пытался припомнить сны, которые привели его сюда. Эти сцены снов опять начали всплывать в памяти, они закрывали лицо Оситеса. Теперь они служили прикрытием для шамана. Но Рамсей продолжал пытаться.

И вот буквально на одно мгновение Рамсей ясно увидел это лицо, живое, а не маску. Глубоко посаженные глаза с оттенком удивления посмотрели на него. Контакт длился едва ли дольше вдоха и тут же прервался. И снова Рамсей увидел только чёрно-белую фигуру, она медленно расплывалась, пока не исчезла.

У Рамсея заболела голова, заныло тело. Мышцы его напрягались не меньше мозга, когда он пытался достичь чего-то, сам не веря в успех. Попытаться ещё раз?

Чёрное и белое... чёрное... и...

Чёрное стало серым и алым. Кто-то другой... он почувствовал присутствие ещё кого-то... однако этот другой о нём и не подозревает. Рамсей мысленно затаился. Так маленький зверёк прижимается к земле, чтобы избежать внимания врага. Этот другой — в р а г, он больший враг, чем Оситес. Как его имя? Очалл? То, что ему было известно о верховном советнике, давало основания верить в это.

Рамсей, осмелев, попытался вызвать лицо. Ничего — только сознание, что где-то там присутствует другой. Вмешиваться дальше просто глупо.

Рамсей открыл глаза. Он почти ожидал увидеть склонившегося к себе человека, заставляющего его... что? Рамсей не знал этого, но у него появилось ощущение принуждения. Он сел и осмотрел камеру. Нет, он оставался здесь совершенно один. И из лаборатории, в которой Мелколф и стражник застали его, не доносилось ни звука.

Если Мелколф прав — а у Рамсея не было причин сомневаться в его словах, — возврата к прошлому нет. Рамсей ожидал собственной реакции на это, может, приступа паники, ощущения потерянности.

Но... ничего подобного. Рамсей посмотрел на коричневую кожу своих рук. Это не его руки. Но — вот они! Он чувствует себя в теле Каскара, как в своём собственном. Глядя в зеркало, видит лицо Рамсея Кимбла, хотя кожа стала смуглей, шрам исчез, волосы подстрижены по-другому. Но он по-прежнему Рамсей Кимбл, каким был всю жизнь.

Если бы в нём остался хоть след прежней личности Каскара... но он его не нашёл. Следовательно, он не изменился, изменился мир вокруг него. Всё равно что работать в чужой стране, подумал Рамсей, может, в Мексике или в одном из южноамериканских государств. Пришлось бы учить язык, изучать обычаи, чуждые его родной стране, как чужды обычаи Олироуна, Улада или Толкарна.

Дома у него нет близких, которые встревожились бы из-за его исчезновения. Троюродные братья... После смерти родителей в автокатастрофе он с семнадцати лет жил один. И был слишком занят, сражаясь за получение образования и возможность прожить, чтобы у него возникли прочные контакты. Грег, вероятно, лучший его друг, хотя Грег так увлечён своим проектом, что ничего вокруг не замечает.

Итак, он свободен, если можно это так назвать, и может устроиться на работу за морем. Здесь, конечно, чуть по-дальше, чем за морем, и это гораздо более серьёзная перемена в жизни. Однако если он её примет, то легко сумеет подавить любую панику.

В сущности, хотя он только что осознал это, за время жизни в Килсите Рамсей уже начал адаптироваться к новому миру. Если он признает, что возврата для него нет, что дальше?

Судя по тому, что он узнал, он оказался в самом сердце отвратительной интриги. Для Мелколфа и его сообщников ПсевдоКаскар смертельно опасен, потому что может раскрыть, как они избавились от подлинного принца. Для Очалла он — возможность игры с новой пешкой...

Но он сам по себе! Он не Каскар. И именно его будущее они стараются исказить и изменить — а может, и совершенно уничтожить! Следовательно, отныне он сражается только за себя самого.

И...

Рамсей вскочил, глядя на дверь клетки. Кто-то идёт. Он не слышал никаких шагов, но был уверен, что в лаборатории обозначилось какое-то движение. И оно приближалось. Опять Мелколф, на этот раз готовый покончить с ним? Рамсей перевёл дыхание. Каким бы экзотическим оружием тот ни пользовался, Рамсея нелегко будет убить.

По-прежнему он не слышал ни звука, но знал, что кто-то приближается к нему.

Американец наклонился и взял стул за ножку. Он не знает, насколько эффективна такая защита, но больше пока ничего предпринять не может. Возможно, повезёт, и он успеет выбить трубку из рук Мелколфа. Конечно, если тот просто не остановится за решёткой и не поразит его лучом (если так действует это оружие), сам оставаясь вне пределов досягаемости.

В дверях короткого коридора, в котором располагались камеры, показалась фигура. Чёрно-белая... Рамсей знал во дворце только одного человека в такой одежде. Но стул он не опустил.

Оситес шёл медленно. Шаман пытался поймать и удержать взгляд Рамсея. В этом таилась опасность! Точно так, как он ощутил беззвучное приближение Просвещённого, инстинкт подсказал Рамсею, что нельзя позволять Оситесу смотреть ему в глаза. Рамсей опустил взор и смотрел на подбородок шамана, на его морщинистое горло.

Шаман подошёл к двери камеры.

— Пора поговорить, незнакомец, — голос его звучал хрипло. Он как будто не часто им пользовался.

— Может быть, — ответил Рамсей. — И что ты мне скажешь? Я твой пленник и поневоле буду слушать.

— Ты не мой пленник... — Оситес высунул руку из складок длинного рукава, прижал пять пальцев к двери. Та распахнулась. — Выходи, незнакомец...

Рамсей колебался. Что если он послушается, а его действия истолкуют как попытку к бегству, чтобы избавиться от него без лишних хлопот?

— У меня нет оружия, — голос Оситеса звучал устало. — И я не собираюсь тебя предавать.

Рамсей вспомнил слова Теклы.

— Даёшь слово-обязательство? — спросил.

— Слово-обязательство, — с готовностью ответил Просвещённый.

По словам Гришильды, такое слово нерушимо. Рамсей с грохотом уронил стул и вышел в узкий коридор.

— Идём! — Оситес уже повернулся и направился назад в лабораторию. Рамсей осторожно последовал за ним. Шаман дал слово-обязательство, но оно ведь не распространяется на остальных участников заговора против Каскара.

Они направились не к той лестнице, по которой в зал

спустился Рамсей, а к противоположной стороне уставленного машинами помещения. На одной из скамей Рамсей увидел свою маску. Машинально он взял её: эта маскировка может снова ему понадобиться, особенно в Ломе, где его нынешнее лицо служит только помехой.

Здесь оказалась ещё одна лестница, более крутая и узкая. Оситес поднимался медленно, как будто усилия истощали его хрупкое тело. Рамсей нетерпеливо топтался в нескольких шагах за ним. Он постоянно оглядывался, всё время ожидая услышать звуки преследования.

Лестница шла прямо вверх. Тонкая светлая линия над головой говорила о приоткрытой двери. Возможно, их ждут. Наконец Оситес, тяжело дыша, добрался до выхода. Рамсей взбирался сразу за ним.

Рамсею не дали времени поразглядывать богато убранное помещение. Оситес подошёл к высокому креслу резного позолоченного дерева с балдахином, скрывавшим того, кто сидит на этом троне.

Женщина казалась на этом большом троне очень маленькой, но была окружена таким ореолом величия, что ни в малейшей степени не производила впечатление слабой. Напротив, трон казался для неё самым подходящим сидением.

На её плечи был наброшен меховой плащ, хотя Рамсею показалось, что в комнате жарко. Голову прикрывал шарф из золотой материи, скреплённый кольцом с драгоценными камнями. На виду оставалось только лицо. Руки, худые, как птичьи лапы, спокойно лежали на коленях. Большой палец правой руки отягощало кольцо с печатью, такое же, как у Теклы, тяжёлое и массивное, впившееся в плоть. Были и другие кольца, все с крупными камнями.

Маленькие ноги в мягкой обуви прочно стояли на подножке трона. Всё вместе производило впечатление непререкаемой власти. Рамсей не сомневался, что перед ним

старая императрица. И с любопытством разглядывал её лицо. Какова она, эта женщина, которая решила избавиться от собственного внука во имя долга перед страной?

Возраст заострил черты её лица. Если когда-то она и обладала красотой, сейчас от неё не осталось ни следа. Но ей и не нужно быть красивой. В любом обществе она сразу привлечёт к себе внимание. На Рамсея она подействовала, как никто в жизни. Но юноша решил не показывать этого. Что касается его самого, она враг.

Они были одни. Быстрый взгляд показал Рамсею, что здесь только Оситес и Квендрида. Что там говорила Текла? Что эти двое считают его угрозой, но не согласятся на его убийство? Остаются трое: Бертал, новый наследник, советник, и Мелколф. Где они сейчас? Означает ли отсутствие трёх младших участников, что среди заговорщиков произошёл раскол? Если так, то как Рамсею использовать это в своих целях?

Он почувствовал на себе пристальный взгляд императрицы. И встретил этот взгляд спокойно, без того инстинктивного опасения, с каким смотрел на Оситеса. Молчание становилось напряжённым, но Рамсей решил, что первым не заговорит.

Заговорила императрица.

— Что ты за человек? — она задала вопрос резко, словно ожидала немедленного ответа.

— Я самый обычный человек... — Рамсей поколебался, потом добавил уважительный термин, с которым, как он слышал, обращаются к немногим оставшимся королевам его мира: — Мадам.

Квендрида сделала нетерпеливый жест рукой.

— Каким-то образом ты приобрёл важное значение, — возразила она. — Иначе ты бы не оказался здесь.

— Вы хотите сказать, мадам, — Рамсей постарался говорить как можно спокойней, — что для вас я был бы полезнее мёртвым?

Рот под крючковатым носом дрогнул. На вызов ответил Оситес.

— Ты дерзок... — в голосе его звучало предостережение.

— А что ещё мне остаётся? — Рамсей удивился, что сумел найти эти слова; похоже, только такие и пригодны в этом обществе. — Мне сказали, что я мёртв. И как будто сразу в двух различных мирах. Но раз я мёртв, что мне остаётся, кроме дерзких речей?

К удивлению Рамсея, императрица неожиданно хрипло рассмеялась.

— Прекрасно сказано, незнакомец. У тебя быстрый язык и ум, — она чуть запнулась, — и твой ум отличается от того, что нам известно. Что же нам с тобой делать?

— Чт о м н е делать, — поправил он. — Выбор принадлежит мне, мадам.

Императрица молчала, разглядывая его. Потом спросила вежливо, но не очень заинтересованно:

— И что же ты собираешься делать, мальчик?

Рамсей пожал плечами.

Пока что мне не давали ни малейшей возможности выбора, мадам. Мелколф сказал, что вернуться в свой собственный мир я не смогу. Если поверить ему, мне нужно найти место здесь.

Она медленно покачала коронованной головой.

— Не здесь, не в Ломе, не в Уладе, пока у тебя э т о лицо.

— А кто дал мне его, мадам? — снова вызывающе спросил Рамсей.

— У нас тоже не было выбора, — всякая лёгкость исчезла из её голоса. В нём снова звучала только холодная властность. — Ты должен знать ситуацию. Правление Каскара неминуемо вызвало бы катастрофу, которую страна не выдержала бы.

— Всё равно, вы должны принять меня, — Рамсей отказывался поддаваться её влиянию.

— Я же сказала: мы не можем, — и снова властность в голосе.

— Значит, ваш ответ такой же, как у Мелколфа, — убийство? — спросил он.

Её руки в кольцах шевельнулись, тонкие пальцы вцепились в край мехового плаща, в камнях колец радужными искрами отразился свет. Оситес сделал шаг вперёд из-за трона, словно охраняя свою правительницу. Лёгкая тень возмущения исказила его лицо, нарушив неподвижность маски, которая лежала на его лице с того момента, как он выпустил Рамсея из камеры.

— Ты слишком много себе позволяешь! — голос шамана прозвучал резко, но императрица прервала его.

— У кого больше прав задать нам этот вопрос, преподобный? Нет, незнакомец, мы не убьём тебя. Но есть другой — другие... Они не так терпимы, потому что боятся. А когда люди боятся, они действуют, мудро или неразумно, но действуют. Если ты останешься жив — говорю тебе это искренне, — то не в Ломе, не в Уладе, даже не по эту сторону океана. Ты принял внешность толкарнца... хорошо... так и живи!

— А почему я должен исполнять ваши пожелания, мадам? — Рамсей спросил не дерзко. Он надеялся, что эти двое поймут его. Просто он человек, которым нельзя командовать.

— Такое решение не просто моё желание, — ответила императрица. — Это всего лишь здравый смысл. Я могу удержать Мелколфа: пока жив мой сын, нынешний император — хотя он быстро слабеет, — мои приказы будут исполнены. Когда он умрёт, у меня останется место в Ломе, но властью я уже не буду обладать. Тогда я смогу только предлагать, а не приказывать.

Тебе рассказывали об Очалле, о том, чего он добивается. Любому из его созданий, этим глазам и ушам, которые он

рассеял по всему дворцу, достаточно увидеть тебя без маски, и он сразу об этом узнает. И могу тебе пообещать, что если Очалл отыщет тебя, твоей участью будет не смерть, а смерть-при-жизни.

Не думай, что Каскар всегда был слаб, лёгкое орудие в руках человека с сильной волей. Когда-то он был как ты, молод и горд своей силой, быстрый разумом и телом. Я говорю так не потому, что он кровь от моей крови, плоть от моей плоти, наследник моего Дома, нет, это действительно правда.

Мы так и не узнали, какими злыми способами Очалл подчинил себе Каскара. Возможно, он даже извратил Древнее Знание, которое, как мы верили, сохранилось только у Просвещённых, чтобы сделать Каскара таким, каким он стал. И если он сделал это однажды, разве не сможет повторить? Ты хочешь стать тенью самого себя, незнакомец?

Рамсей понял, что императрица не пытается запутать его. Эта Квендрида, правительница Улада, говорила совершенно серьёзно. Наркотики, гипноз — вот на что она намекает. И он прекрасно понимает, что случится, если Очалл наложит на него свои грязные руки. Допустим, они правы, у него нет будущего в этой земле? Быстрое отступление кажется наилучшим выходом. Конечно, это совсем не означает, что он не сможет когда-нибудь в будущем вернуться. Если они выиграют схватку с Очаллом... Но сейчас было важно настоящее, а не будущее.

— Я могу считать, что Мелколф сказал правду? — спросил он у них обоих. — Что мне нет возврата в свой мир?

Императрица предоставила отвечать Оситесу.

— Это правда. Я снова посылая сон в твой мир. И ничего не нашёл. Тот, кем был ты, миновал Последние Врата вместе с Каскаром. Да пребудет с ним мир! — шаман сделал

лёгкий жест, начертив в воздухе какой-то символ. Императрица склонила голову.

— Хорошо. Если я уйду из Улада, скажем, в Толкарн? Как это организовать?

— Всё уже организовано. Нам нужно только твоё согласие, — быстро сказал шаман. — Хотя сейчас купцы редко отваживаются плыть за море, у одного такого корабль как раз на якоре в западной гавани. Он готов взять пассажира. Одежда, оружие, кредит у этого купца — всё ждёт тебя на борту. Ты уедешь немедленно...

— Вы быстро принимаете решения, — сухо заметил Рамсей.

— Так нужно, — ответил Оситес. — Чем быстрее ты покинешь Лом и окажешься в океане, тем в большей безопасности будешь. Очалл, возможно, уже узнал о твоём существовании. Нет причин считать, что он не узнает. И мы не преувеличиваем опасность: он ищет всеми своими способами.

Рамсей пожал плечами.

— Похоже, у меня нет выбора.

— Конечно, нет, — подтвердила императрица. — Мы сожалеем, что ты оказался захвачен нашими делами, но это было вызвано чрезвычайно важной причиной... Не стану отрицать, если бы перед нами снова встал выбор, мы приняли бы то же самое решение. Один человек ничего не значит по сравнению с безопасностью целой страны.

Рамсей взглянул на Оситеса.

— Мне говорили, что Просвещённые только советуют, но не действуют. Мне кажется, здесь ты сделал больше...

— На мою голову и сердце ляжет этот поступок. И это не твоё дело, незнакомец! Но поскольку ты согласился, не будем тратить времени на болтовню. Ты должен немедленно уходить!

— Я хочу вначале увидеться с леди Теклой.

Императрица чуть наклонилась вперёд в своём троне, пристально взглянула на него.

— Зачем? Для такой встречи нет никакого повода. Она знает, что мы тебе говорим, и согласна с нашим предложением. Девочка поступила хорошо. А теперь поступает ещё лучше, мирно соединяя две наши страны для большей безопасности и процветания обеих. Бертал, конечно, не Пиран, мой умирающий сын, он не великий правитель. Но он прислушивается к разумному совету и горячо ненавидит Очалла. И тогда нам не нужно будет опасаться, что этот сын зла снова бросит свою тень на нашу землю!

Немного помолчав, глубоким, полным чувства голосом она продолжила: «Нет... уходи немедленно... Оситес проводит тебя до ворот. За ними тебя ждёт человек, он отведёт к кораблю. И — не снимай маску. Надень её немедленно! Ты же не хочешь, чтобы все видели, что мертвец ходит по улицам?» — и она указала на маску в его руке.

Американец мог бы снова потребовать свидания с Теклой, но решил, что это бесполезно. К тому же императрица очень ясно дала понять, что девушка знает обо всём, что ему предложено. Но, надевая маску и застёгивая её на горле, Рамсей испытывал печаль и разочарование. Конечно, он, как личность, ничего не значит для Теклы. Она действовала с самого начала не ради спасения Рамсея Кимбла, а чтобы спасти планы этих двоих; она согласна, что польза страны важнее судьбы одного человека, хотя и отказалась предоставить его в добычу Очаллу или горячим головам среди участников интриги. За это он ей благодарен. Она теперь выйдет замуж за Бертала. Очалл утратит свою власть. И история пойдёт по тропе, намеченной этими старухой и стариком.

Императрица не попрощалась с Рамсеем, он тоже ничего ей не сказал. Она откинулась на спинку трона, лицо её скрылось в тени навеса, но юноша увидел, что она закрыла

глаза. Может, уже выбросила его из головы, как окончательно и аккуратно решённую проблему.

Но Квендрида Уладская не может предвидеть будущее, этого не могут точно делать даже Просвещённые. Возможно, её ещё ожидают один-два сюрприза. И Рамсей подумал, что он вполне может стать источником этих сюрпризов. Ещё в камере он решил, что никогда не опустится до роли безвольной марионетки ни в чьих руках. Поэтому он не собирался быть игрушкой этой женщины. Он принадлежит только себе и таким и останется — даже если ради этого придётся сражаться насмерть.

Они шли коридорами, спускались по лестницам и наконец вышли во двор, такой же, как тот, куда Рамсея привела Гришильда во время их первого бегства из Лома. И так же их ждал флаер, а у его ступеней — человек в мундире стражника. Он приветствовал Оситеса, потом Рамсея, подождал, пока тот поднимется в машину, и сам поднялся следом.

Флаер опять резко подскочил вверх, но на этот раз они летели недолго. Сели на квадратную площадку, рядом слышался плеск воды. Должно быть, море. Перед ними лежала пристань, ряды кораблей. Рамсей не увидел ни парусов, ни вообще какого-либо рангоута, только в центре каждого корабля торчал какой-то столб. Стражник ждал Рамсея.

— Уже близко... — сказал он. — Вон тот... — он повернулся к Рамсею, но взгляд его тут же скользнул за плечо юноши. В глазах промелькнуло удивление, он раскрыл рот.

Рамсей действовал инстинктивно, он стремительно упал на землю и перекатился на бок. Мимо проскочил человек с обнажённым мечом. Напавший чуть потерял равновесие, главным образом потому, что рассчитывал вонзить меч в спину Рамсея.

Но то, что предательское нападение не удалось, отнюдь не обескуражило незнакомца. Он резко повернулся и напал снова. И при этом выкрикнул:

— Кровная месть!

Рамсей даже не попытался встать. Напротив, перевернулся на спину и ждал, внешне лёгкая добыча. Мечник тоже носил маску, только ярко-жёлтую. Сквозь её прорези блеснули бешеные глаза. Нападающий снова прыгнул. Рамсей напряг мышцы ног и резко выбросил их вперёд в ударе, который отбросил тело противника в сторону.

Глава 9

Нападающий, не готовый к такой встрече, кубарем покатился по земле. Продолжая движение, американец плавно вскочил на ноги. Падая, его противник потерял меч. Рамсей наступил ногой на острое лезвие. Враг кинулся к нему в третий раз, и Рамсей точно опустил ребро ладони на его шею. Он рассчитывал только оглушить, а не убить. Жёлтая маска рухнул лицом вниз на мостовую гавани, да так и остался лежать. Рамсей, тяжело дыша, наклонился, подобрал меч и замер, держа его наготове.

Он обнаружил, что вокруг собрались зрители. Но если в Ломе и была какая-то полиция, здесь её не оказалось. И никто из зрителей не вмешивался. Среди них Рамсей не разглядел дворцового стражника, который как будто должен был убедиться, что он благополучно добрался до корабля.

— Отличный бросок... — заметил один из зрителей, делая один-два шага вперёд.

Высокий, худой, с чёрными волосами, прикрытыми шляпой с гребнем, такой же, как носил и сам Рамсей. Только маски у него не было. Куртка у него короткая, как у слуг, но на широком поясе висел короткий церемониаль-

ный меч и ещё какое-то оружие в ножнах. К тому же нигде не было видно никакого герба. Серую одежду на груди по диагонали пересекала фиолетовая полоска.

Обращаясь к Рамсею, он поднял руку в рядовом приветствии, как будто отдавая обычную дань вежливости.

— Дедан из Кентала, — представился он. — Вольный капитан.

— Арлут из Толкарна, — ответил Рамсей. Он напряжённо размышлял. Быстрое исчезновение дворцового стражника приводило только к одному заключению. Ему подготовили западню! И кто-то для этого воспользовался маскировкой Рамсея как кровника. И юноша подумал, что ему не нужно далеко отыскивать организаторов этого нападения. Всё, что говорили ему императрица и Оситес, предназначалось только для одной цели: чтобы он покорно направился навстречу смерти. Может, план возник не перед этой встречей. Возможно, и Текла, придумывая для него маскировку, уже предвидела такой конец.

Рамсей ощутил гнев. Они играли с ним! Хорошо — отныне он им ничего не должен. Он принадлежит только себе. И никакого ухода в Толкарн. Он вообще теперь сомневался, чтобы здесь, в Ломе, действительно нашёлся корабль, отплывающий в Толкарн.

Вольный капитан опустился на колено рядом с неподвижным противником Рамсея, перевернул его на спину и снял жёлтую маску. Негромко присвистнул и оценивающе посмотрел на Рамсея.

— Кто-то очень хочет увидеть тебя мёртвым, незнакомец. Ты знаешь его? — и он ткнул большим пальцем в сторону неподвижного бойца.

— Нет.

— Это Одинал, опытный наёмный убийца. Он берёт очень дорого. Должно быть, твои кровники не поскупились опустошить свои карманы, — вставая, он брезгливо отрях-

нул руки. Как будто хотел избавиться от всяких следов прикосновения к жёлтой маске.

— Я бы посоветовал тебе не изображать здесь пуп земли, — продолжал Дедан. И окинул взглядом собравшуюся толпу. — Вполне возможно, что Одинал прихватил помощников.

Рамсей растерялся. Если этот тип говорит правду, можно ожидать повторного нападения. А увидев Рамсея в действии, любой благоразумный человек предпочтёт убить его на расстоянии. Он не видел подозрительных людей в толпе, но авантюрная жизнь среди опасностей была внове для него, и потому он испытывал замешательство.

Дедан легко коснулся его руки.

— Благоразумнее побыстрее убраться отсюда. Говорят, отступление — правая рука доблести.

Рамсей едва не подскочил от этого лёгкого прикосновения. Почему он должен доверять вольному капитану (что бы это ни значило!) больше, чем любому другому зрителю из толпы? Но этот человек был прав! Рамсею лучше скрыться из виду, чтобы иметь возможность подумать и составить какой-нибудь план.

— Мы всего в нескольких шагах от «Бочонка и чаши», — Дедан указал на улицу, спускавшуюся к гавани. — Еда там грубоватая, но для портовой таверны сойдёт. Пойдём?

— Почему... — начал Рамсей.

— Почему я принимаю участие в этом деле? — закончил за него Дедан. — По двум причинам, незнакомец. Во-первых, мне всегда не нравится, когда ничего не подозревающего человека бьют в спину. Во-вторых, меня весьма заинтересовали необычные способы, какими ты использовал руки и ноги. В моей профессии любая новинка в искусстве защиты много добавляет к способностям человека, увеличивает ценность наёмника. Нет, — он покачал головой, словно прочёл неожиданную мысль Рамсея. — Я

не брат Одинала по профессии. Я наёмный солдат, а не убийца, расправляющийся с врагами других.

Никто не помешал им уйти. И Рамсей пошёл, главным образом потому, что не смог придумать ничего другого. Предательство свалилось на него так неожиданно, настолько изменило для него всю сцену действия, что он почти так же перестал понимать окружающее, как в первые моменты, когда проснулся в теле Каскара.

Дедан пропустил его в дверь таверны, где крепкая смесь запахов говорила о долгой череде обедов и малом внимании к воде и мылу. Вольный капитан пересёк большую комнату, уставленную столами и скамьями, массивными, с грязной и изрезанной поверхностью. Здесь ели и пили поколения посетителей. Помещение заполнял гул разговоров. В таверне проводило время множество клиентов. Однако Дедан миновал даже пустые скамьи и прошёл во второй зал, где было потише, хотя пищей пахло ещё сильнее.

Он пинком выдвинул из-под небольшого столика стул и махнул Рамсею, чтобы тот сел напротив. Подошла девушка-служанка. Её юбка была разрезана так искусно, что позволяла видеть округлость бёдер. Волосы девушки перехватывала поблекшая позолоченная лента.

— Иза, красавица моя, две чашки белого и всё, что булькает на вашей правой печи.

Служанка хихикнула, кивнула и убежала, словно Дедан не из тех, кто привык ждать.

— Не буду спрашивать, кто натравил на тебя Одинала, — Дедан внимательно рассматривал Рамсея. — Ты говоришь, что твоя родина Толкарн, на тебе маска кровника. Но не в обычаях Домов запада протягивать руку за море, чтобы прикончить врага. И ты, как кровник, должен быть здесь в безопасности. Интересно, кому ты наступил на мозоль уже в этой стране?

Вольный капитан говорил небрежно. И не давал знака,

ждёт ли ответа. Рамсей положил на стол между ними меч, отобранный у убийцы. Дедан наклонился, рассматривая оружие.

— Хорошая работа, к тому же двойная угроза...

— Двойная угроза? — Рамсей удивился.

— Да. Смотри! — вольный капитан коснулся рукояти, сильно нажал пальцем на одну из орнаментальных шишек. С острия меча сорвались две тяжёлые большие капли.

— Советую не касаться этого, — предупредил Дедан. — Это не для насыщения человека, совсем наоборот. Это меч из Заговья. У них там любопытные обычаи. Но в данных обстоятельствах меня слегка удивляет Одинал. Даже наёмный убийца не часто идёт на такие трюки.

Рамсей ошарашенно смотрел на тёмные капли. Он несколько не сомневался в правоте Дедана. Наверное, убийце в жёлтой маске достаточно было даже слегка оцарапать противника. И при мысли, что это могло случиться, Рамсей до боли сжал край стола.

— Именно так. Тебе гораздо сильнее повезло, чем ты думал, незнакомец, когда спасся от него. Но меня больше интересует, как ты спасся. Я способен оценить твои действия, и мне кажется, ты владеешь каким-то новым видом боя.

И хотя капитан не задавал вопрос, Рамсей кивнул.

Вернулась девушка Иза, неся поднос, уставленный чашками и тарелками. Неожиданно Рамсей ощутил сильный голод. Девушка уже собралась поставить поднос на стол, когда увидела меч и зловещие тёмные капли на острие.

Она закричала и так резко отскочила, что жидкость из чашек пролилась. Дедан обнял её, чтобы удержать.

— Иза, моя красавица, найди-ка нам тряпку, которой Бавар стирает со столов в том помещении. Обещаю, всё будет хорошо. Оставь здесь поднос...

Она выполнила его просьбу, исчезла и тут же вернулась, держа в руке грязную тряпку. Рамсей видел, что девушка

очень испугана. К столу она не подошла, а издала бросила тряпку Дедану. Вольный капитан тщательно вытер пролитую жидкость. Потом, держа тряпку сложенной, подошёл к очагу и бросил её на тлеющие угли. Опустившись на колени, он достал из внутреннего кармана одежды маленькую коробочку, крутанул большим пальцем колёсико на ней. Искра упала на тряпку, та вспыхнула, испустив облако зловонного дыма.

Иза глубоко и облегчённо вздохнула. Потом торопливо похватила поднос и обслужила их. Очевидно, считала, что чем быстрее уйдёт из этой комнаты, тем лучше.

Рамсей ел молча, его спутник тоже не нарушал молчание, заполнившее комнату. За едой Рамсей не переставал думать. Он хотел бы больше узнать о Дедане, который так удачно оказался на пристани и к тому же знаток необычного оружия. Но Дедан, как человек этого мира, должен считать, что Рамсею и самому многое известно. И если Рамсей начнёт задавать вопросы, не покажет ли этим, что он не просто незнакомец? Проблема очень сложная.

Дедан покончил с едой. Держа чашку обеими руками, он через её край посматривал на Рамсея. Губы капитана слегка изогнулись, не в улыбке, нет, но как будто ситуация казалась ему чем-то забавной. Хотя Рамсей не видел ничего, что давало бы повод для этого.

— У меня есть к тебе предложение, Арлут, — впервые вольный капитан использовал его толкарнское имя. — Ты научишь меня этому приёму боя ногами, а я бесплатно вывезу тебя из Лома и гарантирую, что тебе не придётся иметь дело ни с Одиалом, ни с кем другим. Ты сильно оскорбил его профессиональную гордость этим своим трюком. Теперь твоё убийство становится делом его личной чести, понимаешь? Я не купец, чтобы торговаться. Моё предложение простое. Научи меня этому приёму и уплывай из Лома как член моего вольного общества. Мы должны

отплыть сегодня вечером, высадимся Яснаби, а потом пойдём в глубь суши вдоль границы. Если Одинал попытается нас преследовать, он будет замечен, как рас-ястреб в чистом небе, даже если найдёт средство для плавания. Вдобавок, если ты дашь слово-обязательство обществу, твоя вражда становится нашей враждой. А мир хорошо знает, как вольные общества защищают своих. Что скажешь о моём предложении? Не думаю, чтобы ты получил лучшее. Во всяком случае не здесь, в Ломе.

Рамсей, вспомнив неожиданное, но тщательно отретированное исчезновение стражника, готов был легко согласиться с этим.

— Твой отряд — а за кого он сейчас сражается? — юноша подумал, что капитан может быть из числа тех бездомных наёмников, что собрал Очалл. Если это так, то он не собирается из огня, разожжённого императрицей и Оситесом, попадать в полымя всеми презираемого советника.

— Не за Очалла. В этом твоя проблема, Арлут? — Дедан проницательно смотрел на него. — Если это так, у тебя действительно есть полное право оглядываться через плечо днём и ночью. Нет, нас нанял Тантант из Дрегхорна. Он владеет западными берегами Олироуна и уже дважды подвергался набегам линаркианских пиратов. Пираты становятся всё наглее. Они в последний раз умудрились разграбить Разолг и удерживать его целую неделю, выдерживая осаду войска, которое собрал Тантант. Олироунцы могут отбивать нападения, но для регулярных сражений они не обучены. Поэтому мы присоединяемся к ним. Плата хорошая, и обещаны премии за каждую стычку с Линарком, если удастся перебить пиратов или прогнать их в море. Ну, так что скажешь? Твои знания за бесплатный проезд из Лома?

Рамсей осушил свою чашку. Поставив её на стол, он медленно проговорил:

— Я не солдат. Я даже не знаю, как обращаться с таким оружием, — юноша коснулся рукояти короткого меча. Он знал, что такая откровенность выдаёт его: кровник не может быть столь несведущим. Но другого пути Рамсей не видел. Он не думал, что сможет обмануть опытного бойца. И продолжил, коснувшись пальцем своей маски.

— И я не кровник из Толкарна. Хотя, как ты видел, здесь есть такие, кто хочет моей смерти. Я теперь думаю, что эта моя маскировка должна была сделать меня лёгкой добычей Одинала или любого другого, как он. Не могу сказать тебе, кто я. Но Лом, Улад — для меня означают смерть...

Дедан долго смотрел на него. Потом вольный капитан заметил:

— Правда — суровая хозяйка тех, кто присягнул ей, Арлут, но когда человек откровенен, он заслуживает ответной откровенности. Ты совершил какое-то преступление?

— Если считать одно моё существование преступлением, да. По этой причине я опасен для некоторых.

— Для Очалла?

— И для него среди других, — ответил Рамсей. — Я невольно сорвал план, который для него представлял большой интерес.

На лице вольного капитана снова появилась тень лёгкой улыбки.

— Это вполне соответствует тому, что я слышал об этом недостойном советнике. Итак, ты не солдат? Ну, что ж, тебя можно сделать солдатом. А твоё мастерство — я хочу в свою очередь овладеть им. Преследуемый или кровник — какая разница? Для меня эти случаи равны. В Уладе я никому не служу. Ты считаешь, что Олироун для тебя тоже закрыт?

Может ли Рамсей посчитать, что Текла не среди участников интриги? Он хотел верить, что девушка не знает о последнем маленьком усовершенствовании плана, которое

должно было навсегда снять его с игровой доски. Нет, решил Рамсей, рисковать он не будет.

— Не думаю, — сказал он. — Хотя если определённые силы в Уладе надавят...

Дедан приподнял брови.

— Теперь ты даже ещё больше заинтересовал меня, Арлут не из Толкарна. Но станут ли тебя искать в вольном обществе?

— Вероятно, нет.

— Хорошо. Снимай маску. Мы воспользуемся этим окном, — капитан указал на грязную раму, укреплённую металлическими полосками. Отсчитал несколько мелких монет и оставил на столе. — Лучше не рисковать, проходя снова через наружную комнату. Кто знает, кто там сидит, потягивая из чашки?

Рамсей недолго колебался, прежде чем снять маску. Дедан уже был у окна, изо всех сил вытягивая шею, которой явно долго не пользовались. Мгновение спустя они один за другим выскользнули через подоконник на шумную боковую улицу.

Солнце уже зашло, и появилось достаточно теней, чтобы укрыться. Плечо Дедана коснулось Рамсея.

— К верфи. Мы отплывём с ночным приливом.

Рамсей всё время чувствовал, что у него открыто лицо. Он помнил все предупреждения, начиная со слов Теклы, что лицо Каскара выдаст его первому же встречному шпиону. Но пока немногие прохожие даже не смотрели на него. Однако он вздохнул с облегчением, только когда поднялся на корабль и прошёл в трюм, в каюты вольного общества Дедана.

Три дня спустя Рамсей улыбался, чуть насмешливо поглядывая на лежавшего на палубе Дедана.

— Нужно использовать силу противника и его собствен-

ные действия против него же, — в десятый раз за час повторил он.

Дедан скрипнул зубами.

— Хорошо, когда ты делаешь это. Но придёт и мой черёд. На рукояти меча твоя рука вовсе не так хороша, как на моей больной шее!

Из общества в тридцать человек, которым командовал Дедан, у Рамсея подобралось всего с полдесятка учеников. Остальные сторонились нового способа борьбы, они удовлетворялись наблюдением и насмешками над теми, кто постоянно падал на палубу. Дедан был прав и в том отношении, что Рамсею ещё далеко до мастерства во владении мечом. Гораздо лучше он пользовался странным ручным ружьём, которое тоже было на вооружении в обществе.

Ружьё стреляло стеклянными стрелами; разбиваясь при ударе, они осколками наносили тяжёлые раны. Но Рамсей пока не видел ничего похожего на стеклянную трубку, которой угрожал ему Мелколф. У них имелось ещё более крупное оружие с длинным стволом, оно стреляло огненными шарами, которые разрывались в воздухе, поливая врагов горючей жидкостью. Это оружие явно состояло в родстве с огнестрельным, зато пулевых ружей этот мир, по видимому, не знал.

Вдобавок к ручному оружию Дедан показал Рамсею несколько походных установок на специальных платформах; при правильном управлении эти устройства были способны передвигаться над поверхностью земли на высоте около фута. Весили они гораздо меньше, чем можно судить по корпусу; установленные на местах, они испускали волны вибрирующих звуков, которые причиняли сильную боль врагам, если у них не имелось специальных затычек для ушей.

Рамсея поразила такая странная смесь технологий: отно-

сительно примитивные мечи и весьма сложные «ружья» и «глушители». Он узнал, что более сложное оружие стоит очень дорого. Плата, которую получал отряд Дедана, на две трети уходила на покупку и обслуживание этого оружия. Замену ему можно было найти только на рынке металлических изделий на дальнем севере, где какой-то народ заново открыл и скопировал оружие Древних Дней.

Эти торговцы смертью с севера ревностно сохраняли свою монополию, и оружие, которое они продавали, обладало встроенным механизмом самоуничтожения. Тот, кто попытается разгадать тайну оружия, не переживёт своё любопытство. Или даже если переживёт, то придёт в такое состояние, что жизнь ему больше не покажет радости. Пока что никому не удавалось преодолеть предохранители торговых монополистов.

Приходилось беречь военную амуницию и использовать сильное вооружение только для создания явного превосходства в нападении или при глухой обороне. Дедан считал это вооружение своим главным сокровищем. При обычном же нападении наёмники рассчитывали прежде всего на мечи. И Рамсей вынужден был признать, что любой из отряда, кто просто наблюдал за их упражнениями, прекрасно владел оружием, которое в его мире считалось архаическим.

Без парусов и других видимых средств продвижения корабль устойчиво шёл на север. Временами он едва не погружался под воду. И Рамсей гадал, служит ли короткий столб в середине палубы источником загадочной энергии, которая движет кораблём. Ещё одно наследие древней исчезнувшей цивилизации?

С вопросами приходилось быть осторожным. Опасно проявлять слишком большое невежество. Рамсей прислушивался к разговорам, пытаясь по обрывкам речей нарисовать более полную картину этого мира.

Описания отдельных районов, особенно на севере, на границе с Толкарном, позволяли предположить, что во время древнего конфликта произошла атомная катастрофа. Эти созданные людьми пустыни до сих пор смертоносны, хотя рассказывают и о странных мутантах, которые живут на краю всеми избегаемой местности. Такие же пустыни на востоке занимали большую часть континента, на котором расположены Улад, Олироун и ещё два государства. Люди, живущие в этих «чистых» районах, как утверждают их исторические труды, переселились сюда с юга.

Предки этих народов, когда они заново открыли свободные земли, представляли собой бродячие варварские племена. Однако встреча с Просвещёнными произвела решительные перемены в их кочевом образе жизни. Они осели и начали строить города, но наследие племенных обычаев привело к созданию феодальных государств, постоянно воюющих друг с другом.

В течение трёх поколений Улад объединил около двадцати таких маленьких антагонистических королевств, герцогств и баронств и теперь честолюбиво провозгласил себя империей. К северу оставался независимым Олироун. Вдоль берега, ещё дальше к северу, буфером между цивилизованным югом и страшными торговцами оружием, которые имеют дело с остатками забытой техники, служат острова Линарк — конфедерация независимых пиратов. Поблизости, на материке, располагалась Загова, жители которой искусны в обработке металла и союзники торговцев севера.

Рамсей пытался представить себе мысленно карту этого мира. Настоящей карты он ещё не видел. И знал, что сведения его далеки от точности. Но все его информанты соглашались, что Просвещённые обладают такими способностями или силами, с которыми не справится ни одно известное оружие или инструмент. Рождающиеся шаманы как будто принадлежат к другой расе; на этот счёт

мнения разделялись. Однако хорошо было известно, что они привлекают «новобранцев», мужчин и женщин, из всех «цивилизованных» наций.

Просто пожелать стать Просвещённым невозможно. Нужно обладать определёнными свойствами мозга, которые распознают те, кто уже вступил в это могучее товарищество. Если необходимо, избранные на несколько лет удаляются в Роши — рассеянные по планете центры шаманов. Говорят, Просвещённые живут гораздо дольше обычных смертных. Шаманов все боятся и уважают, но одновременно и недолюбливают, главным образом потому, что они преследуют свои, не всегда ясные цели и потому иногда отказывают в помощи, даже если дело доброе.

При некоторых дворах живут советники-шаманы (как Оситес в Ломе), но они именно советуют, но не действуют. Часто они упрямо молчат, не произнося ни слова. Бывали даже случаи, когда они покидали правителя в нужде, потому что считали, что более высокая цель требует, чтобы этот мужчина или эта женщина лишились власти.

— Они небезопасны, — откровенно говорил Дедан. — Тот, кто ищет предсказания, делает это на свой страх и риск. Я верю, что они могут заставить такого человека служить себе, и часто это приносит ему только зло.

— Предсказание... — задумчиво пробормотал Рамсей. — А тебе приходилось видеть, как они делают для кого-то предсказание? — американцу хотелось узнать, как это происходит, но он понимал, что должен расспрашивать осторожно.

Дедан нахмурился. Ответил он не сразу. Вначале искоса взглянул на Рамсея.

— Однажды, — коротко произнёс он, — и ничего хорошего из этого не вышло. Дело было... — вольный капитан помолчал и снова посмотрел на Рамсея. Он как будто решал, можно ли ему довериться. — Дело было

связано с нападением на Видин. Я был тогда первым помощником, обществом командовал Тасум. Бедняга, он надеялся завоевать себе высокое место — место правителя Земли Внешних Рифов. И потому отправился к пророчице. Меня он попросил пойти с ним. Но имей в виду, что я не соглашался на чтение своих мыслей. И меня не коснулось зло.

Пророчица разбросала Двадцать и начала вытягивать. Я и сейчас вижу, как они лежат на её столе. Там были — Надежды, Страхи, Судьбы, Сны. Тасум вытащил Короля Судьбы. Он решил, что это означает победу. Но на следующий день умер с криком, когда на него обрушился Горячий Дождь. Нет, я не хочу больше видеть такое!

После этого объяснения картина не прояснилась. Рамсей чувствовал, что Дедан не хочет говорить на эту тему. И надеялся как-нибудь узнать больше. Но тут с верхней палубы подали сигнал, что они приближаются к месту высадки.

Где не оказалось ни причала, ни удобных подходов... Пришлось погрузить оборудование и весь багаж в небольшие лодки, провести их с помощью вёсел через прибой и пену к скалистой отмели, которая выдавалась в непокорные волны.

К тому времени как имущество было перенесено подалее от волн, все окончательно вымокли. Рамсей видел, как все напряжены, проявляя слишком сильное беспокойство, чтобы объяснить это просто трудной высадкой.

Рамсей надел на спину свой походный мешок, убедился, что меч и другое вооружение на месте. Дедан поднялся на высокую скалу и повернулся к берегу, заслоняя глаза руками от ветра и брызг. Рамсею показалось, что вольный капитан ищет что-то. Что должно быть здесь, но почему-то отсутствует.

Лодки вернулись на корабль. Дикий скалистый берег,

постоянные удары волн — всё это создавало впечатление одиночества и лишь усиливало тревогу высадившихся.

Дедан отобрал трёх разведчиков, те разошлись в разные стороны и принялись пробираться меж скалами. Но остальных вольный капитан держал на месте. Наконец разведчики добрались до высоких дюн и с них подали знак, что всё спокойно.

Рамсей гадал, какой опасности ждёт вольное общество. На одиноком берегу не было видно никаких следов жизни. Он знал, что вскоре после высадки они должны соединиться с людьми Тантанта. Может, именно потому, что их никто не встретил, Дедан и проявляет такую осторожность.

Но вот вольный капитан приказал выступать, и Рамсей постарался выбрать самый удобный путь между влажными от брызг, поросшими водорослями скалами.

Глава 10

Скалы постепенно уступали место подвижным дюнам. Потом все увидели плывущий к ним над землёй... туман? Рамсею показалось, что дымка наступает очень быстро, гораздо быстрее обычного тумана.

Резко прозвучал свисток — Дедан подал сигнал тревоги. Эхо отдалось на берегу. Общество сомкнуло ряды. И стало похоже на осаждённое войско. Но Рамсей по-прежнему не видел ничего, кроме густого желтоватого тумана. Дедан снова свистнул. Рамсей заметил, что разведчики впереди уже исчезли, поглощённые туманом. Взгляд назад показал, что корабль быстро уходит за горизонт. Отступление в море теперь было невозможно.

— К хребту... — Дедан показал направо.

Хаотичное нагромождение камней, послужившее грубым причалом в месте их высадки, здесь постепенно переходило в подъём к гряде скал; сплошь в трещинах и

ямах, всё же это была более надёжная поверхность, чем вязкий песок, по которому они начали путь.

Они как могли быстро направились к этому хребту, а туман неумолимо преследовал отряд и шёл он не с моря, а, как ни странно, с какой-то точки в глубине суши. Рамсей уже карабкался на первые уступы гряды, когда сквозь постоянные свистки Дедана услышал крик такой страшной боли, что в инстинктивной реакции конвульсивно схватился за камень. Крик доносился из тумана. Рамсей понял, что это крик смертельно раненого человека. Друг? Или невидимый враг?

Они пробирались вверх по источенным водой скалам. Сюда пена не долетала, но предательская поверхность скрывала множество трещин и щелей в самих камнях. Приходилось внимательно смотреть под ноги. Наконец они добрались до вершины, рассыпались по углублениям, спрятались за выступы скал, сняли мешки, обнажили оружие. Расчёты двух глушителей сняли кожухи со своих установок и развернули веерообразные антенны в поисках врага.

Рамсей присел рядом с Деданом. Ни один из разведчиков не вернулся. Грязно-жёлтый туман уже залил основание хребта, на котором они укрылись, и поднимался всё выше и выше.

Рамсей взглянул на вольного капитана.

— Что это?

Дедан нетерпеливо пожал плечами.

— Твоя догадка не хуже любой моей. Никогда ничего подобного не видел. Но, по-моему, этот туман не естественный.

— Пиратское волшебство! — боец рядом с ними плюнул.

— Какая-то хитрость северян. Может, морские дьяволы заплатили за него добычей из Разлога.

— Газ — какая-то отравка в воздухе? — Рамсей почув-

ствовав, как у него перехватило горло; задавая вопрос, он задышал быстро и поверхностно.

Дедан покачал головой.

— Ветер с моря, таким нападением трудно управлять.

— У них, должно быть, есть маски, чтобы дышать в этом, — Рамсей вспомнил сведения своего мира и времени.

Но вольный капитан не выглядел убеждённым.

— Я думаю, это просто прикрытие для нападения, — он повернулся к человеку, который говорил о пиратском волшебстве. — Дай мне посыльную птицу, Раман.

Тот снял с плеча петлю, на которой висела маленькая клетка, а в ней сидела молчаливая птица, внимательно смотревшая на них чёрными бусинками глаз. Птица была неприметного серого цвета, чуть меньше знакомых Рамсею голубей.

К удивлению Рамсея, Дедан не стал прикреплять к ней трубку с посланием. Он поднял птицу, которая спокойно лежала у него на руке, на уровень глаз. Глядя прямо на крылатого посыльного, Дедан медленно продекламировал:

— Осаждены... Яснаби... туман... неизвестный противник...

Длинный заострённый клюв птицы раскрылся, потом со щелчком закрылся. И послышалась искажённая, но вполне понятная речь:

— Осаждеены... Яссби... туман... неизвестный противник...

— Верно! — Дедан подбросил птицу. Уже в воздухе она расправила крылья, дважды облетела природную крепость из скал и устремилась в глубь земли, держась высоко над уровнем тумана.

— Как только говорящая долетит до передового поста...

— Дедан не закончил.

Раман рассмеялся.

— Появятся пограничники и, может, успеют похоронить

нас, капитан. От ближайшего поста долгий переход, хотя у них может найтись и флаер, — наверное, лишь надежда заставила его добавить это предположение.

Дедан нетерпеливо свистнул. Все повернули головы в его направлении. Туман уже добрался до тех, кто занимал самые нижние позиции.

— Оставайтесь на месте, — приказал капитан. — Пусть приходят к нам. Не поддавайтесь на уловки, которыми они хотят нас выманить. За этими камнями мы не станем лёгкой добычей...

Ответил ему согласный гомон, пробежавший от щели к щели. Некоторые внизу уже скрывались в тумане. Наконец туман, холодный и влажный, коснулся лица Рамсея. Но по крайней мере худшие его страхи не подтвердились. Это не ядовитый газ...

— Капитан...

Снизу донёсся лязг стали. Кто-то поднимался к ним. Рука Рамсея напряглась на рукояти меча. Но поднимался не враг, а один из пропавших разведчиков.

Он дышал тяжело, словно бежал вперегонки со смертью. Упав рядом с Деданом и Рамсеем, он прохрипел несколько нечленораздельных звуков, пока не смог говорить понятно.

— Пираты... там... — он указал на туман, поднимавшийся ему по колено. — Они поджидали нас.

— Сколько их? — сразу спросил Дедан.

— Я видел только двоих. Они поднялись с песка и зарубили Хоэля. Вы, наверное, слышали его предсмертный крик. А где Ури? Рейлс? — он назвал имена своих товарищей.

— Они ещё не вернулись, — ответил Дедан.

— Тогда — считай их мёртвыми, — воин говорил тупо и безжизненно. — Я слышал отовсюду, как люди движутся в дюнах. Я был ближе всех к скалам и только потому ушёл.

— Пираты? — Дедан как будто не возражал против

доклада разведчика. Его поразило нечто другое, какой-то фактор, непонятный Рамсею. — Ты не видел, откуда поднимается этот туман?

Разведчик покачал головой. Грудь его по-прежнему часто вздымалась и опускалась, как у преследуемого бегуна.

— Он распространяется из какой-то точки к северу в глубине суши. Там он поднялся к небу, как дым от костра, становясь всё сильнее и гуще. Я был на вершине дюны, когда впервые увидел его. Клянусь четырьмя клыками Итола, это не природный туман.

— Мы так и подумали. А воинов Тантанта ты не видел?

— Только это, — разведчик раскрыл сжатый кулак, и из него на скалу с металлическим лязгом выпал небольшой предмет. К этому времени зловещий туман ещё больше поднялся, и Рамсей почти не видел Дедана и разведчика, хотя они находились совсем рядом.

Но он разглядел, что Дедан поднял то, что уронил разведчик.

— Значок с пояса пограничника. Его могли потерять в любое время.

— Он не изъеден солёным ветром, капитан, и на краю его кровь.

Дедан поднёс значок ближе к глазам. Он как будто не рассматривал, а принимался.

— Ты прав, кровь свежая. Возможно, это объясняет столь тёплую встречу, — если пираты выследили пограничников, пришедших проводить вольный отряд, мало надежды на помощь в течение ближайших часов — или даже дней.

Жёлтый туман уже закрыл всё основание гряды и подбирался к нижним убежищам общества. Дедан быстро взглянул направо, налево, потом повернулся к расчётам глушителей, которые стояли на самой вершине скалы. Помощник, стоявший у орудий, кивнул. Дедан поднёс к губам свисток и снова резко свистнул. Это был приказ собственной

небольшой армии — заткнуть уши. Вольный капитан соби-
рался пустить в ход своё самое мощное оружие.

Рамсей повозился с выданными ему затычками, вставил их в уши. Теперь все приказы будут отдаваться жестами. Он видел, как глушители опустили усилители, чтобы действие невидимого луча захватило дюны. Помощник подошёл к одной машине, к другой, проверяя установку. По его кивку Дедан резко опустил в приказе руку.

Рамсей так никогда и не смог узнать объяснения случившемуся. Из тумана сверкнул луч света. Последовал глухой удар, который отбросил его на скалы, дыхание со свистом вырвалось из лёгких. Но Рамсей упал в такое место, которое позволило ему увидеть глушители.

Они просто исчезли! Осталась только масса расплавленного горячего металла вместо двух дорогостоящих орудий.

Рамсей вытащил затычки из ушей. Теперь он мог слышать. Крики заполнили воздух. Из обугленных развалин, где произошёл адский взрыв, выползла какая-то фигура, корчась, покатилась по земле. Было ясно, что у пиратов нашёлся эффективный ответ на самое мощное оружие Дедана.

Рамсей каким-то образом умудрился встать. Определить размеры причинённого ущерба он ещё не мог. Останки глушителей испускали такой жар, что он вынужден был попятиться. Но услышал негромкий крик ползущего и почти против воли устремился в страшную жару.

Почти вся одежда на теле раненого обгорела. У Рамсея не было времени на мягкость. Он ухватил человека под мышки и потащил в сторону от раскалённого металла. Подальше, в какое-нибудь убежище. Как он ни был ошеломлён, Рамсей догадался, что началась главная часть сражения. Затолкав раненого в яму за собой, Рамсей достал своё ружьё, стреляющее иглами, и присел, ожидая, когда враг покажется из тумана.

Теперь ему хватило одного взгляда, чтобы оценить размеры катастрофы. Около глушителей в момент взрыва находилось восемь человек. По два человека из расчётов, Дедан, Раман, он сам и разведчик. Тех, кого можно списать со счёта, Рамсей увидел сразу. А дальше, где пронёсся огненный вихрь, виднелись ещё почерневшие останки.

По первому подсчёту они лишились половины отряда. Рамсей не решался покинуть убежище, лишь чтобы отыскать уже погибших. Начинает ли туман редеть? Рамсею показалось, что ниже появились просветы.

И в этих окнах тумана на скалы хлынула огненная волна, но не того огня, какой уничтожил глушители. Нет, этот длинными языками устремился вверх с невидимой поверхности песка. Рамсей никогда не видел в действии огнемёты своего мира, но то, что он увидел со скальной гряды, вызвало дикую тошноту. Он яростно боролся с желчью, заполнявшей рот и горло. Нападающие не желали брать пленных, заставить отряд сдаться. Они просто убивали, а вольное общество не имело защиты от этого нового и страшного оружия.

Рамсей присел возле раненого, который продолжал слабо стонать. Он знал, что теперь только вопрос времени, когда пираты доберутся до вершины гряды. И тогда он сам будет поджарен, даже не получив возможности ответить на удар. Бессмысленно было ждать ужасной смерти.

Полуоглушённый, он попытался собрать других уцелевших. Туман ещё больше поредел. Рамсей нагнулся к лежавшему рядом человеку. Это был Дедан, его сожжённую одежду покрывала кровь. На шее у него по-прежнему висел командирский свисток.

Хватило ли у остальных ума вытащить ушные затычки? Наверное — после взрыва глушителей. По крайней мере, Рамсей надеялся, что они это сделали. Он снял цепочку с шеи капитана и поднёс свисток к губам, хотя условных

сигналов не знал. Может, знакомые звуки приведут выживших в этом направлении. Рамсей подул в свисток. Неблагозвучный свист, который он произвёл, должен был пробиться сквозь адский шум у основания скал.

Больше не было смысла ждать на этой открытой позиции. Рамсей не знал, сможет ли уйти от огнёмётов, таща на себе Дедана. Но попытаться должен был. Он поднял капитана и побрёл вдоль скальной гряды.

В тумане показалась смутная фигура. Рамсей, уже готовый выстрелить, успел заметить гребень на голове. Один из общества. Тот подошёл, спотыкаясь, за ним ещё трое. Рамсей махнул им.

Чуть позже двое понесли Дедана, а Рамсей и остальные составляли арьергард. Больше из ада внизу никто не вышел. Гряда постепенно повышалась. Тут легче будет скрыться, большие блоки красноватого камня смогут защитить их от пламени. К тому же туман быстро рассеивался, и теперь можно было выбирать путь.

Рядом с Рамсеем шагал Раман. Одна рука его висела неподвижно, на щеке краснел ожог. Он что-то бормотал на ходу, глаза его застыли, словно он не видел Рамсея и шёл к недостижимой безопасности, только подчиняясь инстинкту.

Те, что несли впереди Дедана, внезапно остановились. Рамсей нетерпеливо махнул им, чтобы шли дальше. В ответ они упрямо покачали головами. Рамсей подошёл к Раману, коснулся его плеча. Тот поморщился, поднял осунувшееся лицо с запавшими глазами. И стоял, тупо глядя на Рамсея. Тот знаком велел ему укрыться. В конце концов пришлось затащить наёмника в убежище, чтобы Рамсей смог подойти к тем, кто впереди. Третий из их жалкого арьергарда проявил больше жизни. Он скрылся за той же скалой, что и Раман.

— В чём дело?

— Кто-то тут у них стоит ниже по склону. Любуется

забавой, — горько ответил один из солдат. — Если увидит нас, мы поджаримся, как все остальные.

Рамсей глянул в указанном направлении. Точно! Мелькнула рука с рукавом. Враг, должно быть, очень уверен в себе, он не думает, что кто-то из выживших может пойти в этом направлении.

Один человек с огнёмётом? Или целый отряд? Рамсей потёр глаза тыльной стороной ладони. Он ведь не настоящий солдат. Внешне лёгкая победа над убийцей — чистая случайность. Тогда у него не было даже времени подумать, он просто отреагировал — и быстро — на нападение. Но сейчас совсем другое дело. Он постарался забыть о том, что осталось позади. Думать об этом — нехорошо. Но в нём уже родилась упрямая решимость спастись, уйти с этой жалкой горстью людей, прожить как можно дольше, чтобы заставить кого-то заплатить за ужасную смерть людей, которые приняли его как товарища.

— Видели кого-нибудь ещё? — спросил он, отыскивая второго снайпера.

— Нет, но у него огнёмёт. Я видел его ствол, когда тот поворачивался.

— Если он здесь один и они считают, что достаточно одного, чтобы запереть нас здесь... — Рамсей размышлял вслух. — Хорошо. Оставайтесь на месте. Есть только одна возможность справиться с его огнёмётом.

Ни у кого не сохранилось ружей, стреляющих разрывными стеклянными пулями. Рамсей потерял своё в момент взрыва. Но если он сумеет подобраться достаточно близко к этому часовому...

Юноша снял куртку и пояс, чтобы ничего не цеплялось за камни. Одетый в плотно облегающее серое трико, он надеялся слиться с поверхностью скал. Рамсей прополз чуть влево и выше по хребту.

Как можно быстрее перебежал он от одного выступа к

другому, ладони его вспотели, во рту пересохло; в любую минуту Рамсей ожидал, что его окатит пожирающим плоть пламенем. Пока его не заметили. Пора — через самую высокую точку хребта и вниз. Если он правильно оценил расстояние, то теперь должен находиться непосредственно за часовым. Может, уверенность в разрушительной силе нового оружия сделает врага неосторожным.

Рамсей теперь был почти уверен, что здесь только один человек. Он несколько раз останавливался и внимательно рассматривал местность, но больше никого не увидел. А единственный противник теперь был хорошо ему виден.

Присев между скал, Рамсей стащил сапоги. Нельзя рисковать. Двигаясь настолько легко, насколько позволяло избитое и обожжённое тело, он прыгнул.

Рамсей нанёс ребром ладони такой точный удар по горлу, что часовой даже не вскрикнул. Упал уже мёртвый; наверное, даже не заметил, откуда произошло нападение. Рамсей перехватил огнёмёт, осторожно встал во весь рост, чтобы его увидели из укрытия и поняли, что путь свободен.

Сам Рамсей оставался на месте, настороженно прислушиваясь, готовый прикрыть огнёмётом продвижение товарищей, если потребуется. Он по-прежнему слышал крики, видел ниже по склону пламя. Но внизу ещё держался туман, и Рамсей радовался тому, что не может видеть ужасное зрелище.

— Капитан... он долго не продержится, — задыхаясь, сказал тот самый человек, что показал Рамсею часового. — Мы тоже...

— Кто-нибудь знаком с этой страной? — спросил Рамсей.

Ответом послужили отрицательные кивки.

— Арлут... — глаза Рамана обрели сознание, но лицо его исказилось от боли. Он поддерживал больную руку здоровой. — Если пограничники получили сообщение, они

явятся верхом... сюда! — он указал на поле битвы, не глядя на него. Никто не хотел смотреть туда, вид бойни даже у них, очерстевших наёмников, вызывал тошноту.

— Есть ли дорога в глубь суши, по которой могут подойти пограничники? Я знаю, вы не знакомы с этой местностью, но, может, что-то о ней знаете? — Рамсей вновь обратился к товарищам по беде с просьбой. Дедан лежал у его ног, закрыв глаза, и время от времени слабо стонал.

Снова отрицательные кивки. Идти дальше они не смогут, это правда. Все изранены и обожжены. Рамсей не единственный держался на ногах только силой воли. К тому же рано или поздно кто-то придёт отыскивать часового. И тогда начнётся преследование.

Рамсей взглянул вниз, на тело часового, и ему в голову пришла неожиданная мысль. Сломанная шея в этих скалах вполне может показаться несчастным случаем. Но организовать такую сцену означает расстаться с огнемётом. Рамсей осмотрелся. Это можно устроить, и успех этой инсценировки — их единственный шанс. Схватив тело за руки, он оттащил мертвеца чуть влево. Потом взял огнёмёт, бросил на два шага дальше, словно он выпал из ослабевших рук врага.

— Для чего это? — Раман подошёл поближе.

— У него сломана шея. Никакой раны нет, — Рамсей кивком указал на жертву. — Допустим, он упал, пробираясь сюда. Видишь, у него не очень-то удобные сапоги, он поскользнулся в скалах.

— Но огнёмёт, — возразил один из солдат. — С ним у нас больше возможностей выжить.

— А без него ещё больше, — заметил Рамсей. — Если огнёмёт исчезнет, его отсутствие заметят и поймут, что кто-то ушёл из западни.

Юноша увидел по лицам товарищей, что они поняли

смысл того, что он делает. И подумал, согласятся ли с ним. В конце концов, он ведь им не командир. Первый помощник мёртв. Он стоял совсем рядом с глушителями, когда те взорвались. И любой из этих людей может не подчиниться ему.

Однако Раман криво усмехнулся.

— Ты быстро соображаешь, Арлут. Я сказал бы, что это даёт нам призрачный шанс. Нам ещё повезло, — он осмотрелся. — На таких камнях не остаётся следов, во всяком случае их не разглядеть. Но нам нужно идти осторожно. И чем быстрее мы уйдём отсюда, тем лучше.

Когда они выступили, Рамсей задержался, чтобы в последний раз взглянуть на тщательно организованный «несчастный случай». Он обнаружил, что постоянно вытирает руки об одежду, словно хочет избавиться от ощущения смертельного удара. И решительно приказал себе забыть об этом. Он ударил, чтобы спасти свою жизнь и жизнь остальных. Никогда раньше ему не приходилось убивать человека. Но каким-то образом это убийство потеряло для него смысл — после той огненной бойни в скалах.

Небольшой отряд продвигался очень медленно. Все по очереди, кроме Рамана, который не мог двинуть рукой, несли Дедана. Теперь они уже забрались гораздо выше берега, пересекая вершину хребта. Впереди показалась полоска зелени. Рамсей, увидев её, подумал о воде и провёл сухим языком по солёным губам.

Все эти переходы могут убить Дедана, но у них просто нет другого выхода. Необходимо было уйти как можно дальше от места убийства, прежде чем начнут искать уцелевших.

С огромными усилиями они спустили Дедана с крутого склона и уложили на траву под деревьями. Раман скорее упал, чем лёг на землю. Лицо его под смуглой кожей приобрело зеленоватый оттенок. Остальные достали сумки

первой помощи, а Рамсей побрёл среди деревьев в поисках воды. Ему удалось отыскать небольшой пруд, питаемый ключом.

Увидев воду, он упал и погрузился лицом в живительную влагу. Заныли ожоги на лице, но он сделал несколько глотков. Потом ополоснул фляжку, наполнил её до края и вернулся к небольшому израненному отряду.

Рамсей с трудом мог поверить, что они пережили эту бойню. И у него появилось странное ощущение, что они теперь неуязвимы для других опасностей. Впрочем, он напомнил себе о фатальной беззаботности часового. Им нельзя расслабляться и терять бдительность.

Глава 11

У Рамана была сломана рука. Рамсей, как мог, зажал сломанную кость между двумя ветками, сорванными с деревца, одного из тех, что дали им убежище. Но ожоги Дедана оказались слишком серьёзны, чтобы он мог с ними справиться. Мелвас поискал в траве и нашёл растение с мясистыми листьями. Он с торжеством выдернул его из земли. Промыв листья в пруду, он размял зелень и наложил кашицу на повязку из полевой медицинской сумки.

Он заявил, что это природное средство против ожогов. Им пользуются в его провинции. Снадобье уменьшит воспаление и боль. Они положили Дедана на живот, и с огромной осторожностью Рамсей и Арджун сняли остатки куртки и трико. Рамсею приходилось подавлять тошноту. Дедан просто не мог быть ещё жив! Но капитан упрямо цеплялся за жизнь и слабо застонал во время их работы.

Когда обнажились ожоги, Мелвас присел на корточки и ровным слоем принялся наносить зелёную массу на измученную плоть. Хуже всего ожоги были на плечах и предплечьях, но в конце концов Мелвасу удалось смазать

их. Кашица быстро высыхала, покрываясь глазированной корочкой.

Дедан перестал стонать. Вначале Рамсей испугался, что капитан умер под их неумелым обращением. Но Дедан продолжал дышать, правда, дышал медленно, словно под воздействием сильного наркотика. Мелвас всмотрелся в лицо капитана, приподнял веки, чтобы взглянуть в глаза.

— Он спит, — заявил солдат. — Теперь займёмся остальными...

У всех были ожоги, хотя и не такие тяжёлые, как у Дедана. Рамсей вскоре обнаружил, что средство Мелваса действительно снимает боль. Ему казалось это невозможным.

Позабывшись о ранах, оставшиеся в живых расселись под деревьями, поглядывая друг на друга. Дедан лежал у их ног. Наконец всеобщее внимание сосредоточилось на Рамсее. И тут впервые заговорил один из солдат. До сих пор он только кричал при лечении.

— Я служил в Ренгулде под командованием Идуда... прежде чем присоединился к вольному обществу. Твоё лицо, незнакомец, вызывает у меня странные мысли.

— Моё лицо? — непонимающе повторил Рамсей. Возможно, это было следствие трав, но он чувствовал себя отупевшим, одурманенным усталостью.

— Твоё лицо. Есть один человек... был... словно твоё зеркальное отражение, — пояснил солдат.

Рамсей с трудом вспомнил, как зовут этого человека. Сидов. Он был командиром десятки, но не проявлял интереса к урокам борьбы без оружия. Человек относительно пожилой и консервативный.

— Говорят, тот человек умер — и уже погребён, — продолжал Сидов. — Так кто же ты, носящий его лицо? Принц Каскар...

Все теперь смотрели на него, как псы смотрят на лису, которая подошла к псарне.

— Я не Каскар, — Рамсей заставил себя говорить уверенно. — Но есть люди, которые хотели бы посадить меня на место Каскара, — импровизировал он. — Поэтому мне пришлось носить маску кровника и поэтому я оставил Лом...

— Очалл дорого бы заплатил за тебя... — заметил Раман. — Иметь Каскара — настоящего или подложного... Ничего большего сейчас не желает верховный советник.

— А я теперь начинаю думать, — предположил Мелвас, — не твоё ли присутствие принесло гибель нашему обществу.

Их взгляды стали более напряжёнными и угрожающими. Рамсей подумал, не обратятся ли они теперь против него, чтобы выместить все свои беды. Ещё одно такое предположение, какое сделал Мелвас, и они вцепятся ему в глотку.

— В Ломе повсюду рыскают глаза и уши, — добавил Арджун. — Достаточно было увидеть тебя в нашем обществе, и в Линарк было послано сообщение. Да, это возможно, очень возможно!

Рамсею не понравилось выражение их осунувшихся лиц. Они ищут козла отпущения, чтобы возложить на него вину за поражение, излить ярость, которая их охватывает, когда они вспоминают о бойне среди скал и о тех, кто остался там. Он их понимал, но не собирался становиться такой жертвой.

— Ваш капитан, — заговорил он с нажимом, — сказал мне, что когда человек даёт клятву обществу, он становится одним из вас. Я не Каскар, и если мне пришлось бежать из Лома, потому что у меня его лицо, разве я в этом виноват? Поберегите свой гнев для тех, кто захватил нас туманом и огнём. Спросите себя, — его мозг от неожиданных обвинений ожил и начинал действовать, — спросите себя, разве имели раньше пираты в своём распоряжении огнемёты и этот послушный туман? Вы уверены, что это были именно пираты?

Сидов мигнул. Раман пробормотал:

— Разведчик... он сказал — пираты.

— Или люди, одетые пиратами, — быстро подсказал Рамсей. — Я слышал рассказы о боях с пиратами Линарка, но в них никогда не упоминались огнемёты и туман...

Сидов кивнул.

— Это правда. Если только их предводители не заключили новый договор с торговцами севера, у них нет такого оружия. Никогда не слышал о таком раньше. Так что... — снова он суженными глазами посмотрел на Рамсея. — Но если они не пираты, то кто?

— Не знаю. Но подумайте: я встретился с вашим капитаном перед самым отплытием. Могло ли сообщение обо мне за короткое время нашего пути привести врага в засаду, к тому же настолько хорошо вооружённого? И откуда взялась точная информация, где именно мы высадимся?

Рамсей рисковал: он не знал, какие способы быстрой связи могут существовать в этом мире. Сидов пошевелился, недовольное выражение никак не желало пропадать с его лица, словно ему не хотелось признавать факты.

— Такое оружие только в большой тайне могло быть привезено с севера, — медленно ответил он. — Если бы его использовали раньше, новость дошла бы до Совета Улада. Это, должно быть, запрещённое оружие, только разбойники рискнут его применять. А переправить его в тайне... — он покачал головой. — Теперь, обдумав это дело, не могу сказать, Арлут, что они обратились против нас из-за тебя.

Рамсей заметил, что больше он не «незнакомец», Сидов использовал его имя, под которым он им известен. Это шаг к примирению.

— Но кому захотелось удержать вас от объединения с Тантантом? — спросил он.

— Хороший вопрос, — Раман пошевелил плечами, которыми опирался о камень, словно устраивая поудобнее

больные руки. — Наш договор с Тантантом очень простой. Мы все проголосовали за него перед подписанием. Мы должны были укрепить береговую охрану против пиратов. Обычный договор. Тантанту нужны опытные люди в патрулях; его собственные солдаты плохо обучены. Они не профессионалы, их призывают на шесть месяцев, а потом они возвращаются на свои поля и на работу. Точно так же и во всём Олироуне. Единственный настоящий враг, который им противостоял, это пираты. Но они в последнее время становятся всё наглее и сильнее. Вместо одного-двух кораблей, которые способны нанести внезапный удар, захватить добычу и бежать, появились большие флотилии...

— Точно, — прервал его Сидов. — И это совсем не похоже на Линарк. Пиратские капитаны не действуют вместе, они способны только на короткий непрочный союз. Они слишком независимы, чтобы передать власть одному человеку. Интересно...

— Что интересно? — поторопил Рамсей, когда Сидов смолк.

— Интересно, не Очалл ли мешает тут вареву? Всем известно, что он зарится на шахты Олироуна, чтобы менять руду на нужные ему товары севера. Да, вроде бы намечается брак герцогини с наследником. Но Очалл предпочёл бы иметь Олироун в своей полной власти, а не через посредство женщины, особенно такой, которой он не доверяет. Допустим, он начал вооружать Линарк и посылать пиратов в такие рейды. Эти хищники, хорошо вооружённые, согласятся с готовностью и тем будут истощать силы Олироуна. И тогда ему не придётся опасаться сопротивления, если он решит захватить эту землю...

Мелвас коротко рассмеялся.

— Хорошее рассуждение, друг. Это вполне достаточная причина, чтобы помешать подкреплению добраться до Тантанта, — он неожиданно встал. — Но мы забыли, что

те, кому мы дали слово-обязательство, могут прийти в ответ на наше послание и тоже полягут под этим адским огнём!

— Так что ты предлагаешь делать? — мрачно спросил Сидов. — Мы ничего не знаем о здешних местах, у нас нет другой посыльной птицы. А ночь приближается...

Мелвас положил ему руку на плечо, сжал.

— Помнишь остров Керг? Что мы там сделали?

Раман тоже привстал, медленно повернул голову, осматривая гряду, с которой они недавно спустились.

— Если бы здесь несли службу настоящие воины, могло бы получиться. Но необученные солдаты Олироуна, что они знают о таких делах? Они увидят огонь, только и всего...

— Ты забываешь: они уже предупреждены о нападении, — настаивал Мелвас. — И я говорю не просто об огне. Я бы выложил его знаком Судьбы.

— Знаком Судьбы, — повторил Раман. — Да, это серьёзное предупреждение. А ты считаешь, что те, что чуть не уничтожили нас, не ожидают такого хода? — он покачал головой.

— Конечно, — глаза Мелваса сверкали. — Не забудь: мы с противоположной стороны прибрежных утёсов. Если найдём место, с которого свет виден только в одном направлении... тогда дело может и выгореть. И ещё есть кое-какие хитрости... Оторвите, что можете, от одежды, и я вам покажу.

С помощью мечей все принялись разрезать прочную ткань, вырезать полосы, Мелвас связывал их, пока не получилась грубая верёвка. При свете заходящего солнца он побродил под деревьями, пока не нашёл заросли тростника с толстыми стеблями, коричневыми и блестящими, и редкими листьями. Нарубив мечом целую охапку, он разрезал палки на куски длиной с руку.

Когда он вернулся с грузом тростниковых дров, Сидов удивлённо посмотрел на него.

— Говорящее пламя. Я совсем о нём забыл!

Мелвас рассмеялся.

— Я такое видел раньше. Да, теперь у нас есть всё необходимое, — он сел на землю, скрестив ноги, и начал связывать куски, делая грубую решётку.

Тем временем все немного поели из запасов, хранившихся у каждого в поясных сумках. Дедан по-прежнему спал тревожным сном. Но по крайней мере не стонал при каждом вздохе. Рамсей вдруг понял, что его собственные ожоги больше не напоминают о себе. Лекарство Мелваса оказало волшебное действие, оно совершенно сняло боль.

Мелвас тем временем изготовил прочную решётку. Потом начал вплетать в неё полоски ткани, но не просто заполнял пустоты в решётке, а образовал круг, который потом перечеркнул двумя прямыми линиями, так что круг оказался поделённым на четверти. Окончив, он под всеобщее одобрение осмотрел свою работу.

Солнце зашло, воцарились сумерки. Но Мелвас не торопился. Он открыл маленькую бутылочку, которую достал из внутреннего кармана своей укороченной куртки. Очень осторожно капнул тёмной жидкостью, разлил эту жидкость равномерно по всей ткани. Когда упала последняя капля, он потёр линии пальцами, чтобы жидкость лучше впиталась.

— Я готов согласиться, друг, — заговорил Арджун, — что ты с немалым вкусом подбираешь приправы. Не думал, что доживу до дня — или вечера — когда скажу такое. Я ведь годами терпел, когда ты поливал свою еду всякой дрянью.

От работы Мелваса поднималась тошнотворная рыба вонь. Тот рассмеялся.

— Друг, я же из Пирапрада. Там люди живут на морской пище. Акулье масло — приправа бойцов, я тебе об этом часто говорил.

— А теперь... — он встал, держа раму с промасленной

тканью подальше от себя. — У нас есть знак Судьбы, и нужно установить его, пока окончательно не наступила ночь.

Рамсей снял сапоги, как тогда, когда готовился к нападению на часового. И встал, присоединяясь к Мелвасу.

— Где мы это установим? — спросил он.

Меньше всего ему хотелось снова карабкаться по камням, с которых они с таким трудом спустились. Всё тело у него затекло, все ушибы ожили и давали о себе знать. Однако юноша знал, что он в лучшей форме, чем товарищи, может быть, за исключением Мелваса.

Вначале казалось, что Мелвас и Сидов откажутся от его помощи, но потом последний сказал:

— Ты доказал, что умеешь ходить по скалам, Арлут, когда расчистил нам дорогу сюда. Но если выступать, то немедленно, пока совсем не стемнело.

Они прошли назад, но не по склону, по которому спустились, а вдоль края скальной стены, которая окружала долину, пока не дошли до самого края. Дальше идти было нельзя. Утёс здесь стоял стеной.

К счастью, ещё не совсем стемнело, и в стене можно было разглядеть углубления для рук и ног. Мелвас подвесил решётку на спину; громоздкая, но лёгкая, она не очень отягощала его при подъёме.

Так они добрались до верха стены и пошли дальше к северу, потому что Мелвас был уверен, что любая дорога к пограничной крепости проходит в том направлении. Наконец стемнело так, что идти среди нагромождений камней стало опасно, и тут наёмник выбрал место для установки решётки лицом к Олироуну.

Мелвас и Рамсей, разгребая камни, позаботились, чтобы решётка не опрокинулась от ветра. Вообще утёс образовал здесь убежище, даже прикрытое сверху, но не закрывающее вид со стороны материка.

- Поймут ли они? — спросил Рамсей. Он не упоминал самого главного: будет ли кому смотреть.

— Этот символ? Никто не может ошибиться: это предупреждение. Конечно, они могут подумать, что его установил враг. Но всё равно выплут вперёд разведчиков и примут все меры предосторожности, — Мелвас работал своей зажигалкой с колёсиком. Он энергично вращал колёсико, пока искра не упала на промасленную ткань.

Они с Рамсеем быстро отпрыгнули, а пламя пробежало по ткани, пока не вспыхнул весь рисунок. Рамсей решил, что такое должно быть видно с большого расстояния.

— Пошли, — дёрнул его за рукав Мелвас. — Если кто-то из морских дьяволов его увидит, они отправятся на охоту. А тут трудно идти в темноте быстро.

Как они вскоре обнаружили, теперь передвигаться приходилось почти на ощупь. Позади и выше горел круг из тряпок. Наверное, масло, которое использовал Мелвас, горит не быстро, оно скорее сохраняет ткань от сгорания. Но Рамсей понимал, что предупреждение Мелваса справедливо. Им лучше подальше убраться отсюда.

Когда они наконец спустились в темноту, их негромко окликнули.

— Идёмте... выступаем на запад...

— Капитан... — Рамсей был уверен, что Дедан не мог настолько оправиться, чтобы идти самостоятельно, какое бы чудо ни совершили травы Мелваса.

— Мы его понесём, — прошептал Раман. — После вашего ухода мы сделали носилки и привязали его. Только так его можно сейчас передвигать...

На другом конце долины, где ручей, вытекающий из пруда, уходил под землю, ущелье поворачивало налево. К счастью, впереди не оказалось никакой другой стены, просто холмистая местность, поросшая кустарником, который цеплялся за ноги и рвал одежду и кожу рук.

Они не могли передвигаться беззвучно, и Рамсей опасался, что они слишком шумят. Но нужно было продолжать идти. И вот когда он в очередной раз споткнулся о корень и почувствовал, что не может встать, а останется лежать, какая бы судьба его ни ждала, впереди открылась широкая равнина.

Здесь росла одна лишь мягкая трава, чуть выше лодыжки; они с тихим шелестом пошли по ней. Тут их легко будет увидеть.

Вдруг Рамсей резко остановился, поднял руки к голове, пошатнулся. Открыл рот для крика, снова молча закрыл.

Юношу пронзило ощущение, вроде бы не похожее на то, что охватывало его во снах, посланных Оситесом, но инстинкт подсказывал ему, что что-то в них было общее. Рамсей почувствовал, что его — «призывают» — единственное слово, пришедшее ему в голову, которое могло описать испытываемое чувство. И он не мог сопротивляться этому призыву.

И не он один ощутил его. Весь отряд, спотыкаясь, повернул направо и послушно пошёл, словно повинуюсь рывку поводка в чуждой и необычной руке. Все молчали, капитана несли Сидов и Арджун, за ними шли Раман и Мелвас, и последним — Рамсей. Шестеро уцелевших, но теперь, возможно, попавших в новую западню.

Рамсей никогда раньше не испытывал ничего похожего на это принуждение. Даже его ноющее тело как будто теперь принадлежало кому-то другому. Необходимо было только повиноваться, достичь цели. Но какой цели?..

Рамсей, поглощённый борьбой между своей сутью и этим принуждением, смутно увидел впереди свет. Их сигнал на утёсах? Но они должны быть спиной к нему. Какое-то жилище на этой дикой территории? Костёр вражеского лагеря? Враг оказался хитёр и продвинулся вперёд, в глубину местности, чтобы отрезать выживших в боине?

Но свет был слишком устойчив, чтобы исходить от

костра, смутно подумал юноша. Больше похож на маяк, какие существуют в его мире. К нему шла вся группа, шла целеустремлённо, словно по предначертанному маршруту. Вот все ещё раз повернули направо и вышли на что-то вроде дороги. Не мощёной, но достаточно ровной, чтобы предполагать большое движение. Вероятно, они нашли дорогу к пограничной крепости... но почему тогда... их тянет?

По мере продвижения свет не становился сильнее, оставался прежним. Но Рамсей был уверен, что его источник не удаляется с той же скоростью, с какой они шли. Маяк был закреплён, и кто-то подтягивал их, словно они рыба на леске, слишком прочной, чтобы сорваться.

Теперь свет коснулся камней, прямых, стройных... В памяти Рамсея шевельнулось воспоминание. Да, красный каменный столб, который он видел вблизи охотничьего дома, тот самый, который Гришильда описала как часть древних руин, которых все сторонятся. Может, они в самом деле приближаются к охотничьему дому? Но в темноте совсем не был виден лес, который теперь должен был бы закрывать весь горизонт.

К тому же здесь стоял не один такой столб, а шесть, они со всех сторон окружали источник света. Теперь группу уводило с дороги, которая снова резко сворачивала, как бы стремясь не приближаться к древним монолитам. Рамсей увидел фигуру, медленно двигавшуюся в их направлении в луче света; фигура отбрасывала длинную тень, похожую на грозный палец.

Теперь стал виден и сам луч, тонкий, такой, что Рамсей мог бы охватить его руками. Их ждал человек в чёрно-белой одежде. Оситес? Но лицо человека ничем не походило на внешность шамана, советника старой императрицы. Этот был моложе, хотя и стоял с тем же самым отчуждённым видом. На свету показалась ещё одна фигура. Несмотря на одинаковую чёрно-белую одежду, сразу стало понятно, что

это женщина, стройная, с тонкими чертами лица. Двое молча ждали, пока шестеро беглецов подойдут к ним.

Мужчина вышел вперёд, на свет. Рамсей почувствовал покалывание в теле. Ноздри его раздулись, вдыхая слабый неопределённый запах. Сидов и Арджун положили носилки с капитаном у ног ожидающих. И, тяжело дыша, сами тоже опустились на землю. Рамсей чувствовал, что и его покидают силы. Он умудрился сделать ещё один шаг, второй и сдался, опустился, упираясь руками о землю, пытаясь сохранить сознание и немногие оставшиеся силы.

Женщина склонилась к Дедану, который лежал лицом вниз, спина его была покрыта коркой от затвердевшей растительной мази. Из просторного рукава показалась рука, легко коснулась щеки капитана. Женщина что-то сказала своему спутнику, но этот язык Рамсею не был знаком. Потом она повернулась лицом к остальным. Переводила взгляд от одного к другому, задерживаясь ненадолго на каждом.

Заговорил её товарищ, на этот раз на понятном Рамсею языке.

— Кому вы подчиняетесь, побитые люди?

Рамсей увидел, как напряглись его спутники, он и сам испытал приступ гнева при этом, как ему показалось, презрительном вопросе.

Ответил Сидов.

— Мы из общества Дедана. Он наш капитан и лежит перед тобой, Просвещённый.

— Наёмники, — пробурчал человек.

Быстро и горячо ответил Рамсей:

— Люди, которые отдают жизнь, чтобы сдержать клятву. На этот раз нас предали, — он не знал этого точно, но без всяких сомнений бросил своё подозрение в спокойное бесстрастное лицо. — Люди, которые пришли служить этой земле. Но с ними покончили, прежде чем они смогли и пальцем шевельнуть в свою защиту.

— Ага, — Просвещённый смотрел прямо на него и только на него. — Мы получили известие о тебе... Ты рыцарь снов...

— Что? — удивлённо спросил Рамсей.

— Рыцарь снов, который изменяет предсказания. Изменяющийся и изменяющий фактор, который невозможно контролировать и чьё появление меняет всё. У тебя было уже два имени, теперь ты получаешь новое, самое правильное. То, что ты и твои спутники выжили, означает, что твоя роль ещё не закончена. Остаётся понять, какова она...

— Мы — мужчины! — Рамсей боролся с коварной летаргией, угрожавшей ему. Он мужчина, он человек, он Рамсей. — Нас нельзя использовать, мы действуем свободно...

— Ни один человек не действует свободно, его ведут и подталкивают события прошлого, потребности будущего, а может, и воля более сильных мужчины или женщины. Ни один не свободен от случайностей, которые жизнь налагает на него с рождения. Но сейчас не время говорить о свободе, о выборе, о вере и неверии. Очевидно, игра ещё не закончена, иначе бы вы не попали сюда. Поэтому мы согласны, что вы должны находиться под защитой Роши, пока мы не узнаем, каково ваше значение.

Шаман поднял руки, резким движением запястий отбросив назад рукава. Казалось, руки его засияли собственным светом. Поднятый указательный палец нацелился в голову Рамсея.

Рамсей почувствовал, что падает. Несколько моментов паники и страха, а потом мягкая приветливая тьма.

Глава 12

Спит ли он и видит сон? Или просто каким-то непонятным способом оказался в этом месте и только сейчас

начинает видеть, слышать, понимать? Столько произошло с Рамсеем за короткое время, что он иногда начинал сомневаться в свидетельствах собственных чувств. Он знал только, что сидит за столом в тусклом свете, и стол — это не стол, а скорее плита с лампой на ней.

Свет не распространялся далеко. Рамсей видел только то, что лежит на плите, и две руки, движущиеся над этим. Руки очень тонкие, с массивными кольцами, которые обычны у людей этого мира. Грация движений заставляла Рамсея думать, что руки принадлежат женщине. Но когда он пытался что-то разглядеть, увидеть даже смутные очертания женщины, сидящей напротив него, он видел только стену темноты.

И вот, неподвижный вопреки своей воле, он смотрел на работу этих рук. Вопреки воле, потому что в глубине души проснулся древний страх. Чувства его были подчинены, поработаны таким способом, который он не считал возможным. Рамсей был уверен, что даже если напряжёт все свои силы и попытается встать, отойти от стола, перестать смотреть на эти быстро и легко движущиеся руки, то не сможет. Хочет он или нет, приходилось сидеть и смотреть.

Собственные его руки бессильно лежали на коленях. Он не мог даже пальцем пошевелить. Первой реакцией на эту беспомощность стал страх. За ним последовал гнев, и тут воля его усилилась, отвердела, как металл, обрабатываемый искусным кузнецом.

И всё же, несмотря на гнев, который вооружил его, Рамсей обнаружил, что должен по-прежнему следить за руками.

Пальцы ловко перебирали полоски лёгкого металла, клали каждую полоску в нужное место, производя при этом негромкий звон. И на полосках вспыхивали, как результат соприкосновения со столом, какие-то символы.

Сложные символы... Продолжая наблюдать, Рамсей об-

наружил, что ему понятен смысл некоторых символов. Но откуда он знает, что эти извивающиеся щупальца, похожие на облака на старых китайских картинах его мира, символизируют Сон? А это сердце, из которого растёт цветок с пятью лепестками, означает Надежду? Зигзагообразная полоса молнии, приобретшая пурпурный оттенок при соприкосновении с поверхностью, это Страх. И самый последний символ — фигура в капюшоне и длинной мантии, указывающая рукой с длинными пальцами то направо, то налево, — Судьба.

Эти рисунки находились на концах полос. Но на каждой полосе был ещё и рисунок в центре, очень сложный. Он вспыхивал, когда полосу опускали, но тут же затухал, так что Рамсей не мог разобрать изображение.

Во всём этом скрывалась какая-то цель... какой-то узор... руки напротив юноши искали его, в этом Рамсей тоже был уверен. Но метод поиска он не понимал. Некоторые полосы на какое-то время оставались спокойно лежать. Но потом пальцы — в их резких движениях ощущалось нетерпение, — собирали и их и снова начинали раскладывать. Наконец между Рамсеем и неизвестным игроком — если это игра, — осталось только пять полосок. Впервые за всё время игрок застыл, руки его замерли, концы пальцев лежали на линии карт.

И хоть лежали они неподвижно, от них явно исходило ощущение нетерпения. Указательный палец постукивал по карте, лежавшей посредине.

— Разве не сказано уже... — голос негромкий, шёпот, который чётко различим в темноте. — Всегда рыцарь... рыцарь снов! Рыцарь, который разрушает все установленные образцы и преобразует Судьбу... — теперь палец выразительно постучал по самой правой от Рамсея карте, где была изображена закутанная фигура, и эта фигура становилась всё отчётливей, она угрожала. Рамсей посмотрел на карту, на которую указывали пальцы.

— Судьба... Страх... — палец указывал снова. Но теперь, минуя центр, он указывал на крайнюю левую карту, карту с молнией. — Но затем Королева! Королева, которая правит домом Надежды. Сон, Судьба, Страх — и после Страха — Надежда. Ты, рыцарь, привязан к пути, и путь твой тёмн, как у видящего сон. Ты видел сон, ты видишь его и будешь видеть! Судьба и Страх, соединившись, становятся могучим противником, видящий сны. Но вот какова правда предсказания: ты больше должен опираться на свои сны, чем на силу рук и быстроту разума. Смотри сны... спрашивай... и встань перед лицом Страха и Судьбы и... — рука зависла над последней картой — сердцем с цветком — и Рамсей увидел только радужное пятно на месте рисунка. — Нет, даже я не могу сказать, чем всё это кончится. Даже Роща должна склониться перед видящим сны. Слишком часто его сны оказываются правдой!

Рука гибким движением проплыла над столом. Свет исчез. На мгновение Рамсея охватило ощущение одиночества, как будто его покинули в абсолютной тьме.

Затем — снится ли ему сон по приказу владелицы рук? Или это его собственный каприз?

Он только знал, что как сны, наваянные Оситесом, которые должны были привязать его к этому миру, стали реальностью, так же реальна была и та сцена, на которую он сейчас смотрел.

В сцене этой доминировал один человек. Лишённый холодной спокойной властности шамана или наследственной привычки к правлению старой императрицы. Нет, он излучал грубую, жестокую силу. Рамсей решил, что он чуть старше среднего возраста, но годы не уменьшили бычьей силы этого тела с бочкообразной грудью, не ослабили решимости и силы воли, которые проступали в чертах лица с тяжёлым подбородком, в глазах и губах.

Человек сидел в кресле, в общих чертах повторяющем

трон старой императрицы. Но там само её присутствие превращало кресло в трон, а здесь узурпация власти казалась неестественной и несла в себе тень угрозы. Левым локтем человек опирался о ручку кресла, квадратный подбородок лежал на ладони поднятой руки, и сидевший смотрел в направлении Рамсея с такой сосредоточенностью, что видящему сон на мгновение показалось, что этот человек способен его увидеть.

Но на широком хмуром лице не появилось никаких признаков удивления. И Рамсей понял, что этот взгляд скрывает погружённость незнакомца в задумчивость. И мысли его тревожны.

В правой руке незнакомец сжимал рваную тряпку, цвет которой показался юноше знакомым. Это был капюшон, такой же, какой носил Рамсей, когда играл роль кровника, маскировка, едва не приведшая его к смерти — вторично.

Очалл! Мозг подсказал имя никогда не виденного врага, о котором Рамсей так много слышал. Итак, это верховный советник, пожелавший править империей. Очалл, возможно, потерял свою главную фигуру в игре, однако в этом погружённом в задумчивость человеке ничто не свидетельствовало о поражении и отказе от планов. Напротив, выражение его лица хорошо показывало, что он ищет, отыскивает новый путь. А то, как яростно он сжимал ткань капюшона, свидетельствовало, что он начал понимать суть проблемы.

Императрица и шаман... Рамсей поверил их предложению и едва не потерял жизнь. Теперь, глядя на Очалла, он думал, какой приём получил бы у советника, для которого может послужить новым и, возможно, более надёжным Каскаром.

Что говорили об этом человеке — говорили его враги? Что он подчинил себе слабовольного принца, загипнотизировал его, превратил в свою марионетку. Но всё, что

слышал Рамсей об Очалле, исходило от его злейших врагов. И ведь не Очалл связал его с Каскаром, убил и воскресил в мире, где люди, представляющие закон и порядок, снова захотели увидеть его мёртвым.

Рамсей не мог сказать, что его что-то привлекает в этом задумавшемся человеке. Очалл может быть страшным противником — но, возможно, открытым, в отличие от тех, кто интригой завлёк Рамсея из дворца в Ломе к поджидающему убийце. И вот в сознании Рамсея начал возникать план, еще неясный и туманный, как рисунки на картах из сна.

Вдруг Очалл исчез, как будто плотно закрыли окно между ними. И точно так же, как после снов в своём собственном мире, Рамсей обнаружил, что, вспотевший и дрожащий, сидит на узкой койке в серых предрассветных сумерках. Он тяжело дышал, но постепенно сердце начало биться в более спокойном ритме. Реакция, по-видимому, чисто физическая. На этот раз никаких остатков страха или беспокойства. Возможно, он начинал принимать новую логику, считать свой опыт нормальным — по крайней мере для нового Рамсея, который был Каскаром.

Каскар — что если он снова станет Каскаром?

План, который возник в сознании, когда он смотрел на задумавшегося Очалла, становился всё отчётливей и подробней. Меньше всего императрица и шаман хотят возвращения Каскара. Они послали его на смерть, когда он был в маске, снова и снова предупреждая, что глупо показывать своё лицо в Ломе, да и вообще в Уладе. Но лишь один человек в отряде узнал его или посчитал его сходство с покойным наследным принцем очень большим.

Если — только предположим — если люди, не интриганы из дворца, не вельможи, составляющие партии императрицы и Очалла, а простые люди империи — если эти люди увидят подлинного наследника, который избежал и власти верховного советника, и господства императрицы,

— как они поступят? Возможно, возникнет третья партия и бросит вызов первым двум? Если бы только он сам больше знал о Каскаре!

Однако, несмотря на то, что он теперь в теле Каскара, ни частички личности принца не сохранилось, чтобы дать Рамсею хоть намёк, что делать и чего не делать. Он знает только, что вовлечён в игру других, и это вызывало у него возмущение.

Просвещённые — в чём причина этого видения и предсказаний? Происходило ли это на самом деле? Судьба и Страх — символы, которые сопровождают рыцаря снов. И странная хозяйка предсказания ясно дала понять, что он и есть рыцарь, то новое, что смешало все планы, сделало непредсказуемым будущее. Но за этими символами стоит Надежда — как Королева, а это знак власти и силы.

«Ты больше должен опираться на свои сны, чем на силу рук и быстроту разума».

Хорошо. Он видел во сне Очалла и, кажется, понял смысл своего сна. Он станет...

Рамсей напрягся. В дальнем углу комнатки, в которой он находился, шевельнулась тень. Он был не один. И — по опыту жизни в этом мире — он обрадовался, что за спиной у него стена, через которую никто не пройдёт незаметно. Он встал, посмотрел в лицо сформировавшейся фигуре и заговорил первым:

— Что тебе нужно? — вопрос его прозвучал резко.

Тот не ответил, только передвинулся на свет — серый свет из единственного окна слева от Рамсея. Рука — юноше показалось, что он узнаёт эту руку, — появилась рука и откинула вуаль. Перед ним предстала женщина, которая встречала их разбитый отряд. Когда? Часы... дни назад?

Лицо у неё было правильное, но невыразительное. Если бы не её движения, можно было бы подумать, что перед

Рамсеем возникла статуя. Даже веки были полуприкрыты, словно скрывая блеск жизни под ними.

Но руки поглаживали вуаль, расправляли тёмную ткань на плече; она как будто небрежно гладит домашнее животное, а не ткань. Рамсей узнал эти руки. Эти длинные пальцы держали знаки Судьбы, Страха, Сна...

— Так, — это единственное слово она произнесла, не шевеля губами. — Я Эдайс, предсказательница.

Эдайс? Он слышал это имя — Эдайс! Это Просвещённая, с которой дважды советовалась Текла. Но у Рамсея нет оснований считать Теклу своим искренним другом...

— Ты рыцарь — ты сам выбираешь свой путь, — продолжила женщина. Тяжёлые веки не поднимались, она не встретилась с ним взглядом. В её позе сквозило какое-то равнодушие; она продолжала поглаживать вуаль, но Рамсей не собирался позволить, чтобы это выводило его из себя.

— Мне говорили, что иногда Просвещённые дают советы, которым лучше не следовать; их предсказания могут привести и к победе, и к поражению, и на них нельзя опираться, — он не знал, зачем она пришла, что пытается сказать ему.

В комнате постепенно становилось светлее. Каким-то образом свет из окна сосредоточивался на этих непрерывно движущихся, поглаживающих руках. Рамсей решительно отвёл взгляд, сконцентрировал внимание на неподвижном, как у статуи, лице.

— Мы предсказываем только возможность, — Эдайс подчеркнула слово «возможность». — От любого поступка, даже самого незначительного, расходятся круги последствий. И каждый может изменить подвижное будущее. Но есть и такие в этом рисунке — относительно кого невозможно предсказание. Такие, как ты, у которого нет в этом мире ни семени, ни корня.

— Зачем ты пришла? — он терял терпение, нежелание предсказательницы выразиться ясно раздражало его. — Ты наставляешь — или предупреждаешь?

— Ни то, ни другое. Если ты видел сон, то уже знаешь, что должно быть сделано, — голос отчуждённый, далёкий, как и смысл слов.

— Хорошо, — Рамсей решил применить шоковую тактику. — Не можешь ты по крайней мере указать мне направление? Где мне найти верховного советника Очалла?

Если он ожидал, что вопрос высечет искру жизни из её неподвижных черт, то был разочарован.

— Три дня назад, — спокойно и безмятежно ответила она, — он, по слухам, был в Видине. Видин подчиняется только принцу-наследнику Улада.

Рамсей обдумал эту информацию и не усомнился, что Эдайс говорит правду. Но если Очалл приехал в этот Видин — что он пытается там сделать? Считает, что Каскар жив, или только надеется, что сможет обвинить в смерти Каскара своих врагов и натравить на них тех, кто сохранил традиционную верность наследнику?

— А где этот Видин? — уже задавая вопрос, Рамсей понял, что принял решение. Он постарается отыскать Очалла, узнать, каков этот человек на самом деле, а не по слухам и словам его врагов.

— На юге. Флаер ждёт твоих приказаний.

Они как будто рады от него избавиться, подумал Рамсей. Может, его появление спутало и какие-то их собственные планы. Или его побуждают к действиям в целях, в которых их обвиняли в прошлом, — чтобы изменить цепь событий в собственных интересах?

Эдайс впервые за всё время прямо взглянула на него. Глаза у неё оказались очень странные: в них вместо обычных человеческих зрачков словно горели огненные точки. Но он увидел их только на мгновение. А может, ему и

вообще показалось. Она уже стала обыкновенной женщиной.

— Не сомневайся в своём месте в большой игре, — впервые в ровном монотонном голосе прозвучали следы эмоции. — Никто не может управлять рыцарем снов... Помни об этом для своей собственной защиты — никто! — она произнесла последнее слово подчёркнуто, как предупреждение.

Очевидно, Просвещённые хотят, чтобы он ушёл. Рамсей улыбнулся. Есть определённое удовлетворение в том, что он стал помехой для Всемогуших. Ему это понравилось. Но он с удовольствием примет и любую помощь, какую способны предоставить прорицатели, шаманы и хозяева снов.

— А мои товарищи? — спросил он. — Что будет с ними?

Он обязан жизнью Дедану. И даже занятый собственными проблемами, не забыл об этом.

— Они выздоравливают. Тантант извещён, — послышалось ли ему в ответе Эдайс лёгкое раздражение? Неужели она подталкивает его к немедленным действиям? Это впечатление переросло в уверенность, когда женщина добавила: — Тебе принесут еду, одежду, всё необходимое, — и сделала лёгкий жест рукой.

Не сказав больше ни слова, она повернулась, вернулась в угол, покрытый тенью, и исчезла за занавесом, который предварительно раздвинула.

И как будто её уход послужил сигналом, появился человек в более коротком чёрно-белом одеянии шаманов. Он принёс поднос с накрытыми блюдами. Он ничего не говорил — возможно, служение Просвещённым сопровождается каким-то обетом молчания, — но красноречивые жесты подсказали Рамсею, где его ждут ванна и свежая одежда, а потом и еда из фруктов, сладкого хлеба в виде маленьких булочек и терпкого напитка, от которого стало прохладно на языке и приятно тепло в горле.

На одежду — чёрное трико и серую куртку — положили его пояс члена отряда. Но на этот раз куртка была не просто тускло-серая. На груди красовалась эмблема орла, которую он видел повсюду во дворце в Ломе. И нашивки и украшения из серебра свидетельствовали о высоком ранге.

После того как Рамсей застегнул пояс с коротким церемониальным мечом и более мощным оружием, как то, что ему дал Дедан, молчаливый слуга провёл его по нескольким коридорам и вывел в рощу. Деревья здесь росли так часто, что Рамсей без проводника заблудился бы в шести шагах от здания, настолько плотной была стена растительности.

Рамсей догадывался, что это сделано сознательно. Но против кого предназначалась эта защита? По всем рассказам, у Просвещённых нет открытых врагов. Однако они предпочли такое убежище.

Они пошли по извилистому пути, в котором Рамсей ни за что не распознал бы тропу. Среди деревьев виднелись стоячие камни, которые связываются молвой с легендарной древней цивилизацией, оставившей настоящему такое смешанное наследие. Может, это место обозначает какой-то древний храм или святилище?

Стоячих камней стало больше, они сдвинулись теснее и постепенно сомкнулись в стены с обеих сторон. Проводник провёл Рамсея по этому пути между стенами. Они вышли на открытое место. Эдесь стоял флаер, и проводник показал на него Рамсею.

Тот некоторое время колебался. Свободно ли он делает свой выбор? И если да, то что именно он выбрал? Последовать за сном — к Очалу... А что потом? Будущее зависело от того, что он найдёт в самом Очале. Но по крайней мере больше его не обманут обещания и слова о доверии.

Юноша протянул руку к поясу и коснулся оружия. Прикосновение помогло обрести уверенность, хотя первый

опыт солдатской жизни был коротким и катастрофическим. Но всё же ощущение оружия в руке придало спокойствия, и Рамсей забрался во флаер.

Пилота не было видно, потому что кабина оказалась закрыта. Очевидно, пилот уже получил приказ относительно пассажира. Как только Рамсей пристегнулся, машина поднялась одним прыжком, и они взлетели высоко над поверхностью.

Вероятно, взлетели, потому что никаких окон в кабине не нашлось. И Рамсею нечем было заняться, кроме своих мыслей, которые, как он вынужден был с сожалением признать, слишком разбегались, чтобы принести пользу.

Он снова и снова во всех подробностях вспоминал произошедшее с ним после того, как пришёл в себя в гробу покойного принца и получил благодаря Текле временную безопасность. Теперь, сопоставляя воспоминания, он не был уверен, что девушка намеревалась спасти его. Он никогда не сомневался в её союзе с императрицей Квендридой, хотя понимал, что она это сделала ради блага Олироуна.

И теперь обнаружил, что подыскивает для молодой герцогини одно оправдание за другим. Даже её предательство по отношению к нему вполне могло быть вызвано пониманием ею своего долга.

В его собственном мире в последние годы понятия долга, служения, самоотречения ради идеала как-то размылись — всё это многие его сверстники высмеивали. «Не связываться» — таков был их лозунг. А теперь он ввязался в самые дикие приключения, какие могут только присниться. И за ним не стоит никакого долга и никаких идеалов. Он один.

Рамсей поёрзал на мягком сидении флаера. Одиночество. Он всегда был одиночкой. Почему же теперь ему так тяжело бремя одиночества? Он был членом вольного об-

щества... Рука Рамсея поискала оружие — символ единственного лишённого тревог и забот времени в этом мире. Его выбор — почему он решил отправиться в Видин, противостоять Очаллу?

Наверное, гораздо легче и естественнее было бы отказаться от прошлого, оставаться верным клятве обществу, стать одним из его членов. Но тут же мысль юноши отшатнулась от воспоминаний о бойне на скалистой гряде. Вспыхнул гнев.

Если он узнает, что Очалл действительно стоял за этой бойней... Разве не его «долг» теперь установить, что за игру ведёт верховный советник на границе? Он не верил, что смерть главной пешки остановит Очалла в его борьбе за власть.

Что ж, выбор был за ним, и он его сделал. Он не будет красться, как нищий бродяга. Он Каскар — не марионетка Очалла, но настоящий Каскар, вернувшийся в свои владения.

Уверенно, будто его окружало всё воскресшее вольное общество во главе с Деданом, Рамсей спустился по лесенке флаера и остановился, оглядываясь.

Он приземлился на крыше, на посадочной площадке на самом верху массивного внушительного здания. Вокруг возвышались башни; возможно, он прилетел в центр города. Но ему не дали времени осматриваться. К нему быстро приближался отряд.

Вот оно — первое его испытание в роли Каскара. Рамсей, надеясь, что не проявляет ни следа нерешительности, сделал один-два шага вперёд и замер, ожидая. Вроде бы, таков здесь обычай.

Хотя солдаты носили шлемы с гребнями, лица у них оставались открытыми. Рамсей теперь ясно видел, как меняется выражение лица офицера. На нём появлялось крайнее изумление.

Подошедшие остановились. Не только офицер был поражён удивлением, но и все остальные смотрели широко раскрытыми глазами, разинув рты.

Рамсей приветственно поднял руку — приветствие подчинённым. Офицер пришёл в себя. Он рявкнул приказ, который Рамсей не понял. Солдаты построились, устремили стволы в небо. Они явно признали в Рамсее Каскара, принца Видина.

Глава 13

Рамсей хорошо знал, что очень многое может подвести его в этом маскараде. Но он принял решение и закрепил его первым же отданным приказом видинской страже.

— Где его превосходительство верховный советник?..

— Он будет немедленно вызван, ваше высочество, — поворотом головы офицер отправил одного из солдат, и тот побежал по посадочной площадке.

Тут Рамсей услышал шум мотора флаера позади. Он чуть повернул голову и успел заметить поднимавшуюся в небо машину, его последнюю возможность отступления.

— Ваше высочество... — офицер подошёл чуть ближе. — Позвольте от имени всего Видина выразить признательность за ту честь, которую вы оказали нам, приехав в свой город, чтобы возвестить о себе. Слухи оказались лживыми, вы не мертвы... какая радость!..

Да, подумал Рамсей, а как же он избежал смерти? Он только надеялся, что укрытием для него послужат слухи о дворцовых интригах и контринтригах. Они прикроют неясности его рассказа.

— Когда у человека есть враги, — начал он, — необходима хитрость. В Видине, среди верных мне людей, я могу не опасаться, что у меня открыта спина.

Офицер выхватил меч из ножен.

— Принц приказывает — Видин повинует! Так всегда было по клятве крови и верности!

— Я это хорошо знаю, — принял Рамсей слова офицера. — Кто ты?..

— Я командир внутренней стражи, ваша светлость. Матрус из Дома Ликуса. Не хотите проследовать в Зал Совета? Так как верховный советник прибыл раньше, мы подготовились. И никогда не верили до конца тёмным слухам из Лома.

Вот и всё с телом, которое предъявил Мёлколф, чтобы его погребли среди предков Каскара. Рамсей подозревал, что Очалл поддерживает сомнения среди жителей этой части Улада, которая верна принцу и может послужить плодородной почвой для будущего восстания.

— Меня ободряет, что вы не поверили, — заявил он вслух. — Для большей части Улада Каскар уже погребён. И есть причины, чтобы он не восстал слишком поспешно... — Рамсей улыбнулся, он редко улыбался с тех пор, как оказался в мире своих снов, так редко, что трудно стало растягивать губы.

Образовался почётный караул — Рамсей предпочёл считать его таковым, а не охраной пленника. Его не совсем успокоили слова командира стражи, который вполне вероятно мог быть человеком Очалла. Окружённый стражниками, Рамсей прошёл в лифт, который с крыши дома спустился на несколько этажей и остановился. Стражники вытянулись, и Рамсей, быстро выходя из лифта, увидел откровенное изумление всех, кто его заметил.

Всё, что он слышал о Каскаре, говорило, что его двойник (можно ли его назвать «alter ego?») не пользуется большим уважением. Но, по-видимому, в Видине это не так. Стражники и слуги были слишком дисциплинированы, чтобы нарушить тишину коридоров. Но Рамсей чувствовал, что все они очень возбуждены. Он не повора-

чивал головы, но слышал, что топот за ним становится громче, как будто процессия с каждым мгновением увеличивается.

Ещё стражники, приветствующие принца. Один распахнул дверь. Рамсей прошёл в длинную комнату, одну её стену прорезал ряд широких окон, обрамлённых красным и золотым. На противоположной стене блестели зеркала в тяжёлых резных позолоченных рамах, врезанных в стену. Пол, по которому громко стучали сапоги стражи, — мраморный, потолок и части стен, не занятые окнами и зеркалами, покрывал красный лак с эмалированными табличками.

Серебряные подсвечники высотой с человека протянулись двумя рядами, между которыми и прошёл Рамсей. По бокам окон и зеркал к стенам крепилось множество консолей, изготовленных в виде странных голов, увитых цветами и папоротником; все они сверкали позолотой, эмалью и драгоценными камнями.

Зеркала многократно отражали всё это великолепие и казалось, что здесь не один зал, а целая сказочная анфилада, уходящая в бесконечность.

Ряды подсвечников заканчивались у помоста с двумя ступенями. А на помосте стоял трон размером с небольшой диван. Он не был накрыт балдахином, как тот, что Рамсей видел в Ломе. Но всё равно производил сильное впечатление со своей золотой спинкой и подлокотниками и алой подушкой сидения. Командир стражи отступил, и Рамсей понял, что трон теперь — его законное место.

Он решительно поднялся по ступенькам и сел на трон. Рамсей надеялся, что сделал это достаточно уверенно, как человек, привыкший к такому действию. И впервые увидел, что за ним действительно собралась целая свита.

У подсвечников неподвижно, как статуи, застыли стражники. Но пришли и люди в богатой одежде, которые могли

быть придворными этого миниатюрного двора или дворянством Видина.

Рамсею отчаянно не хотелось согласно придворному этикету здороваться с прежними знакомыми Каскара. Играть роль принца настолько плохо подготовленным было бы очень опасно, но ничего больше не оставалось.

— Верховный советник! — провозгласил громкий голос от далёкой теперь двери (Рамсей посмотрел на путь, который только что преодолел: зал из-за зеркал не только расширился, но и словно ещё больше удлинился).

Вошёл человек в короткой куртке слуги, но богато расшитой, чтобы подчеркнуть его важное положение при дворе. В правой руке он сжимал серебряный посох. Он торжественно поднял его и трижды со звоном ударил по полу.

Обратив таким образом внимание всех собравшихся к двери, он отступил и пропустил человека, которого и искал Рамсей. Это был настоящий Очалл из его сна, только сейчас в нём не так сильно чувствовалась жажда власти. Может, во сне эмоции обостряются, чтобы можно было почувствовать внутреннюю сущность человека?

Очалл, конечно, всё равно производил впечатление, но всё же это не та подавляющая фигура, каким сделали его слухи или сны. Внешне его манеры по отношению к Рамсею выражали искреннюю почтительность.

Не на такую встречу рассчитывал Рамсей. Если бы он увидел Очалла, сразу выйдя из флаера, и сумел разгадать первую реакцию верховного советника на драматичное воскрешение Каскара, это могло бы дать ему хоть какой-то ключ к пониманию положения Очалла. Но сейчас у советника было достаточно времени, чтобы подготовиться к избранной роли.

Очалл прошёл между рядами подсвечников, его длинная верхняя одежда едва не касалась пола. На поясе не было

никакого меча, но на мощной шее лежал золотой воротник искусной работы, усаженный драгоценными камнями. И с воротника на могучую грудь свисал большой золотой ключ, вероятно, символ его поста.

Лёгкий гул, заполнивший зал, когда Рамсей сел на трон, стих. Не слышалось даже слабого шороха ткани, когда собравшиеся меняли позу, ни скрипа обуви, ни даже дыхания. Как будто приход Очалла остановил всю жизнь двора; присутствующие прекратили существование, пока министр не примет решения.

Рамсей подозревал, что такой эффект сознательно готовился Очаллом, питал его ощущение власти. Но если советник ожидает, что тем призовет к порядку новую марионетку, — нет! Инстинктивной реакцией Рамсея стало сопротивление этой подавляющей личности.

— Приветствую тебя, верховный советник, — он старался говорить вежливо, хотя в собственных ушах голос его прозвучал странно. Но он должен был постараться взять в свои руки инициативу в этой встрече. — То, что ты верно ожидал меня здесь, при моём дворе, я считаю доказательством твоей усердной службы короне...

Он не знал, откуда у него берутся такие напыщенные слова. Возможно, самый воздух зала меняет речь. Но только самые формальные и громкие фразы кажутся вполне уместными в таком окружении. Больше всего ему нужен был сейчас хоть малейший намёк со стороны Очалла, о чём думает верховный советник. Но Рамсей знал, что Очалл ничего не выдаст, у него всё холодно рассчитано и нацелено только на собственную выгоду. Если неожиданное появление Рамсея и поразило Очалла, никто этого не заметит.

Очалл чуть склонил мощную голову.

— Его высочество хорошо знает, что Видин ему верен. Где же ещё собраться его друзьям, когда странные дела

происходят в Уладе и многое заставляет тревожиться даже самых верных подданных? Мы постоянно молились о безопасности его высочества. То, что ваше высочество сидит на собственном троне, не изменившийся, невредимый... — Очалл поднёс руку к груди, коснулся золотого ключа, — это наша награда за веру в Провидение. Теперь, после мрачных часов и дней, тёмные слухи и угрозы позади.

Рамсей увидел, как под прикосновением руки Очалла ключ слегка качнулся, вперёд, назад. Внимание Рамсея переключилось от лица верховного советника на ключ, на его движения, на лёгкие покачивания...

Назад и вперёд, назад и...

Рамсей замигал, с усилием отвёл взгляд. Верны ли его подозрения? Игра верховного советника с ключом не просто привычка? Что рассказывают об Очалле? Что он держал Каскара в своём плену чарами. Гипноз? Возможно, наследник был приучен отвечать на внешне невинные движения ключа. То, что и его внимание было привлечено к ключу так быстро, — хорошее предупреждение.

— Твоя забота о благополучии короны, — ответил Рамсей, думая, поймёт ли Очалл двойной смысл его слов, — всегда признавалась нами. Представители имперской династии знают глубину твоей верности, высокое чувство долга, которое всем нам служит примером.

Рамсей считал, что во всём этом миниатюрном дворе только у верховного советника может хватить храбрости задать вопросы о прошлом имперского принца, который совсем недавно был публично погребён с самой пышной церемонией, а теперь спустился с неба в свои владения живым. Однако Рамсей сомневался, чтобы Очалл стал задавать такие вопросы публично. В этом заключался его единственный шанс распространить пошире объяснение, которое он наспех придумал на пути в Видин.

— Дни сегодня воистину тяжёлые, — он улыбнулся Очаллу. — Иногда трудно отличить друга от врага. И те, кто хотел бы видеть меня лежащим рядом с предками, должны это знать. Именно благодаря тебе, верховный советник, меня не постигла такая судьба. Твой план сработал хорошо...

Он с внимательностью охотника следил за невыразительным одутловатым лицом Очалла. Сейчас у него не было другого пути достигнуть даже чуточку понимания со стороны верховного советника, вызвать его ответ. Конечно, человек, которого публично благодарят за спасение принца-марионетки, должен попытаться узнать, что же произошло. Как получилось, что Каскар уцелел, что он жив, дышит и провозглашает это заслугой Очалла.

— Я служу... — Очалл отвечал, не моргнув глазом. Выражение его лица Рамсей не сумел разгадать. — И горжусь своей службой, ваше высочество.

— Твоя гордость, но выгода всего Улада, — продолжал Рамсей. — А теперь, милорды... — он оторвал взгляд от Очалла. Так просто раковину советника не вскрыешь. Придётся изобрести более энергичное нападение. — Милорды, ваша верность, верность всего Видина поддерживала меня в эти дни. В этих стенах я рассчитываю найти поддержку, которая поможет мне овладеть моим наследием. Потому что сила человека не только в его руке и в оружии, не только в уме, но скорее в вере в него окружающих. А теперь... — Рамсей чуть подвинулся вперёд на сидении широкого трона, — наступают дни, когда наша взаимная вера подвергнется испытанию. Не стану скрывать от вас события во имя тайны и безопасности. Вы слышали, что Каскар умер и погребён. Наверное, некоторые из вас присутствовали при этом в Ломе.

Рамсей провёл взглядом по лицам дворян. Несомненно, он овладел их вниманием. Он видел хмурое выражение,

видел и удивление и серьёзные лица ждавших разъяснений.

— Посмотрите на меня! — юноша встал и сделал шаг от трона. Блеск зеркал, яркость солнечного света не позволял ничего скрыть. Он высоко поднял голову, бросая вызов тем, кто мог бы крикнуть: «самозванец».

— Меня хотели убить и пытались хитростью добиться этого. Но не смогли. Мне пришлось в тайне покинуть Лом, чтобы никто не знал, где я скрываюсь. Я не мог отличить друга от врага, выдающего себя за друга, и потому не знал, куда обратиться.

До тех пор... — он решил нанести сильнейший удар, — пока случайно не попал к Просвещённым...

Впервые он заметил лёгкое, совсем незначительное изменение в лице Очалла. Окружавшие советника проявляли своё изумление более открыто. Послышался тихий гул, возбуждённые выдохи.

— Мне сделали предсказание, — неторопливо продолжал Рамсей. — Поэтому я и явился в Ведин.

Гул слушателей стал громче. Очалл снова овладел своим лицом, но остальных охватило возбуждение.

— Ваше высочество, — вперёд вышел старик в воротнике, украшенном драгоценностями, и лишь чуть менее великолепном, чем у Очалла. — Это предсказание... — он колебался. Рамсей подумал, что догадывается, что скрывается за этой остановкой. Известно, что советы Просвещённых опасны и мудрым лучше их избегать.

Рамсей кивнул.

— Да, предсказание. Как хорошо известно, преподобные Просвещённые гораздо больше озабочены далёким будущим, чем результатами действий, от которых может произойти благо живущим теперь. Поэтому мы должны тщательно просеивать и отбирать советы. И надеяться, что выбрали верно. Поверьте, я буду действовать осторожно и ни одного верного мне человека не направлю по опасному

пути. Я неопытен в государственных делах, но здесь находится человек, хорошо разбирающийся в людях, и я буду прислушиваться к нему. Разве верховный советник не на нашей стороне? Все дальнейшие планы мы будем обсуждать совместно. Но скажу вам одно: только с помощью Просвещённых сумел я добраться до Видина. Пока, я считаю, они принесли мне одно добро.

А теперь, милорды и верные мне люди, позволяю вам удалиться до того времени, как нам нужно будет собрать совет...

Ему хотелось побыстрее остаться с Очаллом наедине, и нетерпение во время этой церемонии, где он играет роль правящего принца, всё возрастало. Как можно распустить двор и остаться в одиночестве?.. Он был уверен, что упоминание о Просвещённых ошеломило Очалла, и следует быстро использовать это небольшое преимущество, пока верховный советник не воздвиг снова свой барьер.

Очевидно, Рамсей нашёл нужную формулу, потому что все поклонились и начали отступать от ряда канделябров. Пока всё шло очень гладко...

Но тут у дверей произошло какое-то столкновение. Выходящих начали расталкивать, оттолкнули и дворецкого с серебряным жезлом, который попытался преградить дорогу человеку в военном мундире. Его хватали за плечи. Но он небрежно отбросил пытавшихся удержать его и прошёл вперёд. Двор застыл, почувствовав, что такое нарушение формального порядка происходит по важной причине.

Офицер подошёл к основанию помоста. Судя по нашивкам, это был командир какого-то отряда, и очень молодой. На его смуглом лице играло возбуждение, он тяжело дышал, как будто явился во дворец бегом.

Подняв руку, он приветствовал Рамсея, тот догадался ответить. И тут же офицер объявил:

— Ваше верховное могущество! Наш великий император

Пиран отошёл к Последним Вратам. В Ломе прозвучали прощальные трубы. Сейчас трубы призывают кровного наследника. Да будет правление вашего могущества долгим и ясным!

Итак, умирающий император наконец умер! Но в Ломе провозглашают императором не Каскара!

Рамсей взял себя в руки, заметив, что Очалл сделал два шага вперёд, как будто хотел отвести офицера в сторону и поговорить с ним наедине. Но времени для переговоров не осталось. У партии императрицы наготове Бертал, возможно, уже в эту минуту его коронуют. Шансы Рамсея на безопасность в этом мире уменьшились — наполовину, если не на две трети.

— Я думаю, там приветствуют не принца Каскара... — впервые Очалл взял инициативу в свои руки.

Офицер оскалил зубы в гримасе.

— Да, ваше достоинство. На Месте Флагов стоит принц Бертал. Но он ещё не дал клятву.

Послышались возбуждённые восклицания, двор загомонил. А Очалл опять задал вопрос, который был на уме и у Рамсея.

— Но ты, Джасум, явился в Видин, чтобы увидеть того, кто объявлен мёртвым. Что привело тебя сюда из Лома?

— Слово Просвещённых, ваше достоинство. Ко мне пришёл ночью Просвещённый со словами: наш принц на самом деле не мёртв, но скрывался и теперь находится в Видине. И поэтому, понимая, что он должен узнать... Ваше верховное могущество! — Джасум обратился непосредственно к Рамсею. — Скоро принесут присягу этому самозванцу. Уже готовится его коронование в Зале Света, а сразу вслед за этим — его брак с герцогиней Олироуна. Если он успеет короноваться и жениться, многие верные Каскару не станут поднимать оружие, чтобы не расколоть Улад.

Очалл погладил подбородок широкой ладонью.

— Проницательное наблюдение, Джасум. Интересно, почему это сообщение принёс только ты. Говорящие провода ничего не доложили в Видин. Но, конечно, возможно, это делается в Ломе специально, как ты и сказал, чтобы верные видинцы не имели времени для возражений. Ваше верховное могущество, — обратился он к Рамсею, — пусть распространится новость в Видине, пусть немедленно прогремят трубы. Самозванец не сядет на трон без единого слова протеста. А когда станет известно о протесте, столкновение с принцем Берталом станет неизбежным — может, Последний Вызов.

Рамсей понятия не имел, что имеет в виду Очалл в своей последней фразе, но тот произнёс эти слова настолько подчёркнуто, что Рамсей догадывался, что так называют провозглашение крайней вражды и сопротивления.

— Проведём совет, как и сказано, ваше верховное могущество. Надо дать знать тысячникам, нет, даже и сотникам, чтобы все собрались и проявили свою верность.

— Да будет так, — с готовностью согласился Рамсей, хотя у него появилось ощущение, что он утратил всякий контроль над ситуацией и власть снова незаметно перешла в руки Очалла, как и рассчитывал верховный советник. И потому с холодком внутри Рамсей снова распустил двор. Он смотрел, как один за другим придворные выходят из зала. Наконец-то с Очаллом остались одни.

Как ни хотел недавно Рамсей этой встречи наедине, сейчас он с радостью отложил бы её. Но он понимал, что должен ждать, чтобы Очалл сам начал разговор. Юноша должен был понять, что собирается предпринять верховный советник.

— Время... — Очалл перестал гладить подбородок, теперь он двумя пальцами ущипнул толстую нижнюю губу. — Сколько у нас времени? Подсказали ли тебе что-нибудь,

милорд, Просвещённые? Мы должны как-то выиграть время... — он как будто рассуждал вслух.

Но Рамсей полагал, что верховный советник никогда ничего не говорит зря, он постоянно следит и за своими словами и за тем человеком, которому они адресованы.

— Мне сказали, — Рамсей начал отвечать осторожно, решив хотя бы отчасти сказать правду, — сказали, что моя личность имеет огромное значение для будущих событий, что выбор, который я сделаю, в свою очередь приведёт к изменениям в будущем, которые сами Просвещённые не в силах предвидеть.

— Каскар... — Очалл намеренно неторопливо осмотрел его с ног до головы и с головы до ног. — Жизнь... вернее, смерть стали тебе известны так, как они не известны нам, простым смертным. Сначала ты умер и лежал в последнем сне в Зале Умерших Повелителей.

Затем с наступлением дня было обнаружено, что четыре стражника, явно околдованные, ничего не помнящие, охраняют пустой гроб. Невежды говорили, что Каскар воскрес. Говорили о чуде, таком, какие происходили в древности. Но если Каскар воскрес и снова прошёл по своей земле, его никто не видел.

Потом было обнаружено тело, на этот раз в таком состоянии, что только по одежде и некоторым особенностям фигуры было установлено, что это пропавший принц. Казалось, Каскар действительно восстал из мёртвых, может быть, ничего не сознавая, отошёл от своего гроба и выпал в окно. Может, встреча со смертью убедила его в том, что те, кто побывал у Последних Врат, достойные подражания люди больше не подчиняются ограничениям этого мира и могут свободно возноситься на небо. Поверив в это, полумёртвый принц решил доказать, что легенды говорят правду, но узнал только, что ещё не избавился от своего брэнного смертного тела.

Итак, обнаружилось тело, которое торжественно погребли — с внешними выражениями печали, но с внутренним удовлетворением. Очалл, — советник мрачно улыбнулся, — был одурачен, переигран. Очень хитро сыграно, а те, у кого возникли подозрения, предпочли держать язык за зубами. Но вот потерянный Каскар... можно сказать, «погребённый», стоит в своём дворце в преданном ему Видине и готовится возглавить поход преданных ему людей против узурпатора.

Он бросил взгляд на Рамсея.

— Ты говорил о Просвещённых. Не стану сомневаться в твоих словах. Известно, что они играют в сложные игры, и не всякий может их разгадать. Они говорят, что ты Каскар. Нам приходится признать второе чудо. Но, возможно, даже Просвещённые не могут предвидеть все последствия чудес. Со временем мы это увидим.

Время... — советник вернулся к своему первому утверждению. — Нам нужно время. Никто не может заставить встер, воду, флаер, корабль или рельсовый поезд двигаться быстрее, чем тот может. Я не тратил времени зря, верховное могущество. Я докажу, что Очалла не легко снять с игровой доски. Даже Просвещённым.

Глава 14

— Однако похоже на то, что времени-то у нас как раз и нет, верховный советник, — подчеркнул Рамсей. — Ты говоришь, что моё появление в Видине — чудо. Конечно, но весть об этом чуде должна скорее распространиться за пределами Видина, если мы не хотим, чтобы Бертал был коронован законно, — он искал на ощупь. Очевидно, что-то скрывалось за озабоченностью Очалла временем. — Сколько тебе нужно времени, чтобы твой план принёс желаемые плоды?

Верховный советник долго не отвечал. Снова ущипнул нижнюю губу большим и указательным пальцами.

— Кажется, на время Просвещённые на твоей стороне. Или их желание бросить большой камень в пруд Улада, смешать там все дела работает на тебя. Что касается времени — может быть, пять дней...

Он опять начал играть блестящим ключом, и Рамсей отвёл взгляд. Очалл снова заговорил.

— Кто ты? — он задал вопрос прямо, как будто сама его простота обеспечит правдивый ответ.

Рамсей обнаружил, что сейчас улыбаться ему стало гораздо трудней, чем раньше.

— Каскар, избежавший большой опасности и явившийся потребовать то, что принадлежит ему по праву.

Очалл испустил странный звук. Если бы не полное отсутствие веселья, его можно было бы принять за смех.

— Хороший ответ, верховное могущество. Ты говоришь, что ты Каскар, значит, и будешь Каскаром. Но я думаю, понимаешь ли ты, что слишком торопливо протянул руку к короне. Если ты идёшь на поводу у Просвещённых, тебя можно пожалеть...

— Предупреждение, верховный советник? — спросил Рамсей. — Я принимаю его за выражение твоей озабоченности. Я знаю только, что в Ломе засели те, с кем я должен свести счёты. Если мне понадобится, чтобы приблизиться к цели, потребовать соблюдения моих прав, я перекричу все твои трубы. Будь уверен в этом. А на что тебе нужны пять дней? — он пытался узнать правду, если можно рассчитывать на какую-то правду от Очалла.

— Оружие с севера, — так же откровенно ответил верховный советник. — Нашли новое оружие, ещё не испытанное в больших битвах, но мощное, как докладывают мои лазутчики. Торговцы с севера хвастают его эффективностью, и если они говорят правду...

— Его испытали в действии? — Рамсей постарался не проявлять особого интереса. В каком действии? Что если отсюда их вольное общество безжалостно обрекли на смерть? Может, это была только демонстрация оружия, чтобы произвести впечатление на таких покупателей, как Очалл?

— Испытали, — подтвердил верховный советник. — Его сила доказана. Не знаю, какие ещё тайны имеются у северян, но такое оружие не видано со времён Великой Эры.

— Но говорят, именно такое оружие оставило мир полумёртвым, — заметил Рамсей. — Даже самый честолюбивый человек ради власти в Уладе не решится им воспользоваться!

— Нет, это не Абсолютное Запретное. По сравнению с ним это камешки из рогатки мальчишки. Использование этого оружия не нарушает Вечный Завет Живым. Вообще-то, это простая модификация уже известного оружия, — но Очалл не стал вдаваться в подробности.

— И на ком демонстрировалось это новое оружие? — настаивал Рамсей.

Очалл пожал плечами.

— В незначительной стычке. В бою между пиратами и наёмниками Тантанта из пограничных районов Олироуна. Конечно, в наших интересах, чтобы внимание Олироуна было занято набегами на его границы. Нельзя поддерживать независимость герцогства. Но никаких явных нарушений.

Говоря это, верховный советник пристально наблюдал за Рамсеем.

— В будущем, когда герцогиня Текла выйдет замуж за повелителя Улада, такие дела следует организовывать незаметней. Не нужны будут вторжения, — сказал Рамсей.

— Совершенно верно. Но это хорошо, что Олироун занят своими внутренними трудностями до благоприятного

брака. Нужно лишь предотвратить действия таких, как Тантант, привлечение наёмников. Поэтому испытание оружия достигло сразу двух нужных результатов. Не думаю, чтобы Тантант нашёл какое-либо другое вольное общество, которое теперь примет его предложение, а пираты Линарка теперь будут заняты...

— Пираты! — повторил Рамсей. — Им передали оружие? Разве это не опасно? — про себя он удивлялся собственному спокойствию. Сознание того, что бойня на скалистой гряде была всего лишь сознательным экспериментом, вызвало такой гнев, с которым раньше он бы не справился. Обсуждать спокойно смерть людей, принявших его товарищем, их смерть — как результат демонстрации оружия!.. Он внутренне кипел и сражался с собственными эмоциями. Императрица и шаман — они могли обречь одного человека на изгнание, а потом на смерть от руки наёмного убийцы, успокаивая свою совесть «долгом». А Очалл обрёк на смерть множество людей только потому, что это удовлетворяет его честолюбие...

— Значит, если у тебя будет пять дней, ты собираешься выступить на Лом с этим оружием? — внешне спокойно спросил Рамсей.

Он настолько был занят борьбой со своими чувствами, что на этот раз не очень тщательно подбирал слова.

— Я, верховное могущество? — Очалл покачал головой. — Моя власть — только тень твоей законной власти. Я отдаю приказы только твоим именем...

Рамсею не нужно было даже закрывать глаза. Между ним и Очаллом словно возникла паутина иллюзий. Он видел не этого сильного человека, воплощение жажды власти, а жёлтый туман, в котором извивались и кричали люди. Это было не видение из сна, но зрелище запечатлелось в памяти так же прочно, как посланные Оситесом сны, с которых и начался весь этот кошмар.

Действовать совместно с Очаллом, использовать его? Он был глуп, поверив в возможность этого. В новом мире у него нет ни одного человека, которому он смог бы верить, кроме Дедана. А капитан лежит далеко, раны не позволяют немедленно призвать его. На секунду или две, осознав своё величайшее одиночество, Рамсей испытал настоящее потрясение.

Он не сознавал, что пошатнулся и в поисках поддержки ухватился за подлокотник массивного трона. Но тут же заметил устремлённые на него пристальные жадные глаза Очалла. Рамсей не осмелился подумать, что же понял верховный советник за эти несколько секунд, когда юноша утратил самоконтроль. Но, несомненно, Очалл поверил, что имеет дело с ещё одним слабым принцем. И Рамсей понял, что отныне, что бы он ни делал, внешне ему придётся выполнять предложения Очалла.

Послать туман, это жуткое пламя на Лом — немыслимо! Знают ли Просвещённые, что планирует Очалл? Если знают, они должны были подумать об этой предательской угрозе. Он сам ничем не обязан императрице и её партии. Вернуться в Лом — значит, встретиться с нападением другого наёмного убийцы. Но куда ещё ему деваться? Даже если он сумеет скрыться из Видина так же внезапно и таинственно, как появился, его визит сюда, открытое признание Очалла при дворе дадут верховному советнику право действовать от его имени. Никто не усомнится в приказах, отданных им именем императора.

— Пять дней... — Рамсей ухватился за первый же предлог. — Пять дней — это слишком долго. Если Бертала провозгласят императором, многие, как было сказано, которые не поддерживают моего дорогого кузена, переменят своё мнение, чтобы не расколоть Улад.

— Каков тогда твой ответ? — спросил Очалл.

— Мы с тобой, верховный советник, в сопровождении

дворян, которые поддерживают наше правое дело, отправимся в Лом. Не угрожая, а выдвигая требование, которое не оспорит никто.

Юноша наблюдал, осмелится ли Очалл возразить. Но верховный советник как будто был готов к такому вызову.

— Ты отправляешься прямо в логово врага, верховное могущество. Но храбрость — привилегия истинного императора, а если тебя будет окружать верная стража, тайно к тебе не подберутся. И не посмеют открыто оспаривать права Каскара. Когда ты хочешь отправиться?

— Немедленно, как только всё будет готово, — Рамсей не сомневался, что у Очалла есть свои сторонники, которые исполнят любой его приказ. Но сам он получит передышку... Для чего? Он не знал. Единственное утешение — Очалл поедет с ним, и видение тумана и огня, надвигающихся на город, не осуществится.

Флаер, который унёс их из резиденции Каскара, был больше и роскошнее предыдущих. В нём имелось несколько кают с различными приспособлениями. Рамсей заметил, садясь, что на флаере торопливо нарисовали герб — свирепую птицу, которую он видел на панелях дворца. Верные люди как будто стремились, чтобы его появление соответствовало его рангу, чтобы были представлены все символы законного правителя.

«Площадь Провозглашения?» Так как Очалл не пожелал сесть на мягкие подушки места, предложенного ему Рамсеем, то теперь верховному советнику приходилось вставать и нагибаться, чтобы задать вопрос со своего более низкого и твёрдого сидения.

Рамсей, довольный, что решил одну из своих проблем, кивнул. Его до этого беспокоило, что он появится во дворце Лома незаметно для горожан. Но приземление на «Площади Провозглашения» открыто заявит о наследнике престола, что должно удовлетворить большинство поборников гласности.

Согласившись с Очаллом, юноша, очевидно, остался предоставленный самому себе, потому что верховный советник сел, закрыл глаза и явно не хотел разговаривать. Рамсей тоже закрыл глаза. Что они ему говорили, эти непостижимые Просвещённые? Видеть сны? Но он так и не научился вызывать сны по своей воле.

Он стал вспоминать подробности своей встречи с Эдайс, вспомнил, как мелькали её руки, перекладывая карты, как коснулись последних, предсказывающих его судьбу. Судьба — да, и Страх, и Сны... и лишь слабое обещание Надежды в конце.

События развиваются слишком быстро, а он так мало знает. Как будто слепым участвуешь в сражении, в то время как те, с кем он сталкивается, обладают и зрением, и целью. У Рамсея была раньше только одна цель — спасти шкуру Рамсея Кимбла. Теперь им двигало стремление спасти город, может быть, целый народ. Его рот горько скривился. Что побудило его поддаться гневу, который вызвало небрежное объяснение по поводу нового оружия Очалла?

Он не знал расстояний между здешними городами, однако его удивила краткость перелёта. Наверное, Очалл приказал лететь на предельной скорости. Рамсей ещё пытался привести мысли в порядок, когда флаер уже начал спускаться по спирали.

Богато украшенные стены каюты были лишены окон. Рамсей сидел неподвижно. Они могут спуститься прямо в руки поджидающего врага. Очалл, казалось, прочёл его мысли; может, Рамсея выдавала напряжённая поза. Верховный советник сказал:

— Похоже, провода для разговоров не передают сообщения в Видин, но мы разрешение на посадку запросили открыто, верховное могущество, — голос Очалла прозвучал сардонически. — Будь уверен, Лом знает, кто прибывает —

открыто, как ему и подобает, прибывает законный властитель, а не захватчик.

Рамсей не нашёл в этом большого утешения. Но он избрал роль и не позволит, чтобы верховный советник видел, как он от неё уклоняется.

— Правильно сделано, — заметил он.

— Мы садимся на площади Четырёх Героев, — продолжал Очалл. — Тут нет посадочной площадки, но для нас расчистят необходимое место. Отсюда тебе останется только открыто взойти на Место Верховных Знамён и показать себя всем...

Рамсею показалось, что он уловил странный взгляд в своём направлении. Не намекает ли верховный советник, что таким образом он совершит действие, которое раз и навсегда сделает его императором Улада?

Флаер коснулся земли, корпус перестал дрожать. Рамсей расстегнул ремень безопасности. Он с радостью отметил, что руки у него не дрожат. Ведь он уже прошёл через подобное испытание, когда вышел из флаера на крыше дворца в Видине.

Юноша встал. Его сопровождающие двинулись к выходу. Первыми вышли стражники, теперь под командованием Джасума. Стражники вытянулись на мощёной площадке внизу, образовав коридор, через который предстояло пройти Рамсею-Каскару.

Он неторопливо спустился. Они действительно сели в самом центре Лома. Со всех сторон часто, как деревья вокруг жилища Просвещённых в Роше, теснились высокие здания. Стены из ржаво-красного и тускло-серого камня увешивали яркие вымпелы и полосы ткани. Вымпелы, длинные, как ленты, шевелились на ветру.

Прямо перед ним возвышалась пирамида из красного камня. Рамсей уже знал, что такие сооружения остались от легендарного Великого Мира. Вершина усечённой пирами-

ды напоминала треугольную платформу. По краям платформы стояли шесть прочных столбов, на которых развевались пять флагов. Шестой столб был лишён флага. На платформу вёл пролёт ступеней, старинных, истоптанных. Место Флагов выглядело существующим уже многие столетия, оно, вероятно, было древнее самого Лома. Среди всех этих разукрашенных зданий пирамида казалась странно обнажённой.

Рамсей неторопливо поставил ногу в углубление первой ступеньки. Хотя он не смотрел по сторонам — им овладело ощущение, что он точно знает, как бы поступил в таком случае Каскар, император Улада, — Рамсей понял, что улицы Лома не пустынные. Вокруг собралась огромная толпа. Никто из прилетевших с ним из Видина не последовал за ним. Вероятно, только верховное могущество (какие же у них неуклюжие титулы) имеет право взойти на пирамиду.

Шум внизу перешёл в рёв. Рамсей продолжал подниматься. Каждый шаг он делал аккуратно и неторопливо, не смотря ни направо, ни налево. Толпа внизу, быть может, уже приготовилась растерзать его. Капля пота выступила у него на лбу под линией чёрных волос, поползла по щеке. Но юноша сохранял бесстрастное выражение и продолжал подниматься.

Вот он достиг вершины. Справа от него оказался столб с жёлтым флагом, геометрически точно перечёркнутым ярко-зелёным крестом. Слева стоял столб без знамени.

Так же неторопливо, как поднимался, Рамсей повернулся и посмотрел на город, которым собирался править Каскар. Голова его была обнажена, только на лбу поблескивало серебряное кольцо. Ни капюшон, ни маска больше не скрывали его лицо. Он стоял, слегка расставив ноги, положив руку на рукоять церемониального меча, и смотрел вниз и вдаль.

Увидел он море лиц, повернутых в его направлении. Даже окна соседних зданий заполняли люди, и все смотрели на него. Все эти взгляды произвели на Рамсея впечатление удара, однако он знал, что должен стоять бесстрастно и выдерживать их.

Теперь все кричали, и он различал в этом громе, отразившемся от стен зданий, своё заимствованное имя:

— Каскар! Каскар!

Потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что в этом крике нет угрозы. Удивление — да. Если при дворе Каскара и не любили, город не разделял такого отношения. И когда он поднял руку, принимая приветствия, то подумал, что верные ему люди есть не только в Видине. Приветственный рёв достиг даже стен отдалённого дворца.

Кто-то другой поднимался по изношенным ступеням. Рамсей увидел человека в короткой, очень яркой одежде, с изображением свирепой птицы Улада на груди. Этот человек нёс на плече рог, такой большой, что ему приходилось ступать осторожно, чтобы сохранить равновесие. За ним последовал ещё один, одетый так же и тоже с рогом; этот второй только что вышел из рядов стражи, собираясь подниматься.

Когда двое трубачей достигли вершины пирамиды, Рамсей слегка отступил. Они поклонились ему, развернулись, упёрлись раструбами своих инструментов в древний камень и поднесли роги ко рту.

Рёв толпы перекрыли глубокие низкие звуки. Словно раскаты грома, только вот туч никаких не было; Рамсея ярко освещало солнце. Трижды повторились эти звуки. Крики стихли, наступила тишина. По-прежнему все лица были устремлены к Рамсею. Люди ждали, а он не знал чего! Рука его дёрнулась в панике — это же всё часть древней церемонии. Королевские дворы пронизаны такими церемониями, частично церемонии обеспечивают безопасность правителей. А он не знал, что ему сейчас делать...

И тут к его величайшему облегчению — в это момент он даже забыл о своём недоверии к верховному советнику, — Очалл поднялся вслед за трубачами. Но не подошёл к Рамсею на вершине пирамиды. Напротив, повернулся лицом к толпе — нелёгкий маневр на старинных узких ступеньках — и заговорил:

— Слушайте меня, верные люди! На этом месте, на площади Героев, на Месте Флагов, которое находится в самом сердце Улада, я провозглашаю нашего господина верховным правителем — да будет под его правлением плодородна земля, да будет она орошена и озарена золотом солнца! По праву наследника Дома Джостерна носитель крови самого древнего Джостерна — Каскар — принимает правление; и права его неоспоримы. Пиран миновал Последние Врата — да перенесут его плакальщицы и утешительницы, — Очалл склонил голову и смолк на мгновение, эту позу традиционного почтения повторили все в толпе, — как можно быстрее к вечной жизни, к радости и благословлению. При жизни он признал Каскара, принца Видина, своим подлинным наследником по крови и по духу. И поэтому Каскар стоит перед вами как верховный повелитель, хранитель Улада, страж и утешитель по эту сторону Врат для всех своих подданных. Император умер, император пришёл!

Четырежды оглушительно прогремели трубачи. И снова послышались радостные приветственные крики.

Дрожь пробежала по спине Рамсея. До сих пор он смотрел на всё происходящее как на опасную роль в какой-то пьесе. Но ведь это — реальность! Слишком всё реально! Он же не настоящий Каскар; ему захотелось убежать подальше от этих приветственных криков. В какой сети он запутался? Юноша с трудом глотнул. Крики стали тише... Должно быть, народ чего-то ждал от него.

Рука Рамсея поднялась почти против его воли. В ответ

на этот невольный жест наступила тишина, как и перед словами Очалла.

Он должен был что-то сказать... Но ничто в прошлом не подготовило его к такому моменту. Настоящего Каскара тщательно вышколили бы, постепенно подвели к этому часу, его же колебания будут сразу замечены. Снова на него навалилась тяжесть маскарада. Верные люди — этот термин имеет определённый смысл в этом мире — как узы чести. Если Рамсей принимает их верность, он должен что-то дать им взамен, чтобы сохранить равновесие. Начинал он, думая только о себе, о своей безопасности, о своей личной схватке с теми, кто так безжалостно воспользовался им. Но если он примет то, что ему предлагается сейчас, то будет связан навсегда. Он и так зашёл слишком далеко, возврата нет, если он только не откажется от всего, что несёт с собой его внешность. А этого он не сможет сделать.

— Верные люди вашего императора, — Рамсей попытался говорить уверенно, не подыскивая слова, словно речь эта была у него заранее подготовлена. — Верные Уладу. Ни на чём большем не может клясться наследник Дома Джостерна. Первейший долг провозглашаемого — безопасность Улада и всех живущих в его границах.

Короткая речь и, может, довольно неуклюжая. Но в этот момент Рамсей говорил так серьёзно, как никогда в жизни. Наступила тишина. И Рамсей уже начал думать, что где-то в его короткую речь вкралась ошибка. Потом начались приветственные крики...

Но вдруг в толпе внизу возникло и какое-то смятение. Вперёд пробивалась группа стражников, прокладывая в толпе дорогу. Мужчины и женщины расступались под этим напором. А внутри группы Рамсей увидел роскошные наряды придворных. Наконец и дворец сделал ход. Но Рамсей не верил, что на этом открытом общественном месте возможны какие-то тайные интриги.

У основания пирамиды люди из Видина сомкнули ряды. Однако Рамсей заметил, что настроены они не очень решительно. Всё сильнее расходились волны от приближавшейся целеустремлённой группы. Толпа уже раздавалась сама, пропуская отряд. Дойдя до стражников из Видина, пришедшие тоже выстроились в ряд, словно готовясь к схватке. Рамсей сделал шаг вперёд: любыми средствами он должен воспрепятствовать столкновению. И тут же понял, что вмешательство — по крайней мере на уровне солдат — не потребуется.

Теперь вперёд вышли штатские, которых сопровождали солдаты. Бертал... и Оситес. Принц оделся в алое и золотое, яркие цвета сами по себе бросали вызов. Шаман походил на тень злого предзнаменования в своей чёрно-белой одежде, рядом с ослепительным великолепием Бертала она казалась скорее чёрной, чем белой.

Старое лицо шамана было, как всегда, бесстрастно, но Бертал шёл багровый от злости, почти одного цвета с его алым нарядом. Шаман положил принцу руку на плечо, как будто предостерегая от поспешных действий, но тот резким движением сбросил его руку и побежал вверх по ступеням, ведущим к Месту Флагов.

Шум толпы перешёл в ропот. Очевидно, все с нетерпением ожидали исхода драмы и собирались быть свидетелями встречи соперников, претендующих на трон Улада.

Рамсей оставался на месте. Бертал мог служить воплощением гнева. Они могли бы даже сойтись в драке — весьма поучительное зрелище для Лома. Рамсей был уверен, что справится с разгневанным принцем без всякой помощи со стороны стражи. Но ему не хотелось публично участвовать в таком недостойном действии.

Бертал перепрыгивал через изношенные ступени. Оситес, несмотря на возраст и длинную стесняющую движения одежду, не отставал от принца. И едва Бертал, со сверкаю-

щими от гнева глазами, с искажённым ненавистью ртом, достиг уровня Рамсея, как его догнал Оситес.

— Самозванец! — Бертал тяжело дышал, он хватал ртом воздух, и обвинение его прозвучало не так громко, как ему хотелось. — Существо из снов! Думаешь, ты сможешь здесь править? Нет, говоряю я! И своими руками докажу это!

Он выхватил церемониальный меч. Рамсей даже не коснулся своего оружия. Сузившимся взглядом следил он за принцем, у которого в углах рта появилась пена. Если Бертал настолько обезумел, что бросится на него сейчас, придётся ему принимать на себя все последствия.

Но острое не устремилось в грудь Рамсею. Бертал схватил меч не за рукоять, а за лезвие и бросил меч в воздух. Не в Рамсея, но на камни. Меч ударился, скользнул и острием вперёд остановился у ног Рамсея.

Глава 15

Всё стихло, приветственные крики оборвались, лишь шелестело затаённое дыхание сотен человек. Это определённо был какой-то формальный вызов, но Рамсей, снова захваченный сетью своего непонимания, не знал, что предпринять. Однако если он колебался, то шаман действовал.

В развевающейся мантии Оситес встал между ними и твёрдо поставил ногу на меч.

— Нет! — одно слово воздвигло преграду. Бертал ещё больше побагровел, если это возможно; руки его непроизвольно дёргались. Рамсею показалось, что принц совершенно утратил самообладание. Он готов был оттолкнуть Оситеса и вцепиться Рамсею в горло.

— Это моё право, — задыхаясь, прошипел Бертал. Оситес кивнул.

— Твоё право, согласно кодексу, установленному Джостерном при основании вашего Дома. Но сейчас не время и

не место, — пальцы его сомкнулись на правом запястье принца, и хоть пальцы эти были худы, Рамсей видел, что Бертал не может вырваться.

Но смотрел шаман на Рамсея, как будто Бертал потерял для него всякое значение.

— Ты вернулся,— высказал Оситес очевидное. — Для чего, человек из снов?

Так прост был этот вопрос, что Рамсей заподозрил в нём какой-то скрытый смысл. Но похоже, шаман действительно ждал ответа.

— Может, потому, что я ещё не готов стать мёртвым Каскаром, как тебе хотелось бы, — ответил Рамсей. — В нас всех скрыто нечто, Просвещённый, что всегда сопротивляется смерти.

Лёгкая тень легла на лицо шамана. Он смотрел на Рамсея, тот отвечал ему твёрдым взглядом. Юноша чувствовал, что представляет собой проблему, озадачившую шамана. И в этом замешательстве нашёл опору, которая позволила ему добавить:

— Ваш наследник бросил мне вызов. Почему бы не позволить нам самим решить вопрос — здесь и сейчас? Открыто, перед всем Ломом? С меня хватит убийц в масках, готовых без предупреждения ударить в спину. И не думаю, чтобы моя смерть по любой причине сейчас помогла бы вам, после публичного утверждения моих прав...

— Твоих прав! — воскликнул Бертал. Голос его задрожал от ярости. — У тебя нет никаких прав, варвар из!..

Должно быть, Оситес больно сжал ему запястье, потому что Бертал сморщился от боли. Бросил яростный взгляд на шамана, но замолчал.

Голос Оситеса по-прежнему звучал бесстрастно.

— Похоже, Каскар провозглашён императором, — без всякого выражения сказал он, но Рамсей отнюдь не поверил такой полной и неожиданной капитуляции. — Теперь

его верховному могуществу полагается предстать перед двором, после того как его приветствовал народ.

Войти во дворец? Все наверняка ожидают от него и этого, и Рамсею показалось, что у него нет выбора. Он уже сделал предупреждение, и его приближённые из Видина поддержат его, а может, также и те, кто сейчас приветствовал его в Ломе. Если он сейчас погибнет по любой причине, будут задавать слишком много вопросов. Если он должен сразиться с Берталом, то он сразится. Но юноша полагал, что обычай потребует открытой схватки в присутствии множества официальных свидетелей.

— Его верховное могущество, — Рамсей с удовольствием воспользовался напыщенным титулом, — согласен.

Он взглянул на Очалла, который не принимал участия в столкновении претендентов на трон. В сущности, решил Рамсей, верховный советник придерживался позиции строгого нейтралитета. Но Рамсей не собирался отпускать Очалла, чтобы тот мог свободно отдавать приказы.

— Его достоинство, наш достопочтенный советник будет сопровождать нас, — твёрдо заявил он.

И вот встреча, которая едва не началась как поединок, закончилась, к разочарованию многих зрителей, объединением групп. По сигналу и с большими усилиями стражников обеих партий снова расчистили место, куда приземлился флаер из Видина, и Рамсей сел в машину в сопровождении Очалла и — на некотором удалении — Оситеса, который продолжал держать Бертала за руку (с лица принца не сходило мрачное и удивлённое выражение). Несколько мгновений спустя они опустились на крышу, и дворец Лома приветствовал их почётным караулом.

Рамсей принимал приветствия стражников, а Оситес покинул принца и присоединился к новопровозглашённому императору. На этот раз он обратился к нему без всяких почётных титулов:

— С тобой будет говорить её царственное великопие, — заявил шаман.

Рамсей улыбнулся.

— Это очень любезно с её стороны, — ответил он. — Но ещё большая любезность со стороны Каскара...

Впервые он увидел гнев в глазах шамана.

— Ты слишком распустил язык! — выпалил тот.

Рамсей кивком подтвердил его наблюдение.

— Тем не менее я жив. Ну, дважды одна и та же западня не сработает.

— Не понимаю, о чём ты говоришь... — заявил Оситес.

Рамсей откровенно рассмеялся.

— Конечно, Просвещённый. По тому, что я слышал, вы никогда не действуете открыто. Хочу только, чтобы ты понял: я твоим предсказаниям не подчиняюсь.

Он повернул голову и сообщил Очалу:

— Меня призывают к моей бабушке, верховный советник. Нельзя заставлять долго ждать её царственное великопие. Как ни важны дела, придётся обсудить их позже.

Очал поклонился. Бертал, должно быть, хотел что-то сказать: он уже даже открыл рот. Однако взгляд шамана заставил его промолчать. Все прошли в лифт и спустились во дворец, хранящий столько тайн.

Шагая по длинному коридору, тому самому, что ведёт к потайной двери в лабораторию, Рамсей гадал, где теперь мог находиться Мелколф. Снова за работой? Пытается поменять мешающего им Каскара на какую-нибудь новую жертву из третьего мира? Но сейчас Рамсея не посещали никакие сны, которые вызывали бы подозрения. Однако он решил, что если только его приказы будут выполняться, первым делом он уничтожит машину, злобно сидящую внизу.

Ни Бертал, ни шаман после ухода с посадочной площад-

ки не сказали ни слова. Возможно, они так же напряжённо, как и Рамсей, думали о мести, о защите, о необходимых действиях. Бертал — человек типа «нападать-несмотря-ни-на-что», поэтому его действия предвидеть легче. Однако Оситеса Рамсей опасался; он не знал, насколько велики силы обитателей Рош. Они, по-видимому, умеют пользоваться мыслью, как вольное общество — оружием и боевым опытом. Поэтому их следует особенно опасаться.

При их приближении двери апартаментов императрицы распахнулись. Рамсей, призывая в качестве оружия старый гнев, смело прошёл вперёд. Императрица сидела в своём кресле под балдахином, закутанная в плащ, маленькая, коронованная — и смертельно опасная. Рядом с ней, в другом кресле, без занавеса, — Текла.

Рамсей бросил на девушку быстрый взгляд. Он старался все эти дни после нападения на пристани не думать о ней. Она участвовала в плане, который должен был привести его к смерти и забвению.

Юноша полагал, что она, будучи обвинённой, сошлётся на свой «долг». Что всякая жизнь, в том числе и её собственная, принадлежит Олироуну, что от неё ждут только служения. Странное чувство, которое он испытал, когда Лом признал его права, помогло ему отчасти понять герцогиню. Она была воспитана в вере, что истинный правитель — слуга своей земли, её защитник до самой смерти. Она признает всякую жертву достойной блага Олироуна, и никто не узнает при этом её личных чувств и желаний. Да, теперь он понимал её, но это не та Текла, которая сохранилась в его глупых воспоминаниях.

Он глубоко поклонился высохшей старой женщине на троне, менее глубоко — герцогине. Текла побледнела, лицо у неё застыло. Рамсей бросил взгляд на руки девушки, они не лежали спокойно на коленях, пальцы были плотно сжаты, она как будто с трудом сохраняла самообладание.

— Ваше царственное великолепие, — обратился он к императрице.

Она не стала тратить времени.

— Мы же с тобой договорились, незнакомец.

— Вы договорились, — довольно невежливо поправил он старую правительницу. — Но предложенное мне уже через час оказалось вовсе не тем, что вы обещали.

Текла развела руки.

— О чём ты говоришь? — спросила она.

Рамсей неторопливо повернул голову, посмотрел девушке прямо в глаза. Удивительно, какое искреннее выражение недоумения! Он слышал, что королевские особы никогда не бывают самими собой, что их жизнь — постоянное представление, и потому они с рождения актёры, но всё же её вопрос удивил юношу.

— Пусть не будет между нами тайн, хотя бы относительно прошлого, — ответил Рамсей. — Миледи герцогиня, ты очень тщательно подготовила маскировку твоего родственника-кровника. Потом вернула меня в Лом — должен признаться, что первоначальное спасение всё же кажется мне несколько странным. Неужели ты действовала обдуманно? В Ломе я, конечно, обнаружил, что не могу вернуться назад, в свой мир.

Тогда... — он снова повернулся к императрице, — произошло очень своевременное вмешательство преподобного, — Рамсей кивком указал на Оситеса. — Как ни странно, учитывая ваши интересы, он не позволил Мелколфу уничтожить меня. Я всё думаю, зачем было предпринимать другую, гораздо более сложную попытку. Должна быть для этого какая-то причина, но не думаю, чтобы кто-нибудь из вас оказал мне любезность и объяснил её.

Во всяком случае вы были очень откровенны со мной — относительно опасности, какую представляет моё лицо, — Рамсей коснулся своего подбородка, — в Ломе. Верховный

советник может узнать, и это навлечёт на голову невинного чужестранца, завлечённого во дворец, новые беды... Поэтому меня и отправили на отлично подготовленную встречу с человеком, который, как мне позже рассказали, представляет собой самого высокооплачиваемого и эффективного наёмного убийцу в Уладе.

Но, к вашему несчастью, я тоже обладаю некоторым мастерством, не знакомым вашему миру, и потому спасся из этой аккуратной западни. Я выжил и потому стал неожиданным фактором...

— Ты веришь в это, на самом деле веришь? — вопрос задала не императрица, а Текла. Она больше не сжимала руки, пальцы её теребили складки богатой ткани. Глядя на них, Рамсей на мгновение вспомнил другие пальцы, может, более тонкие, но не лучшей формы, которые играли пятью картами с символами.

— Верю, — твёрдо ответил он.

Руки девушки застыли, она непонимающе смотрела на него. И Рамсей обнаружил, что не может в ответ посмотреть на неё. Но ведь в конце концов в этом обществе она наименьший из его врагов. А самый главный — высохшая кукла на троне, если не Оситес.

Шаман издал невнятный звук, но императрица повелительно подняла руку.

— Оставь, преподобный. У нас нет времени на распутывание старой путаницы. Перед нами стоит новая. Итак, в результате ты отправился к Очаллу и теперь ты император Лома — на словах... — глаза её яростно сверкали. — Ты считаешь себя лучшим для подобного выбора?

Рамсей пожал плечами.

— Может, и нет, но я жив...

— Тот, кто поддается Очаллу, не имеет жизни, — нападала она.

— Разве я ему поддался? — возразил Рамсей.

Он увидел, что все трое — стоявший у стены мрачный Бертал не в счёт — внимательно посмотрели на него. Рамсей украдкой оглянулся. Разве они не понимают, что когда пытались манипулировать событиями в будущем, мало чем отличались от верховного советника, пытавшегося манипулировать одним человеком?

— Если ты пока ещё не его орудие, — проговорила наконец императрица, — тебе этого не избежать, — но в голосе её прозвучала тревога. Взгляд её скользнул с Рамсея на Оситеса, словно задавая какой-то немой вопрос.

— Мне было сказано, — осторожно заметил Рамсей, пытаюсь уловить реакцию троих, — что в этой игре я выступаю как рыцарь снов.

Звук втянутого воздуха... Текла прижала руки ко рту; глаза её испуганно распахнулись. Но заговорил Оситес.

— И кто тебе сказал это?

— Некая Эдайс, — коротко ответил Рамсей и продолжил, увидев, как подействовали на них его слова:

— Страх и Судьба, Страх и Королева Надежды. Говорит ли это что-нибудь тебе, Просвещённый?

Оситес медленно кивнул. Однако когда заговорил, то обратился к императрице, а не ответил на вопрос Рамсея.

— Ваше царственное великолепие, в этом ответ. В этом...

Она прервала священника.

— Я не понимаю ваших тайн, преподобный. Я знаю только, что сейчас этот... этот Каскар, который не Каскар, правит Уладом. И у его правой руки стоит тёмный, который всех нас приведёт к падению! Что ж, мы играли с судьбой, и вот наша награда. Но пока я жива... — теперь её яростные слова были обращены к Рамсею, — я буду защищать то, что сделал мой супруг! И обещаю тебе: я не лёгкий противник!

С высоко поднятым подбородком, с яростно сверкаю-

щими глазами, как у хищной птицы, она бросала ему вызов, гораздо более достойный и целеустремлённый, чем картинный бросок меча Бертала.

— Вы не знаете Очалла, — пусть она враг, подумал Рамсей, но нельзя оставлять её в неведении о планах верховного советника. — Он уже договорился с торговцами с севера и вот что он при этом получил: слушайте и поверьте мне, — и юноша кратко описал битву на гряде, не упустив ни одной ужасной подробности, чтобы показать, что может ожидать Лом.

— В Яснаби! — воскликнула Текла. Теперь она закрыла руками лицо и задрожала, как будто своими глазами увидела сцену бойни. — В Олироуне!

— Чудовищно! — плечи императрицы обмякли. Казалось, за несколько минут рассказа она ещё больше постарела. — И ты союзник этого человека! Почему ты тогда открыл нам его действия? Хочешь использовать страх как оружие, чтобы заставить нас побыстрее сдаться?

— Я рассказал только то, что сам видел... и чувствовал... — Рамсей поднёс руку к щеке, на которой обжигающее пламя оставило не рубец, но воспоминание. — Если бы моим намерением было вторгнуться в Лом, я бы дал Очаллу нужные ему пять дней...

— Чего же ты хочешь от нас? — воскликнула Текла.

— Чего всегда хотел — вернуться к себе.

— Но мы... Мелколф не может дать тебе это! — Текла покраснела, спина её выпрямилась, она смотрела на него как на угрозу, которую не должна признавать открыто.

— Да, — согласился Рамсей. — Поэтому — перед нами стоит проблема. Я теперь Каскар и не могу вернуться. А кто такой Каскар?

— Ты играешь словами! — императрица наконец открыто проявила гнев. — Девушка права — чего ты хочешь от нас?

— Ещё не знаю — пока, — ответил Рамсей. — Но предупреждаю: больше я в ваши игры не играю. И в игры Очалла тоже, — добавил он, поколебавшись секунду. — Он обладает непонятной мне властью, вам лучше в это поверить. Он намерен захватить власть в Уладе — любым путём, это вы тоже знаете...

— И ты явился сюда с ним... — снова начала императрица.

— Я взял его с собой, потому что так легче за ним следить. Оставь я его в Видине — вы захотели бы, чтобы на вас обрушились туман и пламя?

Впервые в разговор вмешался Оситес.

— Рыцарь слов... — медленно проговорил он. — И что тебе снилось?

— Ничего — пока.

— Эдайс... — произнеся это имя, Текла помолчала и продолжила с большей уверенностью: — Она великий чтец...

— Не успокаивайся этим! — выпалила императрица. Она бросила на шамана враждебный взгляд. — Мне кажется, преподобный, что дело Улада не нашло в тебе истинного сторонника. Похоже, мы были слепы. Нами управляли, как Очалл управлял Каскаром, и привели к этой ситуации по какому-то решению Просвещённых, которое не принесёт нам ничего хорошего! Слепы! Слепы! — она рукой прикрыла глаза. — Я стара, слепа и бесполезна! И Улад погибнет, потому что я не справилась.

— Нет! — Текла схватила другую руку императрицы. — Не думай так! — девушка посмотрела на Оситеса. — Преподобный, скажи, что это неправда. Вы... все вы... не можете быть такими жестокими!

— Улад не погибнет, — шаман произнёс эти три слова медленно, словно не утверждение, а обещание.

— Ещё одно предсказание? — Бертал отошёл от стены,

губы его кривились в усмешке. — Прекрасно. Пусть этот... этот чужестранец ответит мне лезвием на лезвие, и тогда мы будем в этом уверены! — ненависть его была так же горяча, как и хвастовство.

— Предсказание... — Оситес говорил размеренно, — указывает только на вероятный исход, который может быть изменён выбором тех, кто с ним связан. Вы все это знаете, — он помолчал, словно выбирал путь через какой-то мысленный лабиринт. — Но есть общий чертёж — и он заходит далеко. Улад — необходимая часть этого чертежа, в этой стране появилось первое устойчивое правительство после Великой Катастрофы. Этот Улад послужит фундаментом, на котором здание будет построено заново. Нет, Улад — благодаря нашим действиям и вопреки нашим действиям — не погибнет. Но наши индивидуальные судьбы это не решает...

Императрица долго смотрела на шамана, одну её руку держала Текла, другая вяло лежала на коленях, как будто недавний взрыв истощил запас сил и воли старой женщины, казавшийся неисчерпаемым.

— Если Улад пребудет в безопасности, — негромко сказала она, — моя собственная судьба мне безразлична.

— А мне нет! — Бертал сделал шаг в направлении Рамсея. — Здесь будет править подлинная кровь! Улад — это Дом Джостерна! Мы создали эту землю в прошлом, мы её и удержим! А ты... — он плюнул в сторону Рамсея, — ты не наш. Будешь жить как император, но вскоре умрёшь...

Рамсей неожиданно рассмеялся.

— Вторично, принц?

Бертал кивнул, словно признавая правду.

— Да.

— Довольно! — голос императрицы прозвучал по-старому властно. — Не будем поддевать друг друга. Нам нужно прийти к какому-то согласию. Ты провозгласил себя импе-

ратором, — сказала она Рамсею. — Ты продолжаешь утверждать это?

— Ты признаёшь меня? — удивлённо спросил Рамсей.

— Я признаю всё... абсолютно всё... что способно сохранить эту землю. Ты говоришь, что Очалл не твой хозяин. Если это окажется правдой, тогда...

— Нет! — перебил её Бертал. — Он не наследник, он ничто, человек, который должен быть мёртв! Позволить ему жениться на Текле, сесть на трон? Ты стара! Ты выжила из ума!

Текла вскочила и встала между императрицей и Берталом, который снова как будто потерял самообладание, как на Месте Флагов.

— Замолчи! — как и у императрицы, голос её прозвучал на редкость властно. — Главой Дома Джостерна остаётся её царственное великолепие...

— Мне не нужна твоя защита, моя дорогая, — поблагодарила девушку императрица. — И я не выжила из ума. Прежде всего Улад. Мы не допустим, чтобы из-за спора за наследие страна снова погрузилась в войну, чтобы сын воевал с отцом, брат с братом. Если Каскар докажет, что он не игрушка Очалла...

Теперь её прервал Рамсей.

— Ваше царственное великолепие, — он воспользовался её титулом, — я не игрушка — ни мужчины, ни женщины. И мои решения принимаются мной свободно. Но так как я участвую в вашей игре невольно и пока не очень многое знаю, я воздерживаюсь от принятия окончательного решения.

Он поклонился ей и Текле, не обращая внимания на шамана и Бертала, который преградил было ему выход, но, посмотрев в глаза Рамсею, передумал. И вот, оставив их размышлять над его декларацией независимости, Рамсей вышел из зала приёмов.

Он не знал, где во дворце могут находиться покои

Каскара. Но от унижительных поисков его спасли ждавшие снаружи Джасум и двое видинских стражников. Рамсей подумал, что они решили охранять своего признанного предводителя. Под их охраной он прошёл в богато меблированную комнату, похожую на ту, в которой произнёс, запинаясь, первые слова в этой жизни.

Он вежливо отпустил своих верных людей, желая остаться в одиночестве. Где сейчас Очалл, что делает верховный советник? Если бы только у него, Рамсея, был здесь человек, которому он мог бы доверять! Императрица почти пообещала поддержать Каскара... можно ли полагаться на это обещание? Вряд ли. Он должен был извлечь урок из предыдущего предательства. И быть императором — он никогда не собирался им стать.

На столе Рамсей обнаружил поднос. На нём стояли запечатанная хрустальная бутылка с тонким горлышком, такой же кубок и тарелка с печеньем. Рамсей опустился на груды подушек, которые здесь служат стульями, и с аппетитом принялся есть, неожиданно поняв, что не ел уже очень давно. Конечно, он предпочёл бы более питательную пищу, но ему хотелось подумать и потому он не стал звать слуг.

Проглотив печенье, он с большей осторожностью прихлёбывал напиток. Затуманивать сознание сейчас было бы совсем ни к чему. За окнами потемнело. В углу на столике горела только одна лампа. Свет её был ограничен, и Рамсей сидел в сгушавшейся тени.

Над глазами заболело. Он устал, так устал... пытаться разобраться в многочисленных впечатлениях дня — просто невыполнимая задача. С чего началось всё это невероятное приключение? Почему?

Сны...

Никакой сон не может быть таким невероятным.

Рамсею ужасно захотелось проснуться, понять, что всё это длительное приключение порождено лишь его воображением. Сон... Просвещённые велели ему видеть сны.

Предположим, он сейчас уснёт и проснётся в реальном мире. Несмотря на все доказательства, которые ему представили... может, это такая же ложь, как и другие их слова и дела.

Нет! Он не мог позволить обезоружить себя. Рамсей распрямился, быстро осмотрел комнату. Ему хватило лёгкого намёка, чтобы насторожиться. Очалл... Возможно, верховный советник сейчас пробует на нём какое-то своё средство, чтобы заставить мыслить, как ему нужно. А ему требуется иметь дело с реальностью, не позволять увлечь себя в мир снов.

Во дворце Лома ему некому доверять. Во всём этом мире у него есть только...

В сознании Рамсея появилось лицо — Дедан! Капитан наёмников лишился своего вольного общества. Если он выжил после ужасных ран, у него теперь нет никакого занятия. Дедан...

Мысль о вольном капитане подействовала возбуждающе. Рамсей кивнул, хотя никто не видел этот жест одобрения. Следует послать за Деданом, связаться с ним через Просвещённых... Рамсей остро ощущал потребность в товарище. Дедан к тому же может стать свидетелем Рамсея против Очалла. Следовательно, посылать за ним нужно в тайне. А кто лучше Оситеса сохранит тайну?

Он должен...

Снова Рамсей напрягся. Он не слышал, как открылась за ним дверь. Но охотничий инстинкт, обострённый обстоятельствами, подсказал ему, что он больше не один. Юноша повернулся, чтобы из тени увидеть, кто пришёл к нему молча и, вероятно, по важным причинам, тайно.

Глава 16

Она приближалась, закутанная в плащ и вуаль. Но он узнал девушку. Именно так она была одета, когда

склонилась у гроба мёртвого принца, воскресшего человека.

Рамсей встал.

— Что тебе нужно? — голос юноши прозвучал резче, чем он рассчитывал. В прошлом герцогиня проявила себя по-разному: вначале забота о нём, причины которой он так и не понял, потом ложная забота, когда она убедила его надеть маску кровника.

Текла остановилась у лампы и подняла свою длинную вуаль.

— Почему ты так сказал — что мы послали тебя на смерть? — просто спросила она.

Он удивился, зачем Текла пытается сохранить маску невинности или неведения.

— Потому что это правда.

Девушка подошла ближе, она пристально смотрела на него.

— Я вижу, что ты в это веришь, — сказала она. — Но почему? Императрица, Оситес, они так не делают...

— Сделали, — напомнил он ей. — Вспомни о Каскаре... и обо мне. Разве мы не должны были умереть под действием машины Мелколфа? Какую цену имеет моя жизнь по сравнению с их нуждами? Тем более сейчас, когда само моё присутствие в Ломе срывает все их планы?

Под тёплой коричневой кожей Текла вспыхнула.

— Они... тогда они тебя не знали. Ты был абстракцией... чем-то далёким... нереальным...

— А когда из-за какого-то недосмотра стал реален, то представляю теперь тем большую угрозу, — возразил Рамсей. — Разве не так? Я кое-что узнал, миледи герцогиня: ваша сила в долге, и ему вы готовы всё принести в жертву. Разве это не правда?

— Это правда, — без выражения ответила она.

— Поэтому, как потребовал долг, ты придумала правдо-

подобную историю, и остальные одобрили её. Неведомый кровник, приконченный в гавани известным наёмным убийцей. Такое происшествие не вызовет официального расследования — а я буду легко устранин.

— Нет! — протест её был быстрым и горячим. — Всё было не так! Я... я унижаюсь, когда прихожу сюда и прошу меня выслушать... — она вздёрнула подбородок. И завернулась не в вуаль, а в прирождённую властность.

— Только потому... — Текла помолчала и продолжила, выпрямившись, со сверкающими глазами: — Только потому, что не хочу пятна на Олироуне. Я ведь из Олироуна, если ты можешь это понять. Поэтому я здесь. Нападение на пристани не мы спланировали...

— Кто же тогда? — быстро спросил Рамсей, когда девушка снова умолкла.

Ей, казалось, не хотелось отвечать. Юноша видел, как она сжала руки, смяла край вуали.

— Не знаю точно и не хочу никого обвинять напрасно... — медленно ответила Текла. — Но клянусь чем хочешь, императрица, Оситес и я — мы не посылали тебя на смерть. Не знаю, через что ты прошёл потом. И вот ещё, что ты можешь сам проверить: стражник, который должен был отвести тебя на корабль, во дворец не вернулся. Лазутчики её великолепия приложили массу усилий, но даже они не смогли найти его.

— Ты и в этом винишь Очалла? — сейчас Рамсей был почти убеждён, что Текла не участвовала в направленной против него интриге. А может, он просто хотел в это верить.

Кто ему эта девушка? Он не мог бы честно ответить. Текла, с тяжким бременем правления целым государством, не была похожа на знакомых ему женщин. И всё же, несмотря на это довлевший над нею долг, несмотря на все их различия, Рамсей понял, что с тех самых часов, как она

укрыла его в своей спальне и помогла бежать, его тянет к ней.

— Очалл? — Текла удивлённо произнесла имя верховного советника. — Нет, он не захотел бы смерти Каскара.

— Он знает, что Каскар мёртв, — сообщил ей Рамсей. — Хотя и принял меня в качестве Каскара, — теперь он был в этом так же убеждён, как если бы своё мнение подтвердил сам верховный советник.

Текла кивнула.

— Он, несомненно, хочет сделать тебя своим ручным Каскаром. Теперь твоя жизнь для него ценнее любого сокровища...

— Итак, перед нами загадка, — настаивал Рамсей. — Если не императрица организовала нападение, если Очалл не хочет моей смерти, кто же остаётся?

Девушка молчала, губы её были упрямо сжаты. Рамсей подумал, что больше она ему ничего не скажет. Но он жаждал узнать — почему-то он был уверен, что Текла искренна, — кого она заподозрила.

Кто выигрывает от смерти второго Каскара — и кто вообще знал о существовании второго Каскара? Текла, Гришильда, императрица, Оситес — и Мелколф!

Учёный готов был убить его на месте, обнаружив в лаборатории. Но с коварным нападением в гавани Рамсей почему-то Мелколфа связать не мог. Но Мелколф мог рассказать о нём — кому?

Оставался только один человек — Бертал! Но вспомнив безрассудное поведение принца, когда тот бросил ему вызов, Рамсей посчитал его не способным на такой сложный заговор. Гораздо более вероятно было бы открытое нападение под предлогом какого-нибудь дворянского обычая — как сегодня, когда схватку перед всем Ломом сумел предотвратить лишь Оситес.

Последняя мысль заставила Рамсея задуматься. Просве-

щённые? Однако у него создалось сильное впечатление, что хоть они и могут отстраниться и допустить, чтобы смерть нанесла удар человеку, если посчитают это необходимым, всё же сами организовывать убийство не будут.

Внимательно наблюдая за Теклой, Рамсей наконец сделал выбор и произнёс вслух два имени, надеясь, что девушка каким-нибудь образом покажет, правильна ли его догадка.

— Бертал — и Мелколф?

Увидев, как она побледнела, юноша понял, что получил ответ.

— Бертал хочет власти над Уладом, — продолжал он. — Мелколф — вероятно, он недоволен неудачей эксперимента и хочет уничтожить его результаты...

— Я этого не говорила! — ответ пришёл слишком быстро. — Только... будь осторожен, Каскар... — впервые она воспользовалась этим именем. — Я знаю вот что: императрица приказала уничтожить обменник. Но Мелколф исчез, и никто не может его найти. С собой он прихватил приборы, действия которых не понимает даже Оситес. Он знал... знает гораздо больше из Древних Знаний, чем мы полагали.

Только этого ещё не хватало, мрачно подумал Рамсей. Негодующий Мелколф, скрывшийся с несказанным, невиданным и страшным знанием, которое может оказаться гораздо ужаснее того, что предлагают на рынке торговцы с севера. Мысль его устремилась дальше, и Рамсей почувствовал, как холодок пробежал по спине. У Мелколфа может быть теперь только один покупатель — Очалл! В своём нынешнем настроении к этой тёмной компании вполне может присоединиться и принц. Он готов заключить мир с врагом Улада.

Рамсей не просто догадывался. У него появилось странное ощущение, что именно так всё и произошло. Он поверил в это, хотя и не мог бы объяснить почему.

Если императрица, как и пообещала, поддержит Каскара-Рамсея, чтобы не вызвать раскола страны, — да, Бертал, под влиянием ненависти и сознания несправедливости по отношению к нему, запросто может заключить союз с Очаллом. Эх, если бы у самого Рамсея было, на кого опереться...

Вдруг Рамсей понял, что ходит взад и вперёд по комнате. Текла внимательно следила за ним. И когда их взгляды встретились, она заговорила.

— Ты получил предсказание Эдайс. Больше Просвещённые тебе ничего не сказали?

Дедан... сны... Он покачал головой. Почему он начинает верить в невозможное? Может, потому, что здесь вообще отказывает логика его мира.

— Так тебе ничего не говорили? — Текла, должно быть, приняла покачивание головы за ответ.

— Кое-что сказали, — ответил он с отсутствующим видом. Потом повернулся и пристально взглянул на девушку. Поможет ли ему Текла? Уснуть здесь, без охраны? Он чувствовал опасность, словно зловоние.

— Я должен уснуть... — сказал он ей, — и увидеть сон...

Рамсей увидел, как она плотно сжала вуаль.

— Тебя не должны потревожить, — твёрдо заявила она, словно сразу поняла, что он предлагает. — Спи... я подожду.

И Текла подошла к двери и своей рукой закрыла её на засов. Рамсей в последний раз подумал, может ли доверять ей. Должен — в конце концов цели их очень близки.

Он лёг на диван и закрыл глаза. Сон — на этот раз он не будет вспоминать старые сны, чтобы оживить их впечатления, припомнить нужные факты. Теперь он сам попытается вызвать сон, рождённый его собственными нуждами и желаниями. Но как это сделать, Рамсей не знал.

Дедан — он мысленно увидел вольного капитана. Не

таким, как в последний раз, на носилках, но как наёмника во время их первой встречи, уверенного, полного жизни и стремлений. Дедан — он сосредоточился на этом создании своего разума — Дедан!

Рамсей целиком сконцентрировался на сотворении Дедана. Видит ли он уже сон — или просто напрягает воображение? Он не смел мешать себе собственными мыслями... Дедан! Прилагая почти физические усилия, юноша стремился удержать в сознании этот образ, дотянуться до того, кого он символизировал. Дедан!..

И вдруг Рамсей... оказался... повсюду! Не в каком-то отдельном помещении, как в Роше Просвещённых. Нет, это состояние не походило ни на что ему знакомое. Появилось сильное острое ощущение, словно он прорвался сквозь какую-то преграду...

А за преградой... пустота...

И вдруг из этой пустоты, как растение из земли, появился — Дедан! Вначале он был таким, каким и представлял его себе Рамсей. Но капитан не отвечал. Глаза его были закрыты, он как кукла... статуя...

Дедан — мёртв?

Сосредоточенность Рамсея нарушилась. Фигура начала расплываться. Нет — «Дедан!»

Настойчивая мысль была сродни крику, призывающему того, кого он ищет. На лице, лишённом всяких чувств, медленно поднялись веки. Это было какое-то не земное лицо. Глаза живые, а лицо нет.

«Дедан, ко мне! Ко мне, в Лом!»

Рамсей лихорадочно устремлял мысль, боясь в любое мгновение утратить контакт, если таковой установился. Он увидел, как раздвинулись бледные губы вольного капитана, произнесли слова, которые он не смог услышать. Он пытался уловить ответ. Но видел только движения губ. А потом...

Пустота неожиданно изменилась. В неё вонзилась чуждая преграда, облако — Рамсей не знал, что это такое, но видел, как там что-то движется, прислушивается, это что-то было поражено его вторжением. И юноша отпрянул от этого. Воля его дрогнула; он должен был скорее уйти, не видеть, что выходит из этой пустоты.

Желание бежать стало таким же настоящим, как стремление достичь Дедана. Рамсей тяжело дышал; он рвался, вырывался... высвободился. И проснулся.

По-прежнему только одна лампа разгоняла мрак. Но если в первый раз он проснулся и ощутил подавляющий всё на свете запах цветов, то сейчас он почувствовал другой аромат, более тонкий и ускользающий. Но вот его руки кто-то коснулся, сжал, как будто вытягивая к безопасности; этот мягкий контакт — его якорь в реальности.

Руки принадлежали Текле. Она сидела рядом на подушке и внимательно смотрела на него. И когда поняла, что Рамсей её узнал, в глазах девушки появилось облегчение.

— Ты видел сон, — не вопрос, но утверждение.

Рамсей ответил хрипло, рот его пересох от страха, испытанного в последние мгновения в пустоте:

— Я... не знаю. На этот раз всё было по-другому.

Но теперь у него должно появиться доказательство. Если Дедан придёт, Рамсей будет знать, что и он обрёл некоторый контроль над этой странной способностью — над этими «снами».

— Кто такой Дедан? — спросила Текла.

Рамсей приподнялся на локте и пристально посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?..

— Ты называл это имя, — быстро ответила девушка, не дав ему закончить вопрос.

Он звал вслух! Но ведь во сне... это видение... он посылал только мысль. Реальное... нереальное... Рамсей снова пока-

чал головой, пытаясь отбросить окутывавшее его оцепенение.

— Он... он был вольным капитаном, командиром наёмников. У него появятся все основания ненавидеть Очалла, когда он узнает правду. Если я смог вызвать его...

Он слишком много говорит. Зачем давать знать Текле и остальным в Ломе, что ему нужна поддержка, нужен человек, которому он мог бы безоговорочно верить?

— Любой враг Очалла сейчас полезен, — ответила Текла. Она встала с подушек, как будто снова завернулась в плащ гордости и достоинства. — Надеюсь, он откликнется на твой призыв...

Каким-то образом девушка сразу отдалилась от него. Снова завернула голову и плечи в вуаль. Между ними опять возникла преграда. Рамсей не высказал свои сомнения вслух. Но, наверное, она каким-то образом догадалась: наёмнику, вольному капитану Рамсей доверяет больше, чем всем остальным в Ломе.

И прежде чем Рамсей смог разобраться в путанице своих мыслей, поблагодарить девушку за помощь, Текла подняла затвор на двери и исчезла. Он приподнялся на диване. Испытывая почти такую же слабость, как в тот раз, когда Просвещённые завлекли их в Роцу, встал на ноги. Шатаясь, прошёл по комнате, чтобы снова закрыться. Текла пришла к нему без предупреждения. Кто ещё может бродить по коридорам дворца в поисках частной встречи с Каскаром?

Голова болела, Рамсея тошнило. Он ошупью вернулся к дивану, опасаясь упасть. Мелколф... Бертал... Очалл... Эти имена преследовали его и в тревожном сне.

Проснулся он с ощущением почти полной потери ориентации. Слышались какие-то удары... голоса... Он двигался неуверенно, тело затекло, болело. Шум продолжался. Рамсей повернул голову. В окна пробивался дневной свет,

но неяркий: окна были затянуты занавесями. Дверь по-прежнему была закрыта на засов. Шум доносился из-за неё.

Слов юноша не различал, но почувствовал, что те, за дверью, торопятся. Встав одним рывком, Рамсей с облегчением обнаружил, что тошнота, о которой он смутно помнил, исчезла. Он смог уверенно подойти к двери и открыть её.

На мгновение ему показалось, что на него нападают, потому что снаружи трое охранников стояли спиной к двери. Джасум в видинском мундире возглавлял стражу, а перед ним шумели двое, одетые по-другому. Увидев Рамсея, эти двое отступили, отдали воинское приветствие. Значит, это не дворцовый переворот.

— В чём дело?

Джасум быстро повернулся, отсалютовал.

— Ваше верховное могущество, эти люди говорят, что у них очень важные новости. Они должны поговорить с вами. Но нельзя, чтобы к императору вторгались люди не из Улада без предупреждения, без сообщения, по какому они делу. Даже если они из Олироуна.

— Из Олироуна? Пропусти их — одних! — добавил Рамсей, увидев, что Джасум собирается играть не только роль привратника, но и телохранителя.

— Как приказывает император, так и будет! — ответил офицер, но отступил он с беспокойством на лице. И с неохотной медлительностью закрыл дверь за вошедшими посыльными из Олироуна. Может, Джасум — человек Очалла? И снова мысль, что он не может никому здесь доверять, встревожила Рамсея.

Как только дверь закрылась, он повернулся к вытянувшимся солдатам Олироуна.

— Каково ваше сообщение?

— Ваше верховное могущество, наша госпожа! Её не могут найти... и ещё...

Рамсей напрягся.

— Не могут найти? А что говорят её женщины... леди Гришильда?

— Ваше верховное могущество, леди Гришильда крепко спит, и никто не может разбудить её. Призвали преподобного Оситеса и...

— Пошли! — Рамсей не стал тратить времени. Один из стражников подскочил к двери и распахнул её, едва не уронив Джасума, так близко стоял тот к двери.

— Следуйте за мной, — приказал Рамсей и заторопился вслед за олироунцами. Если это продолжение дворцовой интриги, он разберётся немедленно! Больше не будет спокойно принимать тайну за тайной. Но у него усиливалось предчувствие, что это не дело рук Теклы. Не в её привычках поднимать весь дворец на ноги, заставлять проводить обыск.

— Когда это обнаружили?

— Госпожа должна была явиться на аудиенцию к её царственному великолепию. Но она не пришла на встречу и не прислала никакого сообщения... Её царственное великолепие спросила о герцогине. Дверь комнаты госпожи была прочно закрыта. Никто не отвечал на наши призывы. Тогда Фентвер... — говорящий указал на второго стражника, — спустился с балкона верхнего этажа. Он увидел леди Гришильду на полу, она крепко спала. Постель госпожи была пуста. Никаких следов того, что случилось с леди Теклой не обнаружили, но и никакого другого выхода из комнаты нет, кроме двери, которую мы охраняли, и балкона. Мы не верим, что госпожа могла уйти через балкон...

«Нет никакого выхода», — думал Рамсей, переходя почти что на бег. Но Текла приходила к нему, и ему показалось, что никто, кроме, может быть, Гришильды, не знает об её визите. Мысль о том, что Текла могла как-то опоить или иным способом лишить сознания свою старшую служанку, Рамсей сразу отбросил. Слишком девушка ей доверяла.

Но это означает, что Текла не вернулась к себе после

ухолз от него... И почему-то он был уверен, что Гришильда ничего не сможет рассказать. По крайней мере, не сейчас.

Он снова вспомнил своё первое пробуждение. Текла тогда каким-то образом загипнотизировала стоявших у гроба стражников. Говорят, девушка обладает природным даром, каким обладают Просвещённые. Но Гришильда... может, она просто исполняет приказ своей молодой госпожи?

Нет, хоть он совсем недавно познакомился с ними, но знает: отношения у госпожи и служанки другие. Оситес? Он тоже обладает «силой», которую так трудно определить, большинство придворных его побаиваются. Но для чего ему это?

Очалл? Порабощение Каскара приписывалось какому-то его сверхъестественному воздействию. Очалу нужен Олироун, нужны его руды... Где сейчас Очалл?

Они прошли одним коридором, другим, свернули в третий. Посредине третьего коридора была распахнута дверь, которую он сразу узнал. Текле снова отвели те же помещения, в которых она в первый раз скрывала его. Тут толпились ещё стражники, некоторые в мундирах Олироуна, другие — с орлом дворца. Они расступились, увидев Рамсея. И он через наружную комнату прошёл в спальню Теклы.

На диване у стены лежала Гришильда, около неё стоял шаман. Когда Рамсей вошёл, Оситес поднял голову,

— Ну?

Шаман покачал головой.

— Не понимаю, верховное могущество. Леди Гришильда в Глубоком Сне. Считается, что его могут достигнуть только посвящённые в это искусство. Её нельзя разбудить. Она сама проснётся в назначенный час. А каков этот час, мы не знаем...

Его озабоченность казалась искренней. Но Просвещённые — мастера обмана. Однако Рамсей не видел, что выигрывает обманом Оситес.

Обладает ли шаман умением читать мысли? Потому что Оситес пристально взглянул на Рамсея и уверенно добавил: — Верховное могущество, это не дело товарищества Роши. Скорее хитрость, направленная на то, чтобы поверили в нашу вину... чтобы ослабить доверие между теми, кто должен быть союзниками...

Логично, соответствует здравому смыслу. Но у Рамсея оставались сомнения. Всем известна репутация Просвещённых: они выступают против любого своего союзника, если он мешает их планам. Поэтому к любой клятве Оситеса всё равно следует относиться подозрительно.

Рамсею подумал, что сейчас возможно только одно. Он повернулся к сопровождающим, стражникам Олироуна и дворца.

— Я хочу, — мрачно приказал он, — чтобы дворец обыскали. Обыскали так тщательно, чтобы ни одна муха на стене не осталась незамеченной. Допросить всех до единого. И всякого, кто видел или слышал что-нибудь необычное, привести немедленно ко мне, сюда, в апартаменты герцогини. Начинайте немедленно!

Существуют определённые преимущества в положении Каскара, и он ими воспользуется. Стражники, отдав честь, разошлись. Когда они ушли, Рамсей снова обратился к Оситесу.

— Очалл, Мелколф, Бертал? — имена, которые преследовали его во сне, с готовностью всплыли на поверхность. Но людей нельзя арестовывать на основании только подозрений. А Теклу не найти простым перечислением врагов.

Он смело назвал двоих принадлежащих к партии самого Оситеса. Однако шаман не удивился.

— Нам нужно что-то большее, чем просто подозрения... — теперь, когда они остались одни, отметила какая-то часть сознания Рамсея, Оситес обходился без пышного титула.

— Мне сказали, что Мелколф не только исчез, но и

прихватил с собой неведомые другим знания. Бертал хочет править. А Очалу нужен не только Улад, но и Олироун. Если они договорятся с Теклой... или заставят её выйти замуж за Бертала...

— Это невозможно — я имею в виду брак, — пока в Уладе другой император, — ответил Оситес. — Такой союз будет недействителен: она должна быть женой императора. Но они могут надеяться договориться, да. И правда, что мы не знаем всего, что известно Мелколфу, и чем он может воспользоваться. Торговцы с севера имеют дело с древним оружием. Но Мелколф искал и другие забытые знания. Считалось, что за Мелколфом хорошо присматривают в его поисках, но... — Оситес покачал головой. — Все могут ошибаться. А в данном случае ошибка превратилась в опасность. Мелколфа сейчас усиленно ищут, но мы знаем: то, что он узнал, опасно для государства Улад, а может, и для всего мира. Его ищут усердно...

— Может не хватить времени, — прервал священника Рамсей. — Очалу нужны были только пять дней — теперь осталось четыре. А сколько дней понадобится Мелколфу, чтобы произвести что-нибудь похуже огнёмётов и ослепляющего тумана?

Он с силой ударил кулаком по раме двери. Текла. Он отпустил её в ночь. Она ушла, считая — он позволил ей так посчитать, — что он ей не верит. И теперь она исчезла, и никто не может её найти. Дворец может теперь походить на растревоженный муравейник, но он сомневался, чтобы удалось что-нибудь обнаружить.

Глава 17

— ..достойный принц прислал к нам собственного телохранителя, ваше верховное могущество. У телохранителя был перстень принца Бертала. Он сказал, что дело чрезвычайной важности, приказал нам подготовить к полёту флаер,

полностью заправить его. Мы не могли подумать, что здесь что-то неправильно.

Человек, вытянувшийся перед Рамсеем, явно нервничал. Это был один из служащих на посадочной площадке, где стоят частные флаеры династии и высших чиновников дворца.

— А когда появился принц? — у Рамсея сильно болела голова. Боль прямо-таки звенела в глазах. Он отхлебнул из стакана, который поставил перед ним Оситес. Рамсей почти не сознавал, что делает: он напряжённо пытался соединить сведения, которые поступали со всего дворца.

— Мы не знаем, ваше верховное могущество. Принц приказал, чтобы флаер подготовили к немедленному полёту и все от него отошли.

— А пилот?

— Принц часто сам водит флаер, ваше верховное могущество.

— И никто не видел, кто садился в машину? Мне трудно в это поверить, — Рамсей старался говорить спокойно, держать нетерпение под контролем. — Дежурные стражники должны присутствовать при взлёте?

Человек с трудом глотнул.

— Всегда присутствуют, ваше верховное могущество. Но... но принца Бертала такое наблюдение часто приводило в гнев. И он специально приказывал, чтобы стражников не бывало при его частных делах. Он говорил... что не даст возможности доносчикам вмешиваться... — человек теперь едва не заикался. — Поверьте мне, ваше верховное могущество, я лишь повторяю слова принца Бертала, сказанные несколько месяцев назад.

— Итак, флаер улетел, и вы не знаете, куда и кто в нём был, — подвёл итог Рамсей.

— Верховное могущество, мы подчинялись приказу. Мы должны поступать, как приказывают, — ответил человек.

Рамсей вздохнул. Служащий был прав, конечно. Но что-то здесь крылось... какое-то чувство... может, слишком прямой ответ. Поэтому так трудно его принять? Перстень Бертала и его приказ, которым следовало подчиниться. Влёт все видели, но кто улетел в ночь, неизвестно.

— Можешь идти, — бросил он служащему с площадки. Но прежде чем он с облегчением исчез, Рамсей обратился ко второму, который пришёл с ним:

— Можно ли проследить курс флаера?

— Нет, верховное могущество. Указатель курса не был включён. Так бывает. Летящие по частным делам часто нарушают правила.

— Особенно, если они важные лица, верно? — Рамсей позволил гневу окрасить свои слова.

Тот промолчал, и это уже был достаточный ответ. Рамсей потёр лоб. Комнату ярко освещало солнце. Он не мог определить, который час, но казалось, что со времени исчезновения Теклы прошло несколько дней.

В спальне под присмотром доверенной служанки самой императрицы по-прежнему спала Гришильда. Служанка сразу доложит, как только увидит первые признаки пробуждения. А что касается остального — что ещё они собрали?

Горстка сведений, которые никак не удавалось совместить. Улетел флаер... Нигде во дворце не могут отыскать Очалла... Стражник из второй башни доложил, что окликнул кого-то и с этого времени ничего не может вспомнить. Офицер нашёл его на посту, стражник был в состоянии, сходном со сном.

Очалл... Бертал... Мелколф... — никого из них найти не удалось. Рамсей медленно поднял стакан, неожиданно поняв, что делает, и допил до дна его содержимое. Напиток горчил, и это его слегка взбудило. Может, шаман пытается опоить его?

— Что это? — юноша посмотрел на Оситеса, который в свою очередь пристально смотрел на него.

— Всего лишь стимулянт, верховное могущество. И принесли еду. Ты не должен доводить себя до предела, когда мозг уже не сможет управлять телом. Если тело откажет, что ты сможешь сделать?

Рамсей откинулся в кресле. Больше свидетелей, ждущих допроса, не оставалось. Он сражался с усталостью, которая болью застряла в голове. Как результат раздражения от напрасных усилий.

Возможно, начинало действовать средство Оситеса. Боль в глазах явно ослабела. Неожиданно Рамсей понял, что голоден. Откинувшись головой на спинку кресла, он спросил:

— Что скажешь об этой путанице, Просвещённый?

— А ты что скажешь? — ответил вопросом на вопрос Оситес.

Рамсей нахмурился. Он пытался соединить обрывки, отвергнуть самые нелепые предположения. И у него теперь сформировалось подозрение, такое сильное, что просто так его не отбросишь.

— Кажется, — медленно заговорил он, — они сбежали, они могут быть даже за пределами Улада. Откуда начнём поиски?

Рамсей умолк, но Оситес ничего не сказал в ответ. Означало ли его молчание согласие с этими фактами или у шамана тоже возникло предчувствие, что слишком уж лёгкий вывод им подбросили, слишком прямой? Не в природе Очалла так прямо идти к своей цели. Рамсей не мог быть уверенным в собственных выводах, возможно, это были просто догадки, основанные на вере в собственную интуицию. Но он не смел также думать, что его утверждение верно, что нет надежды на преследование.

Что смогли они узнать об Очалле за эти часы терпеливых

и нетерпеливых допросов? Никаких свидетелей контактов верховного советника с принцем Берталом. Конечно, это вовсе не означало, что таких контактов не было.

Верховный советник сразу прошёл в отведённое для него помещение, в котором он всегда останавливался в Ломе. Даже своего личного слугу он отпустил. Того допрашивали особенно тщательно. Отпустил, сказав, что должен изучить документы, которые вскоре затребует новый император. Стражник поклялся, что Очалл не выходил из комнаты.

Эта клятва тоже ничего не означает. Рамсей помнил собственный опыт встречи со стражниками, находившимися под внушением. Когда Очала пришли звать на совещание по поводу исчезновения герцогини, его комната оказалась пустой.

Мелколф, последний представитель этого трио, по-своему мог быть так же опасен, как и Очалл. Он исчез первым, несколько дней назад. И существуют очень сильные доказательства его тесных связей с Берталом.

Рамсея вывело из задумчивости появление подноса с едой. Он ел быстро и скоро очистил все тарелки. Либо пища, либо стимулянт Оситеса придали ему новых сил. А вместе с тем снова появилась внутренняя уверенность в себе.

— Что взял с собой Мелколф? Инструменты, приборы, записи? — спросил он, отодвигая последнее блюдо.

— Все машины остались на местах, — ответил Оситес. — Исчез селектор обменника. И мы обнаружили, что исчезли записи об экспериментах. Их нет даже в двух тайниках.

— А сам обменник?

— Её царственное великолепие приказала уничтожить его. Я сам проследил за этим.

— Можно ли его восстановить? — настаивал Рамсей.

— Такая задача потребует значительных ресурсов... и времени...

— Но это можно сделать?

— Со знаниями Мелколфа — да, — подтверждение прозвучало весьма неохотно.

— Сможет ли Мелколф управлять им, как раньше?

— Нет! Один не сможет, — на этот раз ответ Оситеса пришёл немедленно и уверенно. — Машина производит сам обмен, но с её помощью нельзя найти соответствующую личность.

— Да, это должен делать ты своими силами, — согласился Рамсей. — Так что, если даже Мелколф восстановит свой обменник, он не сможет привести его в действие без тех способностей, которые применяет ваше товарищество. А оно поможет ему?

— Нет! — Оситес слегка наклонился вперёд.

— Ты очень уверен...

— Так провозглашено. Мы не хотим больше, чтобы неопределённость изменяла будущее.

— Хоть одного я добился своим существованием, — заметил Рамсей. — Тогда зачем Мелколф взял с собой самую главную часть обменника? — юноша встал. — Я думаю, что стоит осмотреть его лабораторию.

Интуиция призывала его к действию, как острый нюх собаки указывает на слабый, но различимый след. Он не мог отбросить мысль о том, что отлёт флаера — всего лишь завеса, хитрость, уловка. Она должна была убедить тех, что ищут, что беглецы вне пределов их досягаемости.

— Верховное могущество...

Рамсей какое-то время не мог понять, к кому адресован этот титул. Погружённый в размышления, он взглянул на замершего у дверей стражника.

— Да?..

— Пришёл человек. Он говорит, что его вызывали. Его доставили на флаере Просвещённых...

Так много событий произошло со времени последней

ночи, что Рамсей несколько секунд не мог сообразить. Дедан... Неужели?..

— Впустите его!

Стражник пропустил человека в простом костюме наёмника. Человек этот был бледен и отчасти утратил властную уверенность в себе. Лицо его словно постарело на несколько лет и претерпело ещё одно изменение; однако этим человеком с мрачным лицом действительно оказался вольный капитан.

Рамсей быстро подошёл к нему.

— Ты пришёл!

До этого момента он не верил, что встреча в пустоте принесёт какой-то результат.

Дедан ответил привычным пожатием плеч, но в этом не чувствовалось прежнего тепла.

— Пришёл, верховное могущество. Почему...

Между ними будто встала преграда. Глаза Дедана не были закрыты, как во сне Рамсея, но лицо замкнулось и разум, наверное, тоже. Он выглядел таким же напряжённым, как впустивший его стражник.

— Оставь нас! — приказал Рамсей стражнику. Только когда дверь закрылась, он заговорил снова, хотя его и утратила такая резкая перемена в человеке, который единственный мог быть его другом.

— Дедан, я сейчас говорю как Арлут. Ты хочешь отомстить человеку, который наслал на нас пламя? — пробьёт ли это обещание преграду между ним и вольным капитаном?

На мгновение лицо Дедана оживилось.

— Ты его знаешь? — вопрос прозвучал хрипло; Дедан ожил, словно только жажда мести могла прорваться сквозь наложенное на него облако ужаса.

— Знаю, кто и почему. Слушай... — Рамсей быстро пересказал, что узнал от Очалла — как общество использо-

вали в жестоком ужасном эксперименте по проверке нового оружия с севера.

Лицо Дедана снова застыло, только глаза на этом осунувшемся измученном лице пылали гневом. Когда Рамсей закончил, он коротко сказал:

— В этом деле можешь приказывать мне: я исполню!

— Тогда сделай вот что, — обрадовался Рамсей. — Мы ищем тайник, в котором могут находиться странные предметы. Мы надеемся, что он послужит началом следа, который приведёт нас к Очалу...

Оситес уже направился к двери.

— Ты что-то задумал, — сказал он Рамсею. — Ты больше не думаешь, что нам нужно искать флаер.

— Это только предчувствие, — Рамсей не мог объяснить, но предчувствие стало таким сильным, словно он нашёл железное доказательство.

— Предчувствие может оказаться ценнее любого факта, — ответил шаман. — Ты рыцарь снов, ты должен верить в свои предчувствия и сны.

Так Рамсей снова оказался в тайной лаборатории, которую в прошлый раз не сумел как следует разглядеть. Остальные толпились за ним. В лаборатории царил хаос. Очевидно, приказ императрицы выполнили тщательно и с готовностью. Машины, стоявшие аккуратными рядами, были разбиты, как будто их колотили с силой и яростью кузнечным молотом.

Пол усеивали обломки оборудования, осколки стекла, изогнутый металл, так что приходилось пробираться осторожно. Тем не менее осколки всё равно похрустывали под подошвами. Тот, кто тут действовал, постарался, чтобы ничего не сохранилось.

Оситес шёл впереди, подобрав полы одежды рукой, словно не хотел соприкосновения даже с обломками. Он провёл их мимо разбитого сплюснутого обменника, из

которого торчали сплавленные и оборванные провода, к дальней стене комнаты, у которой стояло несколько небольших шкафчиков.

Дверцы всех шкафчиков были раскрыты, они либо свисали на петлях, либо валялись, сорванные, на полу. Внутри спеклась почерневшая масса, пахнувшая химикалиями.

— Вот этого императрица не приказывала, — пояснил шаман. — Записи были уничтожены до того, как здесь поработали наши люди. А вот это, — он подошёл к концу ряда шкафчиков и показал на две пустые полки в стене, — вот эта часть для нас полная неожиданность. Мы об этом тайнике не знали.

После еды и после того, как боль в голове рассосалась, сознание Рамсея прояснилось. Словно он спокойно, без волнений и тревог, проспал всю ночь.

— Значит, нам неизвестно, что прихватил с собой Мелколф. А откуда он... откуда вы получили первоначальные знания, чтобы начать все эти исследования?

Впервые на лице Оситеса появилось выражение замешательства.

— Не все знания Великой Эры утрачены. Нашлись проникательные и предусмотрительные люди, организовавшие тайники. Эти тайники помогли выжить им самим и всей цивилизации. Некоторые из них мы отыскиали. Теперь я думаю, что Мелколф обнаружил в записях, которые мы ему передали, указания на другие тайники. Он их тайно разграбил. Слишком уж охотно он соглашался с нами.

— Но кто такой Мелколф? — спросил Рамсей.

Оситес ответил медленно и с явной неохотой.

— Он из Роши в Марретце. Не все ищущие пути Просвещения обладают нужным для наших целей характером. Но в то же время мы можем использовать их во внешнем мире. Поэтому, хоть они и не дают клятву, мы даём им возможность развить свои способности и работать

с нашим товариществом. Способности Мелколфа были направлены на работу с древним оборудованием, — Оситес рукой обвёл лабораторию. — Он оказался гением по способностям прочесть обнаруженные нами непонятные записи. Но мы не принимали его во Внутренний Круг.

Поэтому он оставил Марретц и долго странствовал. Наверное, в это время он и обнаружил какие-то тайники древних знаний. В Юри он встретился с охотившимся там принцем Берталом. В Лом его привёз Бертал. Мелколф сделал нам предложение... — Оситес покачал головой. — На её царственное величие оно произвело впечатление, императрица призвала меня. И мы решили, что во имя безопасности Улада... — шаман замолчал.

Долг моего товарищества — возродить цивилизацию, добиться, чтобы вернулось могущество нашего рода. В Уладе впервые появилось устойчивое правительство, воцарился закон. И мы должны были это сохранить. К тому же... мы получали доступ к древним знаниям, к чему тоже стремились.

— А кто предложил эксперимент с обменником: Мелколф или товарищество? — спросил Рамсей. Объяснение его немало удивило. Он не думал, что Оситес будет говорить так откровенно.

— Принцип действия обменника был нам известен, — ответил Оситес. — Мелколф оказался способен развить этот принцип. К тому же... — он пристально посмотрел в лицо Рамсею. — К тому же мы получили предсказание: нам следовало сосредоточиться на силе снов. Когда выяснилось, что сны и обменник действуют вместе... именно такое знание нам было нужно...

— Лорд император, — неожиданно в разговор вмешался Дедан, словно его подгоняло нетерпение действовать, — кто такой этот Мелколф, о котором ты говоришь? Он отдал приказ уничтожить наше общество?

— Нет. Но он — участник заговора, во исполнение которого был отдан тот приказ, — ответил Рамсей. Он стоял неподвижно, не отводя взгляда от уничтоженных записей.

Что-то мелькнуло... мысль... намёк? Точно так же, как он был убеждён, что Мелколф и Бертал остались в Ломе, так же росло новое предчувствие чего-то важного.

Он подошёл к первому шкафу. Подобрал с пола обломанный металлический стержень и пошевелил им влажную массу в шкафу, вызвав только сильное зловоние, заставившее всех закашляться. Он не обнаружил ничего, только убедился, что содержимое было систематически уничтожено. Словно в старой-старой детской игре, когда ищешь спрятанный предмет под выкрики «горячо» и «холодно». Только на этот раз выкрикивают не его спутники, предчувствие идёт изнутри, из сознания.

Эта часть лаборатории наиболее важная, Рамсей был уверен в этом. Он продолжал искать подтверждения своего предчувствия, сметал массу из шкафов на пол, вороша её стержнем, но ничего не находил. И только когда приблизился к двум потайным полкам, внутренний голос сказал ему: «горячо». Но тут ничего не было, даже остатков уничтоженного.

Тайник представлял собой узкое углубление на высоте примерно четырёх футов от пола. В нём две совершенно пустые полки. Рамсей постучал по ним — может, тайник внутри тайника? Но по стуку ничего определить было нельзя.

Он повернулся к Оситесу.

— Что за стеной?

Шаман покачал головой.

— Ничего. Это место давно известно, тут была сокровищница и тайная тюрьма во дни, восходящие к временам Галфера, когда Лом был столицей древнего королевства Улад.

Но предчувствие Рамсея не было удовлетворено. Где-то здесь находился ключ, который мог привести к Мелколфу. А Рамсей считал, что там, где Мелколф, там же Очалл, принц — и Текла.

Снова простучал он внутренности тайника. Сплошной камень задней стенки выглядел на редкость прочным, словно от века находился здесь. Он, конечно, может заставить слуг разбить эту стену и ничего не обнаружит. И всё же внутренний голос продолжал утверждать, что след начинается здесь.

— Я хочу... — он принял решение. — Эта стена должна быть снесена! Если в замке есть человек, хорошо знающий это здание, приведите его сюда.

Дедан в свою очередь осмотрел тайник.

— Лорд император... — также вооружившись обломком с пола, он тщательно, как перед ним Рамсей, простукивал внутренности тайника. — В камне никаких щелей. Если ты ищешь потайной ход, только огнемёты, которые уничтожили моё общество, способны его здесь проделать.

— Прodelать ход... — медленно повторил Рамсей. — Мы не можем тратить время. Нам нужно лишь узнать направление.

— И только ты можешь его отыскать, верховное общество.

Рамсей взглянул на шамана.

— Да, — кивнул Оситес, — только ты. Ты уже знаешь путь, по какому нужно идти.

Рамсей отбросил стержень.

— Я никому не позволю снова вмешиваться в свою жизнь! — мрачно заявил он.

— Это и не нужно, рыцарь. Сила принадлежит тебе, и только ты можешь ею воспользоваться.

Снова в пустоту? Но ведь его первая попытка привела к нему Дедана. Может, снова...

Он обратился к капитану.

— Ты знаешь, что мы ищем. Я говорю с тобой откровенно, Дедан. В этом дворце я не могу довериться ни одному человеку, за исключением тебя. Потому что наши потребности совпадают. Мы должны найти убийцу — убийцу не одного человека, а многих. Просвещённый считает, что, наверное, это можно сделать — и не с помощью огня или каких-либо инструментов. Если я начну такой поиск, будешь ли ты охранять меня? Не позволишь никому подойти ко мне?

— Лорд император, если след, который ты ищешь, выведет к убийце, я твой верный человек — на этот поиск!

Рамсей кивнул. Обещание прозвучало так же твёрдо, как клятва на крови, хотя и дал его Дедан, которого теперь Рамсей почти не знал.

— Это справедливо. Хорошо, шаман. Я пойду по дороге сна. Но и ты должен дать мне обещание — на том, что для тебя священо. Мне не потребуется твоя помощь — ни твоя, ни подобных тебе. Я сделаю это один и совершенно свободно или не сделаю совсем!

— Можешь считать, что оно дано, — ответил Оситес. — Ты переменный фактор. Мы, даже если бы захотели, не можем контролировать или направлять твоё будущее.

И хотя Рамсей глубоко не доверял шаману и ему подобным, он подумал, что этому обещанию Просвещённого можно верить, как и слову Дедана.

— Тогда давайте сделаем это... — он отвернулся от разграбленных шкафов, которые в его сознании продолжали оставаться дверью к чему-то, хотя он и не знал, как её открыть.

Они вернулись в комнату, где Рамсей ждал докладов обыскивающих дворец. Он увидел, что солнце уже почти село, на Лом быстро надвигалась ночь. И ночь казалась более подходящим временем для дела, которое он собирался предпринять.

Оситес отдал приказ, принесли ещё еды и питья. Рамсей знаком пригласил Дедана присоединиться, сам шаман лишь несколько раз отпил из небольшой, необычной формы бутылочки.

— Мы едим, чтобы набраться сил, — пояснил Рамсей. — Ты, Дедан, должен будешь дежурить всю ночь... или часть ночи. Сколько потребуется. Потому что я буду спать... и видеть сны...

— Сны?

— Истинные сны. Поверь мне, Дедан, в этих снах заключена истина. Я уже убедился в этом.

Вольный капитан задумчиво смотрел на него. На короткое время он словно забыл о своей одержимости.

— У тебя лицо Каскара, император, и ты, по-видимому, правишь здесь, в Ломе. Но сейчас ты говоришь о вещах, которые заботят только Просвещённых. Что ты за человек?

Рамсей рассмеялся. Возможно, Дедан, которого он знал, и не совсем умер. Встретившись с капитаном взглядом, он убедился в этом ещё больше.

— Это длинная история, друг, и поверить в неё нелегко. Но я не Каскар и не Просвещённый... Я — это я... может быть, я только вижу сны. А вот насколько они правдивы, я ещё должен установить. Тебе, Оситес, — обратился он к шаману, — я поручаю объяснить этому верному человеку, что то, что я собираюсь предпринять, может оказаться правдой.

Оситес отставил маленькую бутылочку, из которой отпил своё укрепляющее.

— Существует множество истин, — сказал он. — И есть тайны, которых лучше не касаться...

— Кроме тех, кто имеет на это право, — возразил Рамсей. В нём нарастала уверенность. Он собирался использовать средство Просвещённых, неудивительно, что шаман не очень доволен.

— Дедан, — Рамсей не стал ждать ответа Оситеса. — Вот что нужно сделать. Я должен спать... спать крепко, так что меня нелегко будет разбудить. В это время я буду видеть сны — и узнаю, как открыть дверь. Я знаю, что она где-то здесь. Ты должен охранять меня и не позволить никому разбудить преждевременно.

— Ты веришь, что сможешь это сделать? — удивлённо спросил вольный капитан. — Что ж, если это правда, я согласен...

Рамсей вытянулся на диване. От подушки под его головой исходил слабый аромат. Текла... как раньше сосредоточился он на Дедане, чтобы призвать наёмника, так теперь он устремил мысль к герцогине. Закрыл глаза и начал представлять себе Теклу, не такой, какой видел её в последний раз, когда между ними возникла преграда, но такой, какой была Текла в охотничьем доме под деревьями, свободная, смеющаяся над его ошибками в речи. Не герцогиня, погружившаяся в формальности двора, а девушка, какой он её помнит...

Текла... такой она была... такой всегда будет...

Глава 18

Рамсей летел — не во флаере, а так, словно свободно парил в воздухе; люди давно завидовали свободному полёту птиц, и многие поколения пытались ему подражать. Вначале вокруг была только пустота — отсутствие всего. Но вот из пустоты возникла тень, Рамсей устремился к ней, и тень постепенно приобрела материальность. Но это оказалась не Текла, как он надеялся.

Стена — один огромный блок на другом.

Рамсей висел в пустоте, глядя на эту преграду. Ни двери, ни трещины, ни щели. Воля его крепла, усиливалась, как и гнев, — он не собирался допустить такого лёгкого поражения.

Проход в стене должен быть, он в этом уверен. Есть путь...

В мире, который он оставил, он бы руками ощупал все блоки в стене. Сейчас же он использовал для этого волю, по очереди прилагая её к каждому блоку. Пройти сквозь них!

И вот при очередном ударе его воли в стене вспыхнули огоньки — не на одном камне, а на двух, расположенных один над другим. Огоньки казались отпечатками пальцев — пять вверху, пять внизу.

И когда вспыхнул последний, камни медленно, с огромной неохотой начали поворачиваться. Но повернулись. Он отыскал дверь и теперь пролетел в неё, абсолютно свободно. И вокруг больше не царила пустота.

Он оказался в лаборатории, почти такой же, как уничтоженная. Только эта была поменьше, не так загромождена аппаратурой. В самом центре стоял ещё один обменник, невредимый. Но в нём не хватало селектора.

Внимание Рамсея привлекло какое-то движение. Он различил четыре фигуры. Но не конкретные чёткие изображения, как в прошлых снах. Когда он постарался разглядеть их, фигуры начали расплываться. Рамсей изо всех сил сражался, он должен был увидеть...

Замелькали сполохи света, огонёк будто раскачивался, как маятник, висящий в воздухе. Рамсей мигнул. Он вспомнил — так Очалл раскачивал свой ключ. В этом качавшемся свете скрывалась опасность.

Он попытался не смотреть на него, заглянуть за этот свет, лучше увидеть туманные фигуры. Две из них всё время передвигались, но ему не было видно, что они делают. Как только он начинал сосредоточиваться, перед ним возникал качающийся свет. Рамсей начал терять силы, на секунду его воля ослабла.

Текла!

Она ли — одно из этих расплывчатых пятен?

И тут же он увидел девушку — сбоку, лицо её под его взглядом стало ясно видно. Лицо, такое же, какое было у Дедана в пустоте, — лицо, лишённое жизни. Только сейчас в ответ на его требование она не открыла глаза.

Мерцание прекратилось. Это насторожило Рамсея. Должно быть, они узнали об его вторжении и захотели, чтобы и он знал: у них в руках заложница. И тут, кроме лица Теклы, он увидел — ещё отчётливее — какой-то чёрный предмет...

Селектор, недостающий селектор обменника!

Угроза — или обещание? Рамсей понял: и то, и другое. Попытаешься найти лабораторию, найти пленницу — и она исчезнет — её постигнет та же участь, что и Каскара!

Тот, кто спланировал всё это, тот, кого закрывало мерцание... Рамсей продолжал видеть лишь то, что ему позволили, его должно было поразить увиденное. Он должен был раскрыться перед нападением — именно этого ждал противник, он провоцировал Рамсея всё-таки попытаться добраться до источника угрозы.

Из-за этого мерцания как будто видимым потоком исходило сильнейшее ощущение полной уверенности в себе. Разум и воля, скрывавшиеся за этим светом, считали себя неуязвимыми. Только этот разум будет выдвигать условия, все остальные должны им подчиниться.

Пусть верит в это!

Рамсей ослабил волю, отступил... И почувствовал торжество противника, тот устремился следом, как пёс, хватающий за ноги нищего, набрасывающийся на беспомощного. И снова повис он в пустоте, стена за ним закрылась.

Кое-что он узнал, хотя и недостаточно. Однако продолжать борьбу сейчас, когда он ещё многого не знает, — нет. Он снова расслабил волю — и проснулся.

Лицо Дедана. И Оситеса. Он вернулся. Но встать даже не пытался.

— Я знаю где... — медленно проговорил юноша.

— Да, но это мало чем нам поможет, — ответил шаман.

— Мы получили сообщение. Несколько минут назад проснулась Гришильда, вне себя от страха. Если мы не подчинимся их требованиям, герцогиня...

— Будет отправлена на смерть, — прервал его Рамсей. — И тогда они, несомненно, возьмутся за остальных. Там, за стеной, спрятан второй обменник. Они по-прежнему в самом сердце Лома, и у одного из них знания, равные твоим. Я думаю, это Очалл.

Оситес что-то сказал, но слова его были непонятны. Дедан просто смотрел Рамсею в лицо, глаза его сузились.

— Кто из них убийца? — спросил он, занятый своей мрачной охотой.

— Очалл. Но его взять будет очень нелегко, — Рамсей лежал неподвижно. — Шаман! — он произнёс это требовательно, как равный с равным. — Какая форма защиты от поиска во сне может скрываться в мерцающем свете? У тебя есть возможности Просвещённых, и ты знаешь достаточно, чтобы найти объяснение. Позволь предупредить тебя: вы в своих поисках снов затронули нечто, трудно поддающееся контролю, какое-то оружие, хуже тех, что поставляет север. И теперь оно попало в безжалостные руки, готовые использовать его.

Оситес, казалось, съёжился. Рамсею он всегда казался стариком; теперь же он выглядел сморщенным призраком по сравнению с Оситесом нескольких часов назад. Губы его дрогнули, как будто он хотел ответить, снова сжались; пальцами он лихорадочно теребил край мантии.

— Это... — голос его прозвучал вначале призрачным шёпотом, но постепенно стал сильнее. — Это запретные темы, а ты не из Роши. Я не могу открыть тебе, непросвещённому...

— Тогда готовься к тому, что ваше собственное оружие

обернут против вас же, — ответил Рамсей. — Думаешь, Очалл кого-нибудь из нас пощадит? У него есть собственная сила и тайна обменника. Будь готов к смерти, шаман. Потому что тебя считают самым сильным из оставшихся противников.

— У меня нет права, — ответил Оситес. — Я должен посоветоваться...

— А пока ты советуешься, — заметил Рамсей, — Очалл действует. Твоя тайна для него больше не тайна!

Дедан встал.

— Ты говоришь, лорд император, тот, кто сжёг моих людей, спрятался за той стеной? Тогда это просто. Мы снесём стену...

— Хотел бы я, чтобы это было так просто, — Рамсей устало повернул голову. Снова вся энергия покинула его. — Мы даже не знаем, какая оборона нам противостоит. Ты хочешь снова послать людей в огонь?

Дедан сморщился. Ударил кулаком по ладони.

— Так что же делать, лорд император?

— Торговаться... — начал Оситес.

— Нет! — ответил Рамсей. — Очалл использует это время для сбора сил. Он ничего не уступит, только будет играть с нами. Ты же знаешь его, шаман. Разве я говорю не правду?

Оситес молчал. Потом заговорил так, словно слова вырывали у него пыткой:

— Я нарушу клятву, если поступлю, как ты хочешь. Тебе этого не понять. Существуют великие дела, в которые люди...

— Ты сказал, — прервал его Рамсей, — что в планы вашего товарищества входит охрана благополучия Улада. Хорошо. Что станет с этим благополучием, если Очалл добьётся своего?

Лицо Оситеса потеряло угнетённое выражение; шаман

распрямылся, поднял голову, в нём снова ощущалась воля и решимость.

— Ты рыцарь, — сказал он. — Как рыцарь, ты обладаешь силой, какой нет ни у кого, даже у Посвящённых Роши. Но недостаточная вера в себя может тебя ослабить. Ты должен отдать предстоящей битве всё: тело, разум, душу. И правда такова, что ты можешь потерять тело и разум — насчёт души не могу сказать. Первые два для нас постижимы, а душа выходит за пределы нашего понимания.

Если ты готов всем этим рискнуть, то можешь одолеть Очалла. Но при этом нет никакой уверенности, что и ты не погибнешь. Я говорю это, потому что перед тобой опять стоит выбор. И только ты можешь его сделать.

Рамсей оторвал взгляд от искреннего лица шамана. Лёг и устался на потолок над собой. Полностью отдать себя — никогда в жизни не приходилось ему делать такой выбор. И эта окончательность вызывала сопротивление части его сознания. Полностью он не понимал предупреждение Оситеса, но всё равно его усталое тело охватил холод.

Когда он был провозглашён императором, он тоже сделал выбор, но тот выбор — лишь бледная тень по сравнению с этим. Он знал, что теперь возврата не будет...

Но ведь он уже и так далеко зашёл по этой дороге.

— Ты должен сказать... — говоря это, он не смотрел на шамана, продолжал смотреть вверх, — что мне нужно сделать.

— Ты должен противостоять Очаллу и как видящий сон и как бодрствующий, — ответил Оситес. — В обоих плоскостях ты должен сопротивляться его силе, верить в себя, чтобы одолеть его. И никто не сможет тебе сказать, как это сделать.

Рамсей приподнялся. Усталость тяжестью навалилась на него, и он снова потребовал у шамана:

— Мне нужны силы...

Оситес кивнул.

— Вначале объединись со мной! — приказал священник Дедану.

Шаман протянул руку, и Дедан с удивлённым видом взял её. Тогда Оситес склонился к Рамсею и пальцами другой руки коснулся лба молодого человека.

И Рамсей ощутил приток энергии, вначале медленный, потом всё более стремительный, этот поток вливался в его тело, прогонял вялость, которая охватила его после пробуждения.

Шаман разорвал контакт. Вставая, Рамсей знал, что готов к борьбе как никогда в жизни.

— В лабораторию, — он глубоко вдохнул. — Пусть придут стражники, которым ты больше всего доверяешь, — добавил он, обратившись к Оситесу. — А ты, друг, — он повернулся к Дедану, — стой у меня за спиной, с оружием наготове. Не стану отрицать: за этой стеной мы можем встретить смерть. Я не видел их оружия, а оно может быть ещё хуже того, чем в Яснаби.

Дедан в волчьем оскале обнажил зубы.

— Друг, — впервые обратился он с таким словом, как будто впереди их действительно ждал огонь. — Не трать слов на советы. Я готов, — и из-под груды подушек, на которой сидел, достал ружьё-игольник.

Снова по потайной лестнице спустились они во владения Мелколфа. Впереди Рамсей, рядом с ним Дедан, Оситес позади, а за шаманом отобранные им стражники. Рамсей сразу направился к тайнику с полками.

— Сорвите полки, — приказал он. Один из стражников с помощью металлических крючьев вырвал полки, обнажив древний камень за ними.

Рамсей закрыл глаза, вспоминая увиденное во сне. Вот так... и так...

Он вытянул руки, расставил пальцы. Только так можно нажать на тайный замок.

За стеной — живое-мёртвое лицо Теклы... угроза чёрного ящика. Рамсей боролся с этим видением. Он не должен был сомневаться, не должен позволить страху помешать, ослабить его волю.

На первый взгляд камень, который он выбрал, ничем не отличался от остальных, но пальцами он ощутил два ряда углублений. Нажать... Плоть его словно отшатнулась от грубого камня... Нажать...

Вместе со всей силой рук Рамсей напряг волю: ему показалось, что сопротивление камня подкрепляла другая, более тонкая материя. Как будто Очалл и другие воздвигают преграду своей силой воли.

Медленно, как во сне, камни повернулись, внутри показался свет. Рамсей приказал:

— Приготовьтесь!.. — он нажал в последний раз и отскочил в сторону, чтобы не попасть под действие оружия, которым могут защищать этот проход.

Но не последовало ни вспышки пламени, ни снаряда. Немного подождав, юноша осторожно снова подобрался к отверстию, наклонился и заглянул в него.

А там — нет, не пустота из его сна — какая-то дымка, не разбухший жёлтый туман, затянувший дюны Яснаби, но тоже непрозрачная.

Рамсей пробрался в отверстие и погрузился в эту дымку. На глаза он не мог больше полагаться, но у него имелся другой указатель. Какое-то неведомое чувство, то самое, что вело его во сне, говорило, что те, кого он ищет, здесь.

Выбравшись из отверстия, он остановился, подняв руки, чтобы предупредить нападение, медленно поворачивая голову справа налево. И тут же уловил мерцание, менее сильное, чем во сне, но всё-таки, как он догадывался, не менее смертоносное.

За этим мерцанием скрывался враг, считавший себя в безопасности. Что-то в мерцании говорило, что это оружие — одновременно и оборонительное, и наступательное. И Рамсею требовалось преодолеть эту неведомую силу, подавить сопротивление, предупредить нападение.

Он сделал в туман один шаг, другой. Идут ли за ним, он не знал. Все чувства юноши: пять телесных и одно новое, чувство сознания, — были устремлены вперёд, на то, что перед ним.

В тумане возникла какая-то фигура. И ещё Рамсею показалось, что он видит угол обменника. Но он не слышал ни звука. Если враги на самом деле скрывались здесь, они действовали как кошки: сидели неподвижно, ожидая, пока добыча подойдёт на удобное для удара расстояние.

Мерцание — оно играло с его сознанием, ослабляло волю. Существовал только один способ добраться до врага — выманить его из засады на открытое место. Туман клубился... Приблизилась к нему эта фигура или только показалось? Рамсей взглянул на край обменника, сосредоточился на нём, чтобы справиться с силами. И снова посмотрел на переливающуюся изменчивую фигуру, а та устремилась к нему, заглядывала не только в глаза, но в сам мозг, пыталась закатать в свою паутину, парализовать волю.

За этот свет, тянись за этот свет!

Он знал, что нужно сделать, но как достичь этого...

Рамсей отчаянно пытался разглядеть что-то за мерцанием, убрать его, не обращать внимания, как не обращают внимание на стекло окна. Он должен был разорвать это мерцание, но оно не давало ему сосредоточиться, и он видел только его. Во внезапном озарении Рамсей закрыл глаза. Видеть сон — приказал он своему сознанию — **ВИДЕТЬ!**

Повороты... раскачивания... углубления... Закружилась голова, волной выплеснулся страх. **ВИДЕТЬ!**

В эту мысль устремил он все свои силы.

За мерцанием — да! Теперь точно показалась фигура, смутно, её едва удавалось отделить от клубящегося тумана. Но она была там!

Потом...

— Умри!

Крик прозвучал не в ушах, но в сознании.

— Смотри — и умри!

Рамсей воспротивился этому удару.

— ВЫХОДИ! — приказал он. — Выходи, лицом ко мне.

Я рыцарь... — слова приказа приходили к нему непонятно откуда. — Я вне формы! КО МНЕ!

— Умри! — крик хлыстом алой ярости прорезал сознание.

— Я жив. Выходи... — все остатки воли вложил юноша в этот приказ, всю силу, всю личность и всю жизнь Рамсея.

Мерцание вращалось всё яростней. Но за ним... за ним теперь чётко обрисовалось лицо. Однако вовсе не то, что он ожидал увидеть. И эта неожиданность так поразила юношу, что он едва не допустил смертельную ошибку.

— Умри!

— Я жив! — ответил Рамсей, прежде чем противник смог воспользоваться его оцепенением. — Выходи!

Мерцание завертелось как сверкающее облако, но не могло снова скрыть лицо, как ни старалось. Последовала струя обезумевших огненных частиц, подобная взрыву.

— Не-е-е-ет! — крик, воспринятый сознанием, крик не ярости, а страха, страха, сопровождающего судьбу.

— Да! — держался Рамсей. Яростные частицы устремились в него. Он открыл глаза. Вот они, видимые зрению, как и во сне. Бешеный водоворот частиц охватил его. Но он смотрел сквозь него, не отрывая взгляда.

Огонь окружил Рамсея, обжигающий жар охватил его. Но он же не реален, надо только держаться за эту веру. А тот, кто напал...

Рамсей вслух произнёс имя.

Огненные частицы смахнуло, туман разорвался. Впервые он ясно увидел лицо врага. А в руке того...

Рамсей прыгнул мимо обменника, поднял и опустил руку. Ребро ладони с треском ударило по запястью.

Послышался крик боли, и селектор упал на пол. Противник со звериным криком вцепился в горло, его безумное нападение заставило Рамсея отступить, прижаться спиной к обменнику. Он упал на пол, смутив нападающего, услышал крик — предупреждение, хотя слов не разобрал.

Треск игольника заставил его оставаться на месте. В каких-то дюймах от его руки оказался прибор, который оживляет обменник. Кто-то над Рамсеем закричал. Рамсей бросился вправо, сжимая в руке селектор.

Снова раздался треск ружья. Рамсей вскочил на колени. Кто-то наклонился к нему с оружием наготове. У него было время только ударить прибором. Удар заставил нападающего вскрикнуть. Но одновременно удалось отвести и ствол оружия. И выстрел пришёлся в потолок, а не в лицо Рамсею.

Он ударил кулаком в живот, встретил напрягшиеся мышцы, получил ответный удар по скуле, который откинул его назад. Юноша поскользнулся и упал на лежавшее на полу тело.

И тут Очалл сдавленно вскрикнул, прижал руки к груди и опустился на колени, потом, сложившись, упал головой к ногам Рамсея.

— Довольно! — Рамсей лишь наполовину расслышал этот возглас. Голова его кружилась от удара верховного советника.

Вставая, он снова услышал крик. Но на этот раз не мысленный, а полнокровный звук. Повернувшись, он увидел — ясно, потому что туман разошёлся, — увидел прижавшегося к стене Бертала, тот сжимал Теклу, не

безжизненную, с пустыми глазами, пленницу, но гневную и яростную, вырывающуюся с такой силой, что принц не мог удерживать её, одновременно нацеливая оружие на Рамсея. В то мгновение как Рамсей посмотрел на него, он оставил эту попытку. И нацелил ствол оружия в лицо девушке.

— Только пошевелись, — тяжело выдохнул принц. — Дай нам свободно выйти, или клянусь кровью Джостерна во мне — я выстрелю!

Рамсей застыл. Он взглянул в сторону выхода. Там стоял Оситес, рядом Дедан с игольником, которым сразил самого опасного из врагов. Рамсей снова посмотрел на Бертала. В глазах принца пылало безумие. Он мог убить из одного страха.

И тут Рамсей использовал единственное оставшееся у него оружие. Вторично собрал он всю свою силу воли и стрелой направил её в разум противника.

Рот Бертала дрогнул, принц помотал головой. Но руки его бессильно упали. Текла вырвалась с такой силой, что сама едва не упала. Рамсей подхватил её и удержал.

— Взять его! — приказал он, и стражники встали по сторонам Бертала.

Когда принца увели, Рамсей взглянул на шамана.

— Мы ошибались. Скорее Очалл был его человеком, а не наоборот...

Ему по-прежнему трудно было поверить, что человек с такой уверенностью в себе, как верховный советник, обладающий такой сильной волей, мог подчиняться кому-то... какими бы необычными познаниями этот другой ни обладал.

— Не совсем, — Оситес склонился к телу у обменника, перевернул Мелколфа лицом вверх. — Я думаю, что они всё-таки были партнёрами. Мы считали Очалла хозяином из-за его поведения. Но не думаю, чтобы даже одержав

победу он легко правил в Уладе. С тем, что знал Мелколф... — шаман осторожно коснулся лба мертвеца. — Этот молодой человек знал так много, но ему всё было недостаточно. Он хотел всего, а в конце концов у него отняли даже то небольшое, что у него было, и он остался нагим в поднятой им самим буре.

Рамсей чувствовал, что Текла дрожит.

— Вы не знаете, что они планировали... — голос её тоже дрожал. — Они отправили бы вас... нас... всех, кто им противоречил, на другой уровень смерти. Он... — девушка посмотрела на Мелколфа и быстро отвела взгляд, — он хвастал, что может сделать теперь это и без снов. Он говорил... сны не могут сравниться с силой его машин...

— И он умер, — ответил Оситес, — потому что скорее поверил делам своих рук, чем тому, что у него внутри. Таков был Великий Грех Древних. Мы все склонны к этому греху — видимое ценить выше неизмеримого.

— Лорд император... — Дедан отбросил слова шамана, словно они не имели смысла. — Перед нами было трое. Кто из них приказал уничтожить моё вольное общество?

— Он... — Рамсей указал на Очалла. — Так он мне сам сказал.

Капитан подошёл и взглянул на верховного советника.

— Я прикончил его собственными руками. Я доволен, — проговорил он медленно, словно просыпаясь от кошмара.

— Мои товарищи могут спать спокойно.

— Ещё одно, друг, — добавил Рамсей.

Дедан посмотрел на него.

— Что именно, лорд император?

Рамсей кивком указал на обменник.

— Вот это... и любой другой аппарат, который здесь может быть найден. Проследи, чтобы больше ни один человек не пытался постигнуть эти тайны.

— Хорошо...

Довольный, Рамсей повернулся к двери, поддерживая Теклу, которая продолжала дрожать и спотыкалась на ходу. Девушка молчала, пока они не выбрались к обломкам в наружной лаборатории.

— Мелколф и Очалл... — в голосе её звучало удивление.
— Они... с ними покончено. А Бертал... что ждёт Бертала, Каскар?

Он заметил, как герцогиня назвала его.

— Его будут судить...

— Кто? — выбравшись из потайной комнаты, девушка словно вернула себе силы. Перестала дрожать, шла уверенней, но не пыталась освободиться от поддержки Рамсея.

— Ну, вероятно, те, кто судит в этом мире.

— Он королевской крови... судить должен ты, Каскар.

— Я не... — начал было Рамсей и смолк. Текла повернула голову и внимательно посмотрела на него.

— Кто ты не?... — спросила она, когда юноша долго молчал, неспособный закончить свою фразу.

— Не знаю, кем я не являюсь, но, может, немного знаю, кто я такой, — медленно проговорил он. — Когда-то я был одним человеком... теперь, кажется, стал другим.

Рамсей Кимбл умер. Он умер в своём теле, в своём времени и мире; сейчас он медленно умирал по-другому.

— Ты Каскар и будешь править Уладом, — негромко сказала Текла.

— Правда? Или человек, который слишком далеко зашёл в своих снах, чтобы вернуться?

— Если в твоих снах Улад, — уверенно ответила она, — значит, в них правда. Неужели сон о нас так жалок, что ты захочешь из него уйти?

Девушка подняла руку и провела пальцем по его щеке.

— Скажи мне, Каскар... рыцарь снов... неужели мы — такой бедный сон?

Рамсей крепче обнял её.

— Никогда...— сказал он с той же твёрдостью, с какой противостоял Мелколфу.

Текла негромко рассмеялась.

— Тогда, Каскар, продолжай видеть этот сон и никогда не пробуждайся!

— Да будет так! — губы их встретились, и Рамсей Кимбл умер окончательно.

МОХНАТАЯ МАГИЯ

Предисловие автора

У североамериканских индейцев из любого, какого ни взять, племени есть множество легенд о Препних, птицах и животных (причём все из них были гораздо более великими, чем те, кого мы знаем), кто жил ещё до того, как появился сам человек. Некоторые из этих существ, мохнатых или пернатых, обладали странного рода силами. Самым известным из них был Изменяющийся. По преданиям индейцев, живших в долинах, он чаще всего пребывал в образе койота, животного, у которого даже в наши дни отмечают больший ум и хитрость, чем у других животных. Перед другими племенами он представлял в облике Ворона или даже имел чешуйчатую форму какой-нибудь рептилии.

Одним из его множества имён было Хитрец: он любил устраивать различного рода шутки и обманывать своих приятелей. Изменяющийся столько же помогал, как и вредил, поворачивая течение рек на благо Препних, изменяя ради этого даже их земли. Ему подчинялись все силы природы. И абсолютно не похожие друг на друга племена индейцев соглашались в том, что именно он в конце концов создал и человека — одни утверждают, по какой-то причуде от безделья, другие — что он хотел создать нового слугу. Только вышло не так, как он задумывал.

В легенде говорится, что Изменяющийся, «перевернувший весь мир», сейчас пребывает вместе с индейцами далёкого Северо-Запада.

По другой версии утверждается, что он в конце концов открыто бросил вызов Великому Духу и с помощью Птицы-Громовержца (ужасной крылатой посланницы, самого великого из всех тотемов) был отправлен в изгнание. Но был также предопределён и день его возвращения. Когда он снова придёт, чтобы вернуть в мир былое. И тогда человечество исчезнет, и снова на земле станут жить одни лишь Препние, заполнив леса, прерии и пустыни, в которых не так давно человек охотился на них и почти всех истребил.

Дикая страна

Было слишком холодно и темно за окном, чтобы считать, что уже наступило утро. Эх, если бы он вернулся домой уже сегодня... Кори уселся на краю постели, держа в руке ботинок, который, как он не сомневался, был слишком мал для него, и принялся думать о доме. Именно сейчас ему так захотелось залечь где-нибудь под палящими лучами солнца во Флориде. Если бы всё оставалось как прежде, до того, как папа улетел со Спасательной Службой ВВС во Вьетнам! Тётушка Люси, наверное, готовила бы завтрак внизу на кухне и всё должно было быть... в порядке. Только папы рядом нет, он там, в месте, название которого Кори не мог даже произнести вслух, а тётя Люси ухаживает за бабушкой в Сан-Франциско. Так что пока Флорида — не дом для него.

— Кори!

Голос прозвучал негромко, и так же тихо постучали в дверь, однако Кори внезапно вздрогнул, очнувшись от своих грёз.

— Да, сэр, иду, дядя Джаспер! — как можно быстрее ответил мальчик и напялил сперва один ботинок, потом другой. Потом торопливо, хотя пуговицы не совсем свободно входили в отверстия, застегнул рубашку и заправил её в джинсы.

Ему очень хотелось закутаться снова в одеяла, может даже зарыться с головой в постель и забыть обо всём, что случилось вчера. Лошади...

Кори моргнул и потёр ноющие синяки. Скачки... По крайней мере хоть сегодня они поедут в джипе. Вот только сейчас ему не очень-то хотелось предстать перед очами дядюшки Джаспера, несмотря на то, что не было никакой надежды избежать этого. Мальчик сильно топнул каждым ботинком, из-за непривычного веса на ногах ему казалось, что он словно идёт на ходулях, настолько эта обувь отличалась от лёгких флоридских сандалий.

Лошади... Кори вчера узнал кое-что новое о себе, от чего сейчас, когда он открывал дверь и неохотно брёл к концу коридора этого огромного дома, обутые в ботинки ноги еле-еле волоклись по полу. Накануне он испугался, причём испугала его не только лошадь дядюшки Джаспера, которая, по утверждению того, была старенькой, ручной и вполне подходящей для начинающего учиться ездить верхом, но и... и вся здешняя местность — и, может быть, слегка — и сам дядюшка Джаспер.

Прошлой ночью он никак не мог уснуть и долго прислушивался ко всякого рода разным звукам. Конечно, снова и снова повторял себе Кори, он ничего не должен бояться. Но мальчик никогда не жил до этого на таких огромных открытых пространствах, где даже не было асфальтированных дорог, со всеми этими горами, вздымающимися прямо в небо. Здесь миля за милей тянулась одна только дикая глушь — высокая трава, которую никто никогда не подрезал, и огромные деревья, и... звери... Дядюшка Джаспер показал ему прошлым вечером след койота, совсем рядом с загоном.

Загон... Воспоминания Кори снова переключились на его поведение в загоне вчера после полудня. Такое кого хочешь вгонит в краску. Возможно, это действительно верно, как он однажды прочитал в какой-то книге, что животные чувствуют, когда ты боишься их. Потому что даже эта ручная и вроде бы старенькая лошадь встала на дыбы под ним. И... и у него так по-настоящему и не хватило мужества снова забраться в седло, когда дядюшка Джаспер вновь пригласил его это сделать.

Даже сейчас, хотя в этот ранний утренний час было довольно холодно, Кори бросило в жар при воспоминании об этом. Дядюшка Джаспер ничего не сказал. Фактически, он поговорил о чём-то другом, а потом отвёл Кори назад сюда, в этот дом и долго показывал ему все эти вещицы индейцев, что находились в огромной комнате.

Вещи индейцев... Кори вздохнул. Всю свою жизнь он гордился тем, что был знаком с дядюшкой Джаспером, даже хвастался об этом в школе и на встречах скаутов, похвываясь, что у него есть настоящий живой дядюшка-индеец, который служил вместе с папой в Корее и теперь живёт в Айдахо и выращивает аппалусских лошадей для родео. И вдруг дядюшка Джаспер ворвался в его жизнь как раз тогда, когда папе приказали прибыть на его корабль, а тётю Люси вызвали к бабушке. И он предложил взять Кори к себе на ранчо на всё лето! Рассчитывая чудесно провести время, мальчик с радостью согласился отправиться туда, ведь он столько читал о Западе — всё, что только ему попадалось, — хотя ему и трудно было расставаться с папой.

И вот теперь мальчик стоял на пороге комнаты, выглядывая наружу, где только что встало солнце, дрожа, напяливая на себя свитер. Теперь он хорошо слышал голоса людей, раздававшиеся рядом с джипом, и ржание лошадей в огромном загоне.

Лошади. Когда ты следишь за ковбоями по телевизору, то скакать на них кажется таким простым делом. А когда папа и дядюшка Джаспер как-то раз взяли его на родео — что ж, всадники там часто падали — но на то было легко смотреть издали, совсем не то, что самому попытаться проскочить в седле. И сейчас, стоило ему подумать о лошадях, как огромные копыта в воздухе, направленные прямо на него, поглощали всё его воображение.

— Кори?

— Иду, дядя Джаспер! — мальчик снова вздрогнул и побежал к джипу, решительно, без оглядки в сторону загона. Хотя он читал когда-то пару рассказов о коварных лошадях и пумах и...

Холмы уже темнели на сером фоне неба, когда он поравнялся с джипом. Дядюшка Джаспер говорил с мистером Бейнсом.

— Это Кори Олдер, — представил его дядюшка Джаспер.

Кори вспомнил о хороших манерах.

— Здравствуйте, сэр, — он протянул руку, как учил его папа. Мистер Бейнс показался слегка удивлённым, словно не ожидал этого.

— Привет, парень, — ответил он. — Хочешь посмотреть на табун, а? Ладно, запрыгивай.

Кори забрался в задок джипа, где большой кучей лежали два седла и прочее снаряжение для езды на лошадях, оставив для него совсем крохотное пространство. Два седла — не три — одно для дядюшки Джаспера, одно для мистера Бейнса... Мальчик почувствовал волну облегчения. Значит, дядюшка Джаспер не предполагает, что он сегодня будет ездить верхом на лошади! Они, наверное, направятся в лагерь, в котором разводят племенных жеребцов, и, возможно, он останется там.

Мальчик попытался найти что-нибудь, за что можно было бы держаться: дядюшка Джаспер не свернул на дорогу, ведущую к ранчо из города, а направил джип в сторону темнеющий гряды холмов прямо по весьма неровной целине.

Они подпрыгивали и подпрыгивали на ухабах, продираясь сквозь заросли шалфея, объезжая скалы, пока их чуть ли не выбросило в высушенное русло давно исчезнувшего ручья, теперь используемого в качестве дороги. И вскоре они услышали звук, похожий на рокот множества барабанов, который прорвался даже сквозь шум мотора. Дядюшка Джаспер остановил машину и повернул голову, прислушиваясь, так что серебряные диски на ленте его шляпы засверкали в разгорающемся свете утра. Потом он вскочил на ноги, держась одной рукой за раму ветрового стекла, и повёл носом так, словно нюхал ветер, пытаясь уловить какой-то запах с такой же настойчивостью, как и когда прислушивался.

Кори внимательно следил за ним. Дядюшка Джаспер был ещё выше, чем его папа. И несмотря на то, что он носил обыкновенную рабочую одежду ранчера, эта серебристая лента на его широкополой шляпе «Стетсон» и широкая цепочка лучника на руке заметно отличали его от мистера Бейнса. Хотя тот тоже был загорелым, почти таким же смутлым, как и дядюшка Джаспер, и с такими же чёрными волосами.

А потом Кори забыл о людях, сидевших спереди, когда увидел, за чем они следили, — скакавший галопом табун лошадей. Но этот безумный поток грив и хвостов пронёсся вдали от русла ручья, и Кори вздохнул облегчённо.

— Наверное, их спутнула пума, — сделал предположение мистер Бейнс. Его рука упала на винтовку, вставленную в скобу дверцы джипа, с лёгкостью человека, когда-то носившего такое оружие в седельной кобуре.

— Возможно, — согласился дядюшка Джаспер. — Нужно будет посмотреть, когда вернёмся назад... Хотя пума больше интересуется оленями.

Джип поехал дальше. Теперь Кори задумался о пуме, об огромной рычащей кошке, залёгшей в тени дерева или прижавшейся к камню на вершине скалы, вроде той, что находится вон там, прямо над ними, готовая спрыгнуть на свою жертву. Он читал о пумах, и о медведях, и о волках, и о всех прочих животных, когда с таким нетерпением дожидался приезда сюда.

Но то были только рассказы, а теперь он по-настоящему живёт на ранчо — и он напуган. Легко смотреть на рисунок пумы, но совсем другое дело — видеть настоящие тени и думать, что может прятаться там, среди них.

Кори неотрывно смотрел на скалистую гряду, поблизости от которой они сейчас находились, они и в самом деле подъехали слишком близко к утёсам. А что это за подозрительный буторок вон там; буторок, который может оказаться

пумой, готовой прыгнуть на джип? Пумы не бросаются на людей, мальчик знал это, но джип может показаться ей новым видом животного, может быть, чем-то чуть большим, чем олень?

И вся беда была в том, что Кори продолжал думать о подобного рода вещах всё время. Он знал и постоянно напоминал об этом себе, что всё прочитанное им в книгах — в основном достояние истории, равно как и были, которые рассказывал ему папа о тех временах, когда он сам служил вместе дядюшкой Джаспером, — и ничего этого не стоит бояться. Но вот мальчик первый раз в жизни попал в дикие земли, и эти тени оказались слишком реальны, и что-то вздрагивало у него внутри всякий раз, когда он вглядывался в них. Однако он должен быть осторожным и не позволить дядюшке Джасперу узнать об этом — после всего того, что случилось вчера в загоне.

Они без каких-либо происшествий миновали, подпрыгивая на кочках, ту подозрительную скалу, и джип выбрался вверх со дна русла ручья, чтобы вновь направиться по чрезвычайно ухабистой и изрезанной колеями дороге. Дядюшка Джаспер направил колёса в самую накатанную колею, и они поехали так; хотя их по-прежнему трясло, но теперь не так сильно. Уже совсем рассвело, и тени, где могло скрываться всё, что угодно, исчезли.

Если не считать эту колею, могло бы показаться, что они мчатся по стране, где не ступала нога человека. Кори увидел какую-то летевшую высоко в небе птицу и подумал с нервной дрожью, появившейся на этот раз не от страха, что это, наверное, орёл. Его пугали только звери, которые прятались на земле, а не птицы.

Изрезанная колеями дорога обогнула холм, и они остановились перед самой настоящей хижиной. Кори с удивлением понял, что она очень похожа на те, что показывают по телевидению во всевозможных вестернах. Щели

между брёвнами стен были замазаны глиной. Крыша, слегка выдававшаяся вперёд, прикрывала дверь из толстых досок. Ещё у хижины было два окна с открытыми ставнями. С одной стороны к стене примыкал загон, где паслось несколько лошадей. Там же каменная стенка высотой по колено образовывала бассейн, в который по трубе постоянно подавалась вода из ручья.

Кружок из старого пепла и почерневших от огня камней обозначал место, где разжигают костёр. На трёх камнях уютно устроился кофейник из глины, и огоньки пламени прыгали не слишком далеко от него.

Кори потянул носом. Внезапно он почувствовал сильный голод. А запах, поднимавшийся от кипящей жидкости в кастрюле, также поставленной на камни очага, был так аппетитен, что никто не устоял бы перед соблазном тут же отведать из неё. Человек, занимавшийся стряпнёй, присев на корточки, выпрямился. Кори узнал Неда Красного Ястреба, главного помощника дядюшки Джаспера, которого он видел два дня назад только издали.

— Жратва готова. Лёгкий завтрак, — так он приветствовал их. Ранчер снова наклонился, чтобы расставить алюминиевые тарелки, а потом махнул одной рукой в сторону поленьев, которые стояли на попа на достаточном расстоянии от костра.

— Пахнет отлично, Нед, — дядюшка Джаспер выбрался из-за руля джипа. Несколько секунд он постоял, глубоко дыша. — И отличное утро даже для этого высокогорья. Бейнс готов выбрать какого-нибудь жеребца для скрещивания.

— Лучше всего из табуна с альпийских лугов, — заметил Нед. — Сол утверждает, что они сейчас спускаются с Кинсо, переходя на новое пастбище. Вам лучше отправиться на осмотр где-то около полудня.

— Охотился, Нед? — дядюшка Джаспер кивнул в сторо-

ну ещё не лишившегося коры бревна, которое представляло собой опору для крыши крыльца хижины. Кори с удивлением увидел там лук со снятой тетивой, а под ним — колчан со стрелами. Конечно, он знал, что тот браслет, который носит дядюшка Джаспер, служил предохраняющей манжетой для лука, и он видел луки на вешалках на ранчо. Но он думал, что их используют только для стрельбы по мишеням. Неужели дядюшка Джаспер и Нед с их помощью по-настоящему охотятся, как прежде?

— Пуме понравился вкус жеребят. Хотя в округе много оленей, и ей нет необходимости гоняться за табунами, — сказал Нед. — Это огромная кошка, на передней лапе не хватает одного пальца, так что её след легко определить. За последний месяц нашли останки трёх или четырёх убитых животных, всех прикончила она, и двое из жертв — жеребят.

— Следует захватить ружьё, — прервал его мистер Бейнс. И вытащил из джипа винтовку, словно собирался немедленно отправиться на охоту за большой кошкой.

Дядюшка Джаспер рассмеялся.

— Ты ведь знаешь, что в округе говорят о нас, Джим. Что мы слишком прижимисты, чтобы покупать патроны. Но в действительности нам просто нравится охотиться с луками, что некоторым образом уравнивает противоборство. Убивать Народ без причины — этого мы не приемлем. Во всяком случае — это наш образ жизни...

«Что он имел в виду под словом «Народ»? — спросил себя Кори. — Неужели он имеет в виду, что он и Нед охотились на людей? Нет, этого не может быть». Как жаль, что у него не хватает смелости подойти и проверить этот лук. И колчан... Мальчик видел, что лук был старый, украшенный узором из бусинок и птичьих перьев, почти такой же, как тот, что висел на ранчо. А колчан лука был окаймлён какой-то грубой, изорванной материей. Да, он видел что-то похожее на рисунке в книге — это же скальпы!

Именно это слово было написано под рисунком в той книге — скальпы! Кори резко отвёл взгляд от колчана и уселся рядом с дядюшкой Джаспером на одно полено, определённо решив больше ничего не воображать в своей голове.

— Это тебе, сынок, — мальчику предложили тарелку с копчёной грудинкой и бобами, смесь, которую он никогда в обычных обстоятельствах не посчитал бы за завтрак.

— Благодарю вас, сэр. Это так вкусно пахнет!

Нед посмотрел на него с каким-то удивлением, похожим на то, что выказывал мистер Бейнс.

— А ты никак сын Клиффа Олдера?

— Да, сэр. Папа сейчас во Вьетнаме.

— Это я уже слышал, — но что-то ещё проскользнуло в этой простой констатации факта, что показалось чем-то большим, чем обычный интерес.

— Так всё это в новинку для тебя, а? — Нед широко развёл руки по сторонам, как бы включая в вопрос и холмы, и начало долины, в которой была построена эта хижина.

Однако прежде, чем Кори успел ответить, с холмов раздался резкий крик, а потом глухо отдалось эхо. Кори не удалось вовремя взять себя в руки и скрыть дрожь и испуганный кивок головы. А потом мальчик замер, напряжённо ожидая, что дядюшка Джаспер или кто-либо другой выскажет замечание о подобной несдержанности.

Но нет, дядюшка Джаспер только поставил свою чашку с кофе и бросил взгляд вверх на склон холма, словно мог видеть, кто или что издало этот крик.

— Изменяющийся раздражён в это утро.

Нед захихикал.

— Услыхал звон тарелок, вот и начал. Ему не терпится, чтобы мы убрались отсюда и позволили ему побродить в окрестностях.

— Изменяющийся? — переспросил Кори, его стыд за выказанный страх на мгновение сменился любопытством.

И именно дядюшка Джаспер ответил ему, вполне серьёзным тоном, словно то, что он говорил, было научно доказанным фактом:

— Койот... он и есть Изменяющийся. Для нашего племени, Нез Персе, он пребывает в облике этого животного, для других племён он — Ворон. До прихода белых людей здесь жил только мой народ. Но ещё раньше, до индейцев, — Древний Народ, животные. Только были они не такими, как в наши дни. Нет, в то время они тоже жили племенами и полноправно распоряжались миром. У них были и охотничьи угодья, и военные тропы, и костры мира.

— Но Изменяющийся, — Нед, взяв табак и бумагу, свернул себе сигарету, и когда дядюшка Джаспер остановился на несколько секунд, чтобы сделать ещё один глоток кофе, продолжил: — не любит, чтобы всё оставалось по-прежнему, как было. Ему необходимо, чтобы все вещи вокруг постоянно менялись. Кое-кто утверждает, что он сотворил индейцев только потому, что ему захотелось развлечься с каким-нибудь новым видом животных.

— А когда он попробовал сделать в конце концов ещё одно изменение, — дядюшка Джаспер снова стал рассказывать легенду, — то получился Великий Дух, который победил его. И вот тогда-то Изменяющегося сослали жить на какой-то остров в океане. Когда пройдёт достаточно времени и человек по своей глупости приведёт мир к своему концу, вот тогда Изменяющийся вернётся и вновь изменит мир, возродив правление Народа животных.

— В этой легенде, — заметил мистер Бейнс, — есть что-то разумное, особенно если вспомнить все те новости, что мы слышим сейчас. Большинство животных, которых я видел, в своей жизни проявляют намного больше здравого смысла, чем, похоже, проявляем мы, люди, в последнее

время, — он махнул своей чашкой с кофе в сторону, откуда донёсся вой койота. — Доброе утро тебе, Изменяющийся. Только я всё-таки не думаю, что у тебя когда-нибудь ещё появится возможность предпринять попытку захватить власть над миром.

— А когда, — поинтересовался вдруг Кори, — предполагается, что это случится?

Дядюшка Джаспер рассмеялся.

— Что ж, возможно, сынок, ты ещё будешь жив, чтобы увидеть это. Кажется, по данным собирателей легенд этот срок определён 2000-м годом, по времени белых людей. Но нам сегодня предстоит ещё долгий путь, мы должны взглянуть на коней в табуне.

Вилка Кори заскребла по тарелке. Лошади... Но в джипе ведь было только два седла. Мальчик бросил короткий взгляд — никем не замеченный, как он надеялся, — на частокол загона. Там тоже висело только одно седло — для Неда. Может... может, дядюшка Джаспер не заставит его сказать сейчас то, что он всё это утро, пытаясь собраться с духом, собирался сообщить — что он не может, просто не в состоянии скакать сегодня на лошади.

Однако дядюшка Джаспер обратился к Неду:

— Видел какой-нибудь дымок?

— Пока ещё нет. Но, вообще-то, уже пора. Иногда он просто приезжает, не предупреждая... ты ведь знаешь его.

Дядюшка Джаспер теперь посмотрел на Кори.

— Ты можешь мне помочь, Кори.

— Как? — осторожно спросил мальчик. Дядюшка Джаспер что, нашёл здесь какую-нибудь работу для того, чтобы скрыть его неумение? Мальчик почувствовал некоторую слабость — после всех его великих планов и желания доставить дядюшке Джасперу радость, тот наконец-то спрашивает его... папа будет гордиться им...

— Чёрный Лось как раз сейчас должен появиться здесь.

Он важная персона, Кори, и обычно останавливается на посту перед тем, как отправиться на ранчо. Сюда проложена телефонная линия, — дядюшка Джаспер кивнул в сторону хижины. — Однако Чёрный Лось придерживается старомодных взглядов и никогда не пользуется связью. Если он придёт, ты можешь позвонить, и к вам вышлют ещё один джип, чтобы отвезти его вниз. Ему нравится езда в джипе.

— Ты имеешь в виду, что этот старик всё ещё бродит по окрестностям? — изумлённо спросил мистер Бейнс. — Ну и ну, ведь ему, наверное, уже около ста лет!

— Около того, — согласился дядюшка Джаспер. — Он вместе с Чифом Джозефом участвовал в Великом Марше. А его дядей был Стремительный Язык, последний из великих врачей-лечителей. И Чёрный Лось учился у него, именно он проводил его в последнее путешествие в мир духов. Он утверждает, что только благодаря снадобью предков остаётся молодым. Нед три дня назад заметил дымок над пиками вон тех гор, что означает, что он вышел на охоту. И он любит провести немного времени у ручья, — дядюшка Джаспер кивнул в сторону булькающей воды. — Это место многое значит для него, хотя он никогда не говорил, почему. Что-то, связанное с прошлым. Иногда он задерживается здесь, чтобы осмотреть любого жеребёнка, которого мы принесём вниз. Он ещё не потерял меткого глаза на лошадей. Наши производители когда-то платили ему приличные деньги, чтобы он поколдовал для них. Большая часть стариков верила, что он мог всякий раз напроорочить для них жеребёнка с пятью пальцами. Но есть и что-то другое, о чём он никогда не станет рассказывать. Он говорит: былые времена ушли, и всем теперь всё равно... и поэтому он разочаровался в нас, — дядюшка Джаспер наконец выпил свой кофе.

— А что это — жеребёнок с пятью пальцами? — спросил Кори.

— У самых лучших чистокровных аппалусских коней почти всегда есть пять крапинок на ногах. Но не у всех, несмотря на то, что их тщательно скрещивают между собой. Нам выделили средства для совершенствования аппалусской породы, но легенда это или нет, — он пожал плечами, — кто знает. Мы занялись делом, и нам повезло в этом предприятии. И теперь на них большой спрос, за что мы можем благодарить судьбу.

Итак, Кори, если ты останешься здесь и дождёшься Чёрного Лося, то позвони на ранчо, если он захочет отправиться туда, и тогда вам помогут. Если же он захочет ждать, то скажи ему, что мы вернёмся назад прежде, чем солнце коснётся Двух Ушей. Он не пользуется временем часов.

Мистер Бейнс и Нед уже шли к загону, готовые седлать своих коней.

— Всё в порядке, дядюшка Джаспер. Я останусь здесь.

Но когда они принесли сёдла и подготовили своих скакунов к путешествию по холмам, Кори пришлось сражаться с собой, чтобы не закричать, что ему хочется отправиться вместе с ними, что он каким-то образом усидит на лошади, что он хочет пройти пешком весь путь, что он не может остаться здесь один.

Тем временем дядюшка Джаспер проскакал мимо мальчика, выкрикнув последнее указание:

— Не забудь про телефон. И про свой ланч в корзинке в джипе. Не броди здесь — в этих местах могут попасться всякие ловушки, о которых ты не знаешь. Будь благоразумен, Кори, и я знаю, что на тебя можно положиться, что ты не потеряешься.

Дядюшка Джаспер так сильно верит в него, подумал Кори, что пытается хоть немного ободрить его. Однако мальчик знал, что он оказался гораздо ниже того уровня, которому должен был соответствовать сын Клиффа Олдера.

После того, как всадники ускакали, Кори подошёл к в джипу и уселся в него. И почему-то от нагрётого солнцем сидения почувствовал себя в большей безопасности. Мальчик думал, что после ухода людей крутом воцарится тишина. Но теперь, прислушиваясь, он улавливал множество разных звуков. Какая-то птица слетела с крыши хижины и склёвывала крошки, оставшиеся после завтрака. А какое-то коричневое животное протопало у дальнего угла хижины, очевидно, занятое собственными делами и не обратившее никакого внимания на Кори. Но мальчик осторожно следил за ним, пока оно не исчезло.

Наконец Кори выбрался из джипа, собрал тарелки из кастрюли и отнёс их к бассейну, где вычистил их песком. Нужно было чем-то заняться. Нед забрал свой лук и колчан... Кори снова подумал о пуме.

Что, если она охотится или бродит поблизости? Сможет ли хижина послужить достаточно безопасным местом, чтобы спрятаться? Но если внутри есть телефон...

Он рывком распахнул дверь, желая убедиться в этом. После яркого солнечного света снаружи, внутри царила пыльная темнота. Кори стоял, моргая, на пороге, пока его глаза не привыкли к сумраку. Две кровати, сейчас представлявшие собой голые доски, были приставлены к дальней стене. С одной стороны — печка, рядом — коробка, наполовину заполненная деревянными поленьями. Здесь же был и стенной шкаф с распахнутыми дверцами, открывая ещё одну стопку тарелок, ряд банок и несколько жестяных кружек.

Посередине комнаты находился стол с четырьмя стульями. А на стене слева, прибитая колышками, висела чья-то шкура. Какого именно зверя, Кори не понял, но она была просто огромная. С неё аккуратно срезали шерсть и нанесли рисунки. Мальчик подошёл поближе. Рисунки были красного, жёлтого и чёрного цветов, но теперь краски

поблекли, так что в этом полумраке он едва мог разоб-
брать их.

Здесь были нарисованы лошади с испещрёнными кра-
пинками задами аппалусской породы. А ещё множество
людей, некоторые с перьями на головах, другие — с грубо
сделанными головными уборами. У людей с головными
уборами были ружья, тогда как у тех, что с перьями, — луки
и только несколько ружей. Кори понял, что, наверное, это
изображение какой-то давно случившейся битвы.

Когда мальчик вышел из хижины, он снова услышал
вызывающий вой койота и спросил себя, не разгневан ли
тот тем, что мальчик остался здесь... потому что, как сказал
Нед, койот хочет спуститься сюда и поискать в лагере еду.
Дул свежий ветерок, но стало гораздо теплее, чем на
рассвете. Мальчик стянул с себя свитер и бросил его на
заднее сидение джипа.

Мистер Бейнс говорил, что этот Чёрный Лось очень
стар. И дядюшка Джаспер сказал, что он участвовал вместе
с Чифом Джозефом в отступлении, когда Нез Персе согна-
ли с их земель, а они ускользнули в сторону канадской
границы.

Кори читал об этом. Ему всегда хотелось узнать больше
о Нез Персе — из-за папы и дядюшки Джаспера. Но
дядюшка Джаспер никогда не жил в резервации, потому
что уже его отец владел этим ранчо. И дядюшка Джаспер
учился в колледже, когда началась война в Корее, а потом
поступил добровольцем в часть папы.

Почему-то мальчик вдруг понял, что ему трудно думать
о дядюшке Джаспере как настоящем индейце. Когда четы-
ре дня назад они покинули город и направились на ранчо,
Кори видел других индейцев. Большинство из них носили
одежду обыкновенных ранчеров. Среди них был только
один старик с седыми косичками, выбивавшимися из-под
его головного убора.

Если этот Чёрный Лось настолько стар, то, может быть, он тоже носит косички и больше похож на тех индейцев из книг. Кори попытался представить, как бы выглядел дядюшка Джаспер, если бы он был одет так, как его предки, — в одежду из шкур буйволов, украшенную бусинами и перьями, и со скальпами на колчане.

Скальпы... Кори подумал об изорванной бахrome на ремне колчана Неда. Неужели это в самом деле были скальпы?

Могучая магия

У Кори не было никакого желания уходить далеко от хижины — дядюшке Джасперу не нужно было беспокоиться насчёт этого. Но ближе к полудню он решил прогуляться к утёсу, находившемуся за хижинной и освещённому яркими лучами солнца. И там, сразу за ручьём, он нашёл расщелину. Вернее даже, он просто свалился в неё, поскользнувшись на скале, когда карабкался по ней, чтобы лучше рассмотреть долину, простиравшуюся за границами лагеря.

Низкорослый кустарник, скрывавший вход в эту расщелину, проломился под его весом, а затем мальчик вдруг обнаружил себя в темноте лежащим на спине и всё ещё дёргающим ногами. Потрясённый мальчик выбросил вперёд руки и больно оцарапал кожу, ударившись о грубую поверхность каменных стен. Его попытки подняться становились всё более и более безумными: он чувствовал себя словно пойманным в какую-то ловушку.

Но вскоре ему удалось оттолкнуться от земли под собой и привстать, развернувшись к дыре. Здесь стоял какой-то странный запах, и он сидел на чём-то мягком, что шевелилось под его ногами, словно живое.

Он отполз насколько мог подальше и нащупал рядом с собой мех и шкуру. Он что, приземлился на какого-то зверя? Нет, это больше походило на какую-то сумку.

Медленно двигаясь к отверстию, Кори выбрался на открытое пространство, неся с собой находку. Это действительно оказалась сумка из желтовато-коричневой кожи, и с неё свисали полоски меха. На сумке были нарисованы картинки, вроде тех, что он видел на шкуре на стене хижины, и к полоскам меха крепились несколько перьев. После того как Кори повертел эту вещь в руках, он обнаружил, что хотя она и имела форму сумки, однако в ней не было никаких отверстий.

Мальчик поднялся на затёкшие ноги, и ушибы от вчерашних падений снова занули. Прихватив сумку с собой, он направился к джипу, чтобы поискать в бардачке фонарик. Вместе с ним он возвратился к расщелине и посветил в окружённое скалами пространство.

К стене прислонился деревянный шест, с которого на нитках с бусами свисали перья. А рядом стояла закрытая корзина, сплетённая из травы. Внезапно Кори вспомнил, что дядюшка Джаспер что-то говорил о Чёрном Лосе, что здесь есть какое-то место, которое он навещает. Возможно, это оно и есть. Все эти вещи казались новыми, или по крайней мере они не выглядели так, будто находятся здесь уже многие-многие годы со времён настоящих индейцев. Наверное, ему лучше будет оставить всё, как было, когда он только обнаружил это. Однако верхняя часть корзины сильно прогибалась внутрь — должно быть, он сломал её, когда упал вниз.

Кори попытался снять крышку. Внутри корзины оказался черепаший панцырь, сломанный прямо поперёк. И когда мальчик поднял его, с роговых пластинок свалилось несколько камешков. Вернуть всё так, как было, уже не было никакой возможности. Ему просто придётся позднее рассказать об этом дядюшке Джасперу. Но ведь это же была случайность! И если он оставит всё, как было...

Мальчик вернулся к джипу за сумкой из шкуры. И на

мгновение, когда он только положил на неё руку, его охватило странное чувство, что она в какой-то степени живая. Возможно, это случилось из-за того, что она нагрелась на солнце. Но мальчик с радостью избавился от шкуры — он положил её рядом с разбитым черепашьям панцирем в корзину, а потом натаскал сломанного кустарника, чтобы закрыть как пробкой расщелину.

Недалеко от этого места вытекавшая из водоёма струйка воды превращалась в ручеёк. Кори опустился на колени, чтобы помыть руки, и заметил мелькнувший на мгновение в воде рыбий хвост. Он вытер ладони о нагретую солнцем траву и уже внимательно осмотрел высокую скалу. На первый взгляд в ней не было других разломов, и если он вскарабкается на её вершину, то сможет отлично рассмотреть долину.

Из джипа мальчик достал полевую подзорную трубу, которую прихватил утром, и так с нею в руке начал взбираться на вершину скалы.

Ручеёк из водоёма сливался с большим, а потом окончательно с ещё более широким потоком воды. Трава здесь росла высокая, кое-где попадались группки густого кустарника или низких деревьев. От одной из таких рощиц отошли какие-то коричневые животные. Это что, коровы? Но ведь здесь ранчо по разведению коней. Кори навёл резкость. Вдали медленно передвигались огромные приземистые тела с грубыми копнами шерсти на плечах и головах — бизоны!

Кори в неведении следил за огромной рогатой головой первого животного, на котором он сфокусировал подзорную трубку, и видел даже свисавший с мощной заросшей шерстью морды клочок травы, которую самец с удовольствием жевал. Один, два, три, а вот ещё один, поменьше — бычок. Но ведь дикие бизоны исчезли из этих мест давным-давно. Их теперь можно увидеть только в парках или

зоопарках. Разве что несколько из них по-прежнему бродят в этих холмах?

Медленно поедая траву, бизоны добрались до воды и постояли там, напиваясь, и вода стекала с волос их грив, когда они время от времени поднимали головы, чтобы оглянуться по сторонам. Вдруг огромный самец чуть отошёл назад и повернулся мордой в сторону, откуда они пришли, низко опустив голову, нацеливаясь рогами. Остальные два взрослых самца повторили его движение, отправив детёныша за безопасную стену своих тел.

Кори повернул подзорную трубу в сторону, куда нацелились бизоны. И заметил в высокой траве какое-то шевеление. Волк?

Чем бы это ни было, но оно определённо было больше койота, о котором говорил ему дядюшка Джаспер, когда они ехали на ранчо из аэропорта. Но тем не менее оно походило на этого зверя.

А потом...

Кори моргнул.

Койотообразная голова приподнялась выше, чем могло какое-либо животное. И это оказался совсем не койот, а всего лишь маска, надетая каким-то человеком на голову и плечи, шкура какого-то животного. Однако Кори мог бы поклясться, что он и в самом деле видел в первый момент очень большого, но настоящего койота.

Человек вновь двинулся вперёд, и теперь Кори разглядел, что он одет не только в пушистую шкуру, покрывавшую его голову и плечи, но и в штаны из оленьей кожи, какие изображались в исторических книгах про индейцев.

Он не нёс ни ружья, ни даже лука со стрелами, которыми пользовались дядюшка Джаспер и Нед. Нет, в одной руке он держал шест, увенчанный перьями, вроде того, что Кори видел в той расщелине, и эти пёрышки колыхались на ветру. В другой его руке была коробка из черепашье

панциря, совсем как та сломанная, закреплённая на рукояти, и индеец потряхивал ею. Он не двигался прямо вперёд, а делал быстрые короткие шажки, два вперёд, один назад, словно в каком-то танце.

То беспокойство, которое Кори ощутил в расщелине, вернулось. У мальчика появилось странное, пугающее чувство, что хотя этот человек в маске и не имеет полевой подзорной трубы и даже не глядит в сторону, где на нагретой лучами солнца скале спрятался Кори, он знает, что мальчик следит за ним и поэтому он разгневан.

Может... может, это и есть Чёрный Лось? Но ведь дядюшка Джаспер и мистер Бейнс, они оба утверждали, что Чёрный Лось — глубокий старик. Почему-то Кори не думал, что этот танцор в маске стар — нет, двигался он слишком быстро, слишком легко, хотя, конечно, Кори не мог видеть его лицо.

Только теперь мальчик расслышал какой-то тихий звук и резкое потрескивание. Кори захотелось соскользнуть вниз со скалы, чтобы она осталась бы между ним и танцором. Но в это же мгновение он уже не мог пошевелиться — руки и ноги мальчика не подчинялись его испуганному разуму.

Увенчанный перьями шест в руке танцора начал раскачиваться взад-вперёд, и Кори следил за ним, помимо воли. Страх его стал сильнее. Назад и вперёд, назад и вперёд... теперь этот странный тихий звук стал громче, и мальчику показалось, что он уже может почти различить слова, хотя не может их понять. И он должен... нет! Уж в этом-то он был уверен.

Он принялся сражаться с тем, что, казалось, удерживало его руки, прижимая подзорную трубу к глазам. Он не должен следить за этим раскачивающимся шестом... Каким-то толчком Кори удалось опустить подзорную трубу. Он сидел на самом солнцепёке, продрогший, тяжело дыша, словно только что выбрался из ледяной воды горного ручья, в котором решил искупаться.

Зато теперь, когда он снова отважился посмотреть, бизоны выглядели просто маленькими коричневыми пятнышками. И он совсем не различал танцора в маске койота. С приглушённым вздохом облегчения Кори соскользнул вниз на противоположную сторону скалы, радуясь уже тому, что между ним и долиной поднялась дополнительная стена, а потом побежал к джигу.

Опять он вскарабкался на сидение, пальцы вцепились в руль, его всего трясло. Ведь он... он был реальным! Но постепенно мальчик почувствовал поднимавшееся внутри тепло, он согрелся и наконец расслабился.

Кори не знал, сколь долго он просидел так. Но солнце поднялось уже высоко, вовсю палило на его головой, и когда он проголодался, то в конце концов приподнялся, чтобы залезть назад и достать коробку с завтраком. Мысленно он снова и снова возвращался к увиденному или к тому, что он думал, что увидел. Бизоны... три взрослых и один телёнок, а потом ещё и человек, танцующий в маске койота. Он не сомневался, почти не сомневался, что всё это он видел. Но всё же, было ли это реальным?

И существовал только один-единственный способ выяснить это — отправиться туда вниз самому и посмотреть. Даже если они все и ушли к этому времени от водопоя, то ведь должны же остаться их следы. Но... сможет ли он?

Кори медленно покрутил головой справа-налево, и вновь по позвоночнику пробежали мурашки озноба. Всё здесь казалось таким миролюбивым... обыкновенным — именно здесь. Мальчик развернул один из больших сэндвичей и посидел с ним в руках, так и не откусив. Если он не отправится туда — и немедленно, — то уже никогда не пойдёт.

А если он не сделает этого, то тогда только это ему и останется вспоминать, — что Кори Олдер оказался трусом. И то, в чём он полностью не признался себе вчера после

случая с лошадей, после того, что он чувствовал в темноте ночи, когда слышал все эти странные здешние звуки, теперь стало очевидным. Кори Олдер — трус... мальчишка, с которым дядюшке Джасперу было бы стыдно ходить вместе. И как насчёт папы — папы, у которого две медали за храбрость, — что подумает он, если узнает о чувствах Кори именно в эту минуту? Боятся лошади, темноты, зверей, самого этого места?

Папа уж точно немедленно направился бы туда, вниз. И он бы нашёл следы. Он не стал бы уворачиваться от встречи с бизонами или тем танцором с увенчанным перьями шестом и в маске койота. Уж это бы папа — или дядюшка Джаспер — уж точно не сделали.

Кори положил сэндвич на сидение и на негнущихся ногах выбрался из джипа. Он прикусил нижнюю губу, пальцы сжались в кулак. Мальчик осторожно направился в сторону скалы, однако в этот раз без подзорной трубы. Нет, он не будет рассиживать вдалеке и глядеть в неё, он... он пойдёт туда!

Его ходьба перешла в бег, когда он понял, что должен поспешить, пока он полон решимости, а иначе ему придётся бесславно возвращаться к джипу. Он бежал с опущенной головой, глазами уставившись в землю, и небольшой ручей служил ему проводником, указателем к большему потоку.

Мальчик пробежал мимо скалы, и высокая трава захлестала по ногам. Всё это время он прислушивался, надеясь уловить тот звук, что издавал танцор. Однако слышал лишь далёкий крик какой-то птицы.

Кори попетлял среди высокого кустарника и почти упал, когда зацепился носком за какой-то корень. Ему еле удалось удержаться на ногах. Однако это научило его быть более осторожным, и он снизил скорость и огляделся. Почему-то, несмотря на то, что он теперь довольно далеко убежал от джипа, который, похоже, остался его единствен-

ным убежищем в этом внезапно ставшим полным опасностей мире, мальчик почувствовал себя лучше. Солнце было столь же ярким, сколь и жарким, а тишина наверняка свидетельствовала о том, что танцор ушёл.

Мальчик вышел между двух кустов на берег ручья и понял, что скорее благодаря случаю, а не какому-либо плану он оказался у воды прямо перед тем местом, где пили бизоны. Речушка казалась мелкой. И была такой ясной, что он мог видеть в ней небольших рыбёшек. К тому же рядом нашлось несколько камней с сухими верхушками, наводя на мысль о каком-то подобии переправы.

Кори сел, мигом стащил с себя ботинки и носки, потом забил носки внутрь ботинок. Взяв их в одну руку, он прыгнул на первый из камней. Вода плеснула чуть выше его пальцев и оказалась такой холодной, что он судорожно вздохнул. Однако следующий камень и ещё один за ним были полностью сухими. И вот он уже на другой стороне.

Берег здесь был глинистый, с хорошо отпечатавшимися на нём следами. Он не стал надевать ботинки, а сразу пошёл дальше, осторожно ступая, но несколько острых кусочков гравия заставили его подпрыгнуть, прежде чем он достиг тех следов. Отпечатки точно остались от копыт, мальчик не сомневался в этом, хотя и не был следопытом. И не очень давно. Однако он не мог сказать, чьи они: оленя или бизона.

Кори присел на обтрёпанное погодой бревно, чтобы снова надеть ботинки. Это заняло непривычно долгое время, но вот он всё-таки покончил с этим делом. Здесь побывали какие-то копытные животные, однако сможет ли он найти хоть какой-нибудь след танцора в маске, если станет искать дальше?

Ему этого не хотелось. Однако мальчик встал и заставил себя повернуться лицом в том направлении, сделал один шаг, потом ещё один...

Трава была такой высокой... Кори приостановился. Эта трава раскачивалась, и не из-за ветра. Кто-то двигался в ней в направлении реки, в его сторону! Он сделал шаг назад и ноги его заскользили по глине. Как до этого он упал в расщелину, так и теперь он свалился в реку, и вокруг него заплескалась холодная вода, когда он уселся, погрузившись по пояс в поток прямо под бережком.

Какое-то время он сидел так, пребывая в непонятном оцепенении. А потом новый звук с берега возвратил его внимание к склону, где остались отпечатки копыт. Жёлто-коричневая голова с резко выдававшимися ушами, жёлтые глаза, уставившиеся на него, морда, показывавшая язычок, бегающий в усеянной клыками пасти...

Кори пронзительно закричал. Да он и не смог бы сдерживать этот вопль паники. Он бросился прочь от берега и того, что стояло там, снова плюхнувшись в воду, каким-то образом вскочив на ноги и рванувшись вперёд, рассчитывая, что между ним и зверем останется промежуток воды.

Мальчик огромными прыжками нёсся к противоположному берегу, бежал, не смея оглянуться, чтобы посмотреть, преследует ли его эта тварь. Это не был танцор в маске; короткий быстрый взгляд, торопливо брошенный им, указал ему на это. Настоящий волк — койот — огромный четырёхногий охотник стоял там, глядя на него. Самое худшее, что только могло нарисовать ему воображение, теперь, казалось, пробудилось к жизни.

Когда Кори подбежал к подъёму на пути к концу долины, где находилась хижина, он мог лишь судорожно, с присвистом глотать воздух. Телефон в хижине... что там говорил дядюшка Джаспер — что кто-то приедет, если он позвонит?

Вода нещадно хлупала в ботинках, когда он, пробираясь вверх по склону, обнаружил, что из-за их необычно высо-

ких каблуков трудно удерживать равновесие. Мальчик хватался за кусты и даже за огромные пучки травы, чтобы тащить себя вперёд. Потом он обежал кругом скалу, с которой смотрел в подозрную трубу, увидел хижину и джип впереди и бросился изо всех оставшихся сил к долгожданному островку безопасности.

Однако добравшись до джипа он услышал ржание какой-то лошади. Кори повернул голову и бросил безумный взгляд на загон... Дядюшка Джаспер... Нед... кто-то...

Прямо перед ним стояла какая-то лошадь. Яркие пятна аппалусской породы наполовину скрывались сверкающим навахским одеялом, наброшенным вместо седла. Лошадь не была привязана и стояла со свисающими вниз поводьями.

Кори, задыхаясь, повернул голову дальше. На крыльце хижины отдыхал на плотно прибитой земле всадник. Несмотря на жару дня, на нём было ещё одно ярко сверкающее одеяло, наброшенное как плащ на плечи. Он сидел, скрестив ноги в мокалинах, а солнце сверкало на его штанах из лосиной кожи, покрытой бахромой и бусинами.

Танцор?

Но когда Кори взглянул на его лицо, он уже не был ни в чём уверен. Мальчик никогда прежде не видел такого старого человека. Тёмная кожа, покрывавшая широко выдававшиеся скулы, была исполосована огромными морщинами, подбородок резко выпирал вперёд, соответствуя крутому излому огромного носа.

Волосы, седые и длинные, были переплетены с кусочками пушистой шкуры, образуя косички, которые свешивались на прикрытую одеялом грудь, и каждая косичка заканчивалась увенчанной бусинкой кисточкой желтоватого меха. Глубокие морщины лица пересекали мазки жёлто-красного цвета — может, краски? — которые резко выделялись на его обветренной коже.

Глаза, которые почти что скрывались среди морщин, — Кори не мог даже по-настоящему рассмотреть их — похоже, повернулись к нему. И под этим пристальным взглядом Кори попытался взять себя в руки, всей душой ощущая внезапно охвативший его огромный стыд, подобного которому он никогда не испытывал. Он стоял так, неподалёку от джипа, снова и снова переживая не только по поводу паники, в какой он выбежал на поляну, но и по поводу своей промокшей одежды.

Однако старик на крыльце ничего не говорил, да и вообще не двигался. Он наверняка видел Кори, но выглядело всё так, словно Кори должен был первым приблизиться. Очень неохотно мальчик двинулся вперёд. Это, наверное, Чёрный Лось, но что должен делать Кори и что следует сказать? Остро нуждаясь в каком-либо указании, Кори наконец первым нарушил молчание.

— Меня зовут Кори Олдер. Дядюшка Джаспер... он говорил, что надо позвонить на ранчо насчёт джипа для Чёрного Лося. А вы, сэр, и есть Чёрный Лось?

Старик не ответил, и Кори остановился. Ему пришлось бы обойти старика, чтобы проникнуть внутрь хижины и позвонить. А что если это не Чёрный Лось? Как может он быть уверенным, если этот старик не отвечает?

— Пожалуйста, ответьте, — даже самому Кори его голос показался очень слабым и неуверенным, — вы... вы Чёрный Лось?

Это было похоже на тот случай, когда он пытался заговорить с полковником Минзом. Только почему-то стоять лицом к лицу с этим старым индейцем оказалось ещё труднее, чем с полковником Минзом, который однажды приходил к ним домой вместе с папой.

— Да, Чёрный Лось.

Волна облегчения прокатилась внутри Кори при этом ответе. Итак, он п о н я л! Но тогда ведь всё, что теперь

оставалось сделать Кори, это вызвать джип и, наверное, он поедет назад вместе с Чёрным Лосем, и кто бы ни повёл джип на ранчо, он оставит записку дядюшке Джасперу. Всё будет в порядке. И ему больше не придётся оставаться здесь.

— Я вызову джип из Бар Плюм, — к Кори возвратилась уверенность, и он продолжил движение вперёд, однако смуглая рука, кости которой туго обтягивала морщинистая кожа, вылетела из-под одеяла и жестом приказала ему отойти назад.

— Нет, я останусь здесь. Еда... питьё...

— Да... да, сэр, — Кори посмотрел на сидение в джипе, где он оставил свой завтрак... сколько же времени назад?

Там на сидении валялись только крошки и пятна, сэндвича больше не было. И муравьи роем копошились вокруг пятнышка пролитого джема. Неужели Чёрный Лось помог себе сам? Нет, между джипом и ближайшим деревом на земле валялся кусок обломанного по краям хлеба, словно похититель еды чего-то испугался, наверное, приближения индейца.

Кори вспомнил о шкафе в хижине; возможно, там что-то найдётся. По крайней мере, он знал, как приготовить кофе и поджарить бекон, если только удастся обнаружить зёрна или кусок мяса. Мальчик осторожно обошёл посетителя, который не пошевелил ни головой, ни телом, и вошёл в хижину.

К его облегчению, в шкафу нашлась еда. Он быстро выбрал: консервированную пшеницу, бекон, банку персиков, немного кофе в мешочке. Не густо, но вполне достаточно. Потом Кори вышел наружу, чтобы разжечь костёр и поджарить бекон на сковороде, которую он перед этим вымыл в ручье. Он не мог сказать, наблюдал ли Чёрный Лось за каждым его шагом — старик, может быть, задремал. Но вскоре Кори настолько увлёкся пригото-

нием пищи, что вздрогнул, когда какая-то тень упала на камень; куда он сложил тарелки, и мальчик посмотрел вверх на закутанную в одеяло фигуру.

Наверное, когда-то Чёрный Лось был таким же высоким, как дядюшка Джаспер, но теперь его сильно согнуло вперёд, и одеяло лежало на нём грузными складками, скрывая большую часть тела. Кори, вытерев тыльную часть ладони о потный лоб, спросил себя, как может этот старый индеец так закутываться в такую жару. Его собственная одежда почти уже высохла, хотя влажноватые складки ещё причиняли неудобства. Да и мокрые ботинки жали ноги.

Мальчик поспешил налить кофе в маленькую чашечку и предложил его Чёрному Лосю. И вновь показалась эта рука-скелет, принимая чашечку.

— Довольно горячо, — предупредил Кори. Но если Чёрный Лось и понял его, это не имело значения: старик спокойно пару раз отхлебнул кофе из чашечки, да и потом подносил её ко рту, не обращая внимания на жар.

Он выпил кофе, не отвлекаясь на еду, в то время как Кори поджаривал шипящий бекон, добавив высушенной пшеницы к жирному мясу, а потом перекладывал содержимое на их тарелки. И только тогда старик принялся есть, но не с жадностью, а с какой-то размеренностью, причём расправился не только с содержимым тарелки, которую предложил ему Кори, но, протянув руку, взял также и порцию Кори, пока мальчик занимался приготовлением нового кофе.

После чего Чёрный Лось опустошил всю банку с персиками. Кори, облизнув губы и ещё больше почувствовав собственный голод, собрал пустые тарелки и встал, чтобы направиться к хижине и телефону.

— Джип не нужен, — старик, который во время еды не произнёс ни слова, наклонился вперёд, чтобы встать лицом к костру, теперь умирающему в тлеющих угольках. Пере-

дня часть его одеяла распахнулась, и Кори увидел то, что оно скрывало до этого. В его руках, находилось нечто, что Кори уже видел раньше — сумка из шкуры, которую он бросил обратно в сломанную корзину в расщелине. Старик держал её почти так, словно это живое существо, которое нужно удерживать от бегства.

Мальчик не знал, расслышал ли Чёрный Лось его тихий судорожный вздох, когда он узнал эту вещь. Однако он не сомневался, что тот внимательно следит за ним с какой-то целью.

— Магия, — голос старика был тонким и высоким. — Могучая магия, — он остановился, словно ожидая от Кори какого-то комментария, но время шло, и Кори чувствовал себя всё более и более неуверенно.

— Я упал, — торопливо проговорил он наконец, — я поскользнулся и упал. Я не знал, что было в той яме, и я не собирался ломать корзину — или сделать что-нибудь не так! — Кори подумалось, что объясняться со старым индейцем также нелегко, как наблюдать за танцором в маске. И его снова охватил испуг... столь же сильный, как и раньше.

— Ты дотронулся до него — до этого амулета!

Мальчик подумал, что это, должно быть, вопрос, и ответил:

— Да, но я не собирался сделать что-нибудь не так, сэр! Я упал, а потом он оказался подо мной. Я... я вынес его на свет, только для того, чтобы посмотреть, что же это такое. Но затем я тут же вернулся назад и положил его в корзину... честное слово, я так и сделал.

— Ты прикоснулся. Очень плохо. Теперь нужно снова почистить.

Чёрный Лось прижал сумку правой рукой к груди, левая же исчезла за прикрытием одеяла, а затем появилась, и пальцы его были сжаты в кулак... кулак, который сначала задрожал, а потом раскрылся над костром. Наверное, он

что-то бросил в середину уголков, подумал Кори: вверх поднялась струйка дыма, которая вскоре превратилась в настоящую мутную колонну.

— Ты, — Чёрный Лось посмотрел на Кори, — касался. Теперь ты должен очистить его. Возьми сумку с амулетом, поддержи её в облаке дыма и держи крепко. Ты сделал ошибку — и теперь её нужно исправить.

Это был приказ, которому Кори не мог не подчиниться. Он неохотно подошёл к Чёрному Лосю, принял у него сумку и медленно направился вперёд, пока не смог удерживать её над всем клубящимся дымом. Тёмный столб разорвался и закружился спиралью над котомкой, зависнув над головой Кори. Мальчик почувствовал странный запах и попытался помотать головой в разные стороны, чтобы избавить глаза и ноздри от него. Однако ему этого не удалось сделать, дым становился всё более и более густым, пока он уже ничего не мог видеть, кроме его клубов.

Пленник военного отряда

Кори моргнул, затем ещё раз. Перед ним всё ещё поднимался дым, но он больше не наполнял его ноздри и не причинял боль полуослепшим глазам. Этот пар поднимался вертикальной колонной в небо — колонной какого-то сигнала.

И он должен был сделать что-то крайне важное. Руки его шевельнулись, и толстая сосновая ветка прорезала эту колонну, намеренно разбивая её.

Его руки!

Но это не были руки, державшие ветку, это были лапы — с когтями и грубым коричневым мехом на них! А его тело... Он больше не стоял на двух ногах — он полусидел на задних круглых ногах с перепонками между пальцев. И всё его тело покрывал густой мех.

Крайне испуганный, он попытался повернуть голову дальше, чтобы бросить взгляд за плечо. И увидел широкий плоский хвост, лежавший в пыли, помогавший ему удерживать равновесие, когда он стоял или, скорее, сгибался перед костром. Меха не было, только кожа.

Кори выронил сосновую ветку, поднёс свои лапы-руки к лицу... чтобы прикоснуться к огромным резцам в пасти животного.

— Что...

Он сказал это, но в его собственных ушах прозвучал странный звук вроде какого-то щебетанья. И он теперь был один — ни Чёрного Лося, ни хижины, ни джипа, ни загона, ни лошади. Даже долина была не та. Он находился среди каких-то скал с небольшим очажком костра перед ним, который снова послал сплошные клубы дыма в небо. Что случилось с ним — и со всем известным ему миром?

Кори опустился вниз, коснулся передними лапами скалы. Внезапно на него нахлынул дикий испуг, мальчик настолько ослаб, что не в состоянии был даже шевельнуться. Он закрыл глаза, прилагая все усилия, чтобы успокоиться. Так, теперь нужно только снова посмотреть, и всё будет в порядке, как надо — он снова окажется в безопасности возле костра. Однако мальчик боялся открыть глаза, боялся, что это не сон, но нечто реальное. Но ведь такого не может быть! Это просто невозможно!

В конце концов он принялся считать про себя: пятьдесят... сто... сто пятьдесят... — всякий раз говоря себе, что когда он доберётся до последнего числа, то посмотрит. При двухстах он понял, что его страх уже достиг той точки, когда он может открыть глаза.

Перед ним была всё та же скала, и две мохнатые лапы лежали на ней. Если это и был сон, то он всё ещё продолжался. Из горла Кори вырвался пронзительный крик, но звук, который он издал, ничем не походил на крик мальчика — это был гортанный вопль животного.

Снова опёршись на мохнатые передние лапы, он попытался ещё раз оглядеться, в поисках хоть какого-нибудь намёка на объяснение случившегося. Пристально рассматривая своё новое пухлое тело, он только сейчас заметил, что на нём есть вещи, которые нельзя отнести к животному. Например, ленточка из выделанной шкуры, которая пересекала тело от одного плеча к противоположной ноге. Она была усыпана небольшими, перекрывающими друг друга чешуйками, которые сверкали на солнце, и поддерживала что-то вроде коробки, сделанной из двух раковин, тщательно подогнанных друг к другу. И ещё с внешнего края ракушечьего контейнера свисали короткие нити с разноцветными семенами.

Возле костра валялась груда деревянных щепок, все с какими-то отметинами, но сделаны они были не топором, а словно кто-то разгрыз их до такой длины. И рядом с ними лежало копьё с деревянным древком и наконечником из кости, острым и опасным.

Оно тоже было украшено в нижней части несколькими маленькими ракушками, висевшими на нитях из травы или сорняка. Когда Кори протянул руку к нему, то обнаружил, что оно имеет длину и форму, как раз подходящую для его лапы, и ему легко держать его. Должно быть, оружие действительно предназначалось для использования зверем.

Но чьё это тело? Не его же!

Вновь страх проник в его душу, и мальчику захотелось сорваться с места, как он уже бежал от реки, когда койот появился перед ним на берегу, наблюдая за человеком.

Река... вода... Он должен добраться до воды! Она обещает безопасность, там можно спрятаться. Вода!

Кори, всё ещё держа копьё в лапе, отвернулся от сигнального костра и пошёл среди скал, ища проход, чтобы добраться до предлагавшей безопасность реки. Он не понимал, откуда у него такая уверенность, что вода где-то

поблизости — он был просто убеждён в этом, и что он должен немедленно добраться до неё, иначе он столкнётся с какой-то серьёзной опасностью.

Он нашёл наконец узкую щель в утёсах, похожую на проход-врата, и поспешил протиснуться сквозь неё. Постепенно мальчик к некоторому своему удивлению понял, что идёт он не совсем естественно на своих четырёх лапах, хотя, вроде бы, его тело животного предполагало, что это лучший способ путешествовать для него, однако задние лапы всё время спотыкались, а держать тяжёлый хвост слегка приподнятым, в попытке уберечь его от волочения по земле, оказалось довольно трудно, и тот иногда больно шлёпал по камням.

А кустарники и редкие разбросанные деревья — здесь они были намного выше тех, что он помнил. А может, это он стал меньше ростом? Кори следовал по какой-то тропе в земле, где оставались отпечатки множества лап и копыт, которые вели вниз по склону.

Вода... Он уже мог чувствовать её! Быстрее перебирать лапами Кори в своём новом теле не мог. «Чувствовать в оду?» — спросил он себя какой-то частью своего сознания. Невозможно ч у в с т в о в а т ь воду. Можно слышать её поток, можно видеть её, пробовать на вкус, но только не чувствовать. Нет, ты чувствуешь её, уверенно ответило его новое тело.

Тропа действительно привела к воде, и, увидев её перед собой, новое тело Кори отдало приказ и бросилось в мощном нырке вперёд. А потом он расслабленно плыл под поверхностью с гораздо большей скоростью и лёгкостью, чем во время путешествия по земле. Чувство опасности сошло на нет. Он снова вынырнул на поверхность и выбрался на берег в маленькой бухточке, размытой боковым водоворотом потока, где поверхность водоёма волновали только скольжение на поверхности воды насе-

комых и случайные пузырьки воздуха, выдыхаемые каким-то подводным обитателем.

Этот водоём и послужил для Кори зеркалом, чтобы он посмотрел на себя.

— Бобр!

И снова слово прозвучало как какое-то щебетание, которое он, однако, вполне понял. Мальчик наклонился поближе, напряжённо всматриваясь, чтобы понять, во что же он на самом деле превратился.

Да, бобр, однако образ, который Кори помнил по зоопаркам, не вполне соответствовал отражению в воде. Если судить относительно деревьев и скал, то хоть он и стал меньше, чем мальчик по имени Кори Олдер, однако он всё-таки был вдвое больше по размеру, чем те бобры, которых он видел в зоопарках. И в дополнение к кожаной полоске с коробкой из ракушек вокруг его толстой шеи было обмотано ещё несколько нитей с меньшими ракушками и разноцветными семенами, похожие нити переплетались на макушке за ушами в какое-то подобие сетки. А глаза были обведены кружками жёлтого цвета — несомненно, краска, хотя почему же она не смылась водой?

Мальчик положил к ногам копьё, которое не бросил, даже когда плыл в реке, причём абсолютно неосознанно. Используя когти в качестве клина, Кори попытался раскрыть раковину-коробку. Внутри прятался обгоревший мох — от него ещё пахло горелым, — а также небольшой уголёк. Мальчик щелчком захлопнул раковину. Итак, он бобр, но бобр, вооружённый копьём, несущий огонь; и он расписан краской и увешан нитями бус. Как... и почему?

Древний Народ! История, которую ему рассказал дядюшка Джаспер, — о зверином народе и Меняющемся. Животные, владевшие миром до белых людей и даже до индейцев — жившие племенами, ходившие по тропам войны, охотившиеся, и...

Каким-то образом мысль об охотниках тут же принесла с собой и чувство голода. Кори вспомнил о завтраке, который оказался вовсе не таким богатым, как он предвкушал, о двух тарелках с подогретой пищей, которые опустошил Чёрный Лось. А что едят бобры? Мальчик оглянулся вокруг, спрашивая себя, а не стодится ли в пищу растительность по берегам залива, и решил, что, наверное, самое лучшее — это позволить его новому телу решить за него, точно так же, как это произошло с ним, когда он оказался в реке.

А инстинкт уже вёл его к низко свисающей иве, и вскоре Кори наслаждался корой, сдирая её сильными передними зубами с ветвей. Он ел с жадностью, позабыв обо всём на свете, кроме наполнения своего слишком опустошённого желудка. И пока он не закончил трапезу, он не думал ни о чём.

Что же случилось с ним? Кори не мог предположить ничего лучшего, кроме того, что видит какой-то сон. Но если это так, то этот сон не только длиннее любого на его памяти, но и куда более реальнее. Мальчик не мог припомнить ни единого сновидения, в котором он мог бы так насытиться до отвала, или где бы он плыл и по-настоящему чувствовал прохладу воды. Однако теперь страх, который заставил его бежать к реке, куда-то пропал. Он чувствовал скорее какое-то любопытство относительно ближайшего будущего.

С отрешённым видом он спихнул несколько оставшихся кусков коры в воду и огляделся. В охватившем мальчика любопытстве только какая-то часть принуждала его заняться исследованием местности. Он мог отправиться путешествовать по реке вместо того, чтобы неуклюже пробираться по земле. Оставалось только выбрать направление, вверх или вниз.

Наверное, из-за желания путешествовать налегке он и решил наконец отправиться вниз по реке. Однако вскоре

мальчик обнаружил, что в воде он не один. Здесь были свои обитатели, и он с осторожностью наблюдал за жизнью, которую встречал по пути.

Вокруг него сновала рыба, и ещё попадались птицы, которые носились над ручьём или же ныряли в воду, охотясь на лягушек. Но Кори не встретил ни одного признака животного, пока не подплыл к беспорядочной гряде мёртвых веточек, одна из которых клином закрывала какую-то щель под водой в глинистом берегу.

Ондатра!

Кори не мог сказать, откуда он узнал хозяина норы, но он знал это. Однако жилище в глинистом берегу никто не занимал, и это было неслучайно. Губы его сжались, обнажая зубы-резцы, когда он стал проследживать запахи, которые рассказали ему о произошедшем. Смерть.. и что-то ещё...

Н О Р К А!

Мальчик крепко обхватил своей бобровой лапой древко копыя.

Норка и опасность... но не сейчас... Военный отряд, совершивший налёт сюда, давно ушёл... По меньшей мере миновало два солнца, может быть, три раза наступала темнота. Не осознавая, как или почему, мысли Кори начали следовать по другому пути. А потом как будто открылась дверь — или, возможно, лучше сказать, перевернулась обложка какой-то книги, которую он мог читать, хотя и немного, однако этого было достаточно, чтобы предупредить его.

Воины-норки, совершающие налёт вверх по реке. И разведчик-бобр — то есть он — ушедший на разведку в низовья. Но не для военного отряда — нет, чтобы найти место для новой деревни, потому что землетрясение на дальних холмах открыло тропу в земле, поглотившую пруд, на берегах которого долгое время пребывали их норы.

Норки... с одной норкой он, Кори-Жёлтая Ракушка, мог

бы справиться... мог бы приобрести воинскую славу, при этом, возможно, даже не подвергая себя какой-либо опасности. Но целый военный отряд... это принуждало его идти мягко и избегать контактов. А он болтался здесь на открытой местности, плавал, как одно из этих созданий с плавниками, которому нет нужды бояться кого-либо, кроме длинноногих пеших.

Он высоко высунул из воды голову, прячась в тени зарослей, которые тянулись по берегу далеко вперёд от норы ондатры. Некоторые из этих веточек были сломаны когтями норок — их запах ещё заполнял весь воздух. Даже сильный мускусный запах настоящего хозяина этой норы до конца не подавлял его. Теперь Жёлтая Ракушка прислушивался, и далёкое карканье заставило его напрячься и совсем притихнуть.

Меняющийся! Или скорее один из его разведчиков-воронов. Бобр замер, лишь подёргивались усики, пока он не расслышал второй зов, вдали от реки, на севере. Когда он снова опустился под воду, к нему вернулось умение Жёлтой Ракушки, а не неуклюжесть Кори. Однако удивление Кори, его страх, его нужда в знании по-прежнему оставались, разделяя воспоминания бобра.

Жёлтая Ракушка пробирался вдоль берега реки, используя любое прикрытие. Ещё дважды он замечал запах норок. А потом несколько раз мелькнул более радующий его и дружелюбный — запах выдры. Вдоль берега проходил скользкий грязный канал, именно оттуда и доносился этот запах выдры, однако дальше вновь волной накатил сильный дух норки, словно враг некоторое время обыскивал всю эту глинистую поверхность.

Коснувшись грязи на краю воды, Жёлтая Ракушка высунул нос из воды и попал прямо в разорванное ожерелье из ракушек. Нитку бус покрывала кровь. Значит, здесь норки совершили удачное нападение, убили или захватили како-

го-то пленника. Он выбрался на берег и отправился на разведку.

Одна выдра, решил он. Наверное, молодая. А норки лежали здесь в канале в засаде. Они натёрлись шалфеем, чтобы скрыть свой запах. Наконец он обнаружил стёртые отметины схватки, ещё два пятна крови, и проследовал по этому следу обратно к воде. Значит, они захватили пленника.

И снова Жёлтая Ракушка зарычал про себя. Подлые норки! Он мощным ударом воткнул древко своего копья в мягкую землю берега. К этому времени выдра уже, наверное, мертва. Во всяком случае, так было бы для неё лучше. Норки славятся своим обращением с пленниками.

Бобры так не поступают. Только норки были врагом для всего живого в реке, а бобры и выдры в ещё давние-давние времена раскурили трубку мира в норе, которую они вырыли вместе, и заключили мир, который до сих пор поддерживается между их племенами. Они не угрожают друг другу, хотя и те, и те — водный народ; бобрам нравятся корни и кора, а выдры охотятся и поедают мясо. И иногда случается так, что они вместе становятся лагерем, подносят друг другу дары и танцуют, распевая песни.

Кори шевельнулся. Как он мог знать это — что вот так пахнет выдра, а иначе — норка? И эти воспоминания о том, что, похоже, случилось с Жёлтой Ракушкой до того, как он стал Кори, а может, это Кори стал им? Это самый странный сон...

Мальчик повертел в своих лапах копьё. Возможно, если он обратно поднимется вверх по реке, вернётся прямо туда, где пылал костёр... возможно, он проснётся в своём мире, перестанет быть Жёлтой Ракушкой, снова станет Кори Олдером.

Но тут над головой промчалась какая-то тень, бросив тёмное пятно сначала на берег, а потом на воду. Снова, уже

в третий раз, холод страха охватил Кори. Мальчик вздёргнул вверх голову, он никогда не думал, что она может изогнуться под таким углом на плечах бобра. Огромная птица... чёрная... летящая вдоль берега... ворона!

И вместе с узнаванием его страх усилился. Он больше не был бобром Жёлтой Ракушкой со звериными чувствами обоняния, слуха, зрения. Он был мальчиком в каком-то незнакомом теле и пугающем до безумия мире.

И он оставался Кори как раз достаточно времени, чтобы выдать себя.

Непонятно откуда — ибо он всё ещё следил за вороной, летавшей кругами над рекой, — упала верёвка из сплетённых полосок кожи. Она захлестнулась петлёй вокруг его шеи, мгновенно крепко затянулась, прижав его передние лапы к телу, и потащила обратно из воды, куда он уже инстинктивно бросился. Сила рывка вывела его из равновесия, так что Кори упал на спину, его потащило по земле, и он скользил по глине канала выдры вверх. Так, на спине, его и вытянули из безопасной воды.

А наверху, прежде чем он смог подняться на ноги или же использовать своё страшное оружие зубов бобра и мощь хвоста, его ударили по голове, и во взорвавшейся боли от этого удара исчезли как солнце, так и день.

Вновь Кори очнулся с ощущением явного замешательства. Голова ныла от боли, одну щеку покрывала какая-то клейкая масса, которую ему удалось обследовать языком, и одного прикосновения ему вполне хватило, чтобы понять, что это кровь. Передние лапы были крепко притянуты к бокам верёвкой, а на хвост накинули петлю, другой конец которой обхватывал его шею, так что попытайся он использовать свой хвост как оружие, то любое движение только ещё больше запутало бы его.

Он лежал на боку под каким-то кустарником, и всё

вокруг так и разило норками. Кроме того, не слишком далеко свернулась клубком какая-то норка во плоти, передние лапы и плечо которой закрывал пластырь из грязи и листьев. Этот воин смотрел в сторону от Кори. Его шею тоже обхватывали несколько ремешков бус, теперь сдвинутых к одной стороне пластырем на его ранах, и на них висели ряды зубов, среди которых — Жёлтая Ракушка в гневном щелчке резко свёл свои передние резцы вместе — были и несколько бобровых.

Воин-норка оставался в одном положении, и было ясно, что рана причиняет ему сильные мучения. Время от времени он слегка поворачивал голову и осторожно дотрагивался до края пластыря, словно этот жест давал ему какое-то облегчение от страданий.

Около раненого стражника Жёлтая Ракушка насчитал по меньшей мере пять военных сумок, три из них были сделаны из черепаших панцирей. Это говорило, что он в руках опытного и коварного врага: насчитывающие черепах среди своих убитых врагов считались лучшими в своём племени. Кори попытался проверить силу веревок, стягивавших его. Они были сплетены из кожаных полосок, обвитые тесьмой без каких-либо разрывов. Теперь его судьба зависела от удачи и того очень важного момента, насколько далеко они находятся от селенья норок: было очевидно, что раз его сразу не убили, то сохранили жизнь лишь для какой-то не обещающей ничего хорошего цели в дальнейшем.

Должно быть, сообщила Кори память бобра, сейчас близится вечер. А ночь — время норок, точно так же, как обычно и для бобров. Если они отправятся дальше по воде в темноте, то, возможно, его пленители освободят его, чтобы он мог плыть, и это даст ему шанс...

Однако удача обошла его стороной. Вдруг раненый воин приподнял дубинку, к которой был привязан узелок с

камнями; несколько выступов на нём покрывали мерзкого вида пятна. Наверное, именно таким оружием и был повергнут в беспамятство Жёлтая Ракушка. Нагнувшись, воин-норка прислушался.

Уши бобра уловили то, что наверняка не заметило бы человеческое ухо, какой-то крадущийся звук. А потом появились ещё три норки, словно возникли из-под земли.

Они ничего не сказали стражнику, лишь направились полубегом к своему пленнику, и последняя норка тащила что-то. Что это было, Кори обнаружил мгновение спустя, когда его грубо кинули на мешанину из молодых деревьев, пеньки которых всё ещё торчали вместе с обрубками веток. К этой штуке его и привязали, злобно рванув верёвку. А потом его потащили вперёд, не обращая внимания на увечающие толчки саней, с каждым рывком удаляясь от лагеря.

Но волочить сани было не так-то легко; лучше стало, когда они заскользили за двумя норками, тянувшими их спереди, тогда как сзади подталкивала вторая пара. Вскоре сани забалансировали на гребне склона, затем ещё один энергичный толчок норок сзади, и сани погрузились в то, что могло быть только каналом, проложенным выдрами в ручье.

Путешествие по земле сменилось путешествием по воде, но толчки и дёрганья норок, похоже, и не думали утихать. Потом Кори, неспособный двигаться, с хвостом, ноющим почти так же сильно, как раскалывающаяся от боли голова, почувствовал, что он на поверхности реки, глаза его смотрели вверх в ночное небо. Хотя он не мог повернуть голову, чтобы что-нибудь рассмотреть, он понял почти сразу же, что первый отряд его пленителей присоединился к другому отряду норок. Он спросил себя, находится ли всё ещё в их лапах выдра.

Вскоре взошла луна, и её ясный свет на поверхности

воды, похоже, не встревожил отряд норок. Если у них и был какой-либо враг в этой части страны, то они не боялись его. Наверное, они объявили весь этот район реки своей территорией, и уже прошло много времени с тех пор, как они очистили его от любого, кто посмел бы бросить вызов на их права на здешние охотничьи угодья.

Кори подтянули туда, где к самой воде низко свисали длинные ивовые ветви, напоминая ему, что уже прошло некоторое время с тех пор, как он ел. Сколько... Сколько же продлится этот сон?

Сны... кто-то что-то говорил в самом начале этого дня, который закончился таким странным образом... относительно снов? Что-то о ком-то, кто видит сны? Ох, дядюшка Джаспер... Он же говорил это о Чёрном Лосе. Магические сны... Разве индейцы не верят, что мальчик должен оставаться голодным, пока он видит сон о животном, которое станет его защитником на всю оставшуюся жизнь?

Чёрный Лось... и та сумка, которая, как он говорил, обладает сильным волшебством. Сумка и костёр и дым... Чёрный Лось, заставивший его держать эту сумку над дымом. Ведь сон начался именно с этого — словно он и был сном, вызванным магией. Вот только Кори — не мальчик-индеец, и эти норки, уж конечно, не духи-защитники, которые должны помогать ему всю жизнь. Всё, что появлялось в нём от разума Жёлтой Ракушки, говорило мальчику об их полной противоположности.

А как насчёт чёрных ворон и Изменяющегося, который мог воздействовать на животных и пытался создать человека или, может, даже сотворил его, но которому в конце концов нанесли поражение, потому что он не смог изменять или двигать горы?

Боль в голове Кори усилилась. Яркий свет луны резал глаза, но он не мог отвести их в сторону. Мальчик-бобр закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на желании

пробудиться от этого сна. Только... каким образом можно заставить себя пробудиться? Обычно дурной сон прерывается сам по себе, и вот ты уже лежишь в постели, и гулко стучит твоё сердце, а руки мокрые, и живот скрутило внутри. Мальчик ощущал себя сейчас испуганным и несчастным, только он на самом деле был не Кори, а бобром и пленником.

Плот, к которому он был привязан, продолжал нестись по течению реки, кружась, и он скорее почувствовал, чем увидел, двух плывущих норок, каждая с одного из боков, время от времени направлявших движение плота, поддерживая его неукоснительное продвижение. А потом он услышал какой-то далёкий рёв, и память бобра сказала Кори, что это плохая вода — водопад или, возможно, порог.

Его плот повернулся в воде, когда норки вытолкнули его из стремнины. А чуть позднее он оказался на мелководье, ударяясь о камни, пока военный отряд выволакивал его на берег, после чего его подняли.

— Ты, — какой-то самец-норка, что оказался ближе к нему, наклонил к пленнику голову на тонкой шее, так что он смог рассмотреть блестящие безжалостные глаза воина, — пойдёшь пешком. Остановишься — убьём!

Эти звуки были произнесены настолько невнятно и с таким дурным произношением, что казалось, словно этот самец говорит на языке бобров не очень хорошо. Однако Кори ощутил свободу, когда верёвки, привязывавшие его к плоту, ослабли. А потом его поставили на задние ноги, оставив хвост всё так же привязанным к шее. Верёвку, обмотанную вокруг его передних лап, подхватил всё тот же воин, который прошипел приказ и предупреждение, и резким рывком он повёл его дальше.

Это был трудный путь, и дважды Кори терял почву под ногами и падал среди скал. Оба раза тычками его собствен-

ного копья норки заставляли пленника подниматься на ноги, однажды по его бокам прошлись дубинкой. Каким-то образом он продолжал идти вперёд, однако больше и не пытался думать. Оставалось только одно — следить за едва видимой тропой и пытаться идти по ней.

Они оставили берег реки, тем не менее рёв с той стороны стал громче. А потом они снова повернули, и Кори, всё-таки пытаясь держаться настороже, показалось, что они идут вдоль реки. Дважды они отдыхали, но не ради него, а потому что двое из их компании были ранены, с пластырями из листьев и грязи.

Когда они во второй раз сошли с тропы, Кори увидел, что он не единственный пленник. Впереди показалось ещё одно существо, тоже раненое, связанное верёвками, — выдра. Однако этот зверь, похоже, едва мог двигаться, и две норки тащили и подталкивали его.

Наконец они вернулись к берегу реки, и норки вытянули из потока плот, к которому однажды уже был привязан Кори. К тому времени мальчик уже настолько устал, что когда он вновь поплыл по реке, то провалился в состояние, которое не было ни сном, ни обмороком, а чем-то средним между ними.

Сломанный коготь

В ушах Кори звенели безумные вопли и крики. Он пытался шевельнуться, однако смог лишь немного повернуть свою раскалявавшуюся от боли голову. И когда он сделал это, то увидел сузившиеся глаза какой-то норки, плывшей рядом с плотом, к которому он был привязан. По краям этих глаз была нанесена красная краска, которая добавляла в них ещё больше ненависти.

А дальше, за головой норки, он увидел берега реки, где ещё несколько мохнатых воинов соскальзывали в воду,

направляясь к прибывшему отряду. А потом плот Кори рванулся вперёд, словно его бросила рывком какая-то новая сила, выпрыгнул из воды вверх и приземлился на гравий и камни, больно ударив по его беспомощному телу.

Всё так же, привязанного, Кори поволокли в деревяннорок. И это было вовсе не ограниченное место, как у клана бобров, что сообщила ему память Жёлтой Ракушки, а ряд нор.

Над каждой норой были установлены куски коры, связанные вместе при помощи побегов, все они имели конусообразный вид, но не очень походили на те вигвамы, что Кори помнил из рисунков индейских деревень из прошлого человечества. К передней части большинства из них крепились шесты, с которых свисали полоски меха, нити с зубами, одно-два пера. Ни одно из жилищ не было похоже на другое, и, наверное, подумал Кори, они отмечали личные достижения её хозяина.

Но ему не дали времени долго рассматривать: поток норок — женщин и детёнышей — окружил его. Вооружённые палками, кусками твёрдой земли, они стали бить его, беспрестанно ужасно повизгивая, пока он совсем не изнемог, весь в синяках, от их ударов. Впрочем, в конце концов норки из военного отряда, наверное, опасаясь, что их пленник может быть слишком избит перед тем, что они уготовили для него, окружили плот и отогнали его мучителей.

Они подошли к одной норе, вырытой чуть подальше от остальных, и острые зубы быстро перегрызли верёвки, которые удерживали Кори на плоту, однако узлы на лапах и хвосте не тронули. Его толкнули и закинули внутрь, потом его пленители опустили откидную дверцу, оставив его в сумраке помещения: ещё не наступила заря, и сюда проникало совсем мало света. Наверное, так казалось бы глазам Кори, однако для Жёлтой Ракушки света хватило,

чтобы увидеть, что он здесь не один, что ещё один надёжно связанный пленник лежит на другой половине этой покрытой корой узицы.

Это была выдра, на её меху запеклась кровь, глаза не открывались. Она выглядела настолько обмякшей и неподвижной, что Кори показалось, что, возможно, она уже и не жива — хотя почему в таком случае норки оставили её лежать здесь, если это так, он не мог сказать.

Воспоминания Жёлтой Ракушки пугали Кори — он пытался выбросить их из головы. Не следует думать о том, что делают норки со своими пленниками; ему лучше выбираться отсюда и как можно скорее. Однако все его рывки и потягивания приводили только к тому, что кожаные верёвки ещё сильнее вонзались в плоть, разрезая его мех до самой кожи. Он был весьма искусно связан — нигде не мог наклонить голову так, чтобы ухватиться зубами за верёвки, чтобы перегрызть в один момент: мешала петля, привязывавшая его голову к хвосту. Попытаться сделать это — значит, самому задушить себя.

Через несколько секунд тщетных попыток Кори утихомирился, оглядывая этот вигвам, чтобы увидеть, что бы могло помочь ему.

Вдоль стен, если не считать выходной двери, кучками лежала высушенная трава, словно приготовленная для того, чтобы служить ложем для постели. Однако двух пленников бросили слишком далеко от них. Несколько мешков или кожаных сумок висели под крышей, слишком далеко от его головы. И больше ничего другого — кроме выдры.

Кори повернул насколько мог голову, чтобы понаблюдать за вторым пленником. Глаза выдры теперь были открыты и пристально смотрели на него. Пасть её открылась и дважды со шелчком закрылась. Та часть сознания Кори, что досталась ему от Жёлтой Ракушки, узнала этот сигнал.

«Враг... опасность...»

В этом предупреждении не было необходимости. Части его сознания, как мальчика, так и бобра, знали, что норки и опасность идут вместе. Однако выдра ещё не закончила.

Как и у Жёлтой Ракушки, передние лапы выдры были крепко-накрепко привязаны к бокам, однако она всё ещё могла сгибать свои когти, и те, что были ближе всего к бобру, теперь зашевелились — создавая узор, который также был известен Жёлтой Ракушке. Речь на пальцах всегда использовалась племенами, которые установили между собой дружественные отношения, но не могли общаться при помощи языка.

«Норки и... другие...»

Другие? Что выдра имела в виду под этим?

Лапы Жёлтой Ракушки были так крепко связаны, что уже почти онемели — он едва мог теперь их сгибать. Однако ему удалось небольшое движение к боку, выражавшее желание узнать больше.

«Появились вороны... с приказами...» — выдра напряглась, однако это усилие оказалось таким значительным, что затем она затихла, лёжа и страдая от боли, ослабевшая от одного этого действия.

Вороны? Кори мысленно вернулся к реке, где он наблюдал за воронами и где его почему-то так легко схватили эти норки. Изменяющийся? Ворона, или вороны, несущие приказы, которым должны повиноваться норки? Та часть в нём, что от Жёлтой Ракушки, была напугана почти так же, как и сам Кори, когда он впервые обнаружил себя в этом странном мире.

И, предупреждали мальчика страхи Жёлтой Ракушки, если это какое-то дело Изменяющегося, то это гораздо хуже, чем если бы норки просто вышли на тропу войны. Тем больше необходимо было выбраться отсюда. Кори снова поглядел на выдру. Это животное лежало, закрыв

глаза, словно усилия, которые оно использовало, чтобы вести речь при помощи знаков, полностью истощили его.

Кори попытался продвинуться, извиваясь, в сторону выдры, однако его шея и хвост, связанные вместе, помешали этому, и слабая надежда, что выдра перегрызёт его узы, погасла. А что если выдра сама сможет перекатиться к нему?.. Впрочем, он увидел, что на задние лапы выдры набросили ещё одну петлю, привязанную к колышку, воткнутому в землю, чтобы крепко удерживать зверька в неподвижности.

Но в результате этих безуспешных попыток под его плечом оказался какой-то комок на земле, отчего он почувствовал укол боли. Кори насколько мог повернул голову и увидел, что этот комок — его собственная коробочка-ракушка. Он недоумённо спросил себя, почему стража не забрала его у него. А потом вспомнил, что там хранится — небольшой уголёк. У него же есть огонёк, если только этот уголёк ещё не погас. И есть высушенная трава для ложа постелей. Не сможет ли он использовать это? Нет, сказала та часть его, что была от бобра. Однако часть сознания, что принадлежала Кори, сказала «да», решившись на отчаянный план. Только как ему открыть эту коробочку, когда передние лапы связаны?

Кори начал извиваться, пытаясь приподнять плечо, под которым находилась коробочка. Несколько долгих минут ему это не удавалось — коробочка тоже двигалась, когда он шевелился, упрямо оставаясь под его телом, несмотря на все его усилия. Но затем она немного поддалась, когда бобр в который раз упорно приподнял с ней свой вес. Мальчик не знал, сколько у него ещё есть времени, прежде чем норки появятся здесь. И каждый раз, когда в голове возникала эта мысль, он двигался ещё быстрее, а коробочка, похоже, скользила дальше назад под ним.

Вот наконец она вышла из-под плеча. Теперь он начал

прилагать усилия, чтобы повернуть голову настолько, чтобы перекатить тело так, чтобы он мог дотянуться до коробочки своими резцами. Снова это казалось невозможным, и так трудна была эта задача, что он едва поверил в свой успех, когда в его зубах действительно оказалась раковина и он твёрдо сжимал её челюстями. Теперь добраться бы до травяного ложа слева. Любые попытки двигаться вызывали дикую боль в хвосте или же его горло задышалось. Он мог передвигаться только на несколько дюймов. Но вот наконец, зажав раковину зубами, он носом подтолкнул кучу высушенной травы.

То, что он собирался сейчас сделать, было самым опасным.

Высвободить огонь здесь, где он и выдра лежат такие беспомощные... Однако отчаяние Кори сейчас было сильнее возражений Жёлтой Ракушки, и он не позволял себе думать о чём-либо постороннем.

Мощные резцы, предназначенные для рубки деревьев, сошлись вместе на раковине, и он почувствовал внутри тлеющий уголёк. А потом из всех оставшихся сил Кори выплюнул сломанную коробочку на траву и увидел, как трава подхватила небольшой язычок пламени. Он приподнял вверх заднюю ногу и хвост так, чтобы пламя могло прожечь верёвку, так безжалостно связывавшую его. Вскоре Кори почувствовал запах обгоревшего меха, боль ожога, и ему постоянно приходилось сражаться со страхом, который испытывал Жёлтая Ракушка, чтобы не двигаться. Ибо хотя животные узнали огонь и осторожно использовали его, но всё же они по-прежнему боялись больше, чем человек, его самого древнего инструмента.

И как раз тогда, когда он уже думал, что больше не может противостоять жару, давление на горло исчезло, и он смог наклонить голову вперёд ровно настолько, чтобы одним резким движением разорвать зубами путы на пере-

дних лапах, а затем сделать ещё один рывок, чтобы перегрызть и те, что сковывали его задние лапы.

Он почувствовал боль в лапах, когда в них снова свободно зациркулировала кровь, споткнулся, когда ему захотелось поскорее вскочить. Однако он побрёл, спотыкаясь, к выдре, разорвал верёвку, которая привязывала её к колышку. Потом, потащив меньшее существо вместе с собой, Жёлтая Ракушка добрался до задней части вигвама со стенами из коры. Он отбросил ложе подальше от стены мощными движениями своих лап, бросив его в сторону входа, чтобы создать стену огня между собой и любой норкой, которая попытается войти.

К счастью, трава не загорелась так быстро, как боялся Жёлтая Ракушка, она скорее тлела, клубясь дымком, отчего он закашлялся, а глаза заболели. Однако зубы и когти теперь были заняты работой у задней стены. И под его решительной атакой стена поддалась.

Что он ожидал обнаружить снаружи? Вооружённых норок? Но в этот раз он уже был настороже, готовый к схватке с ними, вместе с несущими увечья хвостом, когтями и зубами. Ведь он, Жёлтая Ракушка, лучше в схватке, чем любая норка, и даже две или три. Даже если они все скопом навалятся на него, он хорошо постоит за себя, пока они не одолеют его.

Именно этот дым, клубьями поваливший наружу, замаскировал их уход. К тому же природа норок ещё больше способствовала этому: у них похожий организм, что и у бобров и выдр, они должны держаться вблизи от воды. Но хотя деревня стояла на берегу реки, норы находились всё же слишком далеко от воды, чтобы удовлетворять требованиям мохнатых налётчиков. Так что, когда Жёлтая Ракушка нырнул в ручей вместе с выдрой, которую он ташил за собой, то он упал в наполненный водой канал, тянувшийся между вигвамами. Погрузившись под поверхность воды и

плывя в сторону реки, он не переставал удивляться. Обычно норки не пытались контролировать течение воды, как это делало его племя. Они не строили ни дамб, ни каких-либо канав, по которым можно было бы сплавлять лес, кору и листья, что означало дома и еду. Но эта канава оказалась теперь спасением для Жёлтой Ракушки и выдры.

Прорытый для более лёгкого тела норки, канал был узковат для бобра; хотя воины, которые схватили его, выглядели больше любой норки из мира Кори, они всё же были поменьше размерами, чем Жёлтая Ракушка. Несмотря на сложность, с которыми приходилось преодолевать тесные участки пути, бобру удалось пробиться сквозь них и протащить вместе с собой и выдру.

Наконец он вынырнул на поверхность, чтобы вдохнуть воздух, и повернул выдру, чтобы прижать раненое тело меньшего животного к стене канавы, в то время как сам перегрызал его верёвки. Глаза самца-выдры открылись, тот только теперь осознал, что происходит вокруг. И едва только верёвки упали, он приподнялся на передних лапах, требовательно подавая знак:

— В реку!

Но Жёлтой Ракушке не нужен был этот настоятельный приказ. Он нырнул под воду, держа одной лапой выдру, пока меньшее животное не начало нетерпеливо извиваться и, высвободившись из хватки бобра, промелькнуло мимо него и проскользнуло из канавы в более глубокие воды.

Они могли передвигаться в реке, однако это могли делать и норки, следуя за ними со смертоносной лёгкостью. И им нужно было, кроме того, опасаться ещё нападения в воде других хищников, которые чувствуют себя в ней лучше, чем норки. Жёлтая Ракушка отметил это про себя, когда самец-выдра в первый момент задвигался быстро, но вскоре с трудом потащился вслед за бобром, и было ясно, что его раны, которые снова закровоточили, замедляют его

движение. Одна была на затылке, даже на вид весьма болезненная. Жёлтая Ракушка подумал, что, должно быть, это от удара дубинкой. Ещё одна рана вывела из строя переднюю лапу, которую самец держал прижатой к груди, словно, чтобы защитить её даже от слабого давления воды.

Кровь изменяла цвет воды, оставляя след, по которому их сможет выследить враг. Жёлтая Ракушка не отваживался тратить время, чтобы разведать, что происходит позади них, посмотреть, обнаружили ли норки их побег. Он мог только надеяться, что они выберут правильный путь за то короткое время, что осталось у них перед тем, как за ними будет выслана погоня. Правда, при удаче загоревшийся вигвам скроет их побег на некоторое время.

Кори теперь даже не пытался сражаться с Жёлтой Ракушкой за контроль над телом бобра. Он только желал, чтобы этот слишком реальный сон закончился и он бы пробудился снова в мире, который всегда знал.

Вверх или вниз по течению реки? Бобр замер в нерешительности. И именно выдра махнул ему своей неповреждённой лапой, что им следует отправиться вверх, против течения реки. И всё же, разве не этого будут ожидать от них норки — вернуться туда, где их захватили в плен?

Выдра снова просигналил в нетерпении:

«Вверх по реке... поторопись...»

Он попытался следовать своим же собственным указаниям, однако плыл неуклюже, и водоворот оттолкнул его в сторону берега. Жёлтая Ракушка легко догнал его, поплыл рядом, поперёк реки, в сторону противоположного берега, прижавшись плечом, Это было медленное и мучительное продвижение, они где только могли держались под водой, останавливаясь для отдыха, где корни или кустарники свисали над водой, чтобы дать им спасительную тень.

Они, как могли, прятались, потому что теперь уже

наступил день, ярко сверкало солнце на поверхности реки, жужжали насекомые, и можно было видеть жизнь, бурлившую в воде и над её поверхностью. Жёлтая Ракушка поел ивовой коры, до которой смог дотянуться, не покидая реки. Самец-выдра своей здоровой лапой отодвигал в сторону омываемые водой камни, бобр помог ему, когда понял, чего хочет его спутник, и вскоре резко поднял вверх лапу вместе с раком, скрывавшимся под подобного рода укрытием.

Выдра передал, что его зовут Сломанный Коготь; он уныло глядел на свою разорванную лапу, когда жестами руки показывал это. И он принадлежал племени Болотного Ручья, хотя сейчас настал сезон, когда его народ разделился на семейные группы и отправился на летнюю охоту. Поскольку пока что у него в норе не было ни женщины, ни детёнышей, его исследовательское путешествие проходило в одиночестве, когда он и был пойман в ловушку норками. Рассказывая об этой своей беззаботности, Сломанный Коготь выказал стыд. Он вышел к верхней части канала, честно признался он Жёлтой Ракушке, и попытался спуститься по нему. Забыв обо всём, наслаждаясь великолепием быстрого спуска, он снова и снова поднимался вверх и спускался, и теперь он уже не мог припомнить, сколько именно раз, совершенно позабыв о всякой осторожности и в конце концов скользнул прямо в ловушку с сетью, устроенную норками.

Однако больше всего его страшили не норки, а то, что за ним, должно быть, следили вороны, сообщившие о нём норкам-налётчикам.

«Изменяющийся...»

— Что Изменяющийся? — спросил Жёлтая Ракушка на языке бобров.

«Кто знает? — похоже, выдра понял достаточно из его гортанных звуков, чтобы показать знаками ответ. Навер-

ное, он понимал бобров, даже хотя и не разговаривал на их языке. — Но худо будет, когда придёт Изменяющийся. Мир может быть захвачен — да говорят, что со временем так и случится».

«Мир может быть захвачен» — пришла пугающая мысль другого существа — воспоминания Жёлтой Ракушки. Настанет день — все травники-знахари утверждают это, поют про это, выстукивают на барабанах, когда Народ начинает танцевать, охваченный наркотическим экстазом — что мир будет захвачен, и тогда ничего не останется таким, каким оно есть сейчас. И всё, что пребывало в безопасности и уверенности, будет сметено прочь, всё прямое станет кривым, всё светлое станет тёмным. И Народ больше не будет Народом, но рабами.

«Рабами...» — лапы Жёлтой Ракушки задвигались в этом знаке, и Сломанный Коготь кивнул.

«Это уже началось. Ты видел водный путь в деревне норок. Его выкопали рабы, бобры, которых они захватили ещё детёнышами и заставили работать на себя».

«И что станет с ними? — Жёлтая Ракушка щёлкнул зубами, а сильный хвост разрезал воду, разрывая водоросли. — Что случится с ними после того, как они это сделают?»

«Они уходят, никто не знает куда, — ответил Сломанный Коготь. — Но вороны Изменяющегося несут множество посланий в эту деревню».

«Если Изменяющийся вмешивается...» — Жёлтая Ракушка вздрогнул. И снова Сломанный Коготь кивнул.

«Верно, — его здоровая лапа шевельнулась в согласии. — Лучше всего, чтобы наши народы знали об этом. Мой народ разбросан, что плохо. Мы должны снова собраться вместе, хотя это и против обычая сейчас, когда стоят тёплые деньки. А как насчёт твоего, Старший Брат?»

«Мы переезжаем в новую деревню. И я разведываю для племени».

«Для твоего народа лучше будет не обнаружить новую воду в этом краю, — ответила выдра. — Чем скорее ты сообщишь об этом своему вождю, тем лучше это будет для твоего племени».

«А ты?»

«Отправлюсь к норе моего вождя, Длинного Зуба, который остался в месте, назначенном для сбора нашего народа в случае прихода времени опасности. Тогда он отправит послания, зажжёт сигнальные костры, которые призовут людей моего племени туда».

«Однако норки наверняка последуют за нами...»

Сломанный Коготь кивнул.

«Да, норки. Если они действительно прислушиваются к словам ворон и тех, кто служит им разведчиком в небе, тогда мы оба должны держать ухо востро на тропе войны. Когда мы в воде, нам нет нужды привязывать траву к своим стопам, чтобы уничтожить следы за собой, но ведь и они также живут в воде, и они узнают о нас», — он оглянулся вокруг места, где они поели, и Жёлтая Ракушка понял, насколько глупо было угощать здесь голод.

Только очень глупая норка не заметит эту объединённую иву, перевёрнутые камни и не поймёт, что бобр и выдра останавливались здесь для отдыха и еды.

Выдра сделал знак:

«Да, мы вели себя здесь как необученные младенцы, мой Брат. Будем надеяться, что это не накличет на нас беду».

Сначала Жёлтая Ракушка подумал, что какие-то из этих следов можно скрыть. Но уже через несколько секунд изучения он понял, что это невозможно. Всё, что они могли сделать сейчас, — это как можно больше увеличить расстояние между собой и этим местом.

Его сильное тело бобра уже почти пришло в себя после грубого обращения с ним норок, хотя головная боль всё ещё не до конца прошла; вытянув лапу, он коснулся

мягкой опухоли на черепе в том месте, где его поразила дубинка воина-норки. Но вот разведчик-выдра был в худшем состоянии. И несмотря на мужественные попытки Сломанного Когтя плыть вперёд самостоятельно, он в конце концов отстал. Когда Жёлтая Ракушка понял это и повернул назад, он обнаружил выдру, уносимую течением, едва-едва удерживавшуюся слабым когтем за скалу в реке.

«Держи», — Жёлтая Ракушка взял здоровую лапу спутника и петлёй набросил её себе на шею вокруг плеч. Выдра, похоже, снова уже терял сознание от усталости. Он лишь следил за тем, что делал бобр, но ничего не сказал, когда тот делал эти приготовления, чтобы тащить его.

Протянув переднюю лапу, чтобы удерживать голову выдры так, чтобы они могли смотреть друг на друга, Жёлтая Ракушка медленно просигналил:

«Где... находится... нора... твоего... вождя?»

Самец-выдра моргнул. А потом шевельнул в коротком ответе своей раненой лапой:

«Ручей... впадает... в реку... большой камень... помеченная краской скала... следом за ручьём».

«Как далеко?» — спросил затем Жёлтая Ракушка.

Однако глаза Сломанного Когтя были уже закрыты, а голова лежала, обмякнув, на лапе, которую бобр использовал в качестве буксира.

Вот так, таща на себе выдру, Жёлтая Ракушка и отправился вперёд, держась берега и по-прежнему стараясь использовать любое защитное укрытие, которое мог найти, чтобы не быть замеченным с неба. Он обнаружил, что плывя вместе со Сломанным Когтем, который был для него только беспомощной обузой, он довольно быстро утомлялся, отчего ему приходилось всё чаще и чаще останавливаться на отдых и вытаскивать выдру из ручья под какой-нибудь выступ, чтобы отдышаться. Дважды он сжимался в комок, когда тень крыльев падала на воду. В первый раз он не

понял, кто это был: какая-то ворона или охотящийся ястреб. Однако во второй раз он точно заметил чёрные перья, он в этом не сомневался.

Долгое время после этого бобр просидел, скорчившись над выдрой в укрытии под выступом берега, не уверенный, что же делать. Если их увидел этот летун тьмы, значит, совсем скоро норки узнают, где они находятся. Но в другом случае, стоит им отправиться дальше по воде, ворона могла затаиться на каком-нибудь дереве и высматривать их продвижение.

Однако норки не показывались, и бобр предположил, что просто тратит драгоценное время, просиживая в этом укрытии. Жёлтая Ракушка снова рискнул отправиться дальше, по-прежнему таща за собой Сломанного Когтя. Однако во время следующего отдыха выдра поднялся и, похоже, уже лучше мог понять, что они делают. Он согласился, что ещё слишком слаб, чтобы отказываться от помощи Жёлтой Ракушки. Впрочем, он настоял, чтобы бобр помог ему подняться на берег между двумя скалами.

С того места он долго и внимательно изучал реку. Жёлтая Ракушка делал то же самое, однако он не увидел ничего, кроме насекомых и птиц — включая двух длинноногих охотников на рыбу и лягушек. И ни одной птицы с чёрный крыльями. А потом пониже их, немного впереди, разошлась трава, прошествовал рысцой олень и опустил голову вниз, чтобы напиться.

Сломанный Коготь стиснул плечо бобра, чтобы привлечь внимание Жёлтой Ракушки. Своей здоровой лапой выдра указал вверх по ручью и на противоположный берег.

Бобр узнал то, что, наверное, и было знаками местности, о которых ему говорил Сломанный Коготь. Однако чтобы добраться туда, им придётся пересечь открытое пространство реки, которое полностью просматривалось с неба. И на противоположном берегу он не увидел ни кустарника, ни какого-либо уступа, где можно будет спрятаться.

Услышав карканье, оба животных вжались между скалами, используя их как укрытие. Вороны — две — летали кругами над рекой. Одна из длинноногих болотных птиц отозвалась в ответ, бросая вызов, возражая против подобного рода вторжения на свою территорию. Но, похоже, вороны обратили на неё не много внимания.

А потом болотная птица поднялась в небо, и Жёлтая Ракушка безошибочно определил намерение, с каким большая птица взлетела: очистить свой охотничий участок от непрошенных гостей. Вороны улетели на юг, и болотная птица махала крыльями, преследуя их. Однако не могли ли соглядатаи за то время, что парили над рекой, заметить их двоих среди скал? Ответа на этот вопрос не было, никакого ответа, кроме как снова со всей возможной скоростью убраться подальше от этого места, прежде чем вороны сообщат о них, если им удастся ускользнуть от болотной птицы и вернуться.

Несущие трубку

Воспользовавшись тем, что вороны улетели, они тут же пересекли реку и обошли подножие скалы, которая разделяла устье второго ручья. Жёлтая Ракушка остановился в удивлении, бросив взгляд на эту каменную колонну: намного выше того уровня, до которого он мог бы дотянуться, даже если он станет во весь рост, находилась глубокая вмятина в форме отметины какой-то лапы. Это не был, как он заметил после более внимательного изучения, след бобра, выдры или норки. Но всё же это был ясный след какого-то животного, оставшийся впечатанным в эту скалу, словно в мягкую землю.

По всей скале попадались следы древней краски, некоторые из них были нанесены в саму эту вмятину, показывая, что это символ действительно могущественной магии; до-

лжно быть, когда-то этот знак указывал на границу территории.

«Лапа...» — бобр плыл, стараясь догнать Сломанного Когтя, который сам всей душой стремился к месту их цели.

«Знак Великого Бога, Речного Духа, — ответил Сломанный Коготь. — Это великое волшебство. Если бы он был выдрой или бобром, то тогда норки не смогли бы пройти мимо него. Однако это знак для всех водных обитателей, и потому нам сейчас не поможет».

Ручей, который позади них разделялся в месте, где находилась эта колонна, оказался именно таким, какой и сам Жёлтая Ракушка выбрал бы, если бы искал убежище, чтобы избежать наблюдения за ними.

Потому что вскоре ручей превратился в узкую полосу воды, сплошь заросшую по берегам кустарником и ивами. И кроме того, было очевидно, что это была территория выдр. Они проходили мимо камней с отметинами выдр, не впечатанными в скалы, конечно же, как это сделал речной дух, но оставленными в рисунках из разноцветной глины повыше уровня воды. Отметины были сделаны не его племенем, и Жёлтая Ракушка не мог прочесть их. Но дважды Сломанный Коготь останавливался рядом с некоторыми, которые казались посвежее остальных и во второй раз он просигналил:

«Многие возвращаются к племени. Возникла опасность... они уже, возможно, знают об этом».

Снова его дух желал больше, чем могло тело. И несмотря на то, что он, похоже, оказался достаточно силён, чтобы самостоятельно войти в ручей и плыть в нём против течения некоторое время без всякой помощи, вскоре он опять начал отставать и в конце концов зацепился за проходивший под водой корень дерева, и Жёлтая Ракушка снова стал помогать меньшему собрату.

Ручей привёл их к болоту, где росла высокая болотная

трава и поблескивало множество водоёмов. Некоторые из них вдалеке покрывала пена по краям, оттуда весьма скверно воняло. Но в самом ручье вода была чистой, и Жёлтая Ракушка почувствовал себя в относительной безопасности — впервые с тех пор, как был захвачен в плен военным отрядом норок. А потом самец-выдра подтолкнул его, и бобр остановился там, где ручей расширялся в водоём, полузапруженный упавшим деревом и бревном, приткнувшимся к нему.

По жесту выдры Жёлтая Ракушка помог Сломанному Когтю взобраться на бревно. Крепко прижавшись раненой лапой к нему, он использовал вторую лапу, чтобы постучать по обломку ветки, всё ещё выступающему из бревна. Тот издал звук, который далеко разнёсся по болоту. Затем Сломанный Коготь помедлил: откуда-то издали через всю эту залитую водой местность до них донёсся глухой стук-ответ.

«Они знают, что мы идём», — просигналил разведчик-выдра, соскользнув с дерева в воду. И Жёлтая Ракушка увидел знаки на бревне, которые говорили, что этот сигнал, должно быть, часто повторялся на нём.

Так они продолжили свой путь, и бобр не удивился, когда на поверхности реки, усеянной водорослями, вдруг появилась выдра для того только, чтобы взглянуть на них, а затем снова нырнуть, лишь на мгновение покрасовавшись перед глазами Жёлтой Ракушки разрисованной мордой, головным убором из перьев и бус из водорослей. Однако в лапе выдра сжимала копьё, и она несла его так, как воин, привыкший к умелому обращению с этим оружием.

Наконец они выплыли, вероятно, в центр этой болотистой местности, кусочек сухой земли, поднимавшейся как островок, отлично защищённый от обнаружения окружавшего его вокруг водного мира. Земля, большей частью глина с многочисленными камнями, была набросана куча-

ми и располагалась, наверное, на каменистом основании. На ней сгрудились норы-кустарники, вместе с грязью, которая затвердела на солнце. Норы имели гладкие стены и полностью располагались над водой, но что-то в их виде напоминало норы бобров — словно они были скопированы с огромных домов народа Жёлтой Ракушки.

Выдры ждали их прибытия, впереди воины, позади них самки и детёныши, но это было почти ничего по сравнению с числом нор. Если, как верил Сломанный Коготь, племя снова собирается, ещё далеко не все из них добрались до этой твердыни на болоте.

Боевые шести возвышались перед пятью норами, знаки боевой доблести свисали с них — не нити с зубами, как в деревне норок, но развевались перья или разноцветные нити из водорослей. Воины помогли Жёлтой Ракушке вскарабкаться на берег: эти последние несколько футов Сломанный Коготь, отказавшись от его помощи, преодолел самостоятельно. Двое первых из ожидавших поспешили к собрату, чтобы поддержать и провести через почти безлюдную деревню к норе посередине, которая была побольше остальных, со сложенными из глины боками, разукрашенной цветными рисунками и с разноцветными отметинами на мягкой поверхности, потом разрисованными чёрной или красной краской. Как на скале в устье ручья, некоторые из отметин поблекли и почти исчезли под воздействием непогоды, однако многие ещё ярко сверкали, словно их сделали совсем недавно. И Жёлтая Ракушка знал, что это записи о племени и клане, и, наверное, нора принадлежит не вождю племени, но тому, кто соответствует рангу мага-заклинателя.

Мимо Жёлтой Ракушки прошёл какой-то воин, чтобы отвести в сторону занавеску, которая была сплетена из сухих водорослей. И бобр остановился на несколько секунд, позволяя Сломанному Когтю и двум поддерживавшим

его выдрам войти первыми. В центре норы был разожжён небольшой костёр, от него поднималась тонкая голубоватая и приятно пахнущая струйка дымка. С одной стороны присел на корточках очень старый выдра-жрец, его морда была почти белой. Когда голова его качнулась в их сторону, Жёлтая Ракушка увидел, что у него только один глаз, а другой обезображен длинным шрамом, правда, давно зажившим. Перед ним находился небольшой церемониальный барабан, сделанный из панцыря черепахи, с кожей из сёмги, высушенной и крепко натянутой поперёк панцыря. Время от времени этот старый самец тихо ударял по барабану, выбивая какой-то шуршащий звук, словно что-то в земле нашептывало ему.

Лицом к нему через костёр сидел самец-выдра помоложе, однако и он был куда старше годами Сломанного Когтя и даже воинов, которые привели своего раненого товарища в эту нору. Его глаза окружали нарисованные чёрные кружки, а на груди висел диск из кости, с резьбой и также разрисованный — знак верховного вождя. С передней лапы спускался на пол квадрат из водорослей, сплетённых вместе, с перьями, воткнутыми в это переплетение, образовывавшими яркое церемониальное одеяние.

Вождь взорвался быстрой речью на языке выдр, которую Жёлтая Ракушка не смог понять, а потом протянул лапу под край своего усеянного перьями одеяния и достал длинную трубку. С помощью двух когтей он умело выдернул горящую веточку из костра и вставил её в чашеобразную часть. От неё исходил душистый запах, и он поднял трубку в направлении крыши норы, неба, снова указал ею на землю, потом на восток, север, запад и юг, и, наконец, предложил стебелёк Жёлтой Ракушке.

Осторожно взяв его передними лапами, бобр сделал глубокий вдох, а потом медленно выдохнул, поворачивая голову в том же порядке, как и вождь выдр, предложивший трубку.

Передав трубку налево, в уже дожидавшиеся лапы старого жреца, который прекратил свои удары по барабану, чтобы взять её, вождь быстро произнёс она языке знаков:

«Нора Длинного Зуба — для нашего брата. Пища и питьё Длинного Зуба принадлежат и нашему брату. Пусть он отдохнёт, поест и напьётся: след, оставшийся позади него, был длинный и трудный».

Ковёр из водорослей, который служил дверью в нору, скользнул в сторону, когда самка, почти такая же старая годами, как и бьющий в барабан жрец, принесла чашу, которую она поставила перед Жёлтой Ракушкой, и вместе с ней — тыкву, которую теперь использовали как чашку, из неё распространялся запах какого-то тушёного растения. Бобр наклонил голову к чаше и обнаружил свежую ольховую кору, приятную на вкус, вместе с луковичками водяных растений.

Пока он ел и пил, вежливо не замечаемый всеми остальными, Длинный Зуб разговаривал со Сломанным Когтем. А потом молодого самца увели его друзья, а вождь остался сидеть перед костром, пристально рассматривая его, и трубка теперь покоилась в его лапах, совсем потухшая. Старый жрец вернулся к тихому постукиванию когтем по натянутой на панцырь черепахи рыбьей шкуре.

Но вот наконец он что-то сказал вождю, и Длинный Зуб медленно кивнул. Старый самец протянул лапу к краю камина и выудил горсть серовато-белого пепла. Он разбросал его над барабаном, добавив вторую горсть к первой, так что теперь сверху барабана лежал тонкий слой порошка.

Потом, положив каждую из лап по бокам барабана, словно чтобы крепко удерживать его, он откинул назад голову, так что его серая морда обратилась прямо вверх к крыше над их головами, и начал монотонно напевать что-то голосом, который оказался тонким, старым и дрожащим. Однако, когда жрец продолжил, то Жёлтая Ракушка, при-

слушавшись, понял, что слышит заклинание могущественного мага, который может управлять великими силами. И поэтому бобр сидел спокойно, не смея пошевеливаться.

Кори почувствовал, как крепко он зажат, став совсем крохотной частью Жёлтой Ракушки там, откуда нельзя сбежать, и это пугало мальчика. Но всё же вместе с этим чувством пришло и понимание того, что он будет присутствовать на какой-то важной церемонии, и он устоял, как и все остальные, на выдру-мага.

Дрожащее монотонное бормотание затихло, и жрец сделал глубокий вдох, втянув воздух лёгкими, словно собираясь нырнуть в воду и оставаться там долгое время. Задержав дыхание, он наклонился вперёд над покрытым порошком барабаном. А потом выдохнул из лёгких воздух, прямо над пеплом.

Кори ожидал увидеть, как весь он исчезнет в облаке пепла, однако этого не случилось. То, что осталось, образовало странный узор, очертания, грубые, но вполне признаваемые, какой-то птицы. И Жёлтая Ракушка узнал этот силуэт: он был привычным для всех речных племён, и, наверное, так обстояло дело и с племенами равнин, хотя с ними речные народы имели мало дел. Это был знак Орла, или скорее тотем Орла — Гром-птица.

Древний тотем, и Длинный Зуб посмотрел на каждого, кивнул, а потом вождь выдр знаками передал Жёлтой Ракушке:

«Ныне на реке творятся нехорошие вещи. Тут и там появляются норки. Они совершают набеги, захватывают пленников, и всегда перед ними, шпионя, летят вороны. Передвигаются кто-то ещё, возможно, духи; но кто видит духов, за исключением тех случаев, когда видишь сон, вызванный колдовством? Для таких, как мы, не мудро смотреть на пути следования духов. Но всё же Изменяющийся — одновременно и дух, и плоть Народа, и то, что он делает, может навлечь на всех нас большую беду. Мы не

знаем, что он делает. Говорят, что через некоторое время он придёт, чтобы взять власть над миром, и Народ станет рабом, если мы выживем. Хотя рабами кого — мы не знаем; возможно, злых духов. Наверное, теперь настало то время, когда он сможет выполнить это. И мы не можем сказать, найдётся ли кто-нибудь, достаточно сильный, чтобы противостоять Изменяющемуся, и кого мы могли бы призвать.

Но из всех нас Орёл живёт и летает выше всего, он ближе всех к Миру Небес. И если он поможет нам, тогда...»

Закончить он так и не успел: в этот момент старый жрец издал резкий крик. Жёлтая Ракушка так был поглощён словами вождя, что пристально смотрел только на говорящие лапы выдры, и теперь вздрогнул и бросил быстрый взгляд на лицо говорившего. Потом резко повернул голову и увидел, что старый самец пристально разглядывает его, Жёлтую Ракушку, изучая пришлого бобра.

В этот момент зашевелились скрючившиеся лапы жреца, дрожа, не так беспокойно, как лапы Длинного Зуба, однако с той же властью, что и у вождя.

«Знак Изменяющегося на тебе! Ты присутствуешь здесь — и ты не бобр!»

Кори не знал нужного знака, однако его лапы бобра задвигались в ответе, который был правдив.

«Я есть я, и я не совсем бобр. Однако, — поторопился добавить он, — я не враг».

«Да, не враг, — согласился выдра-маг. — Ты друг для нас, для всех, кто противостоит Изменяющемуся. Слушай внимательно: если ты обнаружишь что-то, что повергнет его, то, может, тебе удастся разделить себя из сообщества бобра-с-другим снова на полностью бобра и полностью другого, а потому отправляйся к Орлу. Ибо это существо-дух, и Орёл знает больше, чем мы... Или, может, ещё Ворон знает, Ворон, чья танцующая музыка сотрясает воздух, который поёт песни-о-могущественной-силе для племени Орла».

Кори был охвачен нетерпением.

«Вы имеете в виду Орла... он сможет вернуть меня обратно?»

Но выдра-маг покачал головой.

«Только Изменяющийся может изменять. Однако есть способы, пути, силы могущества, чтобы заставить его... порой. И от Ворона, который обладает силой духа, ты, возможно, сможешь узнать то, что явится копьём для охоты на Изменяющегося».

«Мы посылаем трубку Орлу, — теперь заговорил Длинный Зуб, и его когти сверкали в свете костра, когда лапы зашевелились. — Если ты хочешь, то можешь отправиться вместе с несущими трубку. Мы в большом долгу у тебя за то, что ты привёл Сломанного Когтя назад, однако это путь духа, и потому по нему не стоит следовать, если к тому не призывает большая необходимость. Правда, если ты считаешь, что такая необходимость есть, то отправляйся вместе с нашими людьми в горы».

«Да», — ответ Жёлтой Ракушки был быстрым и уверенным.

«Тогда отдохни, — знаком передал выдра-маг. — Ибо путь предстоит долгий и трудный. И потребуется время для заклипания трубки. Будут песни и танцы силы, чтобы она была готова для использования».

Бобру указали на кипу травы — ложе в задней части норы вождя, чтобы он отдохнул там, и он с благодарностью свернулся там клубком, настолько уставший, что уже не мог держать глаза открытыми. Но когда он проваливался в сон, то спросил себя, что если человек грезит в своём родном мире — как это должно было происходить с Кори, — то как можно спать в собственном сне?

Его разбудил какой-то звук, и несколько мгновений он не мог вспомнить, где находится, однако сухая, приятно

пахнущая трава под носом и телом, когда он шевельнулся, зашуршала, отчего мальчик тут же всё вспомнил. Итак, сон всё ещё продолжается, и он по-прежнему бобр Жёлтая Ракушка; ему не потребовалось глядеть на лапы, которые были его руками, или на мех своего тела, чтобы убедиться в этом.

Кори повернул голову. Старый самец-выдра отложил в сторону свой барабан и присел на корточках, скорчившись, у костра. Перед ним лежала метёлка связанных вместе ремешков, на которые были нанизаны бусы срезанных водорослей и семян, а также кусочки перьев. Над всем этим выдра-маг держал поднятыми передние лапы, и Жёлтая Ракушка понял, что это магическая сумка, а значит, один из его хозяев обладает великой силой. Часть этой силы теперь входила в выдру-мага. Он монотонно заклинал, но очень тихо и на языке выдр, который Жёлтая Ракушка не понимал.

Кончиками когтей старый самец-выдра разложил вокруг и над собой разукрашенную связку соединённых вместе рыбьих шкур, и над этим ещё одно плетение из травы, которое было ярко расписано краской и знаками могущества из разноцветной глины. После чего он встал, с какой-то неуклюжестью, будто ощущая сильную боль и затрачивая много сил, чтобы прикрепить метёлку обратно на перевязь, свисавшую с крыши норы.

Снова присев на корточки, жрец сидел, слегка касаясь передними лапами своей груди, тихо что-то напевая. Однако он не ждал долго. Дверь-занавеску откинули в сторону, и появился Длинный Зуб, неся длинный свёрток, раскрашенный наполовину красным, наполовину чёрным цветом, так что Жёлтая Ракушка понял, что это тоже магическая вещь.

За ним следом вошли ещё две выдры-воина, и каждый нёс боевой шест, который он вонзил в землю перед костром со стороны, где было его место.

Вождь положил свою связку на разукрашенный коврик и развязал первую из обёрток, в то время как все они что-то бормотали нараспев. Вторая обёртка оказалась жёлто-синей, третья — вся красной, а последняя — белой, и каждую Длинный Зуб развязывал с величайшей заботой. А потом на свет объявилась и трубка.

Это была трубка для особых церемоний, очень старая, как понял Жёлтая Ракушка. Её чашечка была изготовлена из красного камня, который с потрясающей терпеливостью выдолбили так, чтобы тот принял форму головы выдры. Длинную рукоять украшали водоросли, семена-бусы, и она была выкрашена в чёрный цвет.

Когда трубку освободили от всех обёрток, старый маг наклонился вперёд, чтобы взять её в свои сморщившиеся лапы и передать ей силу, которая втекала в него из магической связки. Кори заметил, что жрец больше не касался её, как и никто из остальных выдр, включая Длинного Зуба. Через несколько минут вождь снова завернул трубку в обёртки, которые свободно лежали под ней, — одна, две, три, четыре. Когда последняя была надёжно завязана, вождь уложил всё это в ящик, покрытый жирной рыбьей шкурой, — последнюю защиту для свёртка. И к ящику был приделан ремень для ношения, так что у того, кто его понесёт, лапы останутся свободными.

Жёлтая Ракушка привстал, трава его ложа зашуршала, и звук этот показался очень громким в норе, где уже перестали тихо напевать. Старый маг прошёл, раскачиваясь, обратно к ложу по свою сторону от костра и свернулся там клубком, словно вся эта работа чрезвычайно истощила все запасы его энергии.

«Солнце и сон имел ты здесь, брат, — знаком передал Длинный Зуб Жёлтой Ракушке. — Ты сейчас себя хорошо чувствуешь?»

«Да, младший брат. Я готов к путешествию по тропе».

«И тропа ждёт тех, кто понесёт трубку, — ответил Длинный Зуб. — Поешь из наших чаш, напейся из наших запасов, брат, а потом отправляйся с нашей благосклонностью».

Он, должно быть, сделал какой-то знак или издал звук, который Жёлтая Ракушка не заметил: тут же вновь вошла старая женщина с чашей, от которой исходил пар, и новой связкой водянистых корней и ольховой коры. И Жёлтая Ракушка съел всё, что смог запихнуть в себя, зная, что хорошо отправляться в долгое путешествие, насытившись до отвала: этим он оказывал честь хозяину норы.

Они выступили на закате. Несущими трубку оказались те самые воины, которые участвовали в церемонии в норе вождя, только теперь с их меха была смыта церемониальная краска, и они шли, имея только защитные белые крути вокруг глаз и на гребне у лба. Не было у них и копий: даже норки должны уважать врагов, путешествующих с магической трубкой, чтобы, подняв лапу на таких путешественников, не вызвать гнев всех духов на себя.

Жёлтая Ракушка подошёл к норе, где лежал Сломанный Коготь, его раны были покрыты лечебными грязью и растениями. Молодой воин, чьи глаза потускнели из-за лихорадки, с горячим желанием посмотрел на бобра.

«Я... бы... я тоже мог бы... отправиться... по этой тропе...» — просигналил он медленными движениями своей неповреждённой лапы.

«Я это знаю, брат, — отвечал Жёлтая Ракушка. — Но если в этот раз ты и не отправляешься по этой тропе, то будет другой раз, когда ты сможешь. Знай же, между тобой и мной — кровь и клятва, и мы — как два щенка одного помёта».

«Это... правда... и мы вместе выйдем на тропу войны против норок!»

Жёлтая Ракушка кивнул.

«Да, брат мой, духи желают этого!»

Трое покинули болото по водному каналу, настолько заросшему водорослями и кустарниками, что Жёлтая Ракушка догадался, что его скрывают намеренно. Местами проход был таким узким, что тело бобра едва протискивалось меж берегами, однако выдры проскальзывали без труда.

Ещё до наступления зари они оказались далеко от болота и пробирались по местности, представляющей большую опасность и поросшей лесами, направляясь к ручью, который должен был привести их к горам. Его спутники, похоже, были так уверены в тропе, что Жёлтая Ракушка следовал за ними без раздумий. Однако они шли со всей осторожностью сквозь лес, поев, прежде чем вступить на эту опасную территорию, из содержимого сумок из рыбьих шкур, где находился шалфей и другие сильно пахнущие растения, вместе с маслом, чтобы скрыть их запах от хищников.

Один раз им пришлось спрятаться, тесно прижавшись друг к другу, в дупле бревна, заросшего корнями, следя за тем, как мимо проходила пума. Она тихо рычала про себя и, хотя Жёлтая Ракушка не понимал языка больших кошек, он мог догадаться, что та, должно быть, неудачно охотилась утром и теперь намеревалась компенсировать тот промах. Но то ли подействовала отталкивающая гадость, которой пропахли их тела, то ли оказал свою силу дух трубки, но зелёные глаза не повернулись в их сторону. И смерть на четырёх лапах прошла мимо и ушла прочь от того места, где они сидели в укрытии.

Жёлтая Ракушка вдруг понял, что ему трудно идти вровень с выдрами, хотя они опустили на четыре лапы. Они бежали, то сутулясь, то разгибаясь, в то время как он с трудом передвигался, неуклюже шаркая ногами. И он знал, что задерживает отряд, хотя посланцы ничего не говорили об этом.

Лес сплошь покрывал поднимавшийся вверх склон, и они направились в сторону этих высот. Кори вдруг понял, что слышит зов какой-то вороны, как во время их бегства по реке. В то же самое время он осознал, что видит вокруг себя больше, чем замечал до этого. Смотреть на мир глазами Жёлтой Ракушки — оказалось действительно видеть новый мир. Несмотря на то, что дальность видения ограничивалась близостью к уровню земли, даже при сравнительно большом размере тела бобра, острота зрения при этом была намного выше, чем у мальчика.

Они больше не останавливались, чтобы поесть; еда у них фактически кончилась. Жёлтая Ракушка нёс только копье, которое Сломанный Коготь настоятельно посоветовал ему взять с собой, оно было короче и легче тех, какими он пользовался до этого, но с очень острым острием. А у его двух спутников — только трубка в обёртках, в свою очередь несомая на ремне, перекинута через плечо.

На рассвете они вышли из леса на краю лощины, а ниже, в каньоне, бежал ручей, который они искали. Путники осторожно спустились по холму, и все трое с благодарностью бросились в воду, и выдры тут же начали переворачивать камни в поисках любимого лакомства — раков.

Жёлтая Ракушка не был так удачлив. Ему оставалось только надеяться, что впереди им попадётся что-нибудь, что наполнит его пустой желудок. Или же, если выдры планируют отдыхать днём, а путешествовать ночью, может, ему удастся исследовать ручей внизу по течению и вернуться назад.

Он знаком задал вопрос, и более старший из выдр ответил. Впереди их ждал заливчик с крутыми откосами, если берег там ещё не разрушился. Разведчики из деревни давно сделали этот залив местом отдыха. Что же касается поиска пищи внизу по течению реки... наверное, со сторо-

ны Жёлтой Ракушки было бы благоразумным попытаться осуществить это. Впереди им встретится совсем немного растительной пищи, и он может остаться голодным, так как не способен разделить с ними их добычу.

Залив благополучно сохранился, и выдры юркнули в его тень, вылезли из воды и принялись кататься на полосе песка, вытирая свой мех. Жёлтая Ракушка осторожно огляделся, отмечая в сознании приметы этого места. После чего снова нырнул в воду, на этот раз поплыв вниз по течению ручья.

Некоторое время ничего, кроме скалистых стен, не встречалось, и голод его стал ещё больше, потому что у него появился страх, что придётся совершить долгий путь назад натошак. Но наконец он вышел из теснины между скалами, которые образовывали как бы врата, и за ними увидел небольшой луг.

Олень фыркнул и ударил копытами, потревоженный его появлением на берегу, когда бобр направился к неплохой группе ив. В раннем утреннем небе не видно было чёрных крыльев, и он пополз от воды, надеясь найти что-нибудь себе на завтрак.

В конце концов ему удалось наесться до отвала, хотя пища оказалась похуже, чем в деревне выдр. К тому же после этого он нарезал себе куски коры, которые будет не слишком трудно нести, и связал их вместе крепкими корнями. Помня о предупреждении выдр, он подумал, что предусмотрительнее будет понести с собой еду в горы, и он надеялся, что этого количества окажется достаточно.

Сделка с орлами

Когда они выступили в путь после наступления темноты, Жёлтая Ракушка понял, что связка коры сильно мешает ему, однако через некоторое время, когда они уже прошли

далеко вверх по течению ручья, после того, как им дважды приходилось выбираться из воды, чтобы обойти небольшие водопады, он был рад тому, что захватил пищу: вокруг тянулась пустынная земля, голые скалы и камни, зелень почти не попадалась. Если здесь что-либо и росло, то это был только скрюченный под ветром кедр или что-нибудь подобное, что не годится в пищу для бобра.

Рассвет застал их высоко в горах, и прямо перед ними возвышался гигантский пик. Выдры — Красная Голова и Каменная Нога — знаками показали, что это и есть их цель и им придётся выбраться из ручья и карабкаться вверх по стене, чтобы достичь земли племени орлов.

Снова они нашли убежище на светлое время дня. Жёлтая Ракушка экономно тратил свою еду и увидел, что выдры последовали его примеру: поохотившись на раков, они поймали больше, чем съели, а оставшихся перевязали ремнями из рыбьей кожи.

«Где находятся норы Орлов?» — показал знаками Жёлтая Ракушка, когда выдры вернулись с этим запасом еды.

«Вверх, вверх и вверх...» — ответил Красная Голова.

«Пойдём по тропе?»

«Только часть пути, а потом просигналим костром, — это уже Каменная Нога решил ответить. — Когда Орёл говорит с нами, он отправляет своих воинов, чтобы они пронесли нас оставшуюся часть пути».

Жёлтой Ракушке всё это не понравилось. Когда земля или вода сулит безопасность под тобой, это одно. А когда тебя уносит в небо какой-то орёл, который, возможно, вовсе не дружелюбно относится к тебе, то это совершенно другое. Однако он не сказал этого своим спутникам: похоже, полёт был обычным способом посещения ими Орлов — если они встречались с Орлами до этого. Но если даже его спутники и не побывали там сами, то кто-то из их деревни, должно быть, делал это, иначе бы они не были настолько уверены в том, как добраться в поднебесье.

Бобр снова уснул. Но проснувшись в этот раз, Жёлтая Ракушка приподнял голову, прислушиваясь: он не был уверен, но какое-то странное чувство говорило ему, что они трое в этой лощине между двумя скалами не единственные, кто стремится в сторону гор, что и другие животные — или твари — приходят сюда с какой-то целью. Однако, как он ни всматривался, ни прислушивался, напругая уши, пытаясь расслышать то, что не мог увидеть, всё было впустую, если не считать того, что два раза мимо пролетело какое-то насекомое да однажды птица низко промчалась над водой, правда, без чёрных перьев.

Он чувствовал себя беспокойно, как и выдры. Дважды Каменная Нога, старший из его спутников, выскальзывал из их расщелины в воду, но не всплывал на поверхность, выбросив вверх заднюю ногу, приказывая им тоже двигаться вперёд, как это было в обычае его клана. Он исчезал, ныряя с такой решимостью, словно собирался скрыться из виду в один миг. Один раз он отправился вниз по течению, другой раз — вверх, и оба раза вскоре возвращался, знаками сообщая, что в реке нет ничего, кроме рыбы. Они продолжали наблюдать за землёй, но не отваживались отойти от ручья, погружаясь в короткий сон по очереди, один при этом всегда оставался на страже.

С наступлением сумерек они всё-таки оставили воду и начали заключительную часть своего путешествия по горам. Карабкаться по камням оказалось куда труднее и медленнее; как выдрам, так и бобру это не нравилось. Тучи закрыли оставшуюся незатемнённую часть серого вечернего неба и, казалось, стягивались тутим кольцом вокруг вершины горы, на которую они взбирались. Внезапно налетел дождь, сильный, хоть и недолгий, так что им пришлось прятаться под укрытием, где они переждали его ярость, пока порывы ветра не стихли, и только тогда они смогли пересечь открытое пространство на своих бедных избитых лапах.

Вспышки молний были яркими и резкими.

Гром-птица. Сознание Жёлтой Ракушки нарисовало странную картину для Кори: гигантская птица, сидевшая на вершине горы или размахивавшая крыльями в облаках над ней, выстреливая струи огня из-под широко распростёртых в небе крыльев.

Во время одной такой вспышки он увидел, что Каменная Нога грязью помазал свою морду под глазами, и понял, что это мера предосторожности воина-выдры, которую подарила ему земля. И тогда Жёлтая Ракушка тоже вытянул лапу, чтобы поскрести в маленькой расщелине под валуном, захватить достаточно влажной земли и проделать со своим лицом то же самое: земля отлично противостояла силе ветра и воды, а принять эти меры защиты для них сейчас стало крайне необходимо, на этой стороне гор, где буйствовали ветер и вода.

Через некоторое время Красная Голова, который возглавлял их шествие, свернул в сторону на последнем утомительном подъёме, и они выбрались с обдуваемого всеми ветрами склона в напоминающую чашу ложбину между двумя скалами, которую частично ограждали стена горы и сильно выдававшийся отрог. Через ложбину сплошным потоком тек ручей, но когда выдры уверенно спустились в эту расщелину, Жёлтая Ракушка последовал их примеру.

Темнота так сгустилась, что даже бобриная способность видеть ночью не могла тут помочь. Вскоре молнии перестали бить, буря начала утихать, поток воды превратился в тонкую струйку, а потом и вовсе исчез.

Жёлтая Ракушка держал лапы в этом ручейке, пока тот не иссяк. Его бедные лапы никогда не предназначались для подобного нелёгкого карабканья по труднопроходимым скалистым склонам, все четыре были исцарапаны и кровоточили, но вода успокаивала боль. Он ожидал, что выдры продолжат путь, но когда этого не случилось, он начал

думать, что, наверное, это то самое место, откуда подают сигнал для орлов.

Остаток ночи они проспали в этой ложине, укрытые от затихавшей бури, у ног их лежали узелки с едой, надёжно завёрнутая трубка находилась между двумя выдрами. Но когда наступил рассвет, они зашевелились, и Красная Голова достал точно такую же коробку-раковину с огнём, как та, что Кори использовал во время бегства от норок.

Жёлтая Ракушка огляделся в поисках дерева. Если Красная Голова хочет разжечь костёр, то здесь должно найтись хоть немного дерева. Однако он не увидел ничего, если не считать казавшегося совсем иссохшим кустарника, каким-то образом удерживавшегося на крутом склоне.

«Это?» — знаком спросил он, показывая на кустарник.

Выдра кивнула, и Жёлтая Ракушка, выбравшись из ложины, отправился туда и срезал куст, что оказалось делом не таким уж лёгким: он боялся вызвать оползень, который потащил бы и его с собой. Однако острые зубы, терпение и усердие помогли ему свалить дерево. За две ходки он перетащил всё в расщелину.

А в это время Красная Голова доставал тлеющий уголёк, чтобы запалить новое пламя. Каменная Нога же вытащил небольшую сумку и теперь держал её в лапе, дожидаясь возвращения бобра. Первый воин-выдра взял немного веток и сучков у Жёлтой Ракушки, и заботливо выстроил из маленьких палочек треножник. Он же маленький, слишком маленький, подумал Жёлтая Ракушка, чтобы гореть долго, но бобр не видел ничего другого подходящего вблизи.

Когда ясные лучи утреннего солнца наконец коснулись склона горы, где укрывались путники, Красная Голова положил уголёк в вигвам из веточек куста, и бобр увидел клуб дыма, поднимавшегося вверх. Когда первое маленькое пламя запылало, Каменная Нога вытянул вперёд лапу и быстрым движением высыпал содержимое сумки на косте-

рок. В результате пламя ещё больше разгорелось, став намного более густым и тёмным, красноватого оттенка, подобного которому Жёлтая Ракушка никогда прежде не видел. Ограждённый скалистыми стенами расщелины, в которой они прятались, дым поднимался вверх и вверх. Этим утром совсем не было ветра, словно буря прошлой ночью истощила его силы. И клуб дыма напоминал лестницу, словно поднимавшуюся к самой Небесной Стране.

Жёлтая Ракушка припомнил старые легенды о таких лестницах и о том, как люди с земли иногда карабкались на них вверх, однако не многие находили, что Небесная Страна готова приветливо встретить таких непрошенных гостей. Может... может, выдры верят, что Орёл и в самом деле живёт в мире духов?

Но его спутники не предпринимали попыток лезть вверх подобным образом. Нет, они лишь доели речных раков из своих сумок, с аппетитом, словно не видели теперь смысла в том, чтобы оставлять что-нибудь из еды на потом. Следуя их примеру, Жёлтая Ракушка покончил с остатками своей высохшей коры и хрустевших листьев и обнаружил, что не вполне насытился.

У бобра не было способа измерять время в мире, где часы неизвестны. Но ему показалось, что костёр очень быстро сгорел. И всё же выдры не собирались куда-то уходить, даже поискать ещё дерева для другого костра. Съев всё, что было в их сумках из еды, они снова устроились, как раньше, с трубкой между собой, словно собирались проспать весь день.

Жёлтая Ракушка чувствовал какое-то беспокойство, ему хотелось то ли идти вперёд, то ли возвращаться назад и спуститься с горы. Возвращение было возможно: он ясно видел след, оставленный ими, в лучах солнца. Но выдры были правы, пути вперёд не было. Они уткнулись прямо в крутую стену утёса, словно какой-то великан однажды своим ножом вырезал эту расщелину в горе.

Тень промелькнула мимо скалы. Жёлтая Ракушка застыл, когда это крылатое создание начало кружиться над ними, с каждым крутом опускаясь всё ближе к тому месту, где горел костёр.

Из расщелины вышли выдры. Пока ещё не поднимая трубку между своими телами, они приподнялись во весь рост. Бобр сделал то же самое. Крылатое создание устроилось на вершине отрога, который служил стенкой их укрытия.

Это был орёл, и несмотря на то, что Кори никогда не видел ни одного из них так близко от себя, ему показалось, что он намного больше, чем птицы его родного мира — также, как и тела бобра и выдры.

Орёл поворачивал голову с одного бока на другой, глядя с высоты на них, продолжая держать крылья распростёртыми, а не прижав их к своему огромному телу. Жёлтой Ракушке пришлось отклониться назад и опереться о хвост, чтобы хорошенько рассмотреть огромную птицу. Теперь он заметил, что ноги орла обвязаны каким-то разноцветным материалом, с которого свисали семена и погремушки, срезанные со змеиных хвостов.

У орла не было оружия. Кори подумал, что ему оно и не нужно, достаточно собственных ужасных на вид клюва и когтей. И теперь орёл раскрыл этот клюв, издав крик, который потряс Кори, и от гор с той стороны, откуда он прилетел, донеслось слабое эхо.

Выдры в свою очередь стали объясняться на языке знаков. И Жёлтая Ракушка легко прочитал эти знаки. Их было всего несколько, ясных, говорящих, что они несут трубку, что у них миссия мира от племени к племени.

Закончив, выдры уселись, ожидая ответа. Казалось, орёл размышлял, словно чтобы убедиться в правдивости их рассказа. Затем ещё раз он издал тот пронзительный крик. И в ответ вниз перед утёсом спикировали другие тени, два его товарища.

Выдры, словно это было самым естественным приветствием в мире, вышли на открытое пространство, и Каменная Нога крепко привязал к себе верёвку с сумой, где хранилась трубка, используя дополнительный ремень, которым до этого он связывал котомку с раками.

После чего орёл, который появился первым, и Каменная Нога поднялись в небо. К Красной Голове подлетел второй орёл, а третья чёрная тень зависла над Жёлтой Ракушкой. В этот момент бобру очень захотелось убежать отсюда. Слишком это было похоже на реальную опасность, которые он знал в прошлом, а не на какой-то дружественный акт. Однако у него не осталось времени что-нибудь предпринять. Когти обхватили бобра, и одним рывком, от которого он почувствовал тошноту, Жёлтая Ракушка оказался в воздухе, а безопасная земля быстро удалялась вниз.

Между путешествием на комфортабельном лайнере в его родном мире, как вскоре обнаружил Кори, и тем, когда тебя несёт орел, существует огромная разница. Мальчик закрыл глаза, стараясь не чувствовать крепкой и болезненной хватки когтей, потока ветра, надеясь только, что путешествие окажется очень коротким.

Его скорее бросили, а не опустили, и он кувыркнулся в болезненном полупрыжке. Открыв глаза, Жёлтая Ракушка с трудом поднялся на ноги... и с удивлением обнаружил паразитальное место на гребне этой высокой горы.

Наверное, эта башня из камня и земли была порождена каким-то вулканом, и теперь они находились там, где когда-то пылали огоньки пламени внутри: в бассейне со склонами, края которого были образованы неровным камнем. В центре окружности из каменных отрогов находилось озеро. А вокруг этой воды росли деревья и трава, какой-то лесной оазис.

Лицом к лицу с этим озерком и стоял сейчас Жёлтая Ракушка, скинутый вместе с выдрами на песочную полосу,

протянувшуюся к воде. Древний кратер служил деревней орлов: на каменных скалах среди разрушенных колонн и нагромождений валунов возвышались гнёзда, сложенные из кустарников.

Это была плотно заполненная деревня, повсюду наблюдалось движение — в основном взрослых птиц, несущих пищу своим пронзительно вопящим птенцам. Но орлы, принесшие животных-путешественников, не остановились в этой деревне, а по спирали начали подниматься в направлении стены бассейна, где, как увидел Жёлтая Ракушка, влетали и вылетали из расщелины в скале другие птицы.

Выдры занялись связкой с трубкой, освобождая её от обмоток, стаскивая защитное покрытие из рыбьей шкуры. Однако, когда они бережно положили трубку на песок, поверх неё по-прежнему лежали четыре слоя из раскрашенных шкур, и конец с чашечкой трубки был направлен в их сторону, а рукоятка — в сторону деревни за озером.

Впрочем, повелитель орлов показался не со стороны деревни, а начал спускаться из скал, совершая широкие круги, и потом уселся на огромный валун у берега, который был весь во вмятинах — словно поколения орлов усаживались там до него.

Пучки меха ласки (ласка считается храбрым воином, умело уклоняющимся от преследования) свисали с ожерелья на его шее, вместе с зубами пумы, словно он в самом деле вёл подсчёт удачно нанесённых ударов по этим самым могущественным из своих четырёхногих врагов. Это был гордый и проницательный вождь, больше привыкший повелевать на тропе войны, чем вести мирную жизнь, подумал Жёлтая Ракушка, глядя на него с благоговейным ужасом.

На скалах пониже расположились ещё несколько орлов рангом пониже, и каждый из них носил своё воинское ожерелье, где висели на нитях свидетельства их прошлых побед. Но последний появившийся был вовсе не орлом.

Сначала перед Жёлтой Ракушкой промелькнуло мимо-лётное видение смертоносных чёрных крыльев — неужели ворона? Но потом он увидел, что это был ворон, гораздо больших размеров, чем те вороны-разведчики, которых он видел, когда они со Сломанным Когтем бежали вверх по реке.

На шее Ворон не носил воинского ожерелья, однако к его ногам были привязаны погремушки гремучих змей, и он принёс ремень с небольшим барабаном, размером с заднюю лапу Жёлтой Ракушки. У него не было нарисованных красной или жёлтой краской кружков вокруг глаз, как у орлов. И лишь лёгкий мазок белой краски, призрачно-белой, делал очевидным и ясным отметину, которая располагалась прямо над его клювом.

Когда выдры задвигались в медленном церемониальном действии, разворачивая трубку, обёртку за обёрткой, орлы и Ворон сложили свои крылья. Выдры работали молча, и никаких звуков от птиц, сидевших в такой тишине, не доносилось, так что казалось, словно они были высечены из камня, на котором сидели. Даже шум из деревни стал тише, и Жёлтая Ракушка увидел, что оттуда улетает и прилетает лишь несколько птиц. Многие взрослые орлы устраивались на своих гнездовьях, все лицом в направлении берега и собравшихся для переговоров прибывших животных и их вождя.

Наконец трубку достали из последней обмотки и положили на солнце. Она засияла, словно солнце зажгло красный огонь в её чашечке. И тут впервые заговорил Каменная Нога, его голос то звучал громко, то утихал в каком-то бормочущем заклинании, которое, хотя бобр и не понимал слов, наверняка было магическим песнопением, обращённым не к орлам, но к какому-то охраняющему духу.

Закончив, Красная Голова, двигаясь с осторожностью,

опустил щепотку табака в чашеобразную часть и достал свою коробочку-раковину, где хранился тлеющий уголёк. Однако он пока что не зажигал трубку. Он ждал.

Последовал период долгого ожидания, или, по крайней мере, это Кори показалось долгим ожидание. Но вот вождь орлов слетел со своей скалы на камень пониже, приблизившись к выдрам. Оттуда он вытянул вперёд свою лапу, когтями обхватив рукоятку трубки. Красная Голова зажёл трубку, и вождь орлов поднял её в небо, направив в сторону земли, а потом на все четыре стороны света, точно так же, как проделывал Длинный Зуб до этого с другой трубкой, когда приветствовал Жёлтую Ракушку в деревне выдр.

Вождь закурил, выдохнул клуб дыма из клюва, передал трубку Ворону. И Ворон в свою очередь передал трубку Каменной Ноге, тот — Жёлтой Ракушке, и дальше — Красной Голове. Выдохнув последний церемониальный клуб дыма, воин-выдра выбил пепел табака из чашечки трубки и положил её снова на обмотки, по-прежнему направив рукоятку прямо на вождя.

Огромная когтистая нога поднялась так, чтобы когти могли двигаться, передавая знаками:

«Меня зовут Штормовым Облаком Быстрых Богов, Могучих Крыльев».

Каменная Нога просигналил в ответ:

«А мы — Каменная Нога и Красная Голова, те, кто несёт трубку. А это Жёлтая Ракушка, кто...»

Ворон спрыгнул вниз со своего каменного насеста. Среди орлов он казался маленьким. Стоя на земле, лицом к бобру, он оказался почти таким же по размерам, как и Жёлтая Ракушка. Он двигался, покачиваясь, и Кори увидел, что на его левой ноге нет когтя. Однако он твёрдо держался, когда просигналил:

«Это бобр, и всё же не бобр».

«Это уж точно», — сказал про себя Жёлтая Ракушка.

«Ты несёшь трубку? — орёл посмотрел на него. — Ты говоришь за бобров?»

«Только за себя одного. Маг-выдра сказал, что Ворон обладает могущественной силой, которая может помочь мне стать полностью и бобром, и другим, разделившись снова».

«Но это не касается дела трубки, — широкое движение когтистой ноги выразило нетерпение. — Лишь ради трубки можно вызвать Штормовое Облако. Что говорят выдры?»

Лапы Каменной Ноги задвигались неторопливо, показывая знаки величественных церемониальных манер речи на его родном языке.

«Много бед на реке. Те, кто служат Изменяющемуся, летают и совершают набеги. Норки захватывают пленников для него, и мы не знаем, что с ними происходит. Наш жрец входил в контакт с духами, и сны его были зловещими. Мы должны узнать, кто такие Быстрые Летуны, Могущественные Крылья, которых видели на земле. Даже границы Небесной Страны — в их власти, и немного может быть скрыто от их острых глаз».

Возникла ещё одна пауза, прежде чем Орёл ответил:

«Верно, происходят новые события. Деревня Изменяющегося передвинулась поближе к месту Каменных Деревьев, несмотря на то, что охота там хуже. Выглядит всё так, словно они ждут кого-то или чего-то, что должно произойти. Ночами ходят духи; возможно, вы ощущали их передвижение. Но для того, чтобы узнать больше, мы должны заняться поисками — а нас и так осталось немного».

Ворон начал энергично кивать головой вверх-вниз.

«Да, да, лучше не привлекать к себе внимание Изменяющегося, чтобы не напоминать ему о себе. Но разве ваш жрец не боится, что пора, о которой говорили, близка — что мир вот-вот будет захвачен?»

Кори увидел, как все орлы беспокойно зашевелились, переводя взгляды от Ворона на выдр. Он увидел, что их беспокоит один тревожный вопрос.

«Этого всегда нужно бояться», — ответил Каменная Нога.

«Да. Что ж, Гром-птица обитает дальше. Мы зажжём душистый дым, тот, что он любит ощущать под своими крыльями, и прокричим громко ветру, что мы напуганы. Но кроме того, сообщите своему вождю, — продолжил Штормовое Облако, — что мы будем вести разведку с воздуха и выведем всё, что сможем. Никто из тех, кто служит Изменяющемуся, не сможет скрыться или улететь от нас, когда мы узнаем, направили ли они свои силы против наших».

Снова среди орлов произошло шевеление, когда они горделиво вытянулись во весь рост на своих скалистых насестах, как будто уже готовые прокричать свои воинственные кличи.

«Быстрые Летуны, Могущественные Крылья, это великие боги, не проигравшие ни одной битвы, — знаками показал Каменная Нога. — Если они это сделают, тогда все на реке узнают, что мы подготовимся к любой войне, если война — именно то, что ожидает нас».

Вместе с Красной Головой он начал заворачивать волшебную трубку, бережно завязывая каждый узел. Однако Ворон обратил теперь всё своё внимание на Жёлтую Ракушку.

«Ты пришёл к Ворону, — сказал он. — Уши Ворона открыты, чтобы услышать твою просьбу».

«Я уже говорил, за чем я пришёл — маг-выдра поведал мне, что если я хочу снова стать тем, кем был до того, как Изменяющийся посмотрел на меня, то я должен отправиться к Орлу и Ворону».

Однако Ворон покачал головой.

«Да, я могу вызывать духов. Это духи неба, духи ветра и несколько духов земли. Но с могуществом Изменяющегося они не могут справиться. Они могут только сообщить тебе, куда отправиться за поиском ответа, самого же ответа ты от них не получишь».

«И вы попросите их об этом за меня?»

Клюв Штормового Облака щёлкнул резко, привлекая внимание Жёлтой Ракушки. Когда бобр взглянул на него, тот передал знаками:

«Для этого требуется мощное заклинание. Подобного рода вызывания духов не делаются ради пустяков. С твоим народом у нас не заключён мир с древних времён, у нас нет с тобой, Бобр-Который-Не-Полностью-Бобр, ни дружеских, ни братских отношений».

«Дружба зависит от дающего также, как и от принимающего, — часть сознания Жёлтой Ракушки дала более храбрый ответ, чем мог бы это сделать Кори. — Я не прошу, чтобы мне давали там, где я сам ничего не даю. Что вы хотите от меня в качестве цены за подобного рода заклинание?»

Ворон не ответил — казалось, словно он считал, что заключение сделки — дело только Жёлтой Ракушки и вождя. Сам он явно был рад решению Штормового Облака.

«Ты из тех, кто владеет водой, — ответил после долгой паузы Орёл. Может, он в это время пытался определить какого-то рода плату, что пойдёт на благо его племени, подумал Кори. — Вот это наше озеро временами слишком переполняется. С утёсов падают скалы и перекрывают ручей, отчего он пересыхает, и тогда приходится заниматься трудной работой по очистке. Дважды бури так наполняли его, что гнездовья, находящиеся внизу, уносило прочь. Выкопай канал, по которому бы стекала вода, каким мы могли бы пользоваться во время подобных бедствий, и тогда твоя просьба будет удовлетворена».

«Но я только один здесь бобр, — возразил Жёлтая

Ракушка. — А для подобного рода дела требуется целый клан бобров».

Клюв Штормового Облака снова щёлкнул в нетерпении:

«Целый клан не просит вызывания духов, этого просишь ты. Поэтому это задание для тебя. И, наверное, только ты сможешь обнаружить место для канала, который можно будет легко очищать от наносов».

«Что смогу, сделаю», — пообещал Жёлтая Ракушка.

Выдры, закончив заворачивать трубку, теперь готовы были уйти, и Штормовое Облако уже назначил двух из своих воинов, чтобы они отнесли их по воздуху к подножию горы. Тем не менее у Жёлтой Ракушки нашлось несколько минут, чтобы переговорить с ними. Он знаками выказал желание, чтобы они нашли его народ и предупредили их, что не следует отправляться на юг в те речные земли, откуда надвигается беда. И это будет сделано, согласно кивнул Красная Голова, они отправят лучших своих разведчиков на север. После этого выдр подхватили орлы, которые, похоже, хотели сами избавиться от своих гостей как можно скорее, а Жёлтая Ракушка остался.

Штормовое Облако также раскрыл крылья и устремился обратно к скалам, и только какой-то молодой орёл носился по воздуху над бобром, когда Ворон просигналил:

«Треснувший Клюв покажет тебе ручей», — хватка орла крепко сжала Жёлтую Ракушку, и он вновь оказался в воздухе, в пугающем полёте.

Заклинание орла

Когда орёл-воин опускал его у стока озера, Жёлтая Ракушка рассматривал эту местность. Через узкое ущелье вытекал ручей, и бобр видел, что упавшие сверху скалы действительно легко запрудят его. Однако с такой проблемой его народу ещё не приходилось прежде сталкиваться:

обычно они наоборот — создавали, а не расчищали запруды.

Он проплыл вдоль речного стока, обследовал оба берега, пытаясь определить, где требуется углубить ложе водяного потока. И не увидел никакого способа прорыть туннель в сплошном камне утёсов.

Вдоль скал стока он вернулся к озеру и начал исследовать остальной берег у этого конца. Орлу, принесшему его, надоело это, он улетел прочь, и Жёлтая Ракушка остался один на один с задачей, которая казалась ему неразрешимой. Однако бобр упрямо отказывался признаваться в неудаче.

В конце концов бобр передними лапами и головой неожиданно провалился сквозь заросли кустарника в яму в склоне кратера горы. Если всё это озеро образовалось на месте действующего вулканом, тогда эта расщелина тоже появилась в давние времена, а позднее потоки застывшей лавы образовали крышу над ней. Плюхнувшись в яму, Жёлтая Ракушка обнаружил, что это никакая не расщелина, как он сперва предположил, а настоящий канал, который вывел бобра, когда он в кромешной темноте пробрался вдоль разлома, на открытый склон горы с противоположной стороны стены кратера.

Он вернулся назад в долину с озером и присел на корточки у края воды, с огромным аппетитом поедая свежую кору, собранную, пока он исследовал берег вблизи этой трещины. Для одного бобра здесь была огромная работа, но он не видел никакой другой возможности добиться того, чтобы у озера орлов появился в случае бедствия запасной сток. К полудню он всё ещё был занят работой.

Берег озера требовалось подкопать и срезать так, чтобы получился открытый канал в ту трещину. Он копал передними лапами, пока они не стали кровоточить, как тогда, когда он брёл по камням. Нужно было вытаскивать камни,

оттаскивать и затем снова укладывать их друг к другу, чтобы соорудить что-то вроде желоба для стока.

Он упорно работал всю оставшуюся часть дня, продолжив и ночью, лишь время от времени останавливаясь, чтобы передохнуть или снова поесть зелени, которой, к счастью, кругом имелось в изобилии. И вот наконец он прорыл неровную канаву в земле, частично укреплённую стеной из камней и стволами твёрдых молодых деревьев, которые он смог разбить и вбить в камни для большей надёжности. Потом всё это основание он покрыл слоем грязи, смешанной с переломанным кустарником, выровняв таким образом ложе канала. Всё это сооружение поднималось над нынешним уровнем озера на рост его тела, и в начале канала он построил ещё одну стену из небольших камней, которые в случае необходимости легко можно будет сдвинуть сильными когтями орлов.

Когда вставало солнце, бобр лежал у берега, и воды озера омывали его кровотокающие ноги. Он так устал, что ему казалось, что нет сил подняться. Впрочем, проявив всё лучшее, что умели бобры в искусстве строить плотины, он обеспечил орлов тем, в чём они нуждались. И если река, вытекающая из озера, снова будет запружена упавшими камнями, то всё, что им потребуется сделать, так это разрушить тонкую перемычку, которая закрывает новый сток, и поток воды потечёт по новому каналу. Конечно, не было никакой возможности проверить это, пока не случится подобное бедствие, и Жёлтая Ракушка хмуро спросил себя, не потребуют ли орлы такого доказательства до того, как выполнят свою часть договора.

Над ним в воздухе раздалось хлопанье крыльев, и орёл, который принёс его сюда, а может, другой, только похожий на него, приземлился на краю сдерживающей плотины, которую построил Жёлтая Ракушка. Он раскачивался, глядя на канал, выстроенный бобром.

Жёлтая Ракушка слишком устал, чтобы даже поднять лапу и передать какой-то знак. Тем не менее он кивнул, сначала в сторону озера, а потом в сторону сделанного им канала, надеясь, что орёл, если это был посланник, поймёт, что задание выполнено.

Острые глаза птицы переместились от животного к каналу, ведущему в тёмную расщелину, открывшуюся сбоку от озера. А потом его когти показали серию знаков:

«Это путь в скалах?»

Жёлтая Ракушка выгнул свои кровоточащие лапы из успокаивающей боль воды и тоже знаками ответил:

«Путь сквозь стену горы. Когда вода поднимется, нужно будет выгнать камни, на которых ты сейчас стоишь. Это откроет новый путь для стока...»

Орёл наклонил голову, исследуя плотину, на которой он сидел, коснулся клювом одного из находившихся на самом верху камня, как бы проверяя устойчивость, а может, оценивая возможность удаления их, когда наступит в том нужда. По-видимому, он остался удовлетворённым, потому что, не показывая Жёлтой Ракушке других знаков, взмахнул пару раз крыльями и взлетел над озером, направляясь, как заметил бобр, не к деревне, а к утёсам, куда улетели накануне днём Штормовое Облако и сопровождавшие его воины.

Жёлтая Ракушка расчесал свой испачканный в грязи мех, сморщившись от боли в кровоточащих ранах на лапах, однако он заставил себя вычистить шкуру, дожидаясь, когда придут орлы для проверки его работы. Их высокомерие было известно всем племенам, однако и бобры, разумеется, были не самыми худшими среди Народа. Как жаль, что у него не осталось коробочек с красками, его церемониальных бус и пояса, чтобы он мог выглядеть подобающим образом: глядя на работу, на которую он затратил множество часов, Жёлтая Ракушка подумал, что может гордиться ею.

Орёл, прилетевший, чтобы проверить его работу, действительно оказался посланником: вскоре в небе появились другие крылатые существа, и Штормовое Облако вместе с ними. Наверное, его сопровождали помощники в управлении племенем или самые опытные воины; чуть погода все они устроились на плотине. Орлы внимательно осмотрели плотину, канал за ней, расщелину, в которую должна будет в случае необходимости устремиться вода. Жёлтая Ракушка знаками показал вождю орлов, для чего предназначена каждая часть стока.

И что теперь — потребуют ли орлы от него демонстрации, для чего он должен будет каким-то образом запрудить второй речной сток и направить воду в этот канал? При мысли об этом его лапы взорвались от боли, а спина заныла. Впрочем, похоже, что Штормовое Облако не настолько сомневался в искусности бобра.

Вождь орлов сам прошёлся по сухому руслу, просунул голову и плечи далеко в отверстие расщелины. Наверное, он разглядел свет на другом конце, который теперь стал более заметным: Жёлтая Ракушка очистил также и выход, чтобы ещё больше облегчить сток воды.

Затем вождь орлов вернулся обратно и стал лицом перед бобром.

«Отлично, — показал он знаками. — Ты сделал то, что было нужно. Поэтому и мы выполним теперь своё обещание».

Вероятно, он подал какой-то сигнал, который Жёлтая Ракушка не заметил: один из следивших за ним воинов вдруг схватил бобра и взлетел в воздух. Жёлтая Ракушка закрыл глаза, испуганный тем, что находится так далеко от безопасной земли и висит без движения в когтях несущего его орла, и холодный ветер дует вокруг него.

Они не вернулись к берегу, где находилась деревня, куда перед этим были доставлены выдры, нет, они поднимались

к утёсам, откуда появился сам Штормовое Облако. Там оказался ровный уступ, на который и опустили бобра, и он осторожно сел как можно ближе к его середине, стараясь не выказывать своим хозяевам недоверия к этим скалам — по крайней мере он так надеялся.

Камни вокруг него покрывали трещины и разломы, и эти дыры и расщелины, похоже, служили этим птицам в качестве нор. И сейчас перед Жёлтой Ракушкой зиял провал одного такого отверстия. И все они были раскрашены рисунками, которые отмечали успехи и дела не только живых воинов, ныне населявших их, но и их предков: должно быть, эти орлы живут здесь уж долго-предолго. Однако нора в камне, к которой Жёлтая Ракушка сейчас стоял лицом, заметно отличалась от остальных: на всех рисунках изображались волшебные талисманы. И когда бобр согнулся, чтобы посмотреть на них, Ворон выпрыгнул вперёд из трещины у входа. Он энергично замахал крыльями, и по его призыву двое молодых орлов появились позади него, у одного был небольшой барабан, разрисованный красной и белой краской, а у другого — какая-то связка, которую он осторожно положил рядом с пятном на скале, почерневшей после многочисленных костров.

Орёл, принёсший связку, потом отошёл вбок и за три-четыре ходки принёс к месту костра несколько небольших кучек хорошо высушенного дерева, которые он сложил в форме вигвама. После этого он вместе с остальными орлами отправился к насестам, остался только один, с барабаном. Всё это открытое пространство занимали скалы, где можно было сидеть. Жёлтая Ракушка покрутил головой справа-налево и понял, что все птицы спокойно расположились кольцом, хотя он не отворачивался от Ворона, чтобы посмотреть, находятся ли они также за его спиной.

И тут барабанщик начал стучать когтями правой ноги, сначала тихо, потом с большей силой, так что звуки, что

сперва казались только бормотанием грома, становились всё громче и громче.

Ворон взял уголёк из коробочки с огнём, положил его в вигвам из деревянных веточек и бросил в пламя то, что взял из своих связок.

Появился дымок, разноцветный, сначала голубой, потом красный — и воздух заполнила смесь незнакомых запахов. Клубья дыма не расходились, а вставали ровными прямыми колоннами к облакам, как это было в случае с сигнальным костром выдр. Жёлтая Ракушка, запрокинув назад голову на своей толстой шее, чтобы следить за тем, как они уносятся ввысь, подумал, что всё больше и больше это напоминает верёвку, тянущуюся к Небесной Стране — которая отсюда, с вершины горы, не может быть слишком далёкой.

Неужели Ворон собирается с помощью этого костра достичь Мира Небес и поговорить там с людьми-призраками?

Похоже, что нет. Пока дым был густым и поднимался ввысь, Ворон отвязал танцевальные погремушки со своих ног и взял черепаший панцыри, наполненные камешками. После чего он начал танцевать вокруг костра, и, танцуя, пел, хотя звуки, которые он издавал, не имели смысла для Жёлтой Ракушки.

Как бы ни был утомлён бобр, он попытался побороть сонливость; но всё же несмотря на все его усилия голова упала вперёд на грудь, а глаза закрылись. Потом он, наверное, выпрямился, вздрогнув, торопливо оглядываясь, чтобы увидеть, не заметили ли это орлы или Ворон.

Но они следили только за Вороном. Наконец Жёлтая Ракушка больше не смог сражаться со сном, и вскоре провалился в беспамятство.

И хотя он даже признавал, что грезит, ему привиделся какой-то спиритический сон, такой, что, проснувшись, невозможно забыть.

Он плыл высоко в небе, но не несомый одним из орлов, когда испытывал страх перед возможным падением, а словно и у него тоже были крылья — всю его жизнь.

А ниже него простирался весь тот мир, что был знаком Жёлтой Ракушке. Вон там озеро, от которого отправился его клан на своём пути к югу. И он теперь видел их, узнавая любого бобра. И среди них была какая-то выдра, и они следили за тем, как это животное производило передними лапами какие-то знаки. И Жёлтая Ракушка узнал этот предупреждающий знак: путь на юг заказан, и им нужно теперь поворачивать назад, а, может, на восток или на юг, чтобы оказаться в безопасности.

Ещё он увидел реку, болотистую топь с деревней выдр, где воины теперь изготавливали новые копья, а женщины работали, собирая побольше еды, словно они предполагали, что их островок-дом, возможно, окажется в осаде.

Увидел он и селение норок, где его и Сломанного Когтя держали пленниками, и там норки хлестали бичами рабов-бобров, измождённых, израненных, низкорослых, заставляя их рыть всё новые каналы. И Жёлтая Ракушка стиснул зубы, охваченный безудержной яростью при виде этого.

Но это было ещё не всё, что духи захотели, чтобы он увидел. Он скорее не сам летел, а его несло вперёд, на юго-восток, и горы с гнездовьями орлов теперь остались далеко за его спиной. Вот так он и оказался в местности, которая была прерией, местами переходившая в пустыню. Там располагилась какая-то деревня, и он теперь понял, что то, что показывается ему, — твердыня Изменяющегося.

Всё ниже и ниже спускался он к этой деревне, пока не испугался, что кто-то из этих существ внизу вскинет голову к небу и заметит его. Но никто не делал этого: этот странный спиритический сон охранял его. И бобр ступил на землю перед норой со стенами из шкур и которая стояла поодаль от остальных. Рисунки на ней изображали великую

и мощную магию, так что он боялся протянуть вперёд лапу и приподнять занавеску входа. И всё же Жёлтая Ракушка должен был сделать это: та нужда, что привела его сюда, приказывала ему это.

Поэтому бобр вошёл в нору и понял, что это жилище великого волшебника. Однако духи его сна направили его взгляд к шесту в центре норы и связке, висевшей на нём, и он понял, что именно это должно оказаться у него, если он собирается снова стать только Жёлтой Ракушкой. Однако когда он поднял переднюю лапу, чтобы взять связку, клуб тёмного, смердящего дыма поднялся с места костра, и он отпрыгнул назад, отчего вывалился мимо занавески снова наружу. А потом он обнаружил, что не может возвратиться, что он снова несётся в воздухе, направляясь прочь от этого города койотов, обратно к горам орлов. И вот наконец он очнулся среди скалистых утёсов, сидя перед костром, и Ворон больше не танцевал. Стучание по барабану тоже прекратилось, не было ни барабана, ни других следивших за Вороном орлов. И уже началась ночь.

«Теперь ты знаешь», — Ворон не показал знаками, а просто пропищал эти слова на языке бобров, которые, хотя и были произнесены с сильным акцентом, однако оказались вполне различимыми, чтобы Жёлтая Ракушка мог понять их.

«Да, я знаю», — ответил бобр.

«Ты должен отправиться туда и взять волшебную связку, чтобы заставить затем Изменяющегося исправить сделанную однажды ошибку: в этой связке заключена его сила и без неё он всего лишь половина того, чем он хочет быть».

«Долгий путь, — заметил Жёлтая Ракушка. — На него потребуется много времени».

«Но не слишком долгий, если лететь с помощью крыльев, — живо ответил Ворон. — Да, на четырёх ногах он окажется очень длинным, однако мы облегчим его тебе».

«Вы очень добры...»

Ворон открыл клюв, резко рассмеявшись:

«Я делаю это не по доброте, Бобр. Я делаю это, потому что Изменяющийся и я давно уже враждуем между собой. Когда-то мы были друзьями и вместе творили магию. А потом он в тайне от меня узнал кое-что и не поделился этим со мной, пошёл своим путём и лишь смеялся, когда я говорил ему, что мы должны вести себя как братья и не предавать знания друг от друга. Поэтому усмири Изменяющегося, и я буду рад этому. Я бы попросил у тебя эту магическую вещь, однако духи предсказывают, что это должно послужить другой цели. Впрочем, лишённый её, он будет страдать, а это как раз и есть моё желание».

Он встал и погремушки для танцев на его ногах издали слабое дребезжание.

«Я не прошу тебя войти в мою нору, Бобр: там много вещей, на которые лишь один я могу безбоязненно глядеть. Однако ты обнаружишь укрытие вон в той расщелине, и еду. Отдохни некоторое время, а потом придёт тот, кого ты видел в первой части своего путешествия».

Жёлтая Ракушка заполз с открытой площадки, обдуваемой ветром, который теперь стал совсем пронизывающим, в трещину, на которую ему указал Ворон. Там он нашёл немного коры, которую, должно быть, принёс один из орлов. Сам бы он выбрал себе другое, и на вкус она оказалась горькой. Но бобр съел её с благодарностью и свернулся клубком, чтобы заснуть.

Ещё в темноте когтистая лапа разбудила его. Над бобром стоял молодой орёл-барабанщик. Увидев, что Жёлтая Ракушка открыл глаза, он быстрым знаками показал, что они должны отправляться. Он не дал бобру времени, чтобы возразить или спросить что-то: едва только Жёлтая Ракушка выполз из расщелины, как он подхватил его, и они

унесли в тёмные облака навстречу ветру. Уже в третий раз его испугал полёт в воздухе, и бобр закрыл глаза, чтобы вынести его. Но в этот раз ему пришлось труднее: полёт оказался куда более долгим, чем когда его поднимали на гору или переносили к озеру. Теперь те перелёты показались только краткими мгновениями опасности, угрожавшей ему.

Над ним ровно били мощные крылья, и Жёлтая Ракушка догадался, что, как во сне, они направляются на юго-запад, прочь от гор и лётят над пустынной прерией, в которой он видел ту деревню койотов. Он попытался обдумать, что он должен будет делать, когда окажется там. Завладеть такой драгоценной вещью из норы, в которой она висела и которая находилась посреди вражеской деревни, — дело опасное, трудно надеяться на успех этого предприятия. И всё же спиритический сон дал ему ясно понять, что он должен это сделать.

Внезапно Жёлтая Ракушка почувствовал, что орёл спускается, и открыл глаза. Поскольку его держали лицом вниз, он и в самом деле увидел землю, приближавшуюся к нему. До наступления утра осталось совсем ничего, и теперь свет уже стал сероватым — однако всё же ещё было достаточно темно, и землю покрывали тени.

Орёл не стал мягко опускать его, а просто ослабил хватку, отчего Жёлтая Ракушка упал посреди зарослей кустарника и в следующий миг сражался со всеми колючими ветками. Когда он освободился от пут, принесший его орёл выглядел как очень далёкая, быстро удалявшаяся точка в небе, и у него не было возможности поблагодарить птицу, если только можно действительно сказать спасибо, когда тебя с такой бесцеремонностью бросают на незнакомую землю, возможно, совсем рядом с вражеским поселением.

Жёлтая Ракушка привстал на задние лапы и огляделся.

Он оказался посреди прерии, где почти ничего не росло, совершенно открытая местность: он видел только низкорослый кустарник, и казалось, что эти растения от зарождения жизни здесь не знали, что такое хорошая почва и обилие воды. То тут, то там виднелись полоски песка, где вообще ничего не могло расти.

Он медленно повернул голову. Деревня койотов, где бы она ни пряталась, должна находиться не слишком далеко от источника воды: питьё всегда должно быть у любых животных. Жёлтая Ракушка стал принюхиваться к каждому дуновению ветра, он делал глубокие вдохи во все стороны, надеясь обнаружить запах воды.

Он должен был найти воду не только потому, что она привела бы его к деревне, но и потому, что это был источник еды. Та ссохшаяся гадость, которую добыли для него орлы накануне ночью, лишь пригасила голод, на самом деле до конца так и не удовлетворив его, и теперь бобр хотел есть, он просто нуждался в еде и должен был добыть её.

Он стоял лицом к югу, когда совсем слабый запах, который он выискивал, донёсся до него. И ничего нельзя было поделать, он должен был идти пешком по местности, которая отнюдь не предназначалась для передвижения неуклюжего и медленного зверя. И лишь надежда когда-либо достигнуть той воды заставляла бобра держаться настороже ко всему тому, что находилось вокруг.

Солнце уже поднялось, когда он пошёл вперёд, лапы начали снова болеть, обдираясь о горячий и твердый суглинок. При любом удобном случае он старался придерживать полосок с грубой травой, которая давала хоть какую-то мягкость. Здесь имелаась жизнь: он видел птиц, раз или два — ящеров, вылезших из нор на утреннее солнце прежде чем жара загонит их обратно в укрытие. И один раз он сделал широкий круг вокруг места, где спряталась змея, о чём его предупредил ненавистный мускусный запах.

Единственное, что радовало, — то, что запах воды становился всё сильнее и сильнее, заставляя его двигаться вперёд, страстно желавшего плюхнуться в какую-нибудь речку, может, даже в озеро с прохладной водой. А потом он замер и низко согнулся в тени кустарника, надеясь, что вовремя спрятался. Громкие вороньи крики, от которых заболели уши, хорошо разносились в этой местности.

Поворачивая голову вверх-вниз, Жёлтая Ракушка смог рассмотреть ворон, когда они пролетели над головой — их было три, тоже, как и он, направлявшихся на юг, но только под небольшим углом к востоку. Если он всё же рискнёт поверить, что они направляются в деревню койотов, тогда, значит, есть надежда, что он всё же сможет добраться до воды на некотором расстоянии от врага: запах, похоже, тянулся с востока на запад.

Окончательно убедившись, что вороны уже далеко, Жёлтая Ракушка, покинув укрытие, заковылял дальше. Замечая впереди любой кустарник или островок высокой травы, где он мог бы растянуться на земле в случае необходимости, бобр со всей скоростью, какую только мог развить, перебегал, петляя, от одного кустарника к другому.

Теперь запах воды стал таким сильным, что он с трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться на бег. Однако он сохранял осторожность и двигался от одного укрытия к другому, пережидая между переходами. Солнце уже начало припекать, и здесь летало больше птиц, но ящеров он больше не замечал. Однажды он увидел пару кроликов. Они нанесли на себя окраску, говорившую, что они совершают набег, и двигались с осторожностью, как и он. Молодые самцы, подумал он, возможно, смело пытаются добиться какого-то трофея в этой стране койотов — хотя, подумал он, их смелость — это просто юношеская глупость, и любой трофей, добытый таким образом, был бы скорее к стыду, а не к славе.

Бобры считают храбрость ценной вещью, как и остальные племена Народа, однако глупый храбрец не получал от них похвалы за свою глупость. Жёлтая Ракушка осторожно продвигался, чтобы не быть замеченным этой парой, хотя в любое другое время он бы поинтересовался у них, куда идти. Если они действительно взялись за койотов, что только и можно предположить, то ему не хотелось, чтобы пошли слухи об его пребывании здесь, где одинокий бобр сразу привлечёт к себе внимание и вопросы.

Земля вдруг оборвалась крутым склоном, и Жёлтая Ракушка посмотрел вниз в пропасть. Наверное, в другое время года ручей на дне её и мог бы считаться рекой, однако теперь он совсем пересох, превратившись в цепочку водоёмчиков, все слишком мелкие, чтобы плавать в них, по крайней мере те, что он увидел. Однако это была вода, и всё его существо страстно стремилось окунуться в неё.

Вот только это ущелье было всё на виду. Отважиться на спуск здесь, безо всяких укрытий, означало просто покрасоваться перед любой вороной или же каким-нибудь койотом-разведчиком.

Жёлтая Ракушка под углом стал спускаться к берегу, томным взглядом взирая на озерца, на которые в любое другое время он бы посмотрел с отвращением из-за грязной воды в них. Пока он спускался, водоёмы стали больше размерами и уже соединялись друг с другом, что служило верным признаком едва текущего ручья. Наверное, поближе к источнику этой высыхающей речки воды будет побольше.

Наконец бобр увидел зелёные растения, растущие на самом дне ущелья, и со вздохом облегчения полурухнул и заскользил вниз, а потом и вообще покатился к краю ручья. Впрочем, он не настолько забыл об опасности, чтобы не оборачиваться и не уничтожать широкими движениями своего хвоста все следы, которые оставались после него.

Здесь росла низкорослая ольха, и он с наслаждением отведал её. Но он был достаточно осторожен, чтобы сдирать веточки и кору, где нелегко было бы заметить эти просветы. И он также нарезал небольшую связку на будущее, как раньше, когда путешествовал в горах. В этой полупустынной местности нельзя слишком полагаться на то, что сможешь что-то потом обнаружить.

Неподалёку нашлось одно озерцо, в котором удалось глубоко погрузиться в воду, смочить свой испачканный песком и землёй мех, успокоить ноющие лапы. Он нырял и плавал, постоянно держась тени деревьев, плывущей на поверхности воды, пока не почувствовал себя почти таким же сильным, как прежде.

Судя по солнцу, уже миновал полдень. Он отдался слабому течению воды, пытаясь решить, что делать дальше. Как и большинство племён Народа, койоты предпочитают темноту ночи яркому свету дня. И с наступлением темноты лагерь их будет настороже после пробуждения. Имело смысл сейчас оглядеться, если деревня находится не слишком далеко отсюда. Привязав к себе ремнями из водорослей связку с едой, бобр поплыл, подходя к берегу лишь тогда, когда вода становилась слишком мелкой. Впрочем, теперь таких мест попадалось не много. Фактически, череда водоёмов вскоре превратилась в ручей, и он смог передвигаться быстрее, чем утром.

Каменный лес

Уже настал закат, солнце почти скрылось за горами на западе. Жёлтая Ракушка распростёрся на земле в чаще, энергично протирая огрубевший мех своих передних лап листьями, имевшими сильный запах. Он надеялся, что, может, им удастся заглушить свой мускусный запах, хотя было вполне возможно, что он ошибается; однако это была

единственная защита, которую он смог сейчас придумать. Ему предстояло пробраться в лагерь койотов, в нору, которая была расположена чуть поодаль от остальных, в ту самую, что он видел в своём спиритическом сне.

Он следил за ней долгое время. Однако занавеска входа оставалась опущенной, в то время как в других норах лагеря они были приподняты, и маленькие палочки удерживали их в таком положении. Это могло означать одну или даже две вещи: что нора действительно была пуста, или же что её владелец дома и не хочет принимать никаких посетителей. А для целей бобра между этими двумя фактами была огромная разница.

Уже приближался конец дня, когда он обнаружил эту деревню на северном берегу обмелевшей речки. На южном же тянулись частые полоски песка, и дальше местность действительно переходила в пустыню.

У Жёлтой Ракушки было немного времени, чтобы исследовать или разведать лагерь: койоты уже пробудились. Молодые самки спускались к краю воды, неся с собой кожаные сумки, растёртые жиром, чтобы сделать их водонепроницаемыми, и уносили воду обратно в свои вигвамы. Вокруг носились щенки, играя друг с другом. И бобр видел, как из своих нор выходили зевающие воины, потягивались, гримасничали, показывая длинные клыки, ловили мух: наступало время ночной охоты. Он спросил себя, как там те два храбрых кролика — не поймали ли их здесь прежде, чем они покинули эту территорию?

Если бы ему противостоял один койот, два или даже три, то он рискнул бы драться один. Зубы его, хвост и копё представляли собой смертоносное оружие. Однако встретиться с целым племенем — это было бы похоже на ту засаду норок, в которую он угодил. Поэтому Жёлтая Ракушка осторожно удалился вниз по реке и спрятался, чтобы обдумать свои действия.

Он мог, конечно, спрятаться и дожидаться конца ночи, а затем попытаться следующим утром проникнуть в ту нору, когда деревня снова уснёт. Но время — вот что было важно. Он не мог сказать себе, почему это так важно, но только это было так.

Итак... он мог пока только наблюдать, ожидая свой шанс, и после того, как группы охотников уйдут и жизнь в деревне начнёт следовать привычному распорядку, он попробует добраться до магической норы незамеченным. Ему повезло уже в том, что это не нора вождя, которая располагалась в середине круга вигвамов. Нужная ему нора стояла поодаль с северного края. И, наверное, хотя он и боялся выбраться из воды, ему удастся обойти её, используя высокую траву в качестве прикрытия. Если внутри никого не окажется, то он без труда сможет пробраться туда: зубами разорвёт стенку из шкуры в задней части норы.

Вот так терпеливо и лежал Жёлтая Ракушка в воде, только голова возвышалась над поверхностью ручья, находясь в тени ивы, осторожно следя за происходящим в лагере.

Кто-то быстрыми, резкими ударами стал бить в барабан, а потом завывающий зов зазвенел по лагерю. Он увидел воинов, трусцой направлявшихся к центру деревни в ответ на этот призыв. Не военный отряд. Не было ни танцующих, ни поющих. Да, он, наверное, прав в своей догадке — сейчас собиралась большая охота. И, судя по количеству собравшихся охотников, её целью будет не кто-то, кого легко заполучить. Может, они отправляются за тем рогатым созданием, что он видел в прерии? При этой мысли Жёлтая Ракушка издал короткое фыркание. Какой же могущественный талисман должен быть у них, если они думают, что смогут убить бизона! И всё же такое большое число охотников указывало на то, что они выходят на охоту за подобной крупной дичью.

В следующий раз он увидел охотников, когда те покидали деревню. Спереди шагал здоровенный койот со светлым мехом, который казался почти белым в сумерках в тех местах на своей шкуре, где не было мазков краски. По бокам и чуть позади шли простые воины деревни.

Следом за этим весьма представительным авангардом двигались молодые охотники, некоторые из них только-только вышли из щенячьего возраста и замыкали шествие. Они не шли с важным видом, не лаяли, а лишь робко ступали следом за старшими, словно всецело поглощённые задачей, которая стояла сейчас перед ними.

Жёлтая Ракушка дождался, пока они не скрылись далеко на севере среди буйной поросли травы, таким образом подтверждая его предположение, что они действительно собираются охотиться на бизона. И бобр удивился смелости вождя, который замыслил эту охоту, ведь даже Племя Волков дважды бы подумало, прежде чем решиться на такую попытку, хотя они и были старыми врагами тех рогатых созданий.

К тому времени, как взошла луна, лагерь был уже не так оживлён. Многие шенки спустились к реке и плескались в ней. Жёлтая Ракушка медленно продвигался в траве, отойдя назад, и нос его морщился, когда его достигал запах мяса из вигвамов. Углубившись в прерию, он использовал своё острое обоняние, чтобы найти листья и траву определённых видов растений, и обрадовался, оказавшись рядом с кустом шалфея, ароматно пахнувшим в ночном воздухе.

Потом он хорошенько вымазал себя смятыми листьями, растёр чешуйчатую шкуру своего мощного хвоста. Для прикрытия ему бы хотелось не только этого, ведь у койотов такое острое обоняние, что он нуждался во всех средствах защиты, которые мог обнаружить. Ветер дул теперь с востока, что было хоть немного, но в его пользу. Хотя ему совсем не хотелось путешествовать по земле, по которой ему всегда было трудно передвигаться.

И снова он бросался от одного куста к другому, делая широкий полукруг, чтобы добраться до лагеря с севера, это был самый близкий путь к магической норе. Проникнуть прямо к её задней стенке — это только и составляло его надежду. Он прислушается к звукам у её стены, и если не услышит никакого движения внутри, то тогда рискнёт и прогрызёт щель в шкуре.

Что он сделает с той сумкой, когда она окажется в его лапах, Жёлтая Ракушка ещё не знал. Спиритический сон показал ему, что он должен сделать это, и поэтому бобр следовал указаниям духов.

Когда от листьев на подушечках его лап остались только серо-зелёные пятнышки, он в последний раз провёл лапами по бёдрам и двинулся в путь. В деревне постоянно бурлило какое-то движение, но оно не достигало магической норы. Наверное, койоты по каким-то серьёзным причинам испытывали благоговейный страх перед Изменяющимся, хотя всем им было известно, что он благоволит к койотам, как к братьям, и принимает их облик намного чаще любого другого животного, часто довольно продолжительные периоды времени живёт среди них — к их огромной радости.

Снова и снова Жёлтая Ракушка бросал беспокойные взгляды в небо. Он не забыл о воронах, которых видел летящими с той стороны, хотя за всё время, пока бобр наблюдал за деревней, он их не заметил. Возможно, они принесли какое-то послание и, выполнив своё задание, улетели.

Последний рывок, и Жёлтая Ракушка достиг своей цели — места сразу же за задней частью норы с амулетом. Он подкрался к ней насколько можно ближе, приложил ухо к поверхности шкуры, пытаясь задержать дыхание и чуть успокоить быстрый стук собственного сердца, так, чтобы слышать лучше и уловить любой, даже самый слабый звук изнутри.

Этому мешал шум лагеря — он не мог полностью оградить себя от него, чтобы понять наверняка, спит ли кто-нибудь внутри. Однако, прождав долгое время, бобр понял, что он не может долго оставаться здесь бездействуя. Ему придётся рискнуть до возвращения охотников. Они пройдут недалеко от того места, где он распластался на земле, и у него было мало шансов на то, что запах шалфея и других пахучих трав скроет его собственный запах от их чувствительных носов.

Жёлтая Ракушка начал копать передними лапами небольшую ямку, останавливаясь в страхе после одного-двух копаний, чтобы прислушаться. Но никаких новых звуков не доносилось. Наконец страх, что возвратившиеся охотники обнаружат его, превзошёл осторожность, и он разорвал шкуру стенки вигвама возле основания, там, где он сделал ямку в земле. Три удара наотмашь, и вот у него появилась щель, достаточно большая, чтобы протиснуть голову и плечи.

Прямо перед ним, щекая нос и обеспечивая защитный экран, оказался ворох сухой травы и веточек шалфея, которые служили постелью. В кружке, образованном покрытыми пеплом камнями в центре норы, костёр не горел. Там вообще никого не было.

Жёлтая Ракушка, извиваясь, прополз внутрь, затем уселся на постель и огляделся. Никаких сумок с запасами пищи или тыкв с водой, которые свисали бы с шестов, установленных по обе стороны норы специально для этой цели, справа и слева от двери-занавески. А постель под ним покрылась сухой пылью и заскрипела, когда он шевельнулся, указывая на то, что ею в последнее время не пользовались.

Да, он чувствовал запах койота, однако не такой сильный, как если бы кто-то жил здесь недавно. И бобр начал осторожные поиски, используя своё обоняние, чтобы понять, что же могло произойти здесь.

Запах высушенного мяса лишь слабо держался у шестов для сумок с припасами. И кроме того ощущался ещё запах растений, которые могли служить частью магии. Но самым неприятным ударом для него явилось то, что когда он выпрямился во весь рост под шестом в центре вигвама, запрокинув голову назад, чтобы посмотреть, где висит связка из его сна, там ничего не оказалось.

Конечно, Изменяющийся мог забрать эту сумку с собой, когда уходил отсюда. Однако куда... куда теперь должен отправиться Жёлтая Ракушка, где искать ему магическую сумку? Бобр опустил на все четыре лапы, и боль в его кровоточащих ногах и теле внезапно стала ещё острее. И страдание от того, что он не знает, что делать теперь, тёмной тенью легло на его разум.

Но когда он пополз обратно к вырытой земле, то увидел — и очень ясно в полумраке норы — небольшой белый кусочек, клочок орлиного пуха. И он понял, что это вещь могущества. Его сон... та связка... она лежала завёрнутой в сумке из шкуры, с которой свисали меховые кисточки и перья. И это, похоже, была часть одной такой кисточки. Жёлтая Ракушка осторожно поднял клочок, зажав двумя когтями.

Белый Орёл! Не могущественный вождь Штормовое Облако с гор, но намного более великий, чем тот: Белый Орёл на самом деле правил небом, находившимся сразу под Небесной Страной, и только по его повелению можно кому-либо безбоязненно переходить из мира внизу в мир наверху. Он всегда сидел на куда более высокой горной вершине, чем любая, о какой было известно Штормовому Облаку, вершине, находившейся на севере. И он всегда обращён лицом туда, где встаёт солнце, а справа и слева от него сидят два более молодых орла. Справа сидит Говорящий, лицом на север, а на юг смотрит Наблюдающий. Они время от времени появляются высоко над миром, для того,

чтобы увидеть всё, что происходит в нём, и сообщить Белому Орлу, как обстоят дела на земле и воде, у зверей и растений.

Так что этот белый пух был знаком Белого Орла и драгоценной вещью огромного могущества. И теперь, держа его в лапе, Жёлтая Ракушка вновь обрёл надежду, ещё слабую; он понял, что теперь он может попытаться. Поэтому, выползая из норы, он захватил с собой этот клочок пуха.

А теперь — найти место повыше. Он приподнялся, оглядываясь. Дальше к востоку берега реки были весьма скалистые. Сейчас ничего выше их бобр не видел. И не было надежды вернуться вовремя к горам или даже к подножию холмов. Только одно ободрило его — поднявшийся и постоянно усиливавшийся ветер, который теперь трепал его мех.

Торопясь исполнить свой план и найти то место, куда отправился Изменяющийся вместе с магической сумкой, Жёлтая Ракушка почти утратил осторожность. И лишь переключка громкого лая, донёсшегося со стороны прерии, напомнила ему, что он не должен забывать об осторожности в этом месте, опасаться охотников, которые могли в любой момент возвратиться. И, похоже, именно это сейчас и происходило: после последнего лая от нор деревни пронеслись эхом возгласы, и бобр увидел женщин и детёнышей постарше, собиравшихся и охваченных возбуждением, а более молодые устремились в его сторону, чтобы встретить возвращавшихся воинов.

Разбежавшись, что было трудно для его тяжёлого тела, Жёлтая Ракушка помчался со всей скоростью, какую только мог развить, в направлении реки, скрываясь за зарослями травы и кустарника, надеясь достигнуть реки на востоке на достаточном расстоянии от деревни.

Скоро он совсем запыхался: земля была труднопроходи-

мой, но страх, охвативший его, толкал совершать всё более и более энергичные усилия. Хор лающих голосов сзади перешёл во что-то, напоминающее песнопение, и ему показалось, что он читает триумф в нём. Наверное, воины деревни возвращались после битвы или успешного набега — во всяком случае было ясно, что им есть чем гордиться.

Жёлтая Ракушка не останавливался, чтобы оглядываться назад, и не видел ничего, кроме земли в непосредственной близости от себя. Только бы добраться до воды... И, как это было вчера, необходимость в воде сейчас снова подхлестывала его.

Неподалёку от ручья располагался скалистый холм, который он выбрал в качестве места, чтобы попытаться использовать орлиный пух. Однако сейчас он не думал об этом: даже ночью эти охотники с равнин могут заметить его. Поэтому он заполз в первую же трещину, которую заметил среди этих шершавых камней, и начал карабкаться то вверх, то вниз, иногда с мучительной болью скользя по камешкам и гравиям, попадая в расщелины между камнями, пока снова не выбрался к обрыву, где ниже протекал ручей.

Бережно взяв в свою пасть драгоценный клочок, Жёлтая Ракушка с благодарностью нырнул в воду, позволяя влаге омыть всего его, едва смея поверить даже в это мгновение, что ему удалось покинуть деревню, не вызвав тревоги. Может, могущество призрачного сна каким-то образом осталось у него, и поэтому именно так же, как койоты не видели его, когда он посетил тогда нору, так и сейчас ему удалось уйти, уже пребывая в телесной оболочке?

Он поплыл вверх по течению, готовый в любой момент нырнуть под воду в случае необходимости. Русло реки здесь суживалось, превратившись как бы в канал, проложенный между вздымавшимися вверх берегами, сложенными из камня и затвердевшей на солнце глины. Бобр стремился насколько возможно увеличить расстояние между собой и

лагерем, боясь любого звука за собой, который свидетельствовал бы об охоте на него.

Но, наверное, койоты были настолько удовлетворены своей удачной охотой, что не заметили ничего другого. И снова он спросил себя, неужели они действительно убили бизона: но ведь именно к ним благоволил Изменяющийся, так что такой успех был вполне вероятен.

Рассвет застал его на куда более высоко располагавшейся земле, ручей теперь тёк быстро и с силой, постоянно увеличивавшейся, так что ему всё труднее и труднее было с ней сражаться. В конце концов бобр выбрался из тисков речки. Здесь не росли ни ольха, ни ива, не было и съедобных корней, и он пожалел, что не захватил с собой припасов. Однако теперь даже голод не мог заставить его повернуть назад.

Пух, когда он осторожно достал его из своей пасти, был почти таким же мокрым, как если бы бобр держал его в воде. Он с величайшей заботой поднёс его к месту, где дул ветер, пытаясь высушить его. И, сделав это, Жёлтая Ракушка начал напевать речитативом, хотя голос его был не громче бормотания воды за его спиной:

— О, Орёл, услышь меня...

Передай мне силу свою.

Белый Орёл, услышь меня.

Говорящий, услышь меня.

Смотрящий, ищущий, услышь меня.

Вот белая вещь магии твоей.

Пусть ветер, что носит

Крылья твои по небу,

Понесёт и её, что полна силы твоей,

На воссоединение со своим хозяином.

Вознесёт высоко и далеко,

На воссоединение со своим хозяином!

Бобр снял с шеи остатки ожерелья и обвязал их одной лапой вокруг древка копья: это было всё, что он мог предложить. А потом он бросил копье и висевшие украшения в небо изо всех сил, оставшихся в его передних лапах. Копье поднималось, уносясь всё дальше и дальше, и вот исчезло за каменной стеной. И Жёлтая Ракушка обрадовался этому: оно не упало назад на камни, насколько он мог видеть, улетая всё выше и выше. Наверное, Белого Орла обрадовало предложенное ему, и он прислушался внимательно к его пению.

По-прежнему держа в одной лапе пух, чтобы его обсушил ветер, Жёлтая Ракушка карабкался вверх и вверх, следуя направлению, в котором исчезло его копье. Карабаться было нелегко, и он тяжело дышал, полуоткрыв пасть, когда достиг вершины.

Предраассветное небо уже посветлело, и краски дня уже начали показываться на востоке. Речка здесь делала широкий изгиб, и теперь он мог видеть, что текла она из источника, находившегося где-то на севере, а не на востоке, наверное, в тех же горах, где гнездилось племя Штормового Облака.

Ещё раз бобр пропел речитативом своё воззвание Белому Орлу. А из речной долины, по крайней мере, так ему казалось, еле-еле дул ветерок, такой слабый, что его нельзя было считать настоящим ветром, хотя он и дул постоянно.

И в его поток Жёлтая Ракушка бросил пух. Ветерок подхватил его и унёс на юг в сторону безлюдной пустыни, которая тянулась с другой стороны речки. И с твёрдой верой в то, что это на самом деле настоящий проводник, бобр отправился вслед за ним.

Было уже достаточно светло, чтобы чётко видеть клочок пуха и следовать за его полётом. Но какой же маленькой казалась эта вещь, чтобы довериться ей... Впервые за много часов Кори думал своей частью сознания, а не Жёлтой

Ракушки. Конечно же, он не может полагаться на такую вещь!

Однако из-за сильной веры в неё части сознания Жёлтой Ракушки Кори не мог ничего поделать против этого.

К его удивлению, казалось так, словно этот пух и в самом деле был настоящим проводником. Дважды, устав, Жёлтая Ракушка останавливался и ложился на землю, тяжело дыша, не в силах продолжать путь. И тогда пух на время тоже останавливался и трепыхался среди каких-то высушенных на солнце и уже без листьев куч растительности, но тут же поднимался и уносился вперёд, когда бобр был готов отправиться дальше своей шаркающей походкой. Наконец последний порыв ветра подбросил его вверх в яркое голубое и безоблачное небо, когда бобр подошёл к краю какого-то водоёма.

Возможно, это был двойник расположенной в кратере горы твердыни орлов. Но в то время как та была зелёной и окружённая водой, то вокруг этой — лишь одни пески да ещё странные шероховатые колонны, вздымавшиеся вверх, причём некоторые из них были опрокинуты и лежали во всю свою длину.

И прямо перед ним располагалось какое-то небольшое укрытие из шкуры, рядом с которым припала к земле какая-то странной формы фигура. Она деловито похлопывала и растягивала кусок глины, лежавший перед ней на земле. Время от времени она брызгала воду из тыквы на эту глину, но тут же возвращалась к сдавливанию и растяжению, замесу и раскатке.

Пух теперь походил на снежинку, падающую в зимний день. И пока бобр следил за ней, она снова опустилась вниз, направляясь прямо к этой фигуре. И Жёлтая Ракушка понял, что он нашёл Изменяющегося, хотя что он делал здесь, бобр не догадывался.

Осторожно и быстро он спустился вниз по стене вокруг

водоёма, пробежал в тень ближайшей из этих колонн и спрятался за неё от Изменяющегося. Дотронувшись лапой до столба, он обнаружил, что это камень, который некогда, должно быть, был каким-то деревом: на вид колонна кое-где несла следы коры и древесины. И если это так, то, наверное, все эти деревья были когда-то превращены в камень. Ещё один трюк Изменяющегося? Если это так, то с какой целью? Как могут каменные деревья служить кому-либо... Если только Изменяющийся не использовал своё могущество просто для развлечения и чтобы посмотреть, что он в состоянии сделать.

Жёлтая Ракушка пополз вперёд, однако даже сквозь его густой мех проникало достаточно холода, чтобы он начал дрожать. И хотя солнце уже начало припекать сверху его тёмное тело, но всё же чем ближе он подползал к этому поглощённому своей работой магу, тем больше он ощущал внутри себя глубокий холодок страха.

Возможно, Изменяющийся заметил спускавшегося к деревне орла и понял, что тот принёс какого-то шпиона? И какая судьба тогда ждёт подобного шпиона? Превращение... может быть, тоже в камень, как эти деревья? Давай, поворачивай назад, взывал к нему страх. Однако Жёлтая Ракушка быстрой шаркающей походкой передвигался от одной тени к другой.

Теперь он уже мог расслышать едва слышное бормотанье песенного заклинания, и бобр догадался, что маг пытается с помощью этой песни передать глине часть своего могущества. Но, похоже, что ему никак не удавалось сделать то, что он хотел: маг снова и снова со всего размаха опускал свои передние лапы на глину, расплющивал её в лепёшку, ворча при этом от неудачливости своих попыток.

Передние лапы? Жёлтая Ракушка моргнул (Кори воскликнул бы громко вслух, если бы у него остались человеческие губы и голос). Эти лапы на расстоянии выгля-

дели как жёлтые лапы койота. Но теперь... теперь они больше походили на человеческие пальцы, снова и снова занимавшиеся замесом, растягиванием, раскаткой...

Он увидел, что и сидевшая на корточках фигура не была полностью ни животным, ни человеком, а странным сочетанием и того, и другого, словно некто начал совершать превращение зверя в человека, и этот эксперимент оказался лишь наполовину успешным.

Покрытые мехом передние лапы заканчивались человеческими кистями, а голова имела куполообразную форму, как у человеческого черепа, несмотря на огромные уши, торчавшие с обеих сторон. Задние ноги всё-таки остались звериными лапами, однако плечи под жёлто-коричневой шкурой были плечами человека.

Для Кори-Жёлтой Ракушки это сочетание казалось даже более худшим, чем если бы это был полностью то ли койот, то ли человек. Для Кори этот человеко-зверь выглядел совершенно неправильным и опасным, в то время как часть сознания Жёлтой Ракушки находила этого человеко-зверя несстественным и пугающим. Но всё-таки бобр уже не мог дать дёру — его словно привязали какими-то узами к той колонне, за которой он находился, удерживая на этом месте. И, осознав этот факт, Жёлтая Ракушка в шоке захныкал вслух.

Голова заклинателя приподнялась, зелёные звериные глаза уставились прямо на то окаменевшее дерево, за которым лежал Жёлтая Ракушка. Изменяющийся сделал быстрый жест рукой, маня к себе. Против воли тело бобра повиновалось этому призыву и поползло на солнце, направляясь прямо туда, где Изменяющийся лепил что-то из глины, уже потеряв всякую надежду на бегство, ведомый лишь могущественной силой.

Изменяющегося окружало широкое пространство вскопанной земли, усеянной ямками, из которых, наверное, он

и выкопал эту глину. Огромный кусок глины лежал прямо перед ним, сейчас совсем бесформенный: как раз перед этим он последним ударом снова превратил глину в бесформенный комок. Изменяющийся сидел, положив свои человеческие кисти на мягкую поверхность, следя за бобром. И он больше не напевал, а внимательно следил за Жёлтой Ракушкой, словно какая-то часть того, что он формировал и которой ему не хватало, сама пришла к нему.

Увидев этот взгляд, внутри бобра всколыхнулся ужас, а вместе с ним внутри и человеческой части сознания также что-то зашевелилось. Кори именно сейчас должен был разорвать этот ночной кошмар, проснуться в настоящем мире, прежде чем случится что-то ужасное. Он не мог предположить, что именно, однако его предупреждал страх бобра, и он тоже чувствовал его — такой же огромный, как тот ужас, который коснулся его, когда он наблюдал за бизоном и танцором.

Творец

— Что это у нас тут такое? — произнёс Изменяющийся, и Жёлтой Ракушке показалось, что было это сказано на языке бобров, однако для ушей Кори звуки прозвучали, как человеческие слова. — Ты пришёл сюда, чтобы взять дерево-которое-окаменело, чтобы наделать наконечников для копья? — он кивнул в сторону одной из упавших колонн, один бок которой был выдолблен и разрушен, а на песке валялись отбитые кусочки. — Впрочем, нет, я думаю, ты пришёл по другой причине, и вот поэтому ты отлично послужишь моим целям. А теперь садись и смотри!

И этими словами он словно привязал корнями Жёлтую Ракушку к земле: бобр не мог ни пошевелиться, ни отвести взгляда от рук Изменяющегося. Ещё раз Изменяющийся смешал немного воды из тыквы с куском влажной глины,

и стал пальцами сдавливать и растягивать её. И вот в результате стала получаться небольшая фигурка, которая очень грубо напоминала человека. У неё были две ноги, две руки, приземистое тело и круглый шар для головы. Но всё это было сделано так грубо, что стало ясно, что творец не удовлетворён своей работой: кулаком он в который раз нетерпеливо ударил по глине. Кори полностью взял контроль над телом бобра и подчинил себе глаза, взрывающиеся на манекен, который так разочаровал его творца. И он начал говорить вслух, хотя звуки, производимые им, исходили из гортани бобра.

— Ты создаёшь человека!

Изменяющийся перестал месить глину, поднял голову, уставившись зелёными глазами на Кори, или бобра, каким сейчас был Кори. Очень равнодушный и путающий был этот взгляд. Жёлтая Ракушка, бобр, не смог бы долго выдержать его, однако Кори, мальчик, откуда-то нашёл в себе мужество и непоколебимо выдерживал его. Очень медленно этот пристальный взгляд, выражавший жестокую угрозу, сменился удивлением, а потом и задумчивостью.

— Итак... ты и есть он, — сказал Изменяющийся.

Кого он имел в виду, Кори не понял. Однако он продолжал смотреть в лицо этого получеловека-полукояота, призывая себе на помощь всю волю. И теперь ему в голову пришла одна мысль. Он не знал, откуда она взялась, однако он ухватился за неё, ободрённый чем-то, словно упрямство бобра теперь дополнилось человеческим знанием. Он не ответил на этот полувопрос Изменяющегося, а лишь повторил:

— Ты пытаешься создать человека.

И снова в этих зелёных глазах вспыхнул холод вместе с гневом... Кори не знал, почему: то ли из-за его догадки, то ли из-за неудач самого Изменяющегося. Испачканная грязью рука полуприподнялась, будто, чтобы ударить бобра.

А потом упала обратно на глину, которую он снова начал вертеть в руках и сжимать, несмотря на то, что теперь его внимание было больше обращено на Кори, чем на своё изделие.

— Ты хочешь заключить сделку — со мной? — в этом вопросе чувствовался вызов.

— Я предлагаю тебе модель, — ответил Кори и стал ждать, не зная, что ему ответят, однако с небольшой надеждой. Может, Изменяющийся согласится и снова превратит его обратно в человека, польстившись на модель, которую он предложит для его манекена?

Но если он снова станет мальчиком, сможет ли он остаться таким? Сможет ли он найти путь назад в свой родной мир и время? Магическая связка — вот в чём он нуждался в качестве предмета для сделки с Изменяющимся — ворон и спиритический сон указали на это однозначно. Но ведь магическая связка не осталась в норе в деревне койотов. Изменяющийся творил, или пытался творить здесь сильную магию, поэтому и нуждался в этой могущественной связке. Пока что Кори не имел возможности оглядеться, но, наверное, если он заставит Изменяющегося поверить, что он желает помочь магу в его работе, то ему будет предоставлена такая возможность.

Теперь пальцы Изменяющегося не двигались. Он начал счищать грязь с них, водя одной рукой поверх другой, пока они не очистились от большей части влажной глины. Всё это время он не сводил с Кори глаз, словно оценивая, взвешивая, выворачивая бобра наизнанку, чтобы понять, что же скрывается за его пушистой шкурой.

Достанет ли он ту связку? Так ли уж необходима она ему здесь, если он решится снова превратить Кори в человека? Впрочем, Изменяющийся, очевидно, никуда не торопился. Он по-прежнему растирал руки друг о друга, но теперь уже с отсутствующим видом, словно мысли его были заняты чем-то совсем другим.

А потом он тоже начал что-то тихо напевать речитативом. Кори не мог понять слов, однако тело бобра задрожало, и по позвоночнику побежали мурашки, вниз к его передним и задним лапам. Широкий мощный хвост дёрнулся, слегка приподнялся, потом опустился, вновь поднялся, глухо ударяя по земле, и он не мог этим управлять. Узы, которые удерживали Жёлтую Ракушку на месте, пропали, и бобр вопреки своей воле начал танцевать. И двигался он не в знакомом ритме барабанного стука или погребушки, без звона черепашей раковины, наполненной камешками, а в ритме песни, которую напевал Изменяющийся. Всё быстрее и быстрее он танцевал, кружась до головокружения, и вскоре не мог уже ничего больше ни видеть, ни думать, ни дышать.

Он всё кружился и кружился в этом сумасшедшем кругу, пока не осталось ничего, кроме одного этого напева, такого же громкого, как громовой раскат в горах. И по-прежнему Жёлтая Ракушка танцевал.

Вдруг, так же внезапно, как началась, песня прекратилась. И вот снова Жёлтая Ракушка... нет, не бобр, а мальчик Кори... стоит на земле ногами, притянутыми чем-то к земле, прямо перед кучей грязи, из которой Изменяющийся пытался создать своего человека. Однако тело Кори больше не несло густого меха Жёлтой Ракушки, его лап и хвоста. Итак, он всё же этого добился — он снова стал мальчиком.

Впрочем, он не мог двигаться, как тут же обнаружил. Он стоял на этом месте таким же пленником, каким был и тогда, когда бобра связали верёвками норки. И теперь к нему вернулся прежний страх, когда он увидел звериную пасть Изменяющегося, раскрывшуюся в знакомой ухмылке, словно он мог прочесть его мысли и получал удовольствие от разрушения его надежд.

Наверное — Кори вздрогнул несмотря на то, что лучи

солнца уже начали припекать его голову и плечи — наверное, это странное существо может сделать и это.

Всё так же глядя своими зелёными глазами на Кори, Изменяющийся снова принялся за глину, начал месить, растягивать, превращать её в какую-то форму, глядя совсем не на то, что делает, а на тело мальчика. Но, похоже, такой способ оказался удачным: манекен на этот раз становился уже не грубой фигуркой, а намного больше похожим на человека. Во время работы маг напевал, и хотя Кори быстро понял, что это заклинание, вызывающее могущество, однако слов его он не понимал.

Фигурка, которую создавал Изменяющийся, вытягивалась всё выше и выше. Вот она уже достигла высоты колен Кори, его груди, и по-прежнему росла, в то время как пальцы Изменяющегося двигались всё быстрее и быстрее, а напев становился всё громче и громче. Он ни разу не взглянул на то, что создавал, ни на секунду не отводя взгляда от мальчика, хотя пару раз, наклонившись вперёд, плевал в грязь, а затем снова бросал в глину щепотки какого-то пыльного вещества, которое доставал из небольшого мешочка, висевшего на поясе вокруг его полуживотного тела.

И вот уже манекен достиг плеч Кори. Пока что голова оставалась только каким-то шаром, однако тело уже чётко просматривалось. И страх внутри Кори ещё больше усилился, и это было связано с работой Изменяющегося: чем больше эта фигура приобретала человеческий вид, тем больше Кори ненавидел её, словно она должна была стать злейшим его врагом, а может, просто суммировались все его страхи из обоих миров.

Изменяющийся опустил руки и впервые за всё время отвёл взгляд от Кори, так что мальчик почувствовал какое-то облегчение, словно этот пронзительный взгляд и держал его пленником. Теперь творец переводил взгляд от Кори к

созданной им фигуре и назад к образцу, долго оценивая созданное им, хотя голова-шар ещё оставалась незавершённой.

По всей видимости удовлетворённый своей работой, Изменяющийся отполз назад, не поднимая ног, отталкиваясь руками от земли с обоих боков, чтобы тащить себя. И снова Кори почувствовал облегчение, когда воля, удерживавшая его, немного ослабла. Впрочем, он догадался, что лучше будет не выдавать приобретение этой небольшой свободы, чтобы Изменяющийся не обратил снова всё своё внимание на пленника.

Потом Изменяющийся занялся выкладыванием палочек перед собой, между ним и его творением. Он сложил их в форме вигвама, словно собираясь разжечь костёр, — похожим образом выдры вызывали сигналом орлов. Однако он сразу не зажёл огонь, а достал из мешочка на поясе несколько кучек листьев, сложенных вместе и скреплённых острым шипом, так что получились тугие кипы. После чего он отсоединил листья один за другим и насыпал на них небольшие кучки того, что могло быть высушенными растениями или пылью.

Теперь Кори был сильно напуган, хотя пока что ему открыто ничего не угрожало. Если бы он мог, то убежал бы, как он это сделал, когда следил за бизоном и танцором. И хотя мальчик каким-то образом несколько освободился от уз Изменяющегося, так загадочно наложенных на него, однако он всё-таки не до конца скинул их, чтобы сбежать. И он знал, хотя не мог сказать, откуда — если только это не было частью воспоминаний бобра Жёлтой Ракушки, всё ещё остававшихся с ним, — что если он не сможет сражаться сейчас, то это будет его концом: если Изменяющийся направит на него всю свою магию, то она окажется для него слишком сильной, чтобы противостоять ей.

Слишком сильной для животного... но как насчёт чело-

века? Откуда пришла в голову Кори эта мысль? Животное... человек. Человек ведь тоже животное, но ещё и больше, порою только чуть-чуть, но всё-таки больше. Мысли стремительно проносились в его голове. Если он даст Изменяющемуся завершить это волшебство, которое тот творил здесь... может, тогда человек не будет больше этим маленьким «больше», однако он не мог сказать, откуда он знал это.

Внезапно, с такой же ясностью, словно его глаза на самом деле видели это перед собой, в его сознании возник какой-то образ — голова чёрной птицы. Ворона... вроде тех, что служили Изменяющемуся? Нет! Вокруг глаз были нарисованы белые кружки, и из клюва доносился голос, напевавший какое-то заклинание... Ворон!

И Кори показалось, что когда он мысленно произнёс имя «Ворон», это создание в его мозгу перевело взгляд на него, и возник новый образ, благодаря воле и могуществу Ворона. Ещё одна птичья голова — на этот раз белая — Штормового Облака? Нет, это был куда более громадный орёл. И он вспомнил о Белом Орле, к которому зывал Жёлтая Ракушка, когда бросил в воздух кусочек пуха, который и привёл его сюда.

Однако что Белый Орёл делает здесь?.. И вновь, когда он определил, кого видит, эта величественная птица также повернулась и прямо посмотрела на него, и тут же возник ещё один, следующий образ. Но этот был уже просто огромным, затуманенным, и мальчик смог увидеть только фрагмент его, ощущая благоговейный страх, что никому не дано полностью увидеть весь образ существа, стоявшего там.

И, наверное, из остатков воспоминаний Жёлтой Ракушки и пришло внушающее благоговейный страх имя этого лишь частично видимого призрака: он внушал ужас даже человеку, как осознал Кори. Гром-птица! И когда он мыс-

ленно назвал её по имени, образ её на один миг стал более чётким. Однако впоследствии Кори так никогда и не смог припомнить, что же именно он тогда увидел, а может, он и вовсе ничего не видел, а был просто ослеплён видом чего-то, что не дано понять человеку.

Впрочем, призрак Гром-птицы остался вместе с ним. И к этому смутному образу в воспоминаниях Жёлтой Ракушки добавилось несколько слов могущественного заклинания — очень могущественного. Кори не повторил их вслух, лишь повернул голову и посмотрел на создание из грязи, которое с каждой секундой становилось всё меньше и меньше похожей на глину и всё больше и больше — на загоревшую кожу поверх твёрдой плоти и костей.

Кори пристально глядел на шар головы, которая так никогда и не была до конца завершена, и мысленно повторил слова заклинания, пытаясь отрешиться от всего, кроме этих слов и необходимости снова и снова повторять их. Почему так необходимо сделать это, сказать он не мог, но только больше ничего иного он и не мог делать, чтобы не допустить завершения Изменяющимся его работы.

Вокруг него тонкой струйкой поднимался дым с каким-то резким запахом, но в основном его относило в сторону той фигуры, и туман каким-то образом цеплялся за грязь. Затем вытянувшиеся вперёд руки обхватили глиняное тело по обе стороны от тонкой талии и приподняли. Кори, по-прежнему не отводя взгляда от него, мысленно продолжал повторять слова, прилагая все свои силы. Он увидел, как Изменяющийся, двигаясь теперь на своих ногах, поставил грязевого человека в ослепительно пылающий и дымящий костёр, так что огоньки пламени запрыгали над ним.

Потом Меняющийся встал, и когда он выпрямился, его полузвериная фигура показалась ещё более странной. Он начал напевать какое-то заклинание. Однако Кори попытался закрыть уши, чтобы не слышать этих звуков, но

мысленно попытаться вызвать Гром-птицу. И хотя его ноги не могли сойти с места, где, похоже, каким-то образом были пригвождены к земле, он обнаружил, что немного может шевелить руками. Теперь они двигались, производя знаки, повторяющие слова, которые он мысленно говорил.

Сперва огоньки пламени поднимались очень высоко, достигая плеч фигуры, и дым скрывал её из виду. В этом дыме и словах напева ощущался какой-то триумф, торжество победы.

Руки Кори по-прежнему двигались, повторяя слова в его уме, и, наверное, Изменяющийся настолько был поглощён своей собственной магией, что не смотрел на то, что делал Кори.

И тут дым заструился и из ниоткуда появился ветер. Солнце закрыли тучи, и манера пения Изменяющегося резко переменялась. Он сделал ещё пару шагов, потом остановился, оглядываясь вокруг с какой-то осторожностью, словно только что очнулся от крепкого сна.

Ветер не только отнёс в сторону этот дым, но и, набросившись на горящие веточки костра, подбросил их вверх, закрутил, рассыпая в воздухе снопы искр, и унёс прочь первую, затем вторую, третью. Изменяющийся закричал, но голос его был теперь больше похож на завывание койота. Он выбросил вверх свою руку, словно чтобы остановить один из этих улетающих факелов, и костёр, должно быть, отозвался ему болью: он снова в ярости завыл.

Глаза его запыхали жёлто-зелёным пламенем, переходя с уносимого ветром костра на Кори, и губы его раздвинулись, показывая клыки охотящегося зверя. Он энергично производил своими человеческими руками знаки. На секунду ветер слегка утих, и разлетающиеся искорки больше не наполняли воздух.

Но только теперь тучи так заволокли небо, что создавалось впечатление какого-то низко нависающего потолка.

Кори показалось, что протяни он руку, и легко коснётся их. И из этих туч вылетели молнии, Изменяющийся завертелся, когда его ударила одна сверкающая стрела, словно он не мог поверить в эту так внезапно начавшуюся бурю.

Он рыкнул на эти вспышки, снова обнажая свои клыки, и издал долгий завывающий вой. Наверное, он приказывал этим тучам разойтись, чтобы снова показалось солнце. Но только несколько секунд стоял он так, глядя на неистовство стихии. А потом повернулся, и в поднявшихся торчком ушах, в стоявших дыбом волосинках на плечах, в изгибающихся губах был виден гнев.

И снова его руки задвигались, производя знаки. Кусочек сознания Жёлтой Ракушки, всё ещё остававшийся в Кори, съёжился при их виде: хотя он и не был магом-бобром и не мог прочесть эти знаки, но в них он увидел великую силу.

Мысли Кори утратили стройность — и он не мог больше ясно припомнить те слова, которые остановили Изменяющегося. Однако, похоже, то, что он потерпел неудачу в этом сражении, теперь не имело особого значения. Наверное, он просто подготовил путь для ещё одной силы, которая возьмёт верх независимо от того, будет он продолжать вызывать её или нет.

Руки его грузно упали по бокам, словно снова на них надели цепи. И он не мог двигаться, даже когда одна из несомых ветром веточек обожгла ему шю своими искорками, опалила волосы.

Если ветер и утих немного в ответ на действия Изменяющегося, то потом он снова поднялся, разбрасывая костёр, словно какой-то метлой. И огоньки пламени почти все разлетелись, когда огромные капли дождя пали на землю, на последние тлеющие угольки, грязевую фигуру и Кори.

А затем Изменяющийся поднялся во весь рост, отбросив назад свою голову койота на человеческих плечах, глядя на небо и медленно поворачивая голову. Казалось, он пытался

обнаружить в небе своего врага, искал там цель, чтобы направить на неё всё своё могущество.

Долгое мгновение стоял он так, и угольки костра с шипением чернели и гасли под лившимся дождём, и становилось всё холоднее и холоднее. Кори, который ещё несколько минут до этого чувствовал жар солнца на своих плечах в этом безлюдном месте, теперь дрожал и сотрясался под ударами холода.

Наконец решившись, Изменяющийся повернулся спиной к погасшему костру и фигуре, стоявшей в середине его, потом подошёл к одному из погибших кустов неподалёку и, наклонившись, сунул пальцы правой руки в ветки какого-то куста и одним рывком вырвал его из земли.

Из переплетения его корней маг достал сумку. Кори, увидев её, понял, что это именно то, за чем охотился Жёлтая Ракушка. Это и был величайший магический талисман Изменяющегося; и теперь его рука держала оружие, а он был готов противостоять всем духам неба, земли, воды и воздуха.

Вознеся вверх обе свои руки, он держал его, направив против всего буйства бури, качая им из одной стороны в другую, словно погремушкой, а, может, он хотел, чтобы духи, повелевающие этим ветром, полностью поняли, чем он угрожает им.

Ветер утих, дождь прекратился, тучи начали расходиться. И всё это время Изменяющийся, держа высоко свой могущественный талисман, танцевал и напевал. Этот напев не предназначался для человеческих ушей, он был сильнее, чем грохот любой молнии или сильнейшего раската грома.

Изменяющийся по-прежнему танцевал и напевал, держа магическую связку, как воин держит копье, направленное на своего врага, и уводил прочь бурю, которая разрушила все его планы. Как долго он танцевал так, Кори не мог сказать: время больше не имело никакого значения.

Впрочем, в конце концов даже Изменяющийся устал. Кори снова обрёл способность видеть и слышать. И человеко-зверь теперь сидел на земле точно так же, как тогда, когда Жёлтая Ракушка впервые увидел его и наблюдал за ним из-за леса из окаменевших деревьев. Вот только в том месте, где находилось творение Изменяющегося, сейчас осталась лишь бесформенная масса глины, стекавшая с шарика, поддерживаемого двумя ногами, которые костёр запёк в более твёрдую субстанцию.

Изменяющийся поднял руку, державшую магическую связку и слегка ударил эту массу, и тут даже ноги снова превратились в грязь. Он долгое время смотрел на эту липкую кучу. Потом встал, отбросив назад голову, и издал один из тех далеко разносящихся воев. После этого он пристально посмотрел на Кори, и в его узких звериных глазах горел такой злобный блеск, что мальчик попытался, хоть и тщетно, освободиться от уз, удерживавших его.

Некоторое время Изменяющийся не двигался, хотя иногда поворачивал свою голову с ушами койота, наострив их, как бы прислушиваясь. Солнце уже зашло, оставив их в темноте ночи. Костёр больше не горел, и человеческие глаза Кори не могли так хорошо видеть в темноте, как глаза Жёлтой Ракушки. Но, словно Изменяющийся хотел доказать Кори, что он победил, он снова зажёл костёр, хотя и не на прежнем месте, и он не бросал в него содержимое пакетов с листьями.

Из темноты донеслось хлопанье крыльев, и пернатые фигуры показались в тени на земле, прыгнув потом в круг света вокруг костра. Вороны... десять... двадцать... ещё больше... прилетавших и улетающих, так что Кори не мог сосчитать их и даже знать наверняка, те ли это самые птицы. И когда ворона проносила мимо Изменяющегося, она выплёвывала на землю жёлто-коричневую глину, которую человеко-зверь смешивал в одну кучу. И эта куча

становилась всё выше и выше. А потом он собрал её и, напевая голосом, который едва ли был громче, чем шёпот, словно боялся, что его услышат, смешал новую и старую глину в одну кучу.

Несколько ворон устроились на земле по другую сторону от костра. Кори заметил, что они выказывают интерес, но не к действиям их повелителя, а магической сумке, которая лежала рядом с ним: маг не спрятал её после того, как использовал, чтобы увести прочь бурю. И мальчик понял, что если ему удастся убрать её из пределов досягаемости Изменяющегося, то он положит конец всему здесь происходящему. Впрочем, пока он не видел возможности для этого.

Замес, сжатие, растягивание, придание формы... человеческие руки Изменяющегося двигались быстрее, с большей уверенностью, чем до этого, словно создав уже однажды манекен, его пальцы не забыли, как делать это. Но на этот раз фигура, которую он создавал, была побольше, фактически в рост такого человека, как дядюшка Джаспер.

Дядюшка Джаспер. Кори моргнул. Тот, другой, мир, казалось, был теперь таким далёким, таким потерянным сейчас для него. И всё же, когда он подумал о дядюшке Джаспере... Да! Он теперь мог шевельнуть руками: дядюшка Джаспер, ранчо... папа... Как и перед этим, когда он увидел Ворона, Белого Орла и ту призрачную фигуру в своём разуме, так и теперь он попытался нарисовать всё, что могло быть самым важным для него в его родном мире и времени. Но хотя мальчик почувствовал, что узы ослабли, двигаться он пока ещё не пытался. Он научился у Жёлтой Ракушки терпению, как и решимости сражаться ради того, чтобы выжить; что-то из упрямого желания бобра стоять лицом к опасности передалось Кори, то ли недавно привнесённое, то ли просто разгоревшееся из искорки, которая всегда была внутри него, хотя он и не знал о ней.

Пусть Изменяющийся занимается этим «человеком» и забудет о Кори. Сейчас маг только изредка поглядывал на мальчика: похоже, ему он больше не требовался в качестве образца.

И эти птицы... Они смотрели только на магическую сумку. Чтобы добраться до неё, Кори пришлось бы сделать полукруг вокруг костра, но уже через секунду, прежде чем он заберётся так далеко, Изменяющийся успеет схватить её. Мальчик мог только надеяться на то, что ему представится какой-то шанс.

И вот снова глиняное тело стояло на ногах, законченное, и только голова оставалась круглым мячом. Но в этот раз Изменяющийся продолжил работу и с ней. Он не пытался придать ей вид человеческого лица, а просто под его пальцами глина принимала форму длинной узкой пасты, носа, остроконечных ушей — головы койота, двойника той, что сидела на собственных плечах Изменяющегося. А потом самыми кончиками пальцев он продолжил работу, немного изменяя облик зверя. Но всё равно результат был намного ближе к морде животного, чем к человеческому лицу. По всей видимости, именно этого результата и желал Изменяющийся.

И только теперь, впервые за много часов, он посмотрел прямо на Кори, ухмыляясь, обнажая зубы.

— Как тебе мой человек? — пролаял он.

— Это не человек, — сообщил Кори ему правду.

— Нет, — возразил Изменяющийся, — это новый человек: человек, созданный на благо Народа. И на благо Изменяющегося, — он снова рассмеялся, хотя больше это походило на зевание.

— Да, — продолжил он, — это тот человек, в котором нуждается Народ: для нас это будет раб, а не хозяин. Они, — маг презрительно коснулся свисающих рук из грязи, — послужат Народу так, как иногда не могут и лапы. Они,—

теперь он похлопал по широким плечам из грязи, после чего, наклонившись, провёл кончиком пальца по глиняным ногам, — будут таскать грузы, бегать по нашей команде. Этот человек, которого сотворил Изменяющийся из земли, затвердеет, и это случится очень скоро, благодаря костру, и тогда он будет готов к жизни, — говоря это, он обернулся и посмотрел на Кори своими злобными, узкими глазами, — которую ему дашь ты!

Кори закричал; ему показалось, что он завопил. И в эту же секунду ему ответил из темноты, из неба... какой-то пронзительный крик, от которого задрожала даже земля под ним.

Изменяющемуся брошен вызов

И снова небо разорвалось широкими фиолетовыми вспышками молний, и задул холодный ветер. Полунагнувшись, рыча, Изменяющийся повернулся лицом к темноте, которая царила за костром.

Там что-то двигалось. Кори не мог чётко разглядеть, что: тучи так сгустились, что кругом воцарился ночной мрак. Однако ему показалось, что взмахнули громадные крылья, и какая-то голова, таких же размеров, что и его собственное тело, изогнулась так, чтобы горящие глаза смогли посмотреть на эти крылья. И мальчику захотелось броситься на землю, зарыться в песок, словно он был Жёлтой Ракушкой, нарядющим в речную воду.

Вороны закричали, однако они не унеслись в воздух, а лишь съжились поближе к земле, словно ища укрытия там, где его не было. Но Изменяющийся уже стоял, выпрямившись, повернувшись спиной к костру и своему человеку из грязи, а лицом к трепыханию крыльев в ночи.

— Слушай меня, — он говорил, словно обращаясь к Кори, однако перекрывая шум, создаваемый воронами, и

грохот грома, чтобы его могли слышать. — Я — Тот-Кто-Творит, и это мой дар. Ты не можешь отрицать это, ибо это моё!

Он говорил так, как будто знал очень хорошо, кто или что находилось там, в темноте, и был уверен, что может без всякой опасности для себя стоять так лицом к нему.

Кто... или что... Это же был тот призрак, который возник вслед за Белым Орлом в видении Жёлтой Ракушки... это была Гром-птица!

Для Кори — память Жёлтой Ракушки воссоздала остальное — это была Гром-птица, чьё присутствие проявляется в буре, ветре, молнии, ударах грома, дуновении ветра. Гром-птица разговаривала только с одним-единственным существом — Великим Духом.

— Я — Тот-Кто-Творит, кто изменяет, — повторил Изменяющийся, по-прежнему уверенный в себе, хотя гнев его теперь утих. — Это мой дар, и я использую его против любых духов, всё равно, великий он или незначительный!

Вороны вдруг все вместе резко закаркали. А потом, вместо того, чтобы взлететь, они бросились врассыпную из круга света, прячась в укрытии под сенью какого-то дерева, лежавшего на склоне. Если бы они могли зарыться в песок, подумал Кори, наблюдая за их бегством, они бы тут же сделали это.

И тут начали махать крылья, такие огромные, что можно было ощущать дрожь воздуха, а затем вспыхнула новая молния. Но пока что дождя не было.

— Старший Брат, послушай. Мы не в ссоре, без копий, и ни когти, ни клыки сейчас не обнажены, чтобы проложить алую дорогу между нами. Ты приводишь в сражение штормовые облака, используя свой дар. А я делаю лишь то, что дано мне, я творю и изменяю, творю и изменяю. И теперь у меня есть творение, которое послужит Народу, которое не будет говорить: «Делай это, делай то!», «Давай,

становись моей едой и корми меня», «Давай, становись моей одеждой и согревай меня»; если я не вдохну жизнь в это творение, то появится другое, похожее на него, но другой формы, и тогда оно принесёт беду Народу, и всё его величие уйдёт. Он будет становиться всё меньше и меньше, и последние остатки его исчезнут с матушки-Земли, чтобы никогда больше не появиться. Я, Изменяющийся, предсказываю появление этого создания, которое принесёт беду. И потому что я — **И з м е н я ю щ и й с я**, на меня возложена задача сделать так, чтобы этого не случилось.

— Время ещё не подошло, фигура не та, что нужна. И не тебе, Младший Брат, делать то, что есть великое-превеликое создание, что может сделать лишь **ТОТ, КТО СВЫШЕ**, — слова эти прогромыхали из темноты вместе с раскатом грома, словно какое-то заклинание, произносимое под бой барабана.

— Я — Изменяющийся, Старший Брат. Таков был дар, данный мне в Первые Дни, таким он и оставался всегда. Такой дар, однажды данный, нельзя забрать. Таково Право и Закон.

— Таково Право и Закон, — согласился голос из темноты. — Но кроме того, именно по Праву и Закону тебе может быть брошен вызов, разве не так?

Изменяющийся рассмеялся резким, пронзительным хохотом.

— Это верно, Старший Брат. Но кто может сделать это? Ибо у меня одного среди духов земных есть дар творить. Ты, Старший Брат, можешь управлять ветром, облаками, молниями, громом, дождём, холодным снегом. Но можешь ли ты сотворить что-нибудь?

— Да, этот дар только у тебя — на Земле, — снова согласился призрак.

— Именно на земле мы сейчас и стоим, Старший Брат. Поэтому я заявляю, что это будет сделано — что я создам

этого «человека», который станет слугой для Народа. И ты не нашлёшь на меня снова бурю, чтобы остановить меня: сказанное, это становится моим правом.

— Это становится твоим правом, — снова эхом отозвался могучий голос. — И всё же тебе может быть брошен вызов...

— Но не потому, что я сотворил это существо, — быстро перебил его Изменяющий.

— Значит, по другой причине, — ответил Гром-птица. — Ибо таково послание, которое я принёс: тебе будет брошен вызов, и если ты проиграешь, тогда ты своими собственными руками уничтожишь это созданное тобою существо, позабудешь об этом и больше никогда снова не станешь создавать ничего, подобного ему. И отправишься туда, куда тебя направит воля и желание бросившего тебе вызов.

— А если я возьму верх? — в Изменяющемся чувствовалась такая уверенность, что он, казалось, стал выше, больше, чтобы дотянуться до призрачного великана, которого Кори больше ощущал, чем видел.

— Если ты победишь, тогда будет так, как ты сказал. Хотя твоё создание — ошибка, но всё же оно сможет жить и всё свершится по-твоему желанию: оно станет слугой для Народа, и ничем иным.

— Так тому и быть! Меня радует, что мы вскрыли карты. Но поскольку мне брошен вызов, я подчёркиваю, что это испытание будет проведено на матушке-Земле: я — её сын, а не тот, кто повелевает воздухом, ветром и водой, и это моё право.

— Так тому и быть, — согласился в свою очередь Гром-Птица. — Ты имеешь право выбора, чтобы сражаться на земле. Но теперь уже я говорю, что...

В темноте ночи что-то прошелестело, словно могучие крылья расправились, и Кори почувствовал, что этот пламенный взор направлен теперь не только на Изменяющегося

и создание из грязи, но также и на него. И в эту же секунду он догадался, что вскоре ему предоставится долгожданный шанс, и он должен быть готов воспользоваться им. Те узы, которые Изменяющийся наложил на него, всё ещё частично удерживали мальчика, но что будет, если Изменяющегося целиком захватит схватка, если ему придётся использовать во время борьбы всю свою силу? Тогда Кори может полностью освободиться. Он смотрел на магическую сумку, по-прежнему лежавшую рядом с костром, прямо на свету.

Гром-птица долгое время молчал, как бы рассматривая в своей голове несколько различных возможностей бросить вызов. Наконец он проговорил:

— На земле, и всё же при этом в каком-то смысле будет задействовано и моё небо. Посмотри на север, Младший Брат. Что ты видишь?

Ослепительная вспышка молнии разорвала темноту ночи и осталась светить, не исчезая, ничего подобного с молниями Кори никогда прежде не видел. И на её фоне чернели очертания какой-то горы, не такой широкой, зато повыше, чем гора, где располагалась твердыня орлов.

— Я вижу землю в форме наконечника копья, нацеленного в небо, — ответил Изменяющийся. — Об этом творении магии следует поразмыслить, Старший Брат, возможно, он не принесёт тебе добра.

— Кусок земли, — ответил Гром-птица. — Как ты и просил, Младший Брат. Вот это и есть вызов тебе — который действительно не мой, но Того-Кто-Свыше, что говорит через меня — что ты возьмёшь это земное копье и, не меняя его формы, положишь на землю так, чтобы больше оно не было нацелено своим острием в небо, а прямо в эту пустынную местность, прямо на этот костёр, где ты упорно трудился, пытаясь вдохнуть в своё творение жизнь.

Молния по-прежнему сияла за горой, ясно освещая её.

И Изменяющийся глядел на неё твёрдым взглядом, не показывая, что считает это задание невыполнимым.

— Оно на земле, — сказал он, — и поэтому должно повиноваться мне.

И Кори его тон показался таким же уверенным, как всегда.

Стоя лицом к горе, он издал несколько резких завываний, словно огромный земляной и каменистый холм был живым существом, только уснувшим, и теперь должен от этих его действий пробудиться и слушать его приказы. Потом ноги мага его начали топать на месте, всё тяжелее и тяжелее, и он все свои силы направлял в топанье своих койотовых лап.

Топ, топ, правой лапой, левой...

И под своими собственными ногами Кори почувствовал ответное дрожание в земле, словно сила этого топанья устремлялась под поверхность.

Топ, топ... вот уже эти лапы выбили ямки в земле в том месте, где Изменяющийся вкладывал всю силу в своё топанье. В то же самое время он начал напевать заклинание, направив свои человеческие руки в сторону вершины горы, на фоне которой свет больше нельзя было принимать за разрывы молний: он оставался неменяющимся и ясным.

И протянув так руки к горе, Изменяющийся сделал несколько движений, словно собирался что-то забросить на эту вершину, хотя в руках у него не было ничего, что мог бы увидеть Кори.

Топ, бросок, топ, бросок. Кори наблюдал за происходящим, однако на вершине ничего не происходило. И мальчик спросил себя, существует ли какое-либо ограничение по времени, наложенное на это состязание.

С огромным усилием отвёл он взгляд прочь от Изменяющегося и посмотрел туда, где лежал магический амулет. Потом он снова попробовал свою силу против заклинания

Изменяющегося, которое удерживало его на месте. Кисти задвигались, повинаясь его воле, а потом и руки, затёкшие и ноющие от боли, словно он лежал, скорчившись, в одном положении слишком долго. Мальчик пытался не задрожать, чтобы Изменяющийся не обратил на него внимания. Однако койотовая голова оставалась неподвижной, направленной лицом к горе.

Когда Кори бросил короткий взгляд вверх, то увидел, что броски прекратились, и Изменяющийся теперь широко отвёл правую руку в призывном жесте. Может быть, он ожидал, что в результате этого сигнала та далёкая гряда земли сама обретёт ноги или крылья, после чего упадёт вперёд, повинаясь его жесту.

Если он и ожидал этого, то был обречён на разочарование. Впрочем, Кори бросил только короткий взгляд на действия Изменяющегося. Мальчик с трудом двигался, едва ли больше, чем на несколько дюймов за шаг, прочь от того места, где он стоял, привязанный невидимыми узами так долго к удовольствию Изменяющегося. И вот уже глиняная фигура находится между ним и магом, и ему осталось лишь несколько футов, чтобы обойти вокруг костра и протянуть руку к сумке с амулетом. Так много зависело от того, позабыл ли Изменяющийся о нём или потребуется ли ему сейчас эта сумка для магических заклинаний. Кори мог только попытаться: он считал, что второго шанса у него уже не будет.

Мальчик чуть наклонился и разогнул свои затёкшие колени, а потом выпрямился несколько раз, оставаясь на месте, когда ему показалось, что эта голова с торчащими ушами вот-вот повернётся. Вороны прекратили каркать, словно боясь, что отвлекают внимание своего хозяина во время великого испытания его дара. Но они следили за тем, что происходит, со своего места пребывания, и они могли выдать Кори.

Впал ли маг вновь в состояние транса? Ответила ли сила на его зов, как в первый раз, когда буря помешала ему, уничтожив как костёр, так и самого человечка, который затвердевал в нём? Но почему-то Кори не сомневался — хотя и сам не мог понять, откуда он знает это, — что его на самом деле вовсе не должно беспокоить это топание, а заботить его должно только то, что может произойти, когда Изменяющийся попытается вдохнуть жизнь в фигуру из грязи.

Поэтому Кори продолжил путь к своей цели — сумке с амулетом. Когда тот попадёт в руки мальчика, сможет ли он разбить чары Изменяющегося... и вернуть себя в свой родной мир и время?

Изменяющийся по-прежнему напевал заклинание, маня к себе гору. А потом откуда-то издалека раздался треск, который перешёл в настоящий рёв, и Кори, вздрогнув, оглянулся. Там, где раньше находилась гора, чётко видимая в свете, который вызвал Гром-птица, теперь сверкала красная колонна огня. Вулкан?

И этот огонь устремлялся в небо, словно какой-то фонтан. И как разбрызгиваются в разные стороны струи фонтана, так сейчас разлетелся сноп гигантских искр, вместе со сверкающими ручьями огня, прокладывающими каналы в земле на склонах горы. Её вершина была полностью уничтожена. Когда склоны начали плавиться, над нею собрались тучи, тёмные и тяжёлые. И из них хлынули потоки дождя, от чего вверх устремился пар. И Кори почувствовал под собой, хотя и был далеко от той горы, как земля трясётся и ходит ходуном, движется, словно под её поверхностью произошёл какой-то взрыв огромной силы.

Кори бросился вперёд с вытянутыми руками, а горевшие ветки костра, который зажгёт Изменяющийся, с треском разбросало в разные стороны. Даже Изменяющегося бросило вниз, на четвереньки, и теперь он больше походил на

животного, чем на человека. Он рычал, пищал на пылающий кусочек древесины, который опалил верхнюю часть его руки.

Его творение раскачивалось взад-вперёд, хотя так и не упало. И Изменяющийся, увидев, что ему угрожает опасность, сделал внезапный прыжок, чтобы остановить раскачивание, приподнять его от продолжавшейся трясти земли.

В районе горы огоньки пламени уносились вверх в небо, словно не одна, а нех колько вершин сейчас горели, или же словно земля сама, как и скалы, могла гореть с такой же лёгкостью, как высохшее дерево. Но дождь, постоянно хлеставший с неба вниз на этот огонь, метр за метром тушил его. И хотя они находились в нескольких милях от того места, они хорошо могли слышать звуки этой могучей схватки между огнём и водой.

Под рукой Кори, когда он опёрся о землю, чтобы потвёрже стоять на ногах, оказался какой-то гладкий предмет. Сумка с амулетом! Но куда ему пойти... что ему делать с ней? Мальчик не сомневался, что Изменяющийся без труда отнимет сумку у него, если он останется поблизости.

Быстрый взгляд сообщил ему, что Изменяющийся по-прежнему занят спасением своей глиняной фигуры от разрушения. Можно ли утверждать, что он победил в состязании или нет, Кори не знал. Изменяющийся сделал гору ниже, но не так, как указывал Гром-птица — передвинуть вершину неразрушенной и расположить, нацеленной в сторону пустыни. И буря, которую вызвал Гром-птица, положила конец огню.

Кори крепко прижал амулет-связку в груди. А потом он поднялся на ноги и побежал, без какой-либо цели, просто куда-нибудь в пустыню, в направлении края водоёма, где находился каменный лес. Если вороны и издали предупреждающий крик, то он не расслышал его: этот рёв на

земле и на небе был настолько громким, что наполнял всю ночь.

Задыхаясь, он каким-то образом добрался до гребня провала, остановившись там на несколько секунд, чтобы оглянуться назад. В свете костра он увидел небольшое кожаное укрытие Изменяющегося. С этой точки Кори не мог видеть призрачную фигуру Гром-птицы — только человеко-зверя, приставлявшего своё творение к одному из окаменевших деревьев. А вокруг и над ними летали, кружась, вороны. И увидев их, Кори снова побежал.

Когда он только схватил сумку с амулетом, она показалась очень лёгкой, словно в ней хранились одни лишь перья. Но во время бега она становилась всё тяжелее и тяжелее, её вес всё больше тянул его к земле. И он бежал так, словно на ногах у него гремели цепи; бег его перешёл на трусцу, а потом и на ходьбу. Теперь он находился в темноте, хотя сзади сияние расплавленной горы напоминало свет восходящего солнца, только не на востоке, а на севере. И это сияние бросало тень перед ним — тень эта беспрестанно изменялась.

Когда он покидал ту лощину, она была тенью мальчика. Сейчас же у неё скрючилась спина, и она стала плотнее... Кори взглянул на своё тело. И снова увидел мех, перепончатые задние лапы, передние лапы с когтями, а позади — чешуйчатый хвост, волочившийся по земле. Теперь он двигался со скоростью едва волочащего ноги бобра. Он снова стал Жёлтой Ракушкой!

Сердце почти выпрыгнуло из груди Кори. Он был уверен, что навсегда вернулся в своё тело, если и не в свой родной мир... однако теперь... Да, теперь у него есть сумка с магическим амулетом, но он снова потерял себя. И в неуклюжем теле бобра, в этом месте, где ничего не растёт, у него будет совсем немного шансов скрыться — это земля койотов, и он не сомневался, что Изменяющийся получит здесь преимущество.

И всё же он продолжал двигаться вперёд, шаркая ногами, крепко прижимая одной лапой к груди тяжёлую сумку, в то время как сам передвигался на других своих трёх конечностях с какой только мог скоростью. Вода... только бы добраться до воды! Но вокруг лишь пустыня. И никакой воды.

Если бы только буря дала немного её этой земле, даже лишь на короткое время до того, как песок поглотит её!

Обоняние Жёлтой Ракушки искало воду, он приподнял свой нос, откидывая далеко назад голову на его мясистых плечах. И он уловил её запах — на юго-востоке. Нисколько не колеблясь, он повернулся, чтобы направиться на поиски этой воды.

Он брёл со скоростью, какую только могло развить его тело бобра. И сумка стала ещё более тяжёлой, она всё больше и больше своей тяжестью замедляла его движение. Однако он не опускал её на землю, даже чтобы хоть немного передохнуть: у него появилось чувство, что если он выпустит её из своей лапы, то уже не сможет снова поднять её.

Фальшивое солнце сверкающей горы теперь гасло. Наверное, буря, призванная Гром-птицей, чтобы погасить это пламя, побеждала. Поэтому путь становился всё темнее. И вот он уже вошёл в мир песчаных дюн. Жёлтая Ракушка даже и не смел пытаться карабкаться по ним, неся при этом тяжесть сумки. Перед глазами у него стояло видение, как он тонет в каком-то оползне на этой предательской поверхности. Поэтому ему приходилось сворачивать в сторону и изворачиваться, ползти по самым низким местам. Если бы он оставался мальчиком, ему бы не удалось найти дорогу, и он бы безнадежно затерялся. Но поскольку он был Жёлтой Ракушкой, запах воды служил ему проводником.

Над головой раздалось карканье. Ему не нужно было поднимать голову, чтобы понять, что, наверное, его заметила одна из ворон, что если даже он скрылся на некоторое

время от Изменяющегося, то теперь его снова выследили. И совсем скоро человеко-зверь направится за ним, Жёлтая Ракушка не сомневался в этом. Его единственная надежда ускользнуть от мага основывалась на том, что запах воды стал теперь сильнее, и что дюны, среди которых он пробирался и скользил, были всё меньше и всё дальше друг от друга.

Вот он обошёл последнюю и оказался на полосе каменистой земли, где огромные скалы возносились в небо. Карканье над его головой повторилось раз, другой. Появились другие вороны, собираясь в стаю. Он ожидал, что птицы набросятся на него, чтобы заставить бобра бросить сумку, которая сейчас так отягощала его, как будто передние лапы держали огромный камень. Но они лишь кружились в небе и звали своего хозяина.

С последними силами Жёлтая Ракушка потопал по этой каменистой земле и вышел к предмету своих исканий, трещине в земле, в которой бежала серебристая вода. Хотя и не настоящая рска, всё же это был поток, который вился среди кустов шалфея и давно высохших остатков предыдущих бурь, так что слепо броситься в воду, да ещё с тяжестью сумки было бы опасным делом. Но не настолько опасным, подумал бобр, как оставаться на земле, где он был таким неуклюжим и двигался столь медленно.

Не останавливаясь, чтобы подумать или оглянуться назад, Жёлтая Ракушка нырнул, и сумка потянула его вниз и вниз, словно чтобы дотянуть его до самого дна трещины и якорем удерживать его там, пока он не задохнётся в потоках этой воды или не будет задушен плавающей в ней растительностью.

И всё же Жёлтая Ракушка не отпускал свой украденный трофей, плывя по течению, отдавая все силы, что ещё оставались у него, таща сумку с собой. Она ударялась о камни на дне, цеплялась о плети водорослей, и бобр сражался с ней, словно она была каким-то живым врагом,

решившим покончить с ним. Но ни разу он не ослабил когти, чтобы не выпустить её.

А потом он неожиданно был пойман в какой-то водоворот. Сумка выскользнула из его хватки, уносясь прочь. Бобр попытался вернуть её себе, но для этого ему пришлось поползти, выбравшись наполовину из воды. И в тот же миг он услышал звук, от которого замер на том месте, где был.

Вой койота прозвучал так громко и резко, что казалось, словно горячее дыхание этого охотника способно высушить мех, вставший торчком на спине бобра. Оскалив свои острейшие зубы, Жёлтая Ракушка повернулся в грязи, вытаскивая сумку из-под своего тела, и решительность Кори усиливала упрямое желание животного предстать перед лицом древнего врага.

Поперёк потока воды стоял Изменяющийся. Он вновь изменился. В том огромном жёлто-белом звере, который стоял там, не осталось ничего человеческого. Он стал полностью животным, жёлтые глаза, зубы, рычащая пасть обещали только смерть.

Жёлтая Ракушка зарычал в ответ. Его передние лапы крепко сжимали сумку с магическим амулетом, и теперь он опустил голову, касаясь зубами его твёрдой поверхности, не скрывая своих намерений. Пусть только Изменяющийся двинется к нему, и он уничтожит то, что держал в лапах.

Койот следил за ним. Огонь на горе уже погас, но теперь первые лучи восходящего солнца озаряли светом небо. И снова в разуме Жёлтой Ракушки появилось смутное и призрачное видение Ворона, за которым находился Белый Орёл, а ещё дальше — Гром-птица. И каким-то образом от них к нему на помощь пришла новая информация.

Держись... только продержись здесь и сейчас, пока солнце ещё не встало. А потом пусть солнечные лучи коснутся этой сумки, и тогда с даром Изменяющегося будет покончено: он очень много своей силы израсходовал сегодня, слишком много, посылая её к горе, которая не ответила на

его зов и лишь была частично уничтожена. И ещё много сил он растратил в сражении, но он попытается снова... если только его амулет не будет также уничтожен.

Уже зная об этом, Кори-Жёлтая Ракушка нагнулся пониже над сумкой, укрывая её своим телом. И как раз успел: если до этого вороны не предпринимали нападений на него, то теперь они отказались от этого и ринулись вниз к нему, ударяя увечащими клювами его по голове, глазам, и многие удары по телу были болезненны, хотя густой мех служил ему некоторой защитой. Используя хвост для самой лучшей защиты, Жёлтая Ракушка оставался на том месте, где находился, прикрывая собой сумку.

И вместе с атакой птиц началась и другая атака, только нацеленная не на тело, а на его разум. С ним сражалась могучая воля, пытаясь заставить его отдать то, что он украл. Сначала это было обещание того, чего он хотел больше всего, — своего тела и возвращения в свой родной мир. Однако Кори-Жёлтая Ракушка не сдавался. И тогда ему стали угрожать, что он никогда больше не будет Кори, никогда не вернётся в тот мир, что знал, а вороны бросались вниз и клевали его, пока не потекла кровь из бесчисленных мелких ранок на голове и плечах.

И вот уже первый красный луч коснулся неба, и оно прояснялось всё больше и больше, в то время как койот рыскал вверх и вниз по берегу быстро пересыхавшего ручья, а вороны с ненавистью и яростью каркали над головой. Почему Изменяющийся не набросился на него сам, Кори не понимал. Однако течение реки, похоже, образовало преграду, которую тот не мог пересечь. Но вода быстро пересыхала, и тогда, когда...

Это было словно какое-то состязание между восходящим солнцем и убывающей водой. Если вода исчезнет первой, у Жёлтой Ракушки не останется вообще ни единой надежды. Однако бобр пригнулся к земле и терпеливо ждал.

Солнце... первый луч коснулся земли. Жёлтая Ракушка закричал, когда одна из ворон со злобой ударила его в глаз. Он не стал колебаться и, не пытаясь больше защитить себя, использовал все оставшиеся в нём силы, чтобы высунуть амулет и подставить под этот слабый луч, который становился всё сильнее и сильнее.

И как луч солнца зажигает костёр, от амулета начал подниматься дым, клубьями уносясь в разные стороны...

Кори кашлянул, потом ещё раз, шатаясь, отступил на пару шагов назад. Он стоял на двух ногах, он снова был мальчиком. И в руках держал амулет... но амулет ли это? Ибо эта вещь раскрошилась, словно высохшая глина, просачиваясь сквозь его пальцы, как песчинки. И вот уже остались только частички пепельной пыли. Дым унёсся от него, и мальчик огляделся, будто только что очнулся от сна.

Сон... сновидение... Он снова был в лагере! И рядом виднелись джип, загон, лошадь и... Чёрный Лось.

Старик-индеец сидел с одеялом, наброшенным на плечи несмотря на жару. И был уже не рассвет, а конец дня.

— Что... случилось? — вопрос Кори прозвучал тихо, испуганно, и мальчик застыдился этого вопроса.

— Мир перевернулся, — ответил Чёрный Лось.

— Изменяющийся...

— Он был, — Чёрный Лось одну секунду смотрел прямо на Кори. Промелькнул или нет (на мгновение Кори почувствовал прежний холодок страха) жёлтый блеск в этих глазах? Если он показался лишь для того, чтобы напомнить о самом Изменяющемся, то исчез уже через миг.

— Он был, он будет, — проговорил Чёрный Лось. — Магические вещи, они не для белых людей.

— Да, — Кори со страстью в голосе согласился. Он энергично вытер руки о джинсы, пытаясь очистить их от прицепившейся к ним пыли, которая осталась от рассыпавшейся сумки.

— Мир снова перевернулся, — продолжил Чёрный Лось.
— Наступает время...

— Это был сон, — Кори попятился от костра и старика-индейца. — Просто сон.

— Сны показывают вещи, временами истину, — возразил Чёрный Лось. — Индейцы узнают из снов... белые люди смеются, но индейцы знают. Ты теперь не смеёшься, мне кажется.

— Нет, — согласился Кори. Он, разумеется, не чувствовал ничего похожего на смех. Мальчик бросил взгляд на безопасный символ его привычного мира — джип. Но теперь почему-то ему не нужен был такой символ. Лошадь заржала, и Чёрный Лось снова заговорил:

— Лошадь хочет пить. Возьми её... спустись к реке... Давай!

Кори пошёл без колебаний, подчиняясь этому приказу. Он, не вздрогнув, положил руку на изгиб шеи лошади аппалусской породы, и та дунула на него, затем фыркнула. Однако Кори почувствовал внутри себя лёгкость и свободу и понял, что в нём больше нет тяжёлого груза его страха. Нет... ему не нужен джип в качестве островка безопасности в мире, который был таким странным, тёмным и полным опасностей, теперь он больше походил на открытую дверь к изучению многих людей. Он вывел лошадь из загона. Когда он проходил мимо Чёрного Лося, глаза старика-индейца были закрыты, словно он спал.

Река была там, где он видел бизона и танцора в маске. Может, они тоже были частью сна, мира, который ещё не перевернулся. Он не знал, но с каждым сделанным шагом Кори всё больше понимал, что то, что он узнал, будучи Жёлтой Ракушкой, теперь стало частью Кори Олдера, которая-никогда-не-будет-забыва.

Что если Изменяющийся (он на мгновение увидел мысленно его — и Ворона, и Орла, и ту смутную фигуру, которая была Гром-птицей), что если Изменяющийся на

самом деле действительно воссоздал его? И превратил не в бобра, а в кого-то более сильного, чем тот, кем был он до того, как стал одетым в мех и стоял в окаменевшем лесу, отважившись призвать силу, которая была куда величественнее, чем он сам?

Лошадь подняла свою морду от воды. Почти не думая, Кори направил её к стволу упавшего дерева и использовал его, чтобы взобраться, хоть и несколько неуклюже, в седло. Он поднял сплетённую кожаную индейскую уздечку и, потянув за неё, с растущей уверенностью повернул голову коня.

Мальчик поднимался вверх по склону, и его гордость росла. И тут он внезапно услышал топот копыт и увидел нескольких жеребят, а за ними — запылённые фигуры трёх всадников.

Мохнатая Магия... он не мог сказать, почему она коснулась его. Однако он сидел спокойно в седле Чёрного Лося, лицом к дядюшке Джасперу, солнцу на западе, гревшему его, ощущая себя огромной частицей нового, прекрасного мира.

Содержание

РЫЦАРЬ СНОВ 3

Перевод Д. Арсеньева

МОХНАТАЯ МАГИЯ 237

Перевод Д. Арсеньева

Андрэ Нортон

Рыцарь снов

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск Гусейнов Ильгар

Ответственный редактор Голованёв М. В.

Редактор Прилико К. В.

Художник Аввакумов Д. И.

Верстка Фирсов В. Н.

ЛР № 061867 от 03.12.92.

Сдано в набор 07.01.95г. Подписано в печать 01.03.95г.
Формат 84х108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Печать высокая.
Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 18. Физ. п. л. 12. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 3053.

Издательство «Сигма-пресс»

107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени

ПО «Детская книга» Роскомпечати.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

